

Книга

Илстар Апейрон

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Илья Старцев

Илья Старцев

Книга Илстар Апейрон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57355380

SelfPub; 2020

Аннотация

Однажды, я задался вопросами: возможно ли написать книгу? Обо всём и ни о чём, книгу без конца? Где не преобладают собственные имена? Убедится читатель, что книга отвечает на эти вопросы «да». Содержит нецензурную брань.

Содержание

Илстар. Символическое предисловие Книги	13
Схема Книги	15
Глава I. Исход. Предыстория	16
01	16
02. Десять	23
02.1	24
02.2	25
02.3	29
02.4	36
02.5	39
03. Забытые пророчества.	48
03.1	49
03.2	51
03.3	53
03.4	57
03.5	60
03.6	64
04. Возвращение воспоминаний	65
04.1	65
04.2	68
04.3	72
05.1	76
05.2	80

05.3	83
06.1. Возрождение невинности	85
06.1.1	85
06.1.2	87
06.2.1	89
06.2.2	93
06.3	97
Глава II. Колебание. Часть Альфа. Распутная жизнь	100
07. Счастливые острова	100
07.1. Прибытие	100
07.2. Судьба	107
07.3. Любовь среди слёз	112
07.4. Гроза	121
07.5. Принятие	125
08. Син	131
08.1. Шум	131
08.2. Чёрная желчь	134
08.3. Пустошь	137
08.4. Потускнение	140
09. Стены	143
10. Перекрёсток	147
11.1. Розовый ларчик	152
11.2. Посвящение	158
12. Разум снов	168
12.1	168

12.2	171
12.3	175
12.4	179
12.5. Эпилог	182
12.5.1	182
12.5.2	185
12.5.3	190
12.5.4	192
12.5.5	195
12.5.6	197
12.5.7	199
Часть Омега. Мрачное будущее	203
13. Одним вечером...	203
13.1. Прекрасная незнакомка	203
13.2. Звонок	209
13.3. Одним вечером... (через пятьдесят лет)	215
14. Энергия любви.	223
14.1	223
14.2	226
14.3	229
14.4	231
14.5	233
14.6	237
14.7	240
15. Свет в воде	241

16.1. Сколько длится момент?	245
16.2.1	248
16.2.2. Тело – большой мир	251
16.3. Спасибо	255
16.3.1	255
16.3.2. «А есть А» следует из «не-А есть А»	258
17.1	266
17.2. Фрагмент памяти	272
17.3. Что такое интуиция?	274
17.4.1. Фрагментик памяти	281
17.4.2. Фрагментик памяти	284
17.4.3. Фрагментик памяти	286
17.4.4. Фрагментик памяти	288
17.4.5. Фрагментик памяти	291
17.4.6. Последний фрагментик, или дефрагментация	292
18. Отель	293
18.1	293
18.2. Двое. 1	294
18.2.2	298
18.2.3	301
18.3	304
18.4	308
19. Брошенные	316
Глава III. Ход порядка	323
20	323

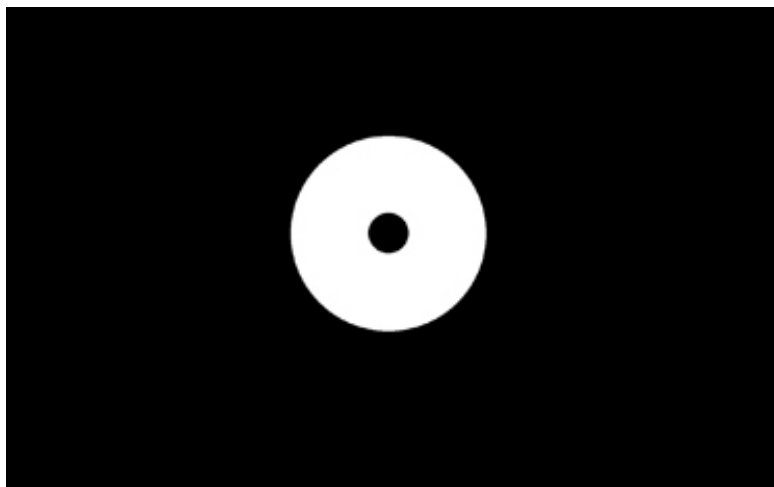
21.1	329
21.2	330
22	333
22.1	333
22.1.1. Незадолго до происходящих событий...	338
22.1.2. Двадцатью годами ранее...	339
22.1.3	341
22.2.1. 06:49:22:21	342
22.2.2. 06:35:22:22	345
22.2.3. 07:13:22:23	347
22.3. 06:27:22:30	349
22.3.1. Семнадцатью годами ранее...	355
22.3.2	355
22.4	356
22.5	360
22.6	365
22.6.1. Тринадцатью годами ранее...	371
22.6.2	372
22.7	373
23	380
24. Ход порядка	384
24.1	384
24.2	388
24.3	392
24.4	395

24.5	399
24.6	402
24.7	406
24.8	412
24.9	414
25.1	418
25.2	421
Глава IV. Ход времени	425
26.1	425
26.2	426
27. Ход времени	428
27.1	428
27.2	429
27.3	432
27.4	435
27.5	439
27.6	443
27.7	445
27.8	452
27.9	457
28. Воплощение снов	460
28.1	460
28.2	465
28.3	468
28.4	469
28.5	474

28.6	478
29	482
Глава V. Ход хаоса	491
30. Ход хаоса.	491
30.1. Омега и альфа	491
30.2	498
30.3	505
30.4	512
30.5	516
30.6	518
30.7	521
30.8	527
30.9	531
31.1	534
31.2	537
31.3	543
32. Кровь и слава	546
32.1	546
32.2	548
32.3	553
Глава VI. Равновесие	557
33. Окрыление	557
34. Равновесие	562
34.1. Вера	562
34.2	564
34.3. Наблюдение посещений гостя. 1.	567

34.3.2	569
34.3.3. Шестое посещение	571
34.3.4	573
34.3.5. Восьмое посещение	574
34.3.6. Девятое посещение	576
34.3.7. Десятое посещение	578
34.3.8. Одинадцатое посещение	579
34.3.9. Двенадцатая встреча	581
34.4. Дневник памяти. 1	582
34.4.2. Третий день	583
34.4.3. Четвёртый день	585
34.4.4	586
34.4.5	588
34.4.6	589
34.4.7. Одиннадцатый день	591
34.4.8. Двенадцатый день	592
34.5	594
35.1	595
35.2	598
35.3	600
36	603
37. Акросентури	608
37.1	608
37.2	610
37.3	611
37.4	618

38.1	624
38.2	628
38.3	632
Глава VII. Я. Послесловие	633
39. Я	633
39.1	633
39.2	637
39.4	669
39.5	673
39.6. Падший	680
39.7. Предвестник	687
39.8	694
39.9	698
40. Храм тьмы	703
40.1	703
40.2	714
40.3	716
40.4	719
41.1. Ты – она	723
41.2. Пойми же меня	728
42	732
43	742
Схема реинкарнационного цикла	758
Приложение первое. Фантазия	759
Приложение второе. Единство	762
Приложение третье. Покой	769

Илстар. Символическое предисловие Книги

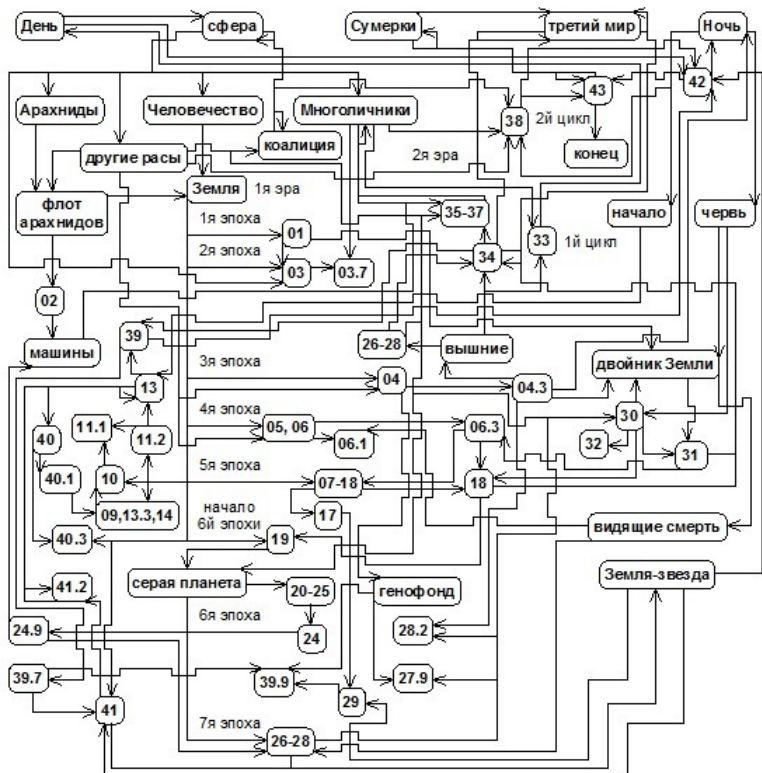
В пустоте искривление образует пузырь; на нём зажигаются искры – отражения, как дыры островов в океане тьмы. Пал День, проснулся и, выходя из Своего дома, посмотрел на Своё лицо. В Его саду было много красок и движений. Увлекаясь одним из движений, забываешь на миг про другие, которые не перестают расти и не бездействуют по своей воле. Чёрный стебелёк, среди множества других, таит в себе глубину. Тернистую поверхность тянет в зеркальное небытие. Из царства отражений решил День построить большой дом, чтобы укрепиться в нём и ослепить наступающую Ночь...

А Ночь была столь прекрасна, что не свести с Неё взора и легко влюбиться, потеряв контроль рассудка. Поэт пишет гимны к Ночи, восхваляя Её за широко распростёртую, бесменную красоту.

Первый свет. Вспышка простиралась по всему пространству. В этом свете была вся упорядоченность и целостность сущего. В гармонии света царило счастье и любовью порождало гармонию. Вдруг потянуло к нисхождению, как в красках света монады олицетворяют себя. Тёплые и прохладные, первые и последние, светлые и тёмные, и наступил спасительный момент Сумерек...

Есть вещи, которые меняются,
Есть миры, которые ломаются,
Есть место, на которое становишься.
На этом месте Ты находишься.
Ты тот, кто Ты есть,
Чего ещё Ты ждёшь?
Ты ожидаешь Меня?
Тебе, теперь, не нужно каяться.
В пределах времени, вышние маются,
Их молящие плачи яснослышишь Ты.
Я знаю, в звёздах много тьмы.

Схема Книги

Глава I. Исход. Предыстория

01

Мы летели к солнечной системе, в которой располагалась моя родная красная планета. Наш флот давно не пролетал через этот сектор галактики. На одной из планет-спутников этой системы укоренился отряд разведчиков-колонистов. Их поля пустели, а посевы погибали. Они старались прислушаться к природе. В это время на большой растущей планете, которая закрывала пол неба, учащёнными темпами извергались вулканы и бурлили волны звёздного света. Когда они её впервые обнаружили, на ней ещё не образовался континент-всеземля в мировом океане лавы. Это было начало первой эпохи и происхождение новой расы.

Духи с большой планеты пришли с дружелюбным приветствием, но поселенцы стали бояться, потому что должны были подать сигнал флоту, что они нашли жизнь. Эти духи были гигантскими искрящимися облаками-вихрями, и от них исходило тепло и любовь. Они помогали налаживать отношения с природой. Духи ежедневно прилетали к нашим разведчикам, но с увлечением их культурой и развитием их взаимоотношений спорили страх и разум. Но не все из поселен-

цев боялись – новое поколение входило в контакт с духами даже без разрешения старших. Но всё это время они должны были помнить, что были разведчиками флота, и их миссия здесь подходила к концу.

Флот близился, но они уже связали себя с духами. Один из них принёс нам дар – книгу, которая несла в себе общее между их расами знание и усилия, а также их будущее и другое, им непонятное. Эту книгу они ценили как санктум – последнюю святыню их рас, самозвание народов без страха. Те из них, кто работал вместе с духами над этой книгой, звались мечеными.

Эскадра планет, движимых космическими кораблями-носителями, постепенно затмевала небеса, и они просили духов скрыться. Те перестали посещать. Флот послал на большую планету искателей-ползунов. Гигантские шары, находясь на поверхности, сканировали среду с помощью гибких трубчатых конечностей, а затем погружались, чтобы бороздить огненные хребты. Но они не нашли признаков жизни.

Поселенцы-разведчики знали, что флот должен двигаться, и они не хотели его тормозить – поэтому просили остаться здесь, но мы, командиры, решили иначе. Одному из новых носителей не хватало планеты, и их мир собирались забрать, тем самым погубив большую планету.

Был одним из командующих, кто вошёл в доверие наших разведчиков. Высокого роста с парящими ответвлениями формы. Предпочитал левитировать на любой поверхности.

Принадлежал забытой всеми цивилизации, и меня не любили другие командиры. Спустился на колонизированную луну и просил духов прийти. Наши разведчики подчинились и возвали к своим гостям. Пока здесь был флот, только один – самый отважный дух – ответил, и он был в непрерывном трепете; он сгущался, когда почувствовал, кто был рядом с ним. Он ясновидел всё обо мне. Рождённый на красной планете, был отобран в юном возрасте, как раб, для миссии свыше, но пошёл на это только ради спасения своей расы. Молодой парень, поднимающийся-ступающий к неизвестной судьбе в руках иноземной расы.

Разведчики поняли, что у духов были свои проблемы. Они таили какую-то информацию, но это было не важно. Мы забрали этого духа к себе на носитель. Потом они только помнили, как другой носитель стал захватывать их мир и вытягивать его из гравитационного поля большой планеты. Некоторые из них не хотели улетать от друзей, и они сели в спасательные шлюпки, готовые к выбросу в пространство, чтобы приземлиться на большую планету. Но этот корабль-носитель резко надавил на их мир, и они врезались в большую планету.

Взрывная волна отбросила проходящую часть флота. Властвующая раса арахнидов, названная по поведению, но больше похожая на осьминогов с многочисленными конечностями, которыми она научилась пользоваться в разных целях, прочувствовала мой поступок, но не стала предприни-

мать что-либо, только усилив за мной слежку. Флот не мог останавливаться, но должен продвигаться по пути – своему маршруту через галактику. Путь флота арахнидов проходил через пояс коалиции, территорию под их защитой. Предстояла очередная конфликтная ситуация.

Дух, которого взял с собой, должен был мне помочь. Должен был помешать другим командирам захватить в рабство духов, как когда-то арахниды сделали с моей цивилизацией на красной планете. Им нужны были рабы с особыми способностями, так как у арахнидов не могло быть духовных навыков. Арахниды обещали, что не тронут мою расу и что она выживет, если перейду под власть флота. Они знали, кого выбрать. Остался добровольным заложником и единственным выжившим с этой планеты. Хотел спасти мою расу, но было слишком поздно, ибо волна мощной энергии, работающей по законам другого мира, была каким-то образом передана на этот, и хоть ранее моим людям ещё было суждено жить, они все сгнули в один миг, как если бы сама планета сделала выбор. Мы не помогли им выжить, не смог помочь. За это время, развил в себе способность управления телами на расстоянии с силой эквивалентной силе миллионов рабов-телекинетиков, без которых мог один, с несколькими помощниками в моё отсутствие, управлять кораблём-носителем с его планетой. Меня сделали первым командующим корабля.

Многие командиры стремились завладеть большим коли-

чувством ценных ресурсов и лучшими подданными, чтобы продвинуть свои миры по лестнице флота, а также репутацию и заполнить место в совете флота, но сам был не из таких. Они наблюдали за всем происходящим через своих же подданных телекинетиков, внедряющихся во всё происходящее на планете и способных направлять ситуации в необходимые русла. Против приказов, они не были способны действовать. Вспомнился один случай с арахнидом, которого отпустили на свою же планету.

Мне приходилось уже долго жить с идеей, что мне не нужны подданные. Мне не нужны живые камеры и рабы, таскающие груз под моей ответственностью. Мой мир был пуст, едва ли развивающейся разумной жизнью, потому что понимал, что всё это было бессмысленно – вся эта гонка в чужом мире правил.

Командиры были такими же рабами, как и их подданные. Всё сделано для того, чтобы этот фарс казался стабильной структурой. Все цивилизации под одной. Мне не нужно было впутываться в эту игру.

Мой носитель был с необитаемой палубой, уходящей на тысячи километров на околопланетной орбите. Палубу можно было сжимать или разветвлять, в зависимости от размеров планеты, но предпочитал её в полной готовности. Здесь было достаточно места, где мог медитировать в спокойствии и одиночестве. Без единого живого существа, этот нескончаемый коридор казался необитаемым. Там можно было оста-

ваться навеки в безмолвии и беспамятстве, любуясь единственным близким миром, который мы несли, но на который, по ироничной традиции, не могли высадиться и, тем самым, оставались в постоянной отрешённости и отделении от порождающего действительность мира.

Чувство близости с духом не покидало меня. У меня была долгая жизнь, и мне не хотелось убывать в «хранилище» на столице носителей арахнидов без приёмника, который бы довёл дело до конца. Сила, чтобы полноправно двигать планетами, которая была только у меня, перейдёт к духу, который появился из огня. Учение началось.

Дух заполнял весь зал. Стоял скорее не рядом, а внутри его поля. Его полевое тело общалось со мной, то сгущалось, то рассеивалось. Учил его создавать сложную телекинетическую сеть, разделять-умножать сознание на бесчисленное множество потоков и устремлять их к одной точке-местоположению, где их сфокусировать, вызывая совместное движение. Повторяя порученный ему сценарий, дух легко развил общение с огненными братьями и сёстрами. Однако тяжело ему было вдалеке от своего дома, грусть его породила отделённый луч тьмы, и сознание его разделилось в одиночестве, неведомо ему самому.

В момент, когда коалиция собиралась повлиять и возможно изменить путь флота, стал на командный пункт управления корабля. Мои пальцы на разведённых руках потянулись, как бы дотрагивался до носимого мира, поворачивал

его и разбирали на части. Глаза пристально устремились на мир, ощущая его тело. Пустил свой мир в два корабля флота, и был отмечен, насильственно придя под власть арахнидов в «хранилище» через эфир. Но меня вовремя заменил дух, сталкивая корабли с мирами и между собой, создавая разложение флота и, на миг устояв удар шпионов арахнидов со спины, взорвал наш корабль перед столицей.

02. Десять

Меня зовут Ай. Но это имя значит намного большее, чем просто Ай. Оно включает в себя и полностью меня, то есть Ай, и добавочное -вэкс-эл-цэ-дэ-мэ-ксэ-лэ-эц-эд-эмэв. То есть, моё полное имя – это Ай-вэкс-эл-цэ-дэ-мэ-ксэ-лэ-эц-эд-эмэв. Каждый из добавочных суффиксов значит самое ценное, что есть у меня – это мои конечности. Их у меня десять. Каждая зовётся индивидуально: по правой стороне сверху, первая – «вэкс», вторая – «вэл», третья – «вцэ», четвёртая – «вдэ» и пятая – «вмэ»; по левой стороне, шестая – «ксэв», седьмая – «лэв», восьмая – «эцэв», девятая – «эдэв» и десятая – «эмэв». Частички «вэ» и «эв» значат «соединённое, целое». Ай может использовать свои конечности как руками так и ногами, которыми добываю пищу и хожу, живу и дерусь. Поэтому это добавочное значит для меня больше, чем лишь сам Ай или моё маленькое тело. Тех, которые не Ай, зову Ай-на, если мужского пола, Ай-не, если женского, Ай-ни, если мы-несколько, Ай-нане, если мы-вдвоём, либо не-мы-остальные (уважительно), и Ай-нинане, если всех вместе. По мере истории, вы поймёте больше, так что не будем задерживаться и приступим к ней... Правда Ай должен оговориться, что история, по мере своего повествования те-ряется, дробится и оказывается неудобочитаемой и неудобо-

постигаемой, по мере того, как Ай теряет своё сознание.

02.1

Старые охотники говорили, что над нами висело судно отсоединившейся от нас части арахнидов, кого Ай-нинане зовём отступниками. Ай-нинане жили на тверди с зарождения нашей расы. Раньше наш мир был покрыт льдами, и Ай-нинане ежедневно боролись, чтобы перенести снежные бури и смерть заледенения. Наши предки приучили нас делиться своим теплом с землёй, ветрами и водами, чтобы не пришёл к власти «хлад», тёмный владыка полного оледенения. В так называемую золотую эпоху были открыты технологии, которые спасли нашу расу от «хлада», но Ай-нинане разделились. Наша культура противостояла абсолютному внедрению технологий и рабскому поклонению им. Ай-нинане были вольными охотниками, кто питался мясом снежных демонов и других бестий нашей планеты. Ту осколочную часть не устраивала такая жизнь. Они питались тем, что преподносили им их технологии. Они нашли способ, чтобы навсегда покинуть нашу, хоть и немилосердную, но всё-таки родную планету. Они изменили наш климат и пустили наш мир по управляемой орбите. Сейчас тепло, и растёт зелень, но Ай-нинане не изменились.

Арахниды-отступники наблюдают за нами и ставят экс-

перименты. Они, в назначенный сигналом час, посылают к нам убийственных машин, с коими нам тяжелей справляться с каждым разом, и Ай-нинане несём большие потери. Но каждый предопределённый час, Ай-нинане отражаем великую на нас охоту. Отступники сделали из нас совершенных убийц, но они никогда не сделают из нас их самих. Ай-нинане никогда не станем бесчувственными машинами. Ай-нинане будем стоять за своё родное право жить свободно до нашей гибели. Только теперь Ай-нинане стали сомневаться в жизни, но боль страха не войдет в наши сердца, и Ай-нинане всегда готовы бороться с нашими врагами и их порождениями, искусственность которых отождествляли со словом «спрутность». Природа на нашей стороне.

Однако, некоторые арахниды решили послать миссию к отступникам и соорудили необычный летательный объект. Лететь выбрали молодого, но уже достаточно опытного и искусного охотника по имени Ай. Вскоре, замершего до полусмерти и бездыханного возьмут Ай к себе на корабль враги-отступники, и недолго ещё предстоит Ай пробыть с ними. Ай придёт к своим отцам, и если сможет, уничтожит их.

02.2

«В небе висело светящееся око с крыльями во весь небосвод. Наблюдаю за ослепительной игрой красок, становя-

щейся более насыщенной, пока приближаюсь к огненному, как казалось, гиганту. Племя Ай сплело пузырь и подвязало к нему снизу чашу, на которой сейчас нахожусь, летя в неизведанное и поэтому страшное, и становится всё холодной. Однако тёплые лучи струятся по телу и обмывают Ай, временно придавая приятные, непередаваемые чувства. Вдалеке, на огненном гиганте, спрутные блески. Далеко внизу зеленеет долина среди белизны снегов. Холод замораживает. Но лучи не дают полностью замёрзнуть. «Хлад» близок, очень близок. Нет, хоть бы он не приходил сюда! Нет, Ай хочет жить! Ещё столько много нужно пролететь! На Ай надежды всего племени, родных Ай, которые так тяжело трудились, чтобы послать ввысь. Но вокруг образуются очертания колючей смерти, нападающей на Ай и разрывающей Ай изнутри...»

Ай просыпается. И вдруг везде крики, удары о металл. Ай выбегает наружу жилища. Шар синий в надвигающейся ночи пролетел мимо стражей, и те подняли тревогу в жилищах-обиталищах, состоящих из нор в пологом каменном склоне арахнидов-охотников. Шар, словно капля воды, мигом подлетел к одному из дежурных арахнидов и расчленился на крутящиеся пилы. Удар был отражен обоюдным соединением стражей в вертевшееся цепное кольцо с острыми концами-лезвиями на их щупальцах-конечностях, что даже броня новой машины не устояла.

Один из самых умелых охотников, наконец вступившийся

в защиту деревни и последним отразивший удар, Ай вдруг поднял речь:

– Великая охота продолжается!

– Осветь же нам, что вышло?

– Пришёл конец флоту отступников и их рабам из других рас, населявших другие миры. То, что вы зовёте светилом в небе, которое упало к нам, есть не что иное, как центральный корабль, который соприкоснулся с поверхностью нашего мира, вызвав колоссальный выброс света. Он рухнул и лежит в развалинах к нашему изумлению и удивлению, так как даже наши старцы забыли время, когда отступники покинули нас. Мы празднуем победу и продолжающуюся жизнь, но Ай знает, что в развалинах есть что-то, и это что-то могло уцелеть только за счёт своей спрутно-выведенной природы, и Ай думает, что скорая война захватит наш мир, и Ай-нинане не спасёмся от новых врагов.

– Правда, – молвили многие, хоть и не понимали всех услышанных слов.

– Мне известно это, потому что мне пришлось побывать на корабле, но сожалею, что был бессилен что-либо сделать и мог только пытаться делать то, чему Ай-нинане обучаемся из поколения в поколение – сражаться. Коренной арахнид третьей ступени. С моими десятью щупальцами, покрытыми хранимой броней, неразрывно сплетены незатупляющиеся, в сверх-времени скользящие, горящие клинки, и был отпущен, чтобы погибнуть с моей расой и быть погребён-

ным с моими предками. По кликам моей умирающей земли и смертным воплям моих врагов, готов сделать это!

Ай-нинане должны спасти наш мир, спасти его. Спасти!

Окружен Ай был громкими возгласами и поддержкой толпы. Его безволосая, серая внешность на худых, вытянутых ногах выделялась на фоне своих соплеменников.

– Нам следует идти к кораблю и найти путь внутрь его развалин. Нам нужно попасть глубоко к маяку, что держит машин под надзором, и включить его. Тогда машины не будут выбывать оттуда, а будут остановлены и выключены маяком.

– Давайте прислушаемся к тому, кого послали на огненный шар и кто вернулся оттуда. Теперь настало время идти к нему всем от мала до велика, когда он уже лежит на земле, докуда нас разделяет шесть прыжков пути.

Но на это ответил Ай:

– Нет, все нам не нужны. Мы должны собрать самых лучших воинов, горстку их, и пойти вместе крепко сжатыми и сильными к маяку и, включив его, Ай-нинане обезвредим его.

И тогда послали группы арахнидов из племени в другие племена, чтобы узнать как у них идут дела и собрать вместе отряд лучших из лучших, отряд, который решили поведёт Ай.

– Нет, Ай не будет командиром, – перечил им Ай. – Ай только предлагает другим арахнидам пойти с ним на миссию, но Ай ими не руководит!

И порешили так.

02.3

Пошли Ай со своей любимой сестрой, по имени Шей, к близлежащему, соседнему племени на юге, вождём и названием которого был Хис, хороший друг нашего отца-матки по имени Хир. И по пути у них было жёлтое поле травы, по которому они решили пойти.

– Трава так меняется; ветер её так колышет. Завтра похолодает, – Ай-вэкс-ксэв водит поверху стеблей.

Они идут по полю, недалеко от обиталища племени Хис.

– Ай снова снился тот-же самый сон, как тогда, помнишь?

– Когда Шей-на взяли на борт «они»?

– Да. Когда Ай летел к ним... вверх... к кораблю. Ай-не помнишь? Вспоминаю, как Ай подняли на борт корабля и...

– Шей-на, смотри!

Перед ними всё поле, оставшееся до обиталища, было усеяно порезанными и расчленёнными останками арахнидов. Тела казались разбросанными, как если бы они до этого куда-то бежали в спешке и в разных направлениях. Вокруг обиталища было пусто, но из главной норы послышался шорох. Вскрабкавшись на горку, Ай и Шей, по очереди, опустились внутрь. В норе было тёмно и душно, и свет струился только в те места, которые Ай-ни не загораживали своими тенями.

Но у выпуклого сидалища столпилось несколько арахнидов, а наверху сидел Хис, глаза которого еле горели в темноте.

– Приветствие, братья наши и сёстры, – произнёс Ай первым, но в ответ нависла тишина. – Соболезную, что такие горькие вышли перемены.

И в ответ громко прорвалась строгая речь от Хис:

– Ак Ай-на не видит, что нас уничтожили? Считаю всех забрали порождения отступников, считай всех забрали враги! – по слабым отблескам лезвий было видно, как Айн-на-вэкс-эл-цэ-дэ-мэ-ксэ-лэ-эц-эд-эмэв сжались.

– Они пробуют нас.

– Снова?

– Но они ведь нас победили, – вступилась приближенная Хис-не.

– Мы пришли к вам, чтобы покончить с ними. Племя Хис отрезано очень глубоко, под самые корни. Ай-нана можете прийти к нам и присоединиться, – так Ай обратился к выжившим.

– Наше племя с нами. Мы не пойдём и не будем сдаваться, – произнёс Хис со строгим взглядом – его три жёлтых глаза недовольно прищурились.

– Ай-на злится? В такие времена, как эти, мы должны объединить свои силы, – не переставал Ай.

– Оставь нас. Хис уже сказал – Хис-ни не пойдём, – грузными словами в очередной раз оттеснил Хис, и после этих слов вокруг него ещё теснее столпились последние из вы-

живших.

И таким образом Ай-ни ушли.

Вернувшись в своё племя, Ай-ни обнаружили нескольких из племени с востока, племени Бае. И мы слышали как они разговаривали с Ай-на, видимо отказываясь пойти с нами в поход:

– Мы не собираемся присоединиться, и Бае-нанае это знаете. Что делать, если они не придут?

– Тогда нам нужно будет идти к ним, – отвечал старший Ай-на, наш отец Хир, перед тем как Ай-ни подошли ближе.

– Ак, Бае-на, с силой и поверженными, – поприветствовал меня Ай-на.

– И Ай-на так же, – ответил церемонно Ай.

Ай-на из племени Бае было трое. Видимо их пригласили дымом, или они сами случайно пожаловали. Наши соплеменники были посланны в другие племена, те, что дальше на северо-востоке и западе, но они ещё не вернулись. С Хир у Бае были немного напряжённые отношения после между-стенной северо-западной битвы. Однако возможно один из молодых Ай-на из Хир призвал их, следуя переговорному, нейтральному пути. Ай продолжил:

– Ай-на пришли к нам с миром? Мы отправляемся к горам из металла. Ай-на пожалуют с нами, чтобы избавиться от угрозы раз и навсегда?

– Но Бае-нинанае даже не знаем, что нас ждёт там. Что делать, если там пусто? С чего все взяли, что можем там уме-

реть? Ведь атаки уже давно прекратились...

– Нет, они начались снова, – прервал его Ай. – Племя Хис считай всё вырезано!

– Но этого не может быть?!

– Ак разве Ай-нане не атакowali?

– Нет! Мы не видели ещё ни одного из них, и если бы Бае-нане не сказали, мы бы и не догадались!

– Ай-нане значит сильно повезло. Племя Хис собирает отряд. Мы собираемся пойти навстречу врагу. Ай-нане с нами?

– Ик сколько племя Хис уже набрало? Как Бае-нане победите нового спрута? Разве этого достаточно, чтобы победить лишь только потому, что это Бае-на, который был там и только видел их, не даёт никаких преимуществ на самом деле.

– Лучше, чем ничего. Другого пути нет, – Ай-вцэ встряхнулась, а Ай-вдэ-эдэв немного отвелись в сторону.

Они глубоко задумались. Дым дует кругами над темнеющим небом, и низкий протяжной голос молодого арахнида пролетает над холмами, оповещая о непредвиденных вечерних приготовлениях. Ай-на-вмэ-эмэв у лидера племени Бае тревожно шевельнулись, изменяя обычно спокойную арахнидскую стойку.

– Ай-на возбуждается, – предостерегаю Ай-на.

– Это всё просто неправильно.

– Не начинайте это.

– Бае не собирается. – Ай-на указывает на двоих бойцов из военного клана своего племени. – Это наши лучшие вои-

ны. Мы пойдём на битву и сразимся вместе с тобой, но только если Бае-на победишь их. Такова традиция нашего племени. Если после трапезы Бае-на сможет, преодолевши, сбить их на землю у нас, Бае-ни будем следовать примеру Бае-нана.

После паузы:

– Договорились. Это Ай сделает завтра.

– Посмотрим, – отвечает Ай-на и, отвернувшись, уходит.

От остальных племён, которые на северо-востоке и западе, вернулись наши посланцы с горькими вестями. Среди них не было никого из других племён. Мы перенеслись, по их словам, в те области, там где нашли только маленького, играющего в траве. Как первая, так и вторая, а возможно и десятая, деревня – все полностью были вырезаны.

– Там только смерть и разруха. Тут ничего больше нет.

Посидев-попив, тут Ай вспомнил про сражение с Бае-ни. Пошёл и пришёл к ним, к Бае, что восточнее. Но сам Бае не вышел, а прошипел Ай:

– Я не собираюсь бороться с Бае-на, – и показывает на двух бойцов своего клана. – Эти наши лучшие воины. Если Бае-на победишь их, Бае-ни последуем за тобой.

После паузы: – Договорились.

– Покажите Бае-на, что вы можете сделать, ребята. – И два паукообразных просверлили камень, пока он был ещё в воздухе. – Бае-нана собираетесь бороться против нас, или нет? Тогда вот деревянные посохи.

...

Следом за первым, второй, как единый с ним, но уже поверженный, молвил: – Бая-нае потеряли что-то там, не так ли? Или же Бая-нае вольно пропустили наши выпады? Независимо от того, мы придем.

Битвы Ай уже не помнит. Помнит только, что они, да, пришли, и Ай-ни начали приготовления.

Боевая песнь племени поётся нашим почитаемым арахнидом по имени Горонда, прибывшим из тайной деревни. Как только он начинает петь, пользуясь полыми концами своих щупалец и завораживающе перебирая ими в разных темпах, мир вдруг меняется, все вокруг замирают, и, так, сначала медленно, разными голосами начинается незабываемая боевая песнь, которая звучит как песнь всех племён в жизни как в битве:

– Ммм. (г)ууу. ммм. (г)ууу. мм.. (г)ааа. ааа. ааа.. (г)ааа. аа-аа.. (г)ааа. аа-аа-ааа-ааа... (повтор три раза последнее выражение) (г)ууу. ууу. ууу.. (г)ууу. уу-уу.. ааа-аа... (повтор три раза последние два) у. у. у. у. у. у. у. у. у. у. у. у. у. у. у. у. (г)у. у. у. у-у.. (г)у. у. (г)у. (г)у. у-у-у.. у-у-у.. ууу-уу. у. у. у. у. у. у... уммм... (протянутый повтор три раза по-разному и затем ускорение) умууу. уу. уу. уу.. уммуу.. у. у. у.. ммм. (г)уммм.. (г)ум. у(г)умм-мму. му. му-у(г)ум.. (г)умм.. (г)ым.. (г)ым. (г)ыыым... ыыыинн... (повтор три раза с короткой, но значимой паузой под конец...) ннн-ыы-ыыы... (др)ееейийй... ндей..ндеи.. (повтор три раза с ускорением...) ыыынн.. (др)е(г)инии.. найнааа.. уммм-

м.. о-о-ло.. еайнее.. уууммм. мм. ыымм.. (др)еее(г)инайна.. уммм.. оооо-о-о-о.. ум.. о-о-о-о-о-оо... ум.. (б)о(л)е-най(д).. (д)ен(д)а(д)уиии.. (з)ай(л)ен(д)уааа.. (б)о(л)ей-йе-йе.. (л)ья(г)ейе-эй... ммм-уммм-м-м..(б)ьёёёёё..ооо-оо.о-оо... (замедление и повтор три раза...) ннный.. ннный... (повтор три раза, слабое ускорение...) най(г)и(д)ай(д)о.. ммм.. (д)е(г)и(д)ый-нум-(д)е(г)ы(д)ый-нум-(д)е(д)ай(д)о... ммм.. бь(д)эай(д)о... (повтор три раза...) ммм.. (бг)е(д)ы(д)ай-о(д)уммм... (повтор три раза, каждый раз по-другому...) эн(д)э(г)ай(д)ааа-ааа. аа... (повтор три раза с ускорением...) ыыы-ыыы-ыыы.. иин(д)ии(г)ай(д)аа-аа... (повтор три раза...) ынн(д)ии(г)айдааа... (повтор три раза и сильное ускорение и завывание, всё в быстром темпе, затем падение ритма под конец...) (г)м. ыыы... (как и предыдущие мелодии продолжается некоторое время в похожем ритме, но глухими, гортанными звуками, подобными вольному ветру по зелёному лугу...) оа-оуа-(в)уу-а.. (х)уу-ии-аа.. эйа-уа.. (д)ейаа-а.. уаа. (д)ейаа... (постепенно ускоряясь к кульминации песни...) ааеёеёе-а-а-а-её-ооооо-йееё-йееё-йееё..ма(л)о-йе-йе.. (г)е-(г)е-(г)е-оо-о-о-е-е..ууооо-оо..уо(г)о-о-о-о..ууу-уу..у-у-у-у-у-уу...

Матка племени Хир просит меня: – Обещай, что вернёшься и умрёшь со своим племенем.

– Мы, может, не вернёмся, – задумчиво Ай произносит, – может никогда не вернёмся...

Ай-не стояла тихо, и только колеблющиеся щупальца в её

рту издавали шелест, и чувство неполноты разрослось по общей племенной норе.

02.4

И как только в этот раз без переката небесного пламени, исчезнувшего в последнее время, Ай-нинане двинулись в поход, как вождь Хис, южного племени, потерявший сына, прибыл в одну группу к нам. И хоть невыразимо было нам внутри от отчаяния по непослушной и неподдающейся нашему пониманию окружающей природе, всё слабее сияющей, мы воспрянули духом при виде гордого вождя, который хотя сначала и стоял в стороне, не подходя к нам особенно близко, но всё-таки уступил нам, и воистину Ай-нинане обступили охотники воина Ай и сцепились с ним в кольцо для броска, женщины-арахниды, охотницы, кидальщицы, должны остаться здесь, перед этим броском и перед каждым последующим, раскручивали подпрыгнувших попутчиков и мигом исчезли подброшенные и раскрученные те, да только вихрь вторил их прыжку. Но погода там, куда одного броска нам хватило, чтобы добраться, оказалась ещё хуже.

– Там слишком холодно. Не сможем так продолжать. Нам нужно себя как-то предохранить.

– Видимо, «хлад» возвращается, но, по сказанию, богиня зелёного царства его победит.

– Холод наступает, – молвили остальные.

Ай с Шей, замерзая, двинулись в поисках животных, дабы найти чем накрыться. И видят сквозь сгущающуюся тьму они, Ай-нане, бивнезуба, кидающегося в стороны, с неестественно оттопыренным серым клоком волос на спине, серым, как лишаем. И ринулся на Ай-нане этот рьяный бивнезуб, как отманила его Шей в сторону, сбив с толку его во время наступления, а Ай вскочил с помощью неё в последний миг на его облезлую спину и пронзил его над бивнями голову, да завопил бивнезуб и ринулся снова что есть мочи, и чуть не сбросил с себя Ай, но уцепился клинками за бок бивнезуба и разодрал его вместе с его животом. Так пал грузно бивнезуб, что аж посерело в округе от смешения замёрзшей земли и молодого хлада. Порезали Ай-нане сею добычу, мясо поделили как другие подоспели, дабы отрезать и подготовить оставшиеся на бивнезубе шкуры, очистить их, растянуть, накрыться ими, подвязаться, и тут, как невпопад, среди крайне сгустившейся темноты, показали молотильщики – мелкие, но шустрые твари-падальщики здешних земель, – со своими звуками-отбиваниями и напали скачками со всех сторон на Ай-нинане. Но наш отряд не сплоховал, да вот только клинок из вечного металла на Ай-цэ погнулся в налёте на камень, об который Ай умудрился разрубить одного из первых попавшихся молотильщиков. Их маленькие круглые глазки в верхнем углу на вытянутых зубастых мордах злобно горели оранжевыми красками, а костяные наро-

сты предохраняли верхние части их тел. Ай не сдавался, продолжая бой среди товарищей. Взлетают клинки в музыкальном ритме и только успеваешь их отражать в своём сознании, так как тело само рефлексивно их рисует в естественном и чередующемся, плавно-хаотичном движении битвы, с которым становишься единым и нераздельным целым, сливаешься с ним каждый раз и начинаешь снова другой бой, с другим врагом: Ай-вэкс-эд-цэ-лэ-мэ-ксэ-эц-дэ-эмэв-эл ... Ай-эмэв-вэкс-мэ-ксэ-эц-цэ ... Ай-эл-эд-дэ-лэ ...

После нападения и отдышки воскликнул глас нашего отряда: – Сколько их было?

– Не меньше сотни. Никогда не видел такого.

– Что же заставило их так собраться?

– Что и нас заставляет меняться, – Шей наступила на рану.

– Хлад.

– Запах крови... Мясо бивнезуба, – заметила Шей, как под ней потекла её собственная кровь. – Ну что, как и раньше, «сестрёнка»? – напоминая игры в росте, называет Шей Ай.

Молотильщики не оставили на ней живого места.

– Ай-не, сейчас не время наупас (линять).

– Знаю, но не могу этому помочь.

– Ты можешь умереть.

– Скорее всего так и выйдет.

Ай-нинане молчим.

– Скажите, добрые Шей-нанае, остановите ли спрутов?

– Да.

– Хорошо. – И тут нам пришлось разделиться даже сквозь всё, что накипело у меня на тревожных сердцах. Ай-ни оставили Шей во множестве покровов из шкур, так что даже другие не стали их брать, хоть и помогли бы они всем уберечься от хлада.

02.5

Ай отделился-упал от отряда в полёте. Согнутый клинок Ай-цэ послужил своё злое дело. Потерян. Это злой знак судьбы. Но Ай чувствует пустоту внутри. Незачем волноваться. Ничто не ждёт. Всё кончено. Просто нужно отдаться судьбе и сгнить тут. Распасться на кусочки, слиться с каменистым окружением, клыками, которые заточили Ай здесь. Земля тянет Ай, просит вернуться к пустоте, апатичной безысходности, которую Ай ощущает внутри. Ай не ощущает ничего, кроме этой апатии, кроме конца своих усилий, который повторяется в одном и том же моменте – сейчас, – так как прошлого и будущего не существует для Ай. Для Ай есть только ничто данного момента и... дезинтегрирующее небытие. Вот к чему стремится Ай, а точнее, Ай уже не к чему стремиться. Ай теперь не чувствует печали или радости. Он просто медленно замёрзнет здесь, и его сущность распадётся на множество фрагментов.

Да, прибыли Ай-ни к тающему материку, на котором лежали спрутные горы рухнувшего корабля. Но ещё помнит Ай последние слова, образы и звуки перед этим полётом показавшейся омолодевшей Шеи, замерзающей перед надвигающейся стеной-волной беспощадного ярко-белого хлада:

– Лети со мной, Ай-не, прошу.

– У меня недостаточно сил, – Шей спокойно ответила и закрыла ряд передних глаз.

Как обычно закрыв глаза, пока она меня раскручивала вокруг себя, чувствовал как образовывался ветренный вихрь, который должен меня подхватить и помочь полёту. И как она только меня начинала отпускать, постепенно открывал опущенные глаза и видел, как она вместе с землёй отлетала от меня всё дальше и дальше, как будто так же подхваченные ветром, только в обратном направлении. Ай отлетел на выступ с отверстием на высоте недоступной для Ай-не.

По мере того как проваливался в отверстие – видел, как белёсая пелена неслась со шквалом восточного ветра и как она разделялась на характерные очертания хватательного движения, словно чьих-то конечностей, и как всё продолжала стоять внизу моя сестра – она смотрела на меня, и вдруг её тоненькая фигурка исчезла. Моя Ай-не. Лежал, распластавшись на дне ущелья, глядя на тёмные своды вверху. Поблизости была только тишина, но издалёка постепенно, по мере отхождения моего онемения, проявлялись неразборчивые звуки.

Спускаясь ниже вглубь услышал голоса своих соратников, – братьев-по-крови из Беа, Хиса и других. Они были под телеполем телекинетиков, которых наскоком напугал и чуть не разнёс на куски. Выкриком они послали мне в голову сообщение:

– Мы на вашей стороне. Мы просто думали, что вы...

– Не на нашей они стороне. Они просто так говорят, а на самом деле служат отступникам, – слышал своих.

Один из странных созданий с парными конечностями говорил дрожащим голосом:

– Мы думали, что вы наши мастера. Мы просто защищались...

– Сколько вас всего ещё здесь?

– Скорее мы последние... Мы просто пытаемся выжить. Пожалуйста, отпустите нас. Мы пойдём...

– Назад пути нет.

– Назад... нет. Здесь, за нами, другие были в стазисе, и их просто зарубили, всех до одного. Шлюпки даже не отсоединились...

– И что это значит?

– Что, наверное, мы единственные выжившие.

Внутри развалин охотники следовали за тем, кто был прежде посланцем к кораблю, за Айем, но теперь являлся Ай их последней надеждой на выживание в наступившей войне. Им встретилась пережившая крушение группа рабов-телекинетиков, которая держала планету в силовом поле, по-

ка корабль находился в орбите. Общение с ними происходило на языке отступников. Соединившись с новыми силами, охотники цепными кольцами пробивались через врагов, где это было необходимо. После очередной победы, телекине-тики успешно переубедили героев в том, что нужно не вклю-чить, а наоборот, выключить аварийный маяк, так как, ока-зывается, во включённом состоянии с момента падения, он ведёт к гибели живого через враждебное возбуждение ма-шин и их бесконтрольное умножение.

– Так Ай-нане должны быть нашими богами?

– Мы больше не рабы. И вы тоже.

– Ай-нинане никогда и не были рабами, или слугами.

– Но вас использовали... как полигон для тестирования их технологий. У них просто не было нужды убивать вас всех сразу.

– Ай был на борту корабля, когда тот ещё висел в небе.

– Ах да, помню тебя.

– Ай-нане работали над машинами, которые были созда-ны, чтобы превзойти своих конструкторов, дабы достичь со-вершенства, не так ли?

– Однако, у них очень узкий диапазон возможных опера-ций.

– Для чего же были созданы эти машины?

– Они были созданы для того, чтобы убивать и уничтожать всё живое. В этом отражается их зависимость из-за непол-ноты сознания.

– Но это ведь искусственный интеллект.

– Искусственный интеллект означает, что он является полным, но их интеллект не является таковым – он примитивен. Арахниды, – то есть ваши...

– Отступники.

– Отступники, – не смогли ни создать настоящий интеллект, ни повторить свой собственный. Однако, их программная конструкция машин позволяет таковым самостоятельно достичь полного интеллекта способом развития по сингулярности. И хоть эти машины может быть никогда достаточно не разовьются, а будут только реплицироваться, как вирус, у них есть потенциал на то, чтобы сделать свой интеллект совершенным, подобным нашему. Но всё же неизвестно смогут ли они себя завершить, отделившись от своих создателей.

Во время всех этих не совсем полностью понятных потоков мыслеформ телекинетиков, они выждали, когда приблизятся сферические машины, как будто из жидкого металла, но которые были непробиваемы, пока не выразались в формы разлетающихся пил. Бились арахниды-охотники с новым поколением сферических машин, ещё более сильным и изворотливым, чем в предыдущих боях. Победивши их и уставши, дивились они, как скоро эволюционировали машины в новое поколение. Но разделились снова наши отважные герои, ибо настигли их волны отовсюду, и пришлось нестись по узким коридорам из металла в разные места. Ай остано-

вился, так как он знал сие место, куда забрёл в одиночку.

Тут, вдруг, в стекле, из фона темноты, появляется меняющаяся картинка: как будто падаю через сквозь землю, всё глубже и глубже, с такой удивительной скоростью, к какому-то центральному пылающему скоплению – шару, источающему ровный, жёлто-оранжевый свет. Внутри этого шара движение, и ведь весь он шевелится... или в нём кто-то есть? Изображение ведёт глубже теперь уже в этот шар. После, шар исчезает снова в тёмный фон. Там, из этого фона, предстаёт передо мной высокая фигура. Странное существо, как будто живое, с еле заметным мне раскаянием в глазах, так легко раскрывает ладонь и дотрагивается ею до барьера со своей «стороны». Хочу тоже прикоснуться до того места, где лежит его ладонь, но он исчезает так же быстро и неожиданно как и появился.

Узкие коридоры, тёмные стены, преграждающие нам пути выхода на свободу. Приближающиеся звуки давят на нас. Ай выбегает, бежит, спотыкается. Он встречается с Хес, с братьями... одним из братьев Бае. И узнаёт. Не братья они больше, ибо погиб один из них. И не кровный он был, ибо Бае присягает Ай и желает быть братом до истечения срока мира, до конца всех миров. И Хес, ободрившись, воодушевлённо ведает как Ай напоминает ему погубшего сына, что Ай ему сродни сыну, отважному и как «своему» – так сильно не хватающему. И через скорбь, через накопившиеся на душе, через отчаяние, потери друзей и близких, через наше

скорбление по ним, через наше страдание без них, и с ними вместе, новонайденными, улетучивающими томления тройных сердец в каждом из нас, – мы были вместе, наконец, и готовы к последнему бою.

– Выхода нет, – произносили внутри нас оставшаяся пара телекинетиков, единственные из той горстки уцелевших, которых ещё уже или ещё разорвали спруты.

– Значит, Ай-нане должны отключить их, или они уничтожат нас. Потому что ничего больше не осталось в этом мире для нас.

И вот нахлынывает новая волна из металла, из всех коридоров, всех проходов просачивающаяся, убийственная, губящая не только тела, но и надрывающая души сквозь муки рождающиеся и в задыхающемся отчаянии увядающие, но, отбив и отрезав десятки молниеносных машин вместе, втроём неразрывно, текуче, в совместном бою-танце, после всех этих расплывчатых колец выделились этапы победений наших и разделений... и моих оставшихся Ай-вэкс-эл, Бае-цэ, Ай-дэ-мэ-ксэ, Хис-лэ, Ай-эц-эд, Бае-эмэв, нет, теперь Ай-вэкс, Бае-эл, Хис-эмэв, Бае-цэ, Ай-мэ, Хис-ксэ, Бае-эц, Ай-эд, и изо всех последних сил Хис-эмэв-эц-цэ, ай нет, не только своих, не своих даже только, а, как кажется, в рассеивающемся прахе перед собой, видит Ай у «брата» своего эти почти все отрезанные «руки». Ай-на умирает. Возьми его маленькое и хрупкое тельце, Ай, и неси его. Как и Хис, сообщающий мне, пока волна откатывается на время от нас, пока

телекинетики пытаются ещё как то нас защитить под пронизанными трещинами силовыми щитами,

– Потеря моего сына поразила душу мою глубочайшем горем... но когда Хис-на пришёл к нам в логово, Хис обнаружил отверстие в страдании, пустую щель, как благовременную брешь в мучениях, которые Хис чувствовал от потери единственного сына, единственного любимого сердцами моими. Хис начал меняться, потому что понял... что Хис-на, Ай, напоминал мне моего сына... и заполнил собой ту щель во время встречи, осознавши это только по твоему уходу.

– Те жизни, что мы пытаемся спасти, защитить невинных...

– Не думай об этом, Хис-на, ты всё для меня и для всех Хис-нинане. Давай же ещё поднимем вместе последние клинки на наших изуродованных «клещах» и сразимся за наше прошлое! Старое поколение наряду с молодым!

Ай обернулся посмотреть на уродливые лица оставшихся позади телекинетиков. Трое стояли, забитые, сжавшиеся. Но мы протиснулись в главный зал. Мы вышли из коридоров. Мы видели сияющий во мраке чёрных, кишаших тел маяк! Как красный глаз он не манил, а – наоборот – отпугивал нас. Но было и так уже поздно перекатываться вперёд и слишком поздно катиться назад.

Падая от свежих ранений, пил проносящихся мимо и сквозь меня, видел, умирая, как сражались, погибая, последние из борцов за свободу нашего мира. Не мог шевельнуться;

мой мир подходил к концу. Как вдруг всё остановилось, и Ай закрыл глаза. Почувствовал прохладный ветер надо мной, когда Ай лежал на тёплой земле, точнее как чувствовал землю подо мной, землю, которая ещё билась. Попав в объятия Хир, казалось, что где-то ещё воет песнь собравшихся племён, посвящённая павшим в этом и последующих боях.

Ай-не желает, Ай-не шагает, Ай-не ищет, Ай-не обретает.

Ай помнит, когда Ай подрастал, Ай танцевал... Ай танцевал... Ай танцевал с моей сестрой, с Шей. Этот танец был так прекрасен, когда Ай-нане, Ай-ни кружились вместе в энергичном и тесносвязанном объятии, и как память нашего крепкого объятия теперь согревало мои сердца... память о всех нас, Ай-нинане.

...

Свершилась последняя битва у маяка, где никто не уцелел и не успел его отключить, тем самым определяя ход дальнейших событий. Сторона сопротивления не смогла сдержать потоки спрутных волн, так как машин на удивление оказалось слишком много, так как они уже начали реплицироваться, увеличивая свои ряды с невероятной скоростью.

Прошло несколько лет, вечная ночь охватила планету, вечный холод сковал её движения, и всё ещё набиравшая темпы полу-разумная раса машин уничтожила всю оставшуюся и прячущуюся под землёй органическую жизнь и перешла к переработке ресурсов планеты в спрутную сферу.

03. Забытые пророчества.

«Мы помним прошлое, когда мы и мир были едины внутри солнца и как мы отделились от чрева света, вышли из колыбели, из кузнечного горна...»

В связи с появлением флота и последующим делением, духи перешли в дисгармоничную вибрацию. Духи, которые выходили с большой планеты на луну к иным расам, были более устремлены к сожителству с чужаками, тогда как духи, оставшиеся в родном огне, жили заодно с природой. Природные духи приняли женское духовенство, а странствующие – мужское. Во время деления, первые пожрали вторых, чтобы отдать их энергию на сохранение гармонии. Выглядело это как облизывающее, очищающее пламя. Они перестали общаться с миром как на равных, а упали в осознании в иное измерение. Абстрагировались от истинной идеи и ушли в мир, расколотый на фрагменты как бы рассыпанные у них на коленях. Выпадение наружу казалось падением вовнутрь. После деления, они образовались, но преимущественно выжили только сыны, как образы великанов великой силы и могущества, и они правили воздухом. Дочери жили в секрете от большинства сынов, чтобы избежать их гнева и недоумения. Они были величавы и прекрасны, с длинными крыльями

ми и шеями и дышали жидким светом.

Деление разорвало планету на две части, и несколько частей луны вырвались наружу и остались в орбите. Эти малые, мертвые луны одиноко висели во внешнем небе. Отсюда этих трёх лун не было видно. В небе сияло лишь «светило» и только мир оведал вокруг. Настала вторая эпоха.

Одна тень в «пленуме» искала способного освободить её и предпринимала внедриться сознанием в мир. Она глядела сквозь полярную твердь.

Эхом отзывалась книга: «Взведутся стены ненароком, непробиваемые мечом пороков, и ниспадут они. От крови чужеземцев вопиющих, тёмный владыка сынов живущих воспрянет навеки. Собыются намертво стихии, сойдутся на смерть свет и гнили, и они увидят день. Вся ненависть с избытком вернётся в мир без поединков, чтобы стереть его, откроя дверь».

03.1

У большого озера мой народ жил много веков после катаклизма. Наши поколения охотились, занимались земледелием, пасли скот. Сегодня собираются удалые мужи на охоту. Взять меня с собой они отказываются, так как слишком мал, но они не знают, как долго мечтал об охоте на диких зверей, дотоле мне невиданных. Тайком выбираюсь из поселка

и следую за ними. Они быстро движутся на юг и скоро пропадают из виду. Бреду по лесной тропинке, обрывающейся ручьем, а он ведет к реке, чей фон застилают холмы, леса, горы, океаны и между ними тёплое «светило» в прозрачной дымке-голубизне. Незвестные мне края – не знаю дороги домой.

Пока бреду, моя одежда превращается в лохмотья, моя плоть сохнет под вечным, несменяющимся светом. Не знаю, сколько странствую. В пещере нахожу укрытие от проливных дождей, ласковых водяных духов. Устал. Не было ни одной души, которую бы мог спросить о помощи вернуться. В глубине пещеры холодная темнота и запах разлагающейся плоти. Выхожу из логова, но у самого выхода на свет, сажусь на камень. Меня знобит, и сильная дрожь коробит мои чувства, но слышу шорох. Оборачиваясь, нахожу постороннюю тень... и чёрные когти во весь проход карябают камни и нажимаются вместе с волочащейся позади рычащей серой массой. Мои и до того исхудалые ноги несут меня дальше в неизведанные края, через болота и пустошь, к огромным чёрным горам на ускользящей ввысь окружности. Их зубчатые конечности не предлагают ничего успокаивающего, кроме голодной смерти непутёвому страннику, совсем выбившемуся из колеи.

У подножий гор, где этот юноша останавливается передохнуть, лежит большая прямоугольная плита. На ней вмятины для рук и капля между ними. В ней пульсирует страш-

ная сила. Его руки сами ложатся на отметину в плите. Меченый потомок корчится от боли и испускает душу.

03.2

Тёмные образы, словно тени, скапливаются в потаённых местах и выходят к месту назначения в горах, где открылась книга. Из столицы образов, сынов наших отцов, владыка следит за тёмным движением через образы своего преданного войска, но теряет его на востоке после того, как ясновидит, как пересёкший водную границу отряд находит наспех покинутый лагерь с тёмными сгустками, тянувшимися в тень сознания. Там на них нападают тени образов, падших зову пробудившегося вождя. Один воин, стойко сражавшийся до последнего, передал светлому владыке предсмертное своё ясновидение, когда он упал, а на него сверху уставились уничтожающие очи чёрного великана.

Затем взгляд владыки трепетно уходит во владения лесного народа, глубоко в чащобу. Там скрытно живет владычица и сестра, с кем он мудро поддерживал отношения после долгих стараний и ссор. Время настало ей почковаться и дать свету двоих, кто послужит продолжением владыке. Там иссякают её силы, но перед разоблачением она даёт свет двум сынам, старшему по крепчайшей воле и младшему по растущей силе. Её свет радостно сливается с другими. Растут

те среди прелестных, но запретных всем другим, женских образов, и во время расцвета, уходя из приюта, любятя братья напоследок двумя любимыми образами, золотым и серебряным, и тянутся к ним, осознавая их мощь и не тая страха перед ними. Эти две возлюбленные были вольными не птицами и не драконессами но образами, девами-ладами, с коими связалось многое мира сего, так как росли у них в попечительстве два великих древа, источающих живой свет, сплетённые между двух краёв воздуха. Для них ясновидение сплочения древ отобразалось в «светиле». Всё началось с этого «светила», стены которого расширялись, разрешая простор внешнему пространству. В точке сплетения знаний древ, в самой «сферичной» глубине этого «светила», жили и правили вышние, посылая нам свет. Деревья и всё живое дышало этим светом. В ответной любви подали девы два дара братьям: одному прямой, как луч солнца, а второму кривой, как его отражение. Теперь два брата дополняют ясновидение владыки и плывут к нему на помощь, навстречу его взору.

Однако по воздушной дороге их пути сбились, так как тень пала на мир, и ясновидения владыки искривились. Когда пришёл один старый образ в столицу, владыка совсем потерял ясновидение, прислушиваясь к словам потерянного, но вернувшегося путника. Этот старый вождь войны и разделения пришёл за книгой, но войдя в доверие владыки, узнал только об одной тайной странице, хранившейся во владениях уже долгое время. На этой странице было сказано,

что придут на нет силы тёмного владыки. Открыл себя старец, что он был во власти другого народа, кого он погубил, но пришёл он за своей тенью сознания, что сошла с него после деления. Смутил старец владыку своими рассказами, и тот со своими образами сошёл с разума; вихрем возмутилась столица и пропала бесследно.

Ясноуслышав зов, разорвал бездействие в тёмном космосе и прыгнул в воздух, упав с грохотом на иссечённый впадинами песок, один, вокруг кого столпились тени с книгой. Пошли они в павший город. Среди развалин почувствовал один внутри себя трепет прошлого и познал больше о себе. Как его светлый образ оставил его в темноте «пленума» и как он руками меченного открыл книгу. Но не воссоединился один со своим светом, а бежал от него, отбив важную страницу у рухнувшей твердыни – страницу, которую боялся один, что она могла сбить его план. Подкрепилась к книге сама та страница и была переписана.

В чёрных латах и сам, как чёрный дым, один шествовал, и тьма шла с ним. Но страшнее всего казалась книга в его власти.

03.3

Отправился один к великой расщелине на юге, из которой виднелись металлические пики, словно изорванные горы.

Один, со своим окружающим ясновидением из сотен тёмных глаз, спустился к останкам разбившегося корабля-носителя и захотел подчинить своей воле найденного им одного из великих, одарённого многими конечностями, древних господ, на чьё бездыханное тело осело много пыли. Плоть иноземца забилась с силой, но окаменела и рассыпалась, не способная прийти во власть кому-либо даже после смерти. Ушёл один без всего, и нанес один в книгу последние строки своего плана, но увязли пальцы одного с правой рукой в страницах на последних словах, заключающих его план. Ходил один с книгой, словно в цепях, тащил её за собой и поднимал её тяжело, и словно чёрные цепи, тянулись за ним сгустки тёмной энергии.

Ясноуслышал один словно дисгармоничное пение в горах и увидел высоко в гнёздах, проделанных в металлических стенах, великих тёмных птиц – искорёженных образов женских, потерянных после великого деления. Полюбились одному эти птицы и позвал их к себе. Но те постеснялись его и не пришли на его зов, кроме одной. Узрела она в одном вражину, недруга своего сердца отчаянного, и полетела со смертоносным криком на одного. Но не стал один вести себя с ней грозно и не побоялся одну, ибо прочувствовал и понял её оторванность и прошедшие одинокие горести. Поливала одна из своих многих пастей гнилью вокруг одного, но потревожить одного побоялась, ибо сплелись их судьбы в тот момент по неизвестным им самим причинам. Летала она и

следила, куда отправлялся один.

А отправился один на восток и спустился под воздух, дабы найти там племена и призвать их на свою сторону. Приплыл один к каменным стенам с острыми выступами, и за ними собиралась армия камня. Окликнули одного, дабы узнать не враг ли он и каковы его намерения. Чему один ответил, что пришёл он с великой книгой и призывом, чтобы все подвоздушные племена сошлись в союзе и мире, как страницы в этой книге. Удивились солдаты камня на это предложение, усомнились и послали к своим старшим, дабы решить, что делать далее. Старшие со страницей стихии камня решили испытать книгу одного. Ворота, словно руки каменных гигантов-големов, открылись перед ними, и узрели они мощь книги на руке одного, ясноуслышали её пророческий зов, пришли в волнение и поклонились ему, ибо уверовали. Но так как глубины бездонных дыр, которых они называли священными колодцами, были темны, а не светлы, то по традиции, суждено им было собрать армию и двинуться на своего вечного огненного врага. На что один ответил:

– Сейчас со мной идите к ним, а не против них, с миром, а не с войною, ибо, хоть врагами вы родились, вскормились матушкой войною и жили так, покуда помните, да книга вошла в ваши сердца, и вы не усомнились в её правде. Так будет мир между вами, а другие враги всегда найдутся.

Согласились они и шествовали по воздуху за одним, как за своим новым предводителем, считая его своим покрови-

телем и силой возвышенной, ибо через него уверовали их сердца. Начали они переплывать мост через глубокую реку огня и взбунтовалась река и расбрасывала огненные брызги, словно плевалась ими. Впереди плыли им навстречу сыны огня с глазами пламенными и телами обожжёнными, и предводительствовали у них демоны-големы из огненных пучин. Встал перед ними один и пожаловал:

– Не ясновидите вы, с чем слилось моё сознание? Так узрите, ибо это великая книга, которая породила наш мир! Пусть превознесёт она нас через пророчества её! Вот ваши братья по камню пришли к вам не с войной, а с миром, ибо уверовали они! Не сражаться мы пришли к вам, хоть с оружием, а свергать на воздух противников, что свыше, что думают худо о вас, и держутся над вами горделиво, ибо ненавидят вас пуще всех!

Кричали многие огненные существа и бесы и вторили их крикам взрывы реки из лавы, но успокоил он их сердца окончательно такими мыслями:

– Бездействуете вы перед началом конца, ибо ваша война ничтожна, так примите же мою силу вместе с книгой. Да будем мы сражаться вместе! – Рассказал один им об одиночестве своём в тёмном ничто и отчаянии своём в безжалостном заточении, о причине которого один не мог знать. Как смог один высвободить себя через духов теней этого мира и через книгу. Уверовали в него подвоздушные образы, племена камня и огня и, наконец, прекратили долгую войну между

собой, сложили на время оружие и отделились на службу одного, у кого был план. В союзе с племенами камня и огня, излил один ожесточение своё на западный воздух.

03.4

Братья нашли яму, как пещеру, в которой был сгусток тёмной энергии, и хоть старший брат и просил младшего не брать этот тёмный с разливами яркого света драгоценный камень, напоминающий ему фрагмент неведомого им образа, тот не послушался его и слился с этим самоцветом, как с ношей силы, обрамляющей его руки. И пошёл младший по зову, неведанному старшему, что огорчился другой и потерял на время себя и вернулся к лесу матери, забывши на время и своего брата. Там смятение его смягчалось, ибо оваян он был робкой музыкой водопадов и ручейков. Жил он с образами леса и проник в тайны его, где лежала страница от древней книги в четырёх каменных стенах на корневых ветвях великих древ. Корни этих древ были лесом. Узнал он о высоких белёсых существах с длинными волосами и прекрасным станом на севере. Существа эти жили в белых городах искусной работы и поклонялись силе воды, и позвал их через лесной источник.

Опустил руку и ощутил воин севера что-то в зыбкой воде, и горестным показалось ему дальнейшее движение. Пробо-

вал он губами тревожно вкус воды, и услышал в воде тихий и печальный зов. Поплыл он к пронзающим внутреннее небо пикам башен на парившем острове из белого камня, чтобы созвать свой народ. Народ, привыкший жить в сооружениях из этих чудесно крепких камней, в белизне которых скрывалась суть воды, которая струями держала город, соединяя его с подвоздушным пространством. Могли ожить сии воздушные камни в любой момент.

Образ старшего явился к ним, и они приняли его с распротёртыми объятиями и пригласили погостить, пройти по их владениям, по узенькому мосту, соединяющему один остров с другим, к дестибашневому дворцу, откуда властвуют их народом.

Снился сон старшему в корнях двух древ о том, как он ясновидел свет, свивающийся между великих древ внутри воздуха, и ослепительно красочным и добрым был тот свет. Два народа с единым замыслом пойдут за ним. Теперь готов был он, чтобы идти на поиски брата.

Младший же искал и находил неправильно крутящиеся сгустки энергии, которые со временем сформировывались в полые сферы с линиями по окружности. Он встречал и собирал оставшихся образов в свою партию и шёл по пути на равнинный юго-восток. На подступах они встретились с племенем длинноногих существ, чьи ступни и ноги были повернуты так, чтобы им было легче бесшумно ходить на пальцах ног. Их пальцы ног были крючковатыми, и они ими цепля-

лись, чтобы не отлетать к «светилу». У них был осколок какой-то страницы, который они называли «тишиной», и они говорили, что второй осколок они потеряли. Они отказались присоединиться.

Окружающая местность была опасна, так как любое передвижение засекали подвоздушные тролли, которые питались животными на поверхности. Путешественники обнаружили провалившийся туннель троллей, где серебряный клинок младшего осветил и очистил им путь.

На пути в тоннелях, избранный образ из группы младшего прыгнул за святящейся живой костью в глубокую нору. Из этой норы тянулись отверстия во всех направлениях, которые прокапывали тролли. Кость-матка ускользала, но образ преследовал её всё глубже в бездонную нору. Наконец, когда она решила обернуться на преследователя, он атаковал. Он влился в неё, проходя сквозь грудную клетку к месту её солнечного сплетения и оказался напротив её глаза, как кровавого рубина, костяные лепестки которого обволокли его в ловушку. В вязко текущем времени, замедленный множеством костяных ресниц, он боролся, пытаясь пробраться глубже. Он отнял у неё глаз и освободил эту силу из темницы. Узревши, что это был осколок, он оставил его под воздухом. Кость отстала и продолжила своё естественное ветвление внутри образов этого мира.

Встретил, наконец, младший свою цель – ожидающий его тёмный вихрь энергий, от кого пали частицы. Сказал один

ему на поле, где собирались армии:

– Мир не принадлежит им; мир наш. Воздух нужно избавить от чужих вибраций, которые погубят этот прекрасный мир в вечной битве и разрушении.

Согласился и последовал младший за ним на последнюю битву. Уверовал он, что принесёт эта битва конец всем битвам. Один просил собрать своих вокруг него, дабы сохранить их жизни, а сам послал народы камня и огня на битву с другими иноземцами.

03.5

Старший брат собирал народы леса и воды, чтобы защитить их воздуха. Но встретил он образов, зовущих к новому владыке, и узнал от них о плане и о младшем брате, кто был с ними заодно, но отказал им и только просил передать своему брату часть себя с кручения своих конечностей, которое, отделяясь, образовалось в светлое кольцо. Однако перешли от него к одному некоторые образы его отряда, и безуспешно прося их остаться, он решил двинуться, не мешкая, в бой против одного, и был он поддержан.

На поле, где тролли вырывают сражавшихся и поглощают их под воздухом, где крики жертв утихают, встречаются контрастные завихрения и вибрации. Отрывая части своего правого кручения, редкие светлые образы пускают их в темноту,

слабеющую в точках попадания, из которой рвутся противоположные левые сгустки, проникающие и рвущие правое кручение с вибрирующим рёвом боли от чрезмерного проникновения чужой энергии и поглощения во тьму. Появлялись, будто оседая в желаемом пространстве, новые энергии.

Фронты менялись местами, где на первый план выходили катапульты с другими машинами, метаящими лёд или пламя, исходящее из живых существ, големов, подчиняющихся шаманам со страницами стихий. Каменные машины, похожие на руки гигантов, подхватывали и кидали огненных бесов. А те, в свою очередь, когда оказывались в окружении врагов, разрывали свою плоть, чтобы испустить колоссальные выбросы энергий. Из восточной темноты вылетела многоглавая птица, возлюбленная одного; на пути её зловонного дыхания засыхала и вяла жизнь. Гигантские валуны сцеплялись вместе и, по знакам камня, катились на врагов; отмахивал и давил всё на своём пути каменный хобот. Семена вмиг прорастающих деревьев проникали через живых врагов, но не камни, закалённые огненными бесами. Тогда метали семена и мешочки с живой водой, помогающей растениям мгновенно прорасти сквозь точку попадания, а против них – камни с горящим жидким пламенем, исходящим из нутра демонов из внутри-воздушных огненных рек, дрожащих плоть воздушную.

Когда доставили тёмные руки потемневшее кольцо брата младшему, то вспомнил тот о любви и вразумило его посла-

ние. Полыхнул серебристым пламенем его изогнутый клинок, и пошёл он с ним на одного, но промахнулся, так как один обернулся и мигом увернулся, подставляя книгу под удары клинка, и осел младший, зачарованный одним. Многочисленными неправыми остриями окружил его тот, и в разум его впились они в него разом. Ясноуслышал старший предсмертный крик брата и ощутил его силу в себе, пробиваясь сквозь битву, ослепляя и отбивая врагов своим сверкающим лучом, оказался у ног одного и кинул в него свой клинок, который был отбит книгой, и поднял клинок брата и обрезал одного ярким огнём незатухающей любви, и побежал один с места битвы дальше на восток. Обернулся старший брат, прокричал убедительную, но печальную блажь и ясноувидел, как остывала битва, и забывали о напущенной вражде народы, но не поддавались они зову старшего, чтобы преследовать тёмного врага, а последовали к своему воздуху. Как зачарованные, они отходили от заклания битвы.

Долго не останавливался один со своей тёмной свитой, единой с ним. Вокруг, под воздухом, была потрескавшаяся, песчаная поверхность, так как расхождение сил заставило центральное «светило» приблизиться ближе обычного, чтобы осветить место неестественного конфликта. Решил один выпустить свою правую руку из книги с помощью свободной левой, но та так же увязла в странице. Разумом надавил он на книгу, и слетела та с него, освободила одного, но почувствовал он незаконченность своей страницы, которая бы назвала

его и его приближенных, дабы спасти их, и с силой рухнула книга, пробивая дыру сквозь пласты воздушные. Затряслась поверхность, и вырвался неугомонный ветер, спрятанный в глубинах воздушных, и смёл всех с земли. Их подняло ветром и понесло к ещё ярче воссиявшему «светилу», которым они были поглощены.

Когда старший преследовал одного, он чувствовал борьбу неудачи и любви своих образов. Но не дано ему было сгинуть с остальными, так как любовь его превозобладала. Пришла на помощь к нему золотая жрица и приняла его на своё тело стройное и шею прекрасную и унесло их обоих высоко под небесный свод до кромки внешней поверхности воздушной, пока буйствовал проснувшийся воздух. И увидели они там земли диковинные, которые тянули их к себе и перестраивали по-своему. Но противостояли они силе той и не стали садиться, а только полетели против течения воздуха и прилетели обратно на землю, изведавшую много сражения. Плавно слез старший брат там с шеи возлюбленной и сошёл на место, где пало много доблестно сражавшихся, замерших в скоплениях льда. Там он поднёс вверх серебряный клинок и крикнул за погибшего брата и за всех последнюю мольбу, и вознёсся клинок высоко, освещая всё вокруг, как второе светило.

03.6

Через много лет направились на поверхность изо дна воздуха, в место дальнее и плотное высочье, дети образов людских, потомки брата сего. Слетел к ним «шар» из космоса с потаёнными мыслями и многоличными образами. Повел их «он» в этот поход. Они пошли по пути, который проложила книга, соединившаяся с сознанием планеты. Сильнейший только добрался до светлой цели, как дыре, источающей знание заветренной воды или воспламеняющуюся кровь воздуха, и узрел так много пред ней, что остался там во времени, породивши и засеменивши на поверхности новое человечество, а иноземный «шар» был отпущен через сверх-небесные круги, блестящие спиралевидные образования, словно пластины панцыря невиданного мирового животного. Позже, тело планеты выросло и обросло этот изогнувшийся панцырь-скелет.

04. Возвращение воспоминаний

«Возвращение воспоминаний бьёт, словно молодой ручей, стремившийся стать рекой».

04.1

Царило благо на воде. Сады разрастались в тропические леса, а люди правили безбрежно, но бережно. Они были высокие, дышали вольным воздухом, горел в них незатухающий огонь духа, крепкая кость поддерживала их плотную плоть, и жидкость разрешала плавное движение. Выглядели они андрогенами, как и их предки. Жили на многих мирах, создавали удивительные вещи. Они разожгли новые светила в небе и пробурили вторую дыру в коре для здоровой симметрии земли, куда сливались водопады с великой горы. И воды проливались через неё и вливались во внутриземные океаны, и балансировались воды внутренние с водами внешними. И выглядело это сказочно для наблюдателей из-под низу, когда они стояли на возвышенностях на краю обрывов и видели, как невиданные водопады струились из туманного горизонта, падая нескончаемыми потоками, и снова терялись в дымке небосвода. И казалось, что вода падала вниз, а

на самом деле она уходила в небо. И так продолжалось до тех пор, пока не сбалансировались воды на обоих участках водного шара. И следили они за тем, чтобы никто не мог плохо повлиять на их жизнь и не разрушил эту гармонию.

Была среди них одно удивительное существо с женским склонением, но у неё были придатки саморазмножаться, и было у неё много рук, четыре ноги и два лица, и знали её по мудрости и любви во всех концах света. Путешественники впервые встретили её в горах, стали прислушиваться к ней и построили храм в её честь. В храме они служили ей. Жену звали никак иначе кроме святейшей матриархи. Женское склонение превозносилось над мужским, чистейшая пустота гладкой кожи над крайними отростками. После первого духовного совокупления, у некоторых из тех с мужским склонением отростали отклонения. Они могли ими дёргать и шевелить в любом направлении, но так как истовые совокупления не были ограничены движениями, словно пламя, эти отростки только мешали. Мужчины сразу же после этого оскотчили себя, так как не могли жить с таким уродством среди прекрасных представительниц женского склонения. Они ненавидели нижнюю, набухшую плоть, так как она мешала им и считалась лишней и несовершенной, по сравнению с женской идеальной внешностью.

Однако, среди них были непроницаемые мысли и чувства. В пахе приятные ощущения. Нет желания, но там всё приятно покалывает, как будто что-то шевелится глубоко

внутри и этот невыносимо живой столб энергии уносится ввысь и так и хочется на него запрыгнуть и по нему забираться и до него касаться, чтобы овладеть всей созидательной энергией для воссоздания своего восхождения. От одного сильного человека к другому: они не сойдутся, но это возможно. Они должны вращать свои сердца и разумы.

И был ещё враждебный храм древнее, что исходил против заветов многорукой жены, и стоял он на пути тех, которые собирались в паломничество к храму её.

Последователи храма одного причитали: «пусть восхваляют того, кто очистил воду от иноземцев и не поддадутся говору иной, кто погубит всех». И мыслили втайне о неподвластном их воле конце, что гласил: «да будут вечно храниться остатки его образа в кристаллах, носимых руками как окрылениями, ласкающими их нежный желтый свет, в темноте водного недра, перенесенными под воду». Но пусть не знают про эту тайну живущие, так как все, кто знал, погибли, борясь за жизнь.

Не слушали путешественники их. И в один знаменательный день, открыла жена людям плохое будущее, и люди твёрдо и причастно поверили в него. А будущее, в свою очередь, сбылось.

Прилетела воинственная раса из системы, которая разложилась в анти-материи атомных войн, и прорвалась сквозь оболочку, словно плеву, людского мира, спасибо сработанному плану. Были они чёрными с жёлтыми пятнами или

полосами, копытными, двуглавыми гермафродитами с выделенной агрессией мужского поведения, и прибыли эти страшные мужи, чтобы убивать и насиловать всё на пути своём и колонизировали мир в свой новый дом. Лучше не показывать деталей того, что они делали с людьми, оставшимися на водном континенте. Убили они детей жены, которую создали и отправили в прошлое, чтобы она помогла им прорваться сюда, рассказали ей об этом и расчленили её на куски.

Вовремя люди спаслись на плавучих островах, состоящих из более плотных скоплений воды, каждый с глубоким дном «под-островом», и со временем ушли в построенные города под водой, вели там полноводную жизнь, добывали еду и материалы из океана, построили колонии на дне морском. А на воде мужи сходили с ума, размножаясь от диких полу-разумных зверей-гигантов, и мутировали в вымирание, а пока все веселились и злодействовали, первенец-урод, юродивый сын вождя, любовался морем и поплыл вдаль, но стал он тонуть. Его взяли к себе люди, и остался он с ними.

04.2

Происходило разделение полов. Подводный образ жизни. Неограниченные духовные способности, открывающие полёты в глубокий космос. Золотая эпоха человечества. Пото-

мок уродца не умеет ничего. Он презирает себя и клеймит себя больным.

Представь себе, как бы возненавидел ты себя, если нашёл бы в себе много неприятного, лишнего, нехорошего и неправильного. Ты бы думал, что тебе бы лучше быть хромым, горбатым, перекошенным и убогим, таким ничтожным во всём, но человеком, чтобы чувствовать, что принадлежишь, несмотря ни на что. Сам же был не человеком, не с человеческим лицом, не с теми же конечностями, совсем не такой. Представь, когда вокруг все кажутся такими красивыми, умными, высокими, добрыми. Когда все добились таких вершин и добиваются большего и находят время для всестороннего развития, занимаются всем, чем только возможно, посещают всевозможные миры, служат в храмах, создают новые организации, в общем делают благо обществу и успешно распространяют прогресс. Все, только кроме тебя. Которые своим разумом творят чудеса, изменяют реальность движением одной лишь мысли, устремлением одной лишь воли, а ты был бы неспособен даже вообразить их возможности, не способен на такое даже самое простейшее, как, например, телепатия, не говоря уже о материализациях или телекинезе. Ты бы яснослышал их мысли, но не мог бы дать себя яснослышать. Ты бы чувствовал себя неспособным ни на что и, от слабости и неспособности что-либо сделать в этом мире, уединялся бы в горечи своего самосознания. Из-за того, что тебя бы даже не клеймили больным и не провозглашали от-

сталым, так как они этого не делали по благодушию своему, тебе бы делали ещё хуже, а жалостью к тебе усугубляли бы твою жизнь. Чужая жалость, которая бы разжигала и отравляла твою душу и из-за которой бы хотелось уплыть, уплыть от людей как можно дальше, на самом деле, уплывать от себя... Что же ещё бы тебе оставалось делать, как только умереть, покарать себя за себя, в самозабвении навсегда сгинуть с лица этого прекрасного мира, чтобы улучшить его хотя бы этим?

Не скрою, мне часто приходилось так думать, но старался останавливаться на середине, как бы на светлой полосе, чтобы не пасть в бездну отчаяния. И после некоторого времени, как будто придавалось мне уверенности и смягчались душевные невзгоды. Тогда почувствовал, что всё же было что-то во мне, чего раньше не было, о чём раньше не знал и даже не догадывался. Даже сейчас это полностью не осознанно мной, и задаюсь вопросом: готов ли для этого? Готов ли сам стать чем-то большим для людей, чем был для себя? «Вырывайся», – просил, умолял себя, – «давай же». Свобода начинается с веры в себя.

Показалась нить внутри и схватился за неё что есть мочи. Среди всех моих волнений, это волнение выделялось и чувствовал, как нить колеблется, трепыхает даже в моих руках. Нить, которая уходила из неба в воду. Мне так не хотелось туда устремлять взгляд. Боялся неба. Даже не хотел оставаться здесь. Какое-то волнение в обществе, что-то про-

исходит и это что-то не так. Подплываю к исполину – доброму человеку – и пробую взять его за палец, как за ладонь. Беру; он не сопротивляется и только смотрит на меня такими голубыми, чистыми глазами. Он, наверное, хочет, чтобы отпустил его, но не хочет мне давать понять этого. Всё равно. Уже всё равно. Должен это сделать. Должен действовать. Иначе мёртв, сам мёртв. Веду его по моей нити вниз, ко дну. Беру горсть песка и подношу как можно ближе к нему, затем сжимаю в кулак, и с силой ударяю им по дну и раскрываю ладонь, распуская песок. Песок расплывается маленькими, разрозненными кристалликами в облаке. Он смотрит на меня и делится своими мыслями, говорит во мне:

– Чего вам надобно? Что значит ваш жест?

Трясусь, машу ему головой иррегулярно. Он меня не понял. Машу руками из стороны в сторону. Он меня ещё терпит, но уже чувствую, что не способен довести это до него. Разве только... Прикладываю руки к лицу, как будто в горе. Затем показываю ему снова на песок. Рукой разбалтываю песок и потом зарываюсь ею как можно глубже. Нет, он меня не понял. Прodelываю тоже самое со многими людьми. Привожу их сюда и прodelываю те же самые жесты. Они всё же почувствовали. В обществе была суматоха, что-то случилось. Они сами нашли пещеры и углубились в туннелях, скрывшись под землёй. Здесь они сохраняют свои гены, чтобы в будущем снова засеменить человечество. Они – основание, центр или зачаток возможной жизни, её надёжное место

хранения, её генофонд.

04.3

Большой выброс анти-материи из-за пределов видимого космоса ведёт к переорганизации и осложнению человеческого общества. Люди летят на совет с галактической коалицией и, против советов мудрых и без их поддержки, летят через время и пространство с нулевым сквожением солнечного ветра. В светящихся сферах с направляющим кораблём-матерью, перемещающимся раскручиваясь и гусинично пульсируя, они проникают через силовые поля, связывающие материальную вселенную с её отражением, и летят сквозь космический шторм в живую тьму.

Они ясновидят источники сил белых дыр, использующие мёртвую анти-материю, – отходы червей, пожирающих звёзды. Они облетают сгустки наружных покровов, сдирающихся с червей при линьке. Много осколков тёмного сознания таят в себе эти места, что льют дождями на их миры и обволакивают их солнца. Проступают отблески агрессивно дергающихся тел в постоянном трепете за выживание. Они пожирают себя и других, и не только пожирают тела, но и пытаются высосать сознания. Они – бесполые и бесконечнополые – сливаются и разрываются в необъяснимом потоке тваринной жизни. Их звёзды покрыты чернотой с преступающей

борьбой ярких многоцветных пятен с отблесками – на самом деле, опасная и невообразимая красота – и космические черви рыщут повсюду. Они чувствуют материю – её противоположное кручение притягивает их. Всю нашу эскадру заглатывает плывущий на нас могучий космический червь, и мы в отчаянии пробиваемся через его антители, используя нашу силу для прожигания пути. Мы выбиваемся из зубастых желудков и садимся на планету.

Кораблей стало вдвое меньше, так как мы соединились. Звери невозможных цветов проснулись и борются друг с другом, пожирая друг друга, проглатывая и изрыгая наши сферы, пока у нас хватает энергии поддерживать свои сферы вручную. Сам являюсь странником, который ясновидит неизбежность нашего конца здесь – в царстве невыносимой боли и смерти. Сферы людей, моих близких соратников пропадают бесследно. Затухает и свет маточного корабля. И вдруг, он ясновидит посторонний свет – присутствие другой странницы. Там оказалась вдруг женщина, державшаяся взвешенной в тёмно-красном и ярком пространстве на фоне непрерывной борьбы и пожирания. Она подала мне руку. Борьба за овладение нашей плотью вмиг стихла, но только один этот человек исчез вместе с женщиной, так как продержался дольше других.

Она научила его мудрости вселенной хаоса и вернула его назад, но сама исчезла. На воде он не узнал её в женщине, которая была очень похожа, а она не узнала его. Она работа-

ет над новым типом энергии и проходом в иной мир, у которого она неосознанно находится на подступах. Этот мир как будто не принимает её в себя, но позволяет ей перемещаться по параллельным мирам. В самом мире она не стремится постоянно прибывать. Она ступает внутрь открывшегося пространства и пропадает в неизвестные места, но возвращается. У неё чередуются странные исчезновения и появления в беспомыслии. Эксперименты прекращаются, но никто не знал о них кроме элиты ученых дев, находящихся в женском храме истины.

Мужчины собираются вокруг прибывшего из экспедиции. Он доказывает им, что нельзя идти против таких сил неподготовленными и выбирает более молодого и сильного ученика, которого он зовёт братом. Они работают над повышением энергии сопротивляемости людей через кровь. Они образуют храм мужчин и поклоняются крови. Интересы храмов конфликтуют, и против женской воли, мужчины образуют повторную экспедицию на открытый ими сектор попадания анти-материи, где они высаживаются на двойника мира, в коего проник червь. Там они возводят свои постройки, бродят по окрестностям и вдыхают красоту ещё живой углекислотной природы на поверхности мира, сердце которого уже начал пожирать страшный червь. Храм крови приобретает искажённую силу. Они берут кровь друг у друга телекинетическим путем, а их сильнейшие убивают слабых, чтобы захватить власть, и все боятся змея.

Главного представителя храма проткнул в пасти дикий зверь, и он сидел на зубчатом костяном троне, выступающим из черепа зверя, и жил за счёт его крови. Но его власть не могла продолжаться в бездействии. Новый представитель – его брат и ученик – не захотел больше подчиняться кому-либо. В один день, он решился и молниеносно выпил всю его кровь на расстоянии, до того как главный спохватился и умер. Созвал он тогда людей для проведения обряда поклонения змею. И вырвался змей и поглотил их всех, а планета потеряла прежнюю орбиту и столкнула другую планету, осколок которой проскользил по поверхности первой воды, вызвав волну огня, сжигающую всё на пути и испарившую углекислотные океаны, которые перед этим вышли из своих берегов. Спаслись только немногие ушедшие под землю и улетевшие на другие планеты.

05.1

Им нужно было золото для атмосфер их миров, чтобы остановить проникновение осколочной анти-материи, и он нашел богатые залежи на этой планете в начале четвёртой эпохи. Здесь был устроен тропический сад с повышенной концентрацией воздуха между биосферой и атмосферой, наполненной водой, которая заледенела, образовав ледяной щит. Красные люди с «блестящего пса» были отправлены сюда, чтобы заселить этот мир. Они так же взрастили жизнь в его родной системе «семи сестёр». Они верили в любовь, как величайшую силу космоса, и посылали вестников духа любви на живые миры, чтобы люди там жили мирно. Ещё краснокожие предусмотрели кодировку генов. Однако, сначала поселенцам было открыто намного больше способностей, чем позже. Их ключи от биологических процессов со временем были потеряны и забыты.

Он летал к другим планетам и участвовал в сражениях с враждующими расами. Одна из таких рас существовала внизу четырёхмерного физического пространства воды. У них была чашуйчатая кожа, миндалевидные глаза с разрезами, маленький рост, но агрессивная и безжалостная натура. Они напоминали рептилий. Он сначала нашел двойника, а потом нашу планету, когда та была тепличным садом, устроенным

людьми с «блестящего пса». За владение этой планетой шла продолжительная война, и, хоть эта война была проиграна на высокочастотных измерениях, на измерениях ниже была возможность колонизации без особых проблем. Для этого он привёз свою семью.

Их всего было двенадцать – этих само-выдвинутых столпов власти над живыми. Столпы сил были возведены на точках больших геомагнитных энергий. Эти места использовались учёными как лаборатории по манипуляциям полей в этих точках скоплений. Для двенадцати это были лаборатории, для других – храмы поклонения. В одной из лабораторий с умеренным, тёплым климатом, они создали первую пару белокожих рабов сборным генетическим способом, научили их сначала есть мясо морских животных и внедрили в уже существующих в воде красных людей, чьё инфополе было закодировано кристаллическими матрицами-решётками, в виде двойной спирали, и не поддавалось прямому вмешательству через эфир. Долгое время они растили население планеты, пока те не покрыли все континенты своей плотной массой. И происходили войны по желанию владык, дабы занять своих подданных чем-то и самим развлечься. Только он и сестра остались, а другие, в том числе их родители, не могли вынести их жестоких игр в этом мире и вернулись обратно. Добывание и увоз золота со временем разрушало гармонию в поле воды, замедляло её вращение, и отделившаяся ледовая кромка-шапка затем обрушилась, таянием создавая

новые океаны; но хоть погибло к тому времени уже одиннадцать миллиардов рабов, последние представители инопланетной расы выжили под куполами.

Сходил с ума от власти и не мог остановиться жить, хоть уже не мог найти удовлетворения от моей, на самом деле, бессмысленной болезни. Прошло восемнадцать тысяч лет. Помню, как мы улетели из дома, потому что наш узаконенный срок жизни там подходил к концу. Мы это делали не только для спасения себя и для нашей семьи, но также мы поставляли золото «семи сёстрам», нашей родной системе. Помню, как был выведен красный порошок и добавил его к тканям кожных клеток. Как любил дотрагиваться до всего, моих наложниц-рабынь и любимых вещей и инструментов, превращая их в зелёное золото по моему велению. Моё сердце закололо, и вены набухли, а атомы золота проходили через мою плоть и сплетались со мной. Но так было трудней дышать сверхэнергией и изменять реальность силой мысли. Поэтому удалил порошок из себя и сделал его достоянием легенд. Сотворил того, кто жертвовал собой ради моего блага и других, кто отдавал свою жизненную энергию, чтобы омолодить меня и сделать сильнее. Вышел на веранду, стоял, понутив голову, смотрел на свои владения. Видел высокие башни и купола, окружающие светлую гору и корнями ведущие глубоко в тёмные пещерные лазы и мои комнаты на холодной тёмной стороне, которая никогда не видит солнца. Сегодня был особый день. Пойду проведу моих прислуж-

ников и рабынь.

Мои прислужники построили шесть храмов в мою честь и за моё благодеяние, как творца живущего с ними. На протяжении тысяч лет мои храмы отбирали и выращивали сотни тысяч девственниц, чтобы купался в их крови. Чуть больше сотни из каждого храма самых восхваленных своим терпением и равнодушием к боли приносили в жертву в моём присутствии под ярчайшим из солнц, когда происходит наисильнейший резонанс с энергией планеты. Так продливал свою безумную жизнь все эти тысячи лет. Вижу и хочу предвкушать своим взором их пытки, как их нагую плоть терзают и разрывают на части, как они, окровавленные и умирающие, отражаются в моих глазах, и как теперь пожираю их ещё бьющиеся сердца. Они любят меня превыше всего и делают бессмертным, чтобы их вышний мог вечно жить со своими созданиями, и они могли хвалить и бояться своего высшего. Им мог казаться любыми животными и любыми кошмарами. В моей подводной лаборатории успешно скрестил дельфина с рыбой и рыбу с человеком. Сначала они умирали от боли, но со временем их генетические аппараты совместились. Мои генетически-модифицированные мутанты наводят ужас на врагов и сражаются, чтобы умереть с наибольшим числом поверженных. Самый прыткий и сильный воин из когда-либо сотворённых мной направится к моёму замку, чтобы победить меня. Он даже не будет подозревать, что его сила из моих генов.

05.2

Звон смертоносных орудий и крики поверженных. Гибель несётся с холодными лицами, дотоле неизменёнными в жизни иль смерти. Падают люди непохожие на людей. И продолжают стоять самые страшные из всех...

Войны были многочисленными и бессмысленными. Знал, что нами управляют, и вышел из боя и направился в верхний город мёртвых, обитель поднимающего мёртвых, его замок под священной горой. Люди верили мне, но боялись, и поэтому со мной никто не пошёл. Подошёл к высоким воротам дворцового храма в центре нашей долины, и стражники меня пропустили, осознавая кем сам являлся. Волоча за собой тяжёлый меч, поднялся по спиральным лестницам и, наконец, в конце длинного зала приблизился к самому месту этого устрашающего высшего, который заколдовал меня на бесславное истребление народа, на непреодолимые навыки в бою, чтобы меня не могли убить на поле боя. Он – самовластный властелин, который хочет поиграть на острие ножа со своей такой же невыносимой сестрой, провозгласившей себя высшей владычицей мудрости, а затем войны, после покушения на неё подчинёнными собственного брата. В её дворце, где она устраивала оргии, соблазняла отборных рабов и одновременно удовлетворяла дюжину. Она питалась энергией

молодой плоти. Так, сладострастием она держала власть, а не страхом, как этот. Уже столько веков они борются в стратегическую игру без конца. Не мог дать им продолжать, так как устал за себя и за других. Меня не ожидали. Его оставшая дворцовая стража не могла остановить меня и даже не захотела, расступившись перед лучшим бойцом, когда-либо порождённым преисподней. Из его уст в зале разносилась эхом ленивая вереница древних, тайных слов силы, которые передавались из поколения в поколения, но сейчас звучали, с его стороны, как лишняя, никому не нужная щедрость.

– Добро пожаловать, – ещё одно гулкое эхо отражается от дальних стен огромного тронного зала, обвешанного коврами и золотыми изделиями. Он стоял, облачённый в золото и драгоценные камни, его синяя кожа блестела на жилистых руках и была покрыта голубовато-белыми узорами на лице и иссиня-чёрными на ногах. Серьги и всевозможные драгоценные сплетения свисали с его ушей и волос, и необычный свет облекал их круглые концы. – Поздравляю с доблестными сражениями под триединым городом, – молвит он без малейшего колыхания всего разнообразия на его немного повернутой в бок голове. – Скоро он падёт или станет нашим. – Кажется, что весь воздух вдруг высосали из помещения, когда он так строго и ровно посмотрел мне в глаза. – Посмотри лучше на себя... Думаешь ты герой?

Хотел убить его, но контролировал ярость. В напряжении, приблизился к нему.

– Ты есть то, чем тебя породил, и то, что в тебя вложил. Ты создан для... – но взмахнул мечом, вырвавшимся быстрее и неожиданнее его воли, и бескровная голова покатилась с его плеч, несмотря на его попытку увернуться, но новая голова мгновенно выросла на месте старой, и он ужасно засмеялся. Продолжал атаковать его крутящееся, как бы играючи сопротивляющееся тело, и отрубал ему одну голову за другой. Потом он остановился, глядя на меня глазами разгневанного творца, и мне пришлось замереть и остыть. Не мог дольше устоять перед этим взглядом. В его глазах таилась вечность. Пал на колени и поддался его власти надо мной.

В большом зале была поставлена зеленовато-золотая статуя великому воину, который нанёс десять ударов нашему милосердному повелителю.

05.3

В бесчинстве глобальных атомных войн последние творцы покинули нашу планету израненной и сильно наклонившей свою ось, заставили её испытывать сезонные метания. Начало разгара скрытой войны чешуйчатых и серых за власть над местами силы, чтобы соединить их в контролируемом центре веры, приведёт их, в далёком будущем, свободном от противостояния врагов, к выведению избранной расы.

Люди перестали поклоняться вышним, но взрастили гордыню и агрессию через оставшиеся им технологии и нововведённую диссонансную энергию с «главной ноги кентавра». Эта энергия – электричество – подпитывало их раздражение. Они продолжали схватки между собой, эти четыре занесённые сюда расы. Войны с небес и вод, творцов из далёких галактик, сошли на землю. Империя захватила весь мир. Их летучие пирамидальные корабли и машины, тормозившие во времени армии сопротивлявшихся темнолицых народов, которые были занесены сюда через эфир с «великого пояса», было невозможно остановить. Они были жестоки и страшны в вихре подчинения им других народов и уничтожения непослушных, но они также были прекрасны, высоки, светловолосы, и с глазами, словно кристаллами.

Их технологии развивались по логике выточки материалов определенных сакральных геометрий для достижения необходимых функций и характеристик. Они создавали энергию, необходимую для межпланетных полетов.

«О, смертный, превозноси и любуйся чудесными созданиями твоей цивилизации, ибо она вечна и породила же тебя! Но в противовес этому, есть и другие и те, которые думают по-другому – да испытают же они вечные муки за свои отрицания...»

06.1. Возрождение невинности

«Возрождение невинности проходит в настоящем в русле текущей подземной реки».

Уродец уродился у красивых, богатых и влиятельных родителей, но они его заперли в подвале, чтобы не видеть его и не показывать свету. Кто он? Их ошибка? Или судьба? Он может принести конец им и их стилю жизни или спасти их? Но каждой жизни своё место, каждой истории отдельный момент, а каждый момент – это сказка, которую не стоит забывать...

06.1.1

Ясновидение чистой красоты течёт, живёт передо мной. Вольные горы и леса, моря и озёра, и небо... чистое небо. На земле живут люди, и их очень сильно люблю и хочу, чтобы они были. Они будут после меня. Так говорят мне краснокожие люди. Они создают эти ясновидения для меня, чтобы верил. Им нужны гены, которые несусь, и они говорят, что это для дальнейшей колонизации земли, которая состоится после их плана, чтобы взорвать столицу и центр власти бе-

лолицых империалов. Они взяли моё семя через эфир. Не всё потеряно – жизнь будет. Но не могу не плакать, потому что знаю, что это мираж в моей голове, и беспомощно сижу здесь, один, в этой тюрьме, пригвождённый и не способный шевельнуться, не ощущающий запаха и забывший вкус крови, который не сытил меня уже очень давно. Сижу здесь до конца времён.

Исхудал до изнеможения, умираю с голода и не могу больше думать и смотреть на открытый передо мной вид столицы империалов, эти потрясающие по высоте башни, кристальные пирамиды с золотыми вершинами – эти накопители и преобразователи естественной геомагнитной энергии с оборудованием для её передачи до околоорбитного пространства. Там стоят владыки и тянут свои когтистые, изогнутые руки, чтобы повелевать и поддерживать власть, вести за собой раболепные народы. Их мир изобилует плодами интеллектуальной деятельности и духовного отставания, принесения жертв ради прогресса. Они сумасшедшие – что они делают? Зачем им это нужно? Почему им не живётся проще? Они работают, много едят и летают отдыхать на другой континент, туда, куда захотят, и делают вообще всё в своё удовольствие. Но их горделивое одиночество приводит к депрессии так же, как и их строгие традиции, раскрепощённые скрытые нравы и без души искусственная пища. А другие народы живут в муках и умирают в грязи и голоде – в лепестках тёмного лотоса. Лучше отдать жизнь, чем быть здесь. Мне

не стоило было влезать на их корабль...

... Один отставший корабль приземлился на двойнике. ИмперIALы обнаружили нас, волосатых демонов, извергну-тых из-под земли, увидевших свет луны и вожделявших ся ею.

Белолицые пришельцы спасались бегством, а мы пресле-довали. Их корабль уже отлетал, но некоторые забрались ту-да, и мне приходилось быть в их числе. Одного из наших мы освободили. Но что-то изменилось во мне, когда чувствовал кровь и боль этих людишек через крики ужаса, когда мои братья выдирали из них последнюю жизнь в затемнённых хо-дах корабля...

06.1.2

... Тревожно поднимаюсь в хорошо освещённой комнате с высоким потолком. Как будто единственный нахожусь здесь. Получил сигнал связаться с командным центром нашего ко-рабля. Перед своим лицом поочерёдно соприкасаюсь паль-цами обеих рук, между которыми нахожу образ командира корабля. Он обращается ко мне:

– Мы потеряли связь с экипажем в багажном отсеке. Про-верь, всё ли у них в порядке. – Единственное только, что он не сказал, это то, что бортовой компьютер оповестил, что кроме них, на корабле есть кто-то неизвестный. Возможно

они подцепили кого-то с «места встречи».

Связь обрывается, образ исчезает. Открываю дверь, ведущую в более узкое помещение – это один из переходных шлюзов корабля. Помещение быстро заполняется водой с высокой концентрацией кислорода. Перехожу на более низкий темп усваивания кислорода. Так как багажный отсек расположен более глубоко в корабле, то придётся подготовиться к минимальному уподреждению кислорода. Со мной, на всякий случай, баллончики с дополнительным кислородом. Выплываю из шлюза и попадаю в водные отсеки корабля.

Проплываю специальные контейнеры, где хранятся провизии и материалы в определённых условиях. Во-первых, они хранятся долго и не гниют или повреждаются, сохраняя благоприятную свежесть или крепость. Во-вторых, на них не сильно влияют перемены климата и условий хранения после транспортировки по нашей полуводной стране. Проплываю между большими прямоугольными контейнерами. Большинство из них прикреплены к потолку, где меньше всего влияния электромагнитной полярности, связанной, естественно, со структурой конструкции отсеков и корабля, в общем. Это большое исследовательское судно, но оно также иногда нанимается для перевозок всевозможных грузов по системе...

... Видел, как ещё один из импералов проплывал мимо. Думал, что мы потеряемся в космосе, если мы всех их убьём. Поэтому про себя решил спасти их, предав и убив своих.

Империалы заковали меня в кристальные обручи, праздновали свою победу, но не стали убивать. Это был наш первый контакт. Привезли меня к себе на планету, делали надо мной эксперименты, страшились моего вида. Они меня называли монстром из пучины. Потом они забыли обо мне, увлѣкшись очередной войной. Ждал и жду, но ко мне во сне пришли другие. Они меня успокоили.

Война империалов унялась, и они пришли ко мне с оружием в этот момент мира и покоя. Их предводитель болен после попытки его убить, но моя жизнь не причастна, и они это знают, но им нужна моя помощь. А от меня – молчание, потому что знаю их план и не отдам свою душу. Но в последний момент смеюсь им в лица и произношу, – буду... – а один из них замахивается на меня кристаллическим ножом для жертвенных приношений...

06.2.1

Страна болотистых холмов. В зале внутри ступенчатой пирамиды, прямо стоял пожилой краснокожий человек, словно пророк окружѣнный кольцом похожих людей. Он им говорит:

Осмысляю информационный след от всего сущего. Столько много любви. Мысли и чувства неразличимы, когда начинаешь понимать какое количество энергии и информации

проходит через нас, от чего мы ускоряемся и возгораемся. Это бушующий океан частиц, которых мы не видим и разучились ощущать. Чувства сплетаются в резонансе с мыслями, содержание с формой, как вихри которые кручу, и во мне просыпается переизбыток энергии в каждой моей клетке. Энергия сберегается, омолаживает меня, освещает меня изнутри. Скоро вместо того, чтобы только отражать свет, буду свет излучать. И всю эту энергию буду использовать к взлёту в иные миры. Буду солнцем, буду вышним для вас.

Здесь мы видим тени расплывчатыми, а там тени более чёткие но их меньше. Мы ясноувидим эти иные миры. Посмотрите вокруг. От микромиров до макромиров, всё испытывает на себе силу избыточной энергии, но многие не знают как использовать эту энергию вместо того, чтобы просто терять её. Теперь можно. Покажу вам как это делается. Поклонитесь храму солнца! Невинной чистоте и свету, которым мы станем! Дети, мои дети. Нами заложена великим предком способность переходить из отражения в излучение. Гордитесь собой. Это восхождение! И вы готовы! Тянитесь ко мне, берите меня на руки и несите меня!

Помните о предке, которого так кровожадно убили слуги империи. Империя падёт за свои грехи. Он не был похож на остальных людей. Он хотел жить для всех, на благо всего сущего. И он позволил нам взять у него образ для продолжение родов на земле тех, кто за нашу великую миссию! Мы стремимся к солнцу, мы идём к истине, к этому глазу творца

вселенной! Но мы пока только отражаем свет, а должны его излучать.

Что вы думаете о новом пророке, кто строит храм света? Он выскочка и строит храм для себя! А мы верим в предка! Он раньше был моим учеником, можете себе это представить? Но теперь мы знаем, что делать, чтобы такие, как он, не повторялись. Никто не будет следовать его учению и не последуют за ним. Мы увлечём людей, чтобы ему поклонялись, поклонялись его ложной религии и учениям, которые он украл у меня и мерзко извратил!

Он один и падёт один, без возможности получить помощь со стороны. Но мы милосердны, не так ли? Мы ведь дадим ему руку помощи, если он придёт к нам и зачислится в наше общество, станет слушать нас и верить вместе с нами в великого невинного предка, кто был казнён в самый жуткий час, и проливая его кровь, враги людей и земли и солнца написали свою книгу и закончили её как им подобает. Великой милостью воды они захлебнутся, а ведь могут гореть и гореть вечно. Вода сжалилась над ними, но накажет их праведно и они затонут в один миг, и воды великого океана накроют их острова, центр их империи.

Грядёт конец миру, и мы – провозвестники! Солнце просит наших жертв. Вы яснослышите его? Ясноувидьте его через меня и вы поймёте, что мы повзрослели и можем принести в жертву себя и стать вышними. Забыть своё старое тело, словно лохмотья сбросить его, и укутаться в самосотворён-

ный свет, которому обучило нас солнце!

Так сбросьте с себя одежды, сорвите их, ибо они вам больше не нужны! Двигайтесь, живите, откройте ваши сердца и пойте этому гимны! Ваши тела – ваша светородящая любовь. Соединитесь и почувствуйте священную благодать, пусть ваши тела сольются во вселенском потоке любви и создания энергии ускоренными ритмами, теплоотдачей, творением нового состояния человечества. Отдайтесь этому ощущению, ибо вашей сладкой покорностью и радостным подчинением вы откроете путь к солнцу! Столько много жизни вокруг, столько энергии!

И заплакал, и подбежали поддержать за плечи тело моё, вялое от ожидания исполнений моих желаний. Чистые девы обступили меня. Они меня энергично поглаживали со всех сторон, пока пламя не обуяло меня, задержал дыхание и сконцентрировался на центре своём, и затем излил фонтан светлого семени под сладкие стоны всех присутствующих, да возлилась эта белая священная жидкость на послушниц в свободных церемониальных одеяниях.

Вам нужны чудеса? Вот они! Вытягиваю руки, и ко всеобщему изумлению, из меня появляются крутящиеся шаровые свечения. Чувствую, как частички света поднимаются ко мне с земли и свои ладони направляю вниз. Не бойтесь, подойдите ближе и тоже почувствуйте эту энергию. Это доказывает правоту нашего мировоззрения, что относительно нас и солнца нет других пределов, которые можно было бы

перейти, что нет ничего абсолютного – это вам уже известно. Научу вас этим движениям, с помощью которых вы станете светилами. Знающие посылают священный огонь, но смеются над незнающими за попытки изучить его. Эти знающие контролируют общественное мнение и весь мировой порядок. Но мы свергнем их...

06.2.2

Двое самых верных приверженцев храма солнца были избраны. Они намазали свою кожу синими красками, и на лбах у каждого блестело по полосе белого масла.

– В память о двоих, над которыми так издевались чешуйчатые враги наши, что незаконно породили из них множество желтолицых. Но мы не будем о них, чьи лики вы должны изображать, дабы вас не изоблачили. Вы идёте на велукую жертву ради нашего несчастного народа. Пусть наши враги узнают насколько велика наша ярость. Вы поняли ваш путь?

– Да.

– После этого вы ясноувидете мир, каким он должен быть в наших сердца.

– Амен.

– Пусть путь к солнцу откроется вам...

Их высадили у границы, которую им предстояло пересечь.

Они ещё не скоро придут в столицу. Как миссионеры они должны добраться до главного острова империи по великой дороге, распротёртой на много дней пути над морем. По дороге будут пролетать одноместные аппараты империи. На низкорослых пилигримов будут смотреть с презрением сверху вниз как на второсортных людей. Они придут в этот прекрасный город, названный в честь мудрой и дерзновенной повелительницы морей, – город, усеянный фонтанами, как у нас деревья, и где везде текут родники и купаются в каналах голубые потоки. Вот они пройдут средний круг – круг жрецов. Затем им предстоит стать перед залом правительства, когда ожидается съезд десяти царей-архонтов. Этим двум предстоит показать святое свечение, повторяя сакральные движения, и быть готовыми ко всему. Они сдержат волнения в своих сердцах и возьмутся за руки в момент смерти, и уже за пределами их тел, продлится ощущение сродное оргазму.

Так спадёт голова с плеч наших врагов. Но наши враги на этом не остановятся. Как смертельно раненый зверь, они будут разить нас своими когтями. Они станут варварами, так как мы разорвём их зависимость от общества и разрушим их цивилизацию, порвём все цепи, что их удерживают. Нам нужно смириться с предстоящими бедами и не опускать головы.

...

Лежали окровавленные тела выбежавших из храма людей,

и их глаза в последние мгновения с выходящими из них жизнями были устремлены в небо, где звуковые барьеры прорывали своим воем эскадры летящих имперских кораблей. Война началась и закончилась в один день.

...

На границе с папоротниковым лесом, смотрели на волосатых, с искривлёнными лицами потомков существа, которое привезли с собой империалы и над которым издевались в столице. Эти дети вырастут очень высокими и будут могучими. Мы собирались создать из них солдат против империи. Вместо этого мы посеяли их во всех землях. Но они одичают без нас и нашего направления.

...

Ты ясновидишь солнце? Ясновидишь ли эту красоту, что ясновиджу сам? Открой своё сердце ей. Полностью отдайся.

В углу зрения оставшегося высшего жреца храма солнца, между его распротёртых, поднятых рук, на небе вибрировал и, казалось, расходился силовыми волнами голубой пульсар. Он разрастался и питал жреца всё возрастающей энергией, так что тот закричал, не слыша оглушительного звука своего собственного голоса, когда наконец его трясущееся тело увеличилось в размерах, и из него вырвались красные молнии, образуя гигантскую сферу; всё в нём разрывалось от невозможности уравновесить колебания сил, и из провалов сферичного нутра самих молекул жизни распространялась цепная реакция по телу и из него, и колоссальный взрыв

пошатнул плоть земную и исказил лик планеты в гримасе ужасной боли, и на долгое время мрак повис в небе.

Волнами расселялись народы на оставшиеся земли, а их бегства чередовались с внутри- и межрассовыми войнами. С истечением времени, первый великий западный материк накрылся пеплом от вулканической активности, распался землетрясениями и провалился в пересечение рифтовых долин, и его плато затопилось повышающимся уровнем вод. Люди оттуда поплыли на запад и, в основном, по морю на восток. Второй, далеко на востоке, затонул только частично, а оттуда люди поплыли к континентам севернее. А северный третий охватило оледенение, в связи с ожесточением климата. Мы сейчас ведём речь об этом древнем, третьем материке следом...

Лёд покрыл все подступы к великой горе. Окно закрылось. Мы перестали видеть внутреземных существ, с кем общались и вели торговлю с начала дней наших. Нам предстояло пересечь море и мигрировать дальше на юг, бежать со своих давно нагретых земель, так как с таким холодом мы не способны ужиться. Земли встретят нас своим гостеприимным богатством, и мы обоснуемся, создадим новый род нашей великой расы и снова забудем о грехах наших и о мире, который мы населяли. Грехи отцов падут на детей, так уберём их от знания этого. Забудем о вышних космических предках, которые прилетали к нам, обосновав наш великий род и обучив всем знаниям, которые теперь мы несём дру-

гим народам. Духовные навыки отпадут, и мы погрязнем в материи. Да, забудем, как после глубокого сна без сновидений, потому что так будет легче жить...

06.3

Состою из света и исхожу из реальности в иное измерение, новый мир, который полон красок, живее, светлее и таящий больше любви, где все поверхности кажутся серебристыми и ясновидимо отражают либо излучают свет, но здесь нет людей. Первые ощущения: резкая волна жара обволокла мою кожу и нашёл странные светящиеся объекты рядом. Внутри меня сияет сердце и рассеивает благо. Первый из моей линии. Блуждаю по прекрасной природе и думаю о моём сыне и жене и о последователях света, которых оставил. Хочу, чтобы у них всё получилось, и чтобы они пришли сюда. Буду медитировать сколько смогу в этом одиночестве, в ласкающей зелени, благоухающей траве, среди поющих птиц и в корнях великих древ, с которыми общаюсь и сливаюсь, но мне не дают покоя излучения моего сердца, потому что забыл, сколько времени нахожусь здесь, и не могу вернуться обратно. Помню это ощущение, когда видел одного великого человека, распятого на кристальной горе, прилипшего, как бы пригвождённого, и вращающегося вокруг ствола мученичества на кристалле за то, что он был язычником. Нет, он не

должен был быть распят. Это было случайной ошибкой. Его нервы не выдержали, но он не предал истину. Именно эта смерть придала силу его вере... и моей. Он был ярчайшим светилом, и его лучи касались меня.

Ещё вспоминаю старую историю из предыдущей эпохи об одном путешественнике, который отстал от своего отряда и заблудился в джунглях и открыл спрятанное глубоко в чащобе папоротников поселение неизвестного дикого народа, летающего на крылатых гигантах и оседлавшего прирученных монстров.

Их поселение было построено на каком-то вдавленном фундаменте-блюде, под которым располагалась шахта. Этот народ подготавливался к чему-то, и странник решил помочь им. Он увлёкся жизнью с ними и забыл, откуда он пришёл. А этот народ подготавливался покинуть родную землю. Они находились на богатых залежах железной руды, и используя сильное поле, они оттолкнулись от земли на магнитном паруснике и улетели к своим предкам, отблагодарив странника за помощь и открыв ему секретные знания и технологии. Он потчевал сказками других, вглядывался в небо с тоской в сердце по таинственным людям и навсегда остался чужим среди своих.

А здесь, в другом, золотистом лесу, должен надеяться в ожидании на приход человечества и возрождения их духовности, пока ещё жив. Мои мысли текут туда, где живут судьбы, потерянные в жестоких и диких снах – туда, откуда при-

шёл. Память о прошлом с ужасного замысла переплетениями. Мне бы хотелось поделиться волнующими событиями.

Для этого пришёл на землю и ясноувидел, как развивалась история человечества, пока был среди мудрых членов планетного совета. Помню их обращение ко мне:

«Это не твой мир. Но ты согласен осветить муки за нашу миссию, чтобы освободить заблудшие души?»

«Да», – тогда ответил им, и они впустили меня в «страну белого острова».

Приходил на помощь людям в эту пятую эпоху после очередного восстановления человеческих рас. Жил, переходя от одной жизни к другой, пробуя, что значит жить по-человечески...

... За образ жизни предков-империалов, их потомков ожидает страдальческая участь, которую увидел в вещем сне. Тяжёлая длань кармы непосильно осядет на плечи потерянному, отставшему белого люда. Лучше не увлекаться ненавистью к их захватчикам, чтобы не продолжать кармы ненависти. Карма доминирующей расы приведёт к её взаимоуничтожению отдельными но родственными культурами...

Была смерть, носимая временем. Яснослышу отголоски убиваемого кинжалом: «Всё изменится сейчас. Сейчас и навсегда».

Глава II. Колебание. Часть Альфа. Распутная жизнь

07. Счастливые острова

Краткий и упрощённый глоссарий Алонсо де Эспиносы и Хуана де Абреу Галиндо: Amen – Солнце; Achaman – Верховный вышний; Mayes – Вышний солнца; Achimayes – Мать; Wayaxerax – Вышний неба; aemon – вода; banot – копье; venichen – земляки; ahorer – молочно-ячменная еда; chamato – женщина; cusa – сын разведённых родителей; chivato – молодой козлёнок; coqaja – красная сова; guirre – стервятник; Wayewta – «Разрушитель»; tibicenan – демоны в виде чёрных псов; tavonan – каменные ножи; zahana – вассал; zahori – провидец; axon и хауон – усопшие и мумии.

«Venichen и chamaton, клянусь сделать каждого и каждую из вас счастливыми», – произнёс король, принимая полученную свыше власть.

Основано на исторических событиях.

07.1. Прибытие

Нагой мальчик шёл по песчаному берегу, усеянному камешками и ракушками причудливых форм. Пенистые волны приятно охлаждали его ноги. Высоко в зените стояло солнце и освещало его искрящуюся белоснежную, влажную кожу. Лучи солнца были тёплыми, но не жаркими. Вдалеке от острова маячило причалившее испанское судно, которое осталось без внимания мальчика, хоть он и никогда такого не видел за всю свою жизнь. Мальчик то смотрел себе под ноги, то быстро водил взглядом по морю и каменным выступам, и как раз проходил то место, куда направились высадиться люди в лодках, но он их не заметил. Только когда они причалили и крикнули ему приветствие, он так испугался, что кинулся бежать, не оборачиваясь, обратно к племени, чтобы сообщить о случившемся королю.

– Mancey!.. Mancey!.. – выкрикивал голый мальчик, что было пылу, титул владыки их племени, пока его ноги проворно неслись среди острых камней и по склонам холмов. Он с трудом и ошибочно выговаривал эти слова – карикатуры на весёлую игру звуков, музыки и песен, которые он любил слушать. Его не занимало то, что он говорил; у него это получалось бессознательно. Его голову занимали более интересные мысли. Он был дома, знал и чувствовал здесь расположение каждого камушка, каждый поворот тропинки. Вот он пробежал своих добрых друзей: одни камни напоминали ему домашних животных, другие – ящериц и птиц. И они подго-

няли его: «Беги, беги скорее к нему!» До пещер его деревни оставалось совсем недалеко. За высоким склоном, среди сосен, открывался вид на гористую местность, где изредка показывали свои зелёные хохолки всевозможные растения и цветки. Там также сновали по своим обязанностям взрослые люди, одетые в козьи шкуры. Они были, в основном, светлокожими со светлыми или яркими волосами, с высокими фигурами и гордым станом.

– Мансу... Мансу!! – ещё сильнее раскричался он аж до писка, увидев главное общежитие племени, представлявшее из себя открытый грот со множеством входов в него.

В ответ ему последовали раздражённые возгласы:

– Ребёнок, ну что ты кричишь? Не тревожь господина. Не видишь, Его Высочество – Quevehiera Acaimo – занят?

И правда. Старшие совещались в центральном кругу Тагогор. Взрослые обступили мальчишку, а вместе с ними подошла и сама. Мне дали пройти. Как волны, все расступились предо мною.

– Суса, родненький, что ты увидел?

– Чтостряслось? – произнёс молодой Мепсеу, выходя из круга.

– Там... там... – никак не мог полностью выговорить мальчик, задыхаясь от слишком усердных глотков воздуха, – Там... в аемон... плывут...

– Белые люди? – продолжила под удивлённые и заинтересованные взгляды окружающих. И мальчик подтвердил. Гла-

за взрослых забегали, а их дыхание участилось. Давно чужаки не прибывали к нам. Ну что ж, вот они снова вернулись...

Выслушав всех король сказал, что нужно подготовиться принять гостей с почестями. Пока несли музыкальные инструменты, к кругу стягивались мужчины и взволнованные женщины, которые узнали последние новости от своих знакомых. С востока прибежал пограничный отряд с донесениями о приближающемся отряде чужеземцев, некоторые из которых были наездниками на четвероногих животных. Верные воины окружили короля, сидящего на высоком троне, который состоял из камней. Подготовившись, он ждал.

Перед ним, через некоторое время, предстали относительно невысокие солдаты с пёстрыми перьями в шлемах, в блестящих доспехах, с торчащими в ножнах мечами, пристёгнутыми к спинам щитами, а также другими орудиями, закреплёнными вместе с вещами на их животных. Всё это выглядело угрожающе. Хотя их бородатые лица и подчёркивали строгие взгляды, гости были прилично потрепанными и уставшими, а некоторые и вовсе травмированными. Однако, их приняли весело и оживлённо. Барабанщики выбивали ритм, кто-то пел песнь племени. Некоторые люди танцевали, другие же трюками показывали свою гибкость, ловкость, силу и проворство под общую похвалу и восторженные возгласы. Прибывшие остановились в изумлении.

– Ты Mencey королевства Guimar? Mencey Guimar? – сказал переводчик со стороны вожатого странных белых людей.

– Е-с Асаимо, – король встал и назвал своё имя, поприветствовав их.

– Нам нужна твоя помощь. На острове на нас напали. Если ты под всевышним, тогда поможешь нам и одолжишь в помощь своих людей, ибо...

– Печальны ваши известия, но давайте всё ж по порядку. Кто именно на вас напал?

– Мы не знаем, но это были ваши люди-дикари.

– Нет, моими людьми они не могли быть, но людьми другого короля – вполне возможно, хоть и маловероятно, чтобы они нападали без весомых обстоятельств.

– Скажи нам, Мепсеу, ты веришь в истинного всевышнего, чьё ученье мы столь усердно пытаемся до вас довести и столь милостиво вам его преподносим, дабы спасти вас?

Король задумался, затем отвёл взгляд от говорившего и посмотрел медленно кругом. Он разглядел моё недоверчивое лицо и понурил свой взгляд.

После затянувшейся паузы, прибывший продолжал:

– Коли ты дружелюбно относишься к нам, то не всё потеряно, ибо мы прибудем вновь и с большими силами в следующий раз. Вы не сможете нас снова одолеть, и те из вас, кто совершил злодеяние против нас, сильно об этом пожалеют. Спаситель примет вас, пока ещё не поздно, пока есть шанс избежать вечной муки ада, изготовленного для безжалостных бандитов, как те, которые напали на нас. Так что скажешь ты? Принимаешь ли ты нашу власть под тронном небес-

ным? Будешь ли вольно рабом истинного владыки и будешь ли жить по канонам его книг? Мы научим тебя и твоих людей, среди вас поселим священников служителей, а тебе останется лишь...

Но тут перебила их дрянную речь:

– Странные речи мы слышим от вас, так как не всё в них ясно. Мы не знаем Того, в которого вы веруете, так как у нас есть свои короли и священники всевышние. Achimayes Achaman, – говорю, показывая рукою в небо, – Это наша Амен, которая освещает нас свыше и которую вы можете увидеть сейчас! Видите, насколько она ласково и ярко светит? А что вы можете показать нам о вашем всевышнем, а?

– Мать, не надо... – сказал король, и музыка затихла.

Но во мне приятно ускорились стуки, пробивающие волнения внутри, словно дрожь от камушков, летящих по склону. Эмоции выбрасывали слова, доносящиеся из моих уст, словно дикие псы с всклокоченной шерстью, бегущие, чтобы отбить свою стаю от вторгшихся нарушителей:

– А как насчёт Wayaxerax, который разостлался вокруг? Видите, насколько совершенна его светлая синева и насколько нежно она окутывает нас каждый день? Что вы ответите на это?

– Наш вышний милостив и добр и он не даст погибнуть праведным, коли сии ещё остались на этом проклятом острове.

На эти слова король грозно встал, но лишь произнёс:

– Уверен, что наши весьма почтенные гости научат нас глубокой мудрости сего вышнего и не принесут нам негодований, а только взаимное благоденствие.

Но не могла этого вынести больше:

– Они tibicenan, что прибыли, дабы заточить нас! Agones, вы absanabac... – Смотрела на них рассержено.

– МАТЬ!

– Вы!.. – не могла остановиться, так как хотелось выплеснуть всю накопившуюся досаду за столь наглое вторжение.

– Уведите её!

До меня не имели права дотронуться, но попытались успокоить. Однако, сама уже поняла, что все мои старания были впустую. Повернулась и пошла прочь в сторону храма.

Король понял свою ошибку и окликнул встревоженных чужеземцев:

– Мы не можем полностью принять одну только вашу веру, хоть и немного знаем о ней. Уверен, что вы уже слышали о том, что к нам спустился священный образ чудотворной Девы Канделарии со своим Младенцем. Они на священном алтаре fauga в пещере San Bias. Мы так же поклоняемся Ей, как и нашим вышним, и надеемся, что наши веры объединяться через Неё. Может, вы обсудите это с Menseu Vencomo, нашим главным королём?

– Учтите, любезнейший, что вы не перекроете слов вашей матери, и раз вы не хотите, чтобы мы впутывали вас в войну...

– Мы не желаем с вами войны...

– Тогда мы должны договориться на протекторат. Для того, чтобы мы оградили вас от возможных надвигающихся несчастий, вы должны подтвердить наши покровительные отношения, а для этого мы просим вас выделить своих людей для нашей охраны сейчас, когда нас столь подло атаковали и столь мало из нас осталось в живых, еле унеся поспешно ноги.

– Конечно, вас проводят мои люди. Вы не хотите обменяться товарами?

– Мы спешим, и у нас не осталось ничего из привезенного.

Отряд избранных воинов короля Асаимо двинулся провожать гостей в весёлой компании с музыкой и песнями. Пока они шли, вдалеке раздавался неизвестный грохот. Песок взволновался, подхваченный ветром. Добравшись же до берега, отряд сопровождения, не прекращающий танцевать и петь под музыку свистящих инструментов, обманом заманили в лодки, а доставив на корабль, захватили в плен и увезли в рабство, тем самым обманув доверие короля.

07.2. Судьба

Когда вернулась из храма, все уже разошлись и мальчика нигде не было видно, а хотела поподробнее расспросить его о прибытии чужаков. Вскоре вернулся другой отряд, и из

рук одного воина на землю пало тело того самого мальчика, и пока все стояли в ошолоблении, сама кинулась к нему, и меня, старую женщину, даже не заметили, когда протискивалась среди воинов.

Заметила, что не было больше мальчика, который только что стоял у берега. Время исчезло. Суса нашла лежащим в песке, пропитанном кровью.

– Внучок, внучочек! – провопила, подняв обвисшее тело мальчика и поцеловала его холодный лоб. – Что с ним? Что случилось?

Все стояли не двигаясь, разинув рты, не зная, что произошло и что делать. С ближайших окраин главного поселения, некоторые выглядывали в недоумении из своих каменных хижин с ветхими деревянными крышами. Лишь у воина, который принёс мальчика, проплывала в мыслях сцена, как один из его товарищей нашёл странное оружие белых людей, оставленное на поле сражения на севере Guimarães, откуда они только что вернулись. Похоже, именно его чужаки использовали для атак с расстояния специальными древками с пёрышками на одном из концов, одно из которых сейчас упиралось в плотно натянутую поверх тяжёлого гладкого дерева толстую нить. Старший товарищ воина осматривал это оружие и не знал, как им воспользоваться, но вдруг с резким натиском ветра оно чуть не выскочило из рук, нить соскочила, а прячущийся неподалёку мальчик рухнул наземь.

Моё лицо залилось слезами. Похоже, мальчик умирал.

– Внучочек, миленький, единственный мой, ненагляд-
ненький! Что ж ты меня оставляешь, а! Умру ж ведь без те-
бя, любимый мой!

Ясновидела смерть близких в крови их врагов. Держала его поникшее тело у себя на руках, прижимала его к груди и смотрела вдаль, вдоль берега до горизонта. Мы были самыми счастливыми людьми до этого времени, ибо вижу будущее перед собой. «Ты лила слёзы, как водопады, и нет им конца», – с обращением проносится у меня в голове образ из будущего.

– Это злой знак, слышишь? – обращаюсь к сыну-королю, уже стоявшему подле меня. – Что-то надвигается. Прилив меняется. Ты придёшь ко мне на священный ритуал, когда Амен будет высоко в небе.

– Что оставились? Несите его в храм! – скомандовала окружившим меня мужчинам, передав им бездвижное тело мальчика.

...

Ох! Как же тяжело забираться в гору к храму. За что меня наказали болью в ногах? Как же мне надоело, когда ночами не помогали целительные заговоры и часто и подолгу не могла уснуть. Лишь бы добраться до дома. Хоть бы уснуть сегодня и не мучаться от этой проклятой боли в суставах. Конечно, старалась изо всех сил никому не показывать этого. Но этой ночью у меня больше всего болели бока, поэтому сначала легла на спину и ждала, когда взойдёт прекрасное

лицо Матери. Пока что меня только трепало тёмными лоскутками мыслей...

... Король повиновался и пришёл к провидицам на следующий день. Их пирамидальный, ступенчатый храм был расположен на склоне священной горы. Одна из девственных жриц и помощниц старшей видящей несёт прямоугольный камень с круглым отверстием посередине и исходящими от него концентрическими кругами и шестнадцатью линиями. Перед входом в храм, она поднимает его над головой так, чтобы солнце светило через отверстие.

Ясновидение, казалось, отображало как почерневшие, уплотнившиеся куски лавы перемешивались и тонули в жёлто-красной крови вулкана, заточённые в самом его сердце. За освобождение и просветление Мауес, компаньонки, которых звали *mawada*, пели без остановки, умело держа ноты, вдыхая по мере исходящих голосов, которые словно поднимали их в воздух и облегчали вес всего вокруг. Мерещилось, или же правда тускло мерцали вытянутые, цилиндрические сосуды, развеваемые только сильными порывами ветра или руками. Начала великая жрица, его мать:

– Как и говорил *zahori Wanamena*, с прибытием белых людей грядут последние времена. В моей голове также проплывают картины ужаса и страданий. Но сперва увидела откуда мы произошли. В былые времена, когда Тейде ещё называли Эчейде и когда *Wayewta* заточил Мауес, тьма пала на наш мир. Но спасибо мольбам, посвящённым *Achaman*,

«свет» вернулся восвояси – Мауес взошёл на небо и стал нашей Achimaues. Однако же, бывшие шрамы остались, как на наших предках, так уже и на немолодой Тейде. Как и древнее царство Отцов наших, затонувшее в аетоп под всевидящим, грозным оком Великой Матери Амен, мы уйдём в небытие. С одним восходом, нас заберут. Ни один род не вечен. Мы провинились перед Матерью за грехи наши, которые забыли её дети. Также забыли нас Отцы, которые привели нас сюда и поселили здесь, и мы осиротели. Наш род грешен, и мы должны смириться с его вымиранием. Нам нельзя узнать будущего, не зная прошлого.

Король выслушивал речь с вниманием. Его лицо окаменело от гнетущей тяжести, нависшей на сердце. Он не шевельнулся до того момента, пока старшая видящая не закончила прорицать.

– Мать, в случае чего, мы будем сражаться до последнего. Мы ни за что не склонимся перед завоевателями. Ты права, мы смиримся со смертью, но только если таковая сомкнёт наши очи и только после того, как мы ляжем на поле брани в последнем, овеваемом вечным спокойствием, сне...

Жестом показала ему, чтобы он сел на колени предо мною, и, нежно расправив его волосы, поцеловала в лоб.

– Вы не умрёте все сразу. Вам предстоит долгое сражение, и много тягостей повстречаются на вашем пути. Только прошу не впутывать женщин храма и детей, сын мой. На остальные подвиги тебя благословляю. Ты и наши люди ста-

нете великими. Они прославятся на долгие годы вперёд. Да услышит Мауес мои слова.

После благословения матери король вернулся к главному поселению племени. Они должны были укрепить свой дом-крепость Ченерфе.

Ему предлагали идею по вооружению: круглые пластины драконового дерева. Они напоминали щиты, которыми пользовались чужаки. Королю нравилось данное защитное устройство, ибо оно смогло бы помочь им выстоять атаку на расстоянии из тех страшных метательных орудий. Также создавались дротики, tavonap, banotan, сучковатые палицы и дрессируются боевые серые собаки породы Sancha, похожие на волков.

– Мы дети Ченерфе и вулкана Тейде, матери Амен и отцов Achaman и Мауес. Мы знаем свою судьбу, своих богов и богинь.

07.3. Любовь среди слёз

Сижу под этим огромным деревом с бесчисленными ветвями, уходящими высоко в небо, словно лапы неведомого животного, с кровавым соком, и в это мгновение воспоминания проносятся в моей голове.

Она была самым ярким моментом в моей жизни. Её звали Ologa. Влюбился в неё, наблюдая за её лицом и сияющими

глазами, пока она рассказывала мне о себе до позднего вечера. Но у неё было много поклонников и был очень влиятельный отец, zahana, высоко ценимый королём. Однако, мы с Олога уже любили друг друга и решили встретиться с ним, и он, как мы и боялись, не был мною доволен. Его невозможное условие, чтобы добиться руки его прекрасной дочери, было следующим:

– Вот тебе палка. – Он бросил мне заплесневелый обрубок под ноги. – Если из неё что-нибудь вырастет через неделю, тогда ещё подумаем. А теперь убирайся, пока тебя не побил ею же. Тоже мне умник...

Что мне оставалось делать? Любовь заставляла меня пытаться достичь невозможного. Поднял эту палку. На холме, неподалёку от песчаного берега, вонзил её в землю, где было поменьше камней. В любом случае – это был бы мой символ любви. Ходил туда каждый день, в течение семи дней, и поливал эту палку, рассказывал ей о моей несчастной любви к красавице нашего острова. Но ничего не выросло в срок. Как страдал тогда, как терял надежду снова увидеться с возлюбленной. А строгий отец не выпускал мою любовь, невесту моей мечты. Однако, сам не переставал приходить на этот холм, мой холм, где посадил не палку (так никогда не называл её вслух), а дерево, мой символ любви, в который верил. Там садился рядом и спрашивал:

– Дерево, что ты знаешь о любви? Какова она?

В ответ, под ветренными порывами, нежно шелестела тра-

ва.

Там плакал, орошая эту палочку слезами, делился с нею своими чувствами и мыслями, рассказывал о своей любви. Познал каждую мельчайшую извилинку на ней, чувствовал каждый бугорок и трещинку. Недалеко стоял засохший и обтрёпанный ветрами лавр, странно расположив свои ветки, а с него, вдруг, напугав меня, слетела согаја и полетела в более густую зелень на склонах выше. Вдаль, по её следу из будто бы зависших и плавно поднимающихся в синеву среди сосен криков, уносился взгляд, туда, где одиноко, но ничуть ни грозно, выразительно виднелась тёмная макушка Тейде, нашей родной и всеми любимой. Отсюда, вид на долину Orotava поражал воображение. Для меня это был один из самых прекрасных и запоминающихся видов острова.

Оставался один со своими мыслями о любви и любовался красотой. И в один прекрасный день, на палке сверху появился росток. Маленький, жёлто-зелёный. С каждым днём он упорно рос вверх. И со временем даже жители деревни заговорили об этом чуде. Отцу невесты ничего не оставалось, как прийти и посмотреть на «эту палку». Она медленно превращалась в молодое деревце. Драконово дерево с красным, словно кровь, соком. Он допустил меня к своей дочери, и мы дали друг другу клятву в вечной верности и сыграли обряд на этом холме. Мой саженец, взлелеянный нашей любовью, переживёт многие поколения, станет самым большим деревом и великим символом наших жизней. Через него мы про-

славимся за пределами предназначенных нам отрезков времени...

У корней такого же дерева, уже давно состоялось собрание девяти королей, старейшим из которых выступал Менсеу Таого именем Венсоно. Там также присутствовали люди, которые прибыли на белых домах по голубой воде. И эти люди пришли с предложением, чтобы мы приняли их веру и стали их *zahapan*, так как наша земля принадлежит их королю. Но на это им ответил наш Великий Венсоно:

– Нам не нужна ваша вера, так как у нас есть своя. Вы можете быть нашими друзьями и союзниками. Ибо сам родился не для того, чтобы подчиняться, а для того, чтобы править, – так говорил он с разгорающимся пылом, и поэтому решил успокоиться и закончил:

– Мы свободные люди, такими всегда были, и такими же мы и останемся.

После этого ушли белые люди с негодованием. Возможно, они ещё вернутся.

И они вернулись с новыми силами, и произошло тогда сражение. Испанцы группировались на возвышенностях и там на специальные подставки устанавливали длинные орудия с чёрными утолщениями, которые стреляли с оглушительным громом. Сотни островитян из разных королевств полегли в тот день. Сопrotивлявшихся идти в плен жестоко убивали. Их крестили мечами и пламенем.

– В высшего светлого и любящего – вот в кого вам следо-

вало верить, – отходили и смеялись они в компании своей. – Наша церковь любящая, пресветлейшая, и верные слушатели её, верующие в «вышнего живаго» и истинного.

И крикнули палачу:

– Не дари им быструю смерть. Надо ведь, чтобы они мучались в аду, вот мы и создадим им этот ад. Во имя «сына папы и сына церкви», мы посвятим их в истинную веру, да поможет нам всевышний! – Они несли отрубленную голову Великого Короля Венсото за волосы и пугали ею других пленников.

И от глубоких душевных переживаний и волнений, пленники, которых по воде гнали в оковах к лодкам, дёрнулись вдруг, да напрасно, так как их тут же остановили режущими оружиями из блестящего «камня».

Брызги крови разлетались в стороны и смешивались с прозрачной солёной водой.

Всё время с начала сражения, на холме, за деревьями, стояли вместе с Olor. До нас доносились предсмертные крики воинов нашего острова. С ужасом оторвав взгляд от их пыток, посмотрел на мою возлюбленную, у которой золотистые длинные волосы красиво переливались в лучах солнца. По её стройному телу пробегала дрожь. Её голубые глаза покраснели, и слёзы медленно текли по её прекрасному лицу. Уверен, она долго их сдерживала, но в конце концов не смогла удержать. Прикоснулся к ней, чтобы стереть слёзы... нет, просто по слезе коснулся её лица в этот момент нашего

величайшего душевного колебания. Её сопереживания нашим соплеменникам передавались ко мне волнами, словно пульсами, так что сам мог хорошо чувствовать происходящее вокруг даже с закрытыми глазами. А вот она решительно глянула на меня, и в её потемневших глазах мог прочесть ненависть к тем, кто так издевался над нашими земляками. Понял, чего она хотела. Её глаза говорили, что она сейчас же ринется на врагов, и взглядом она заставляла меня сделать то же самое. Она уже не сдерживала плача, а ногти на её пальцах больно вцепились в мои руки, которые она сильно сжимала, и поэтому не мог ответить ей тем же в данный момент, не мог освободить себя из её рук. Её лицо нежной кожей прикасалось к моему, а её слёзы уже текли по моей щеке. Так мы продолжали стоять молча, не то чтобы в обнимку, но соприкасаясь в душевном оцепенении.

И в тот день мы нацелились на битву с ними. Но наш король решил повременить и пока не участвовать в этой битве, так как до него донесли, что враги без особых потерь для себя очень скоро истребили армии других племён. Нашему королю казалось, что чужаки с их новым вооружением были непобедимы, и он побоялся за свой народ. И Венсомо был убит, а значит, пока не выбрали нового Великого короля, люди острова были разобщены и особенно уязвимы. Однако, мы были не согласны с королём и, вопреки его решению, не могли позволить врагам свободно расхаживать по нашей земле. Поэтому, вместе с Oloro собирали людей на бой, но

по сути мы шли на верную смерть. Мы были в первых рядах, когда присоединялись к островитянам из других племён.

Земля дрожит, волны бьются о каменный берег, высоко в синем небе падает пустельга, а в руке колеблется от переполняющей меня энергии *banot* моих предков. Вот появляются волны врагов. Время тянется упругой нитью. В крике широко разеваю рот, поднимаю ногу для баланса, а той рукой, которую вытянул сзади до предела, кидаю *banot*. Оно замедленно поднимается, соскальзывая с моей руки. Копьё устремляется остриём в небо, где касается солнца и, извергая кольца энергии, продолжает свой полёт с яснослышимым рёвом, словно пикой вспарывая живот извивающегося змея... но без ожидаемого мощного удара впивается в безжизненный берег, не задевая ни одного из наступающих многочисленных врагов. Но, в этот продолжительный момент, удары происходили в наших сердцах, и мы готовы были к битве.

Мы чувствовали это внутри, и сердца произносили нашими устами следующее вслух:

– Мы больше их, сильнее и быстрее. Им стоит нас бояться.

Мы ничего не боялись, и никаких речей нам было не нужно. Мы кинулись с *tavonap* на врага, чтобы разодрать его или самим погибнуть в бою.

Мы бежали с криком. В брата павшего короля *Wencom*, нашего ведущего, попало вражеское древко, сначала одно – он защитился щитом, но затем второе остриём впилось ему в горло, но даже после этого он продолжал бежать, а вот тре-

тье уже его остановило. Он падал, но сам успел подскочить к нему и выхватить чёрный, длинный tavona, отмеченный символом его племени – Тейде – и освящённый нашими дедами и их предыдущими поколениями с начала мира, с истоков рек времени. Выхватил его tavona и сразу захотел найти жертву, в плоть которой он войдёт.

Настигли одного убегающего, отстающего от своего отряда стрелка в лёгкой броне, и со всех сторон пытались сорвать с него доспехи. С бегающими глазами и отчаянно пытаюсь вырваться, он быстро и жалобным криком просил о пощаде, но, когда погрузил глубоко в его живот свой новый чёрный tavona, мне понравилось, как тот пронзил его плоть, меня захлынуло чувство победителя и продолжал трясущейся рукою, по локоть в тёмной крови, тянуть клинок вверх по его груди, одним взмахом вытягивая оружие вместе с брызгами его горячей крови и предсмертным воплем моего разорванного и обвенчанного длинным разрезом врага. Остриё при этом расколосось и осколок остался внутри него.

Но исход битвы снова переходил в их пользу, когда они рванулись с новой силой против нас. И так быстро пронеслись мгновения сражения, что даже не заметил, как меня окружили враги. В замешательстве стоял перед ними без оружия, как на суде, но у меня был секрет и поэтому не показывал страха к их разочарованию. Секретом внутри меня был невидимый tavona, которым стремился всех перерезать в один нескончаемый миг. И тогда, этим «последователям

кафоличности», как они себя называли, достанется всеобъемлющая смерть. Принесли иноземцы свою подстриженную веру против нашей, исконной и истинной, нашей веры живой, ибо мы дышим ею и в сердцах наших живёт она, да услышите вы это прежде того, как погубить нас, прежде, чем вы вонзите свои иглы в мою душу, прежде, чем умру здесь, защищая родину и свой народ...

Моё сердце сильно бьётся, отуманивая мысли. И в этот момент моего опасного промедления, Олога выпрыгнула из-за спины врагов, и с налёту в прыжке палицей проехала по челюсти ближайшего противника. А за ней неслись другие смелые женщины нашего племени, которые прикрыли нас щитами, и вместе с ними и оставшимися воинами мы разделили врагов, некоторые из которых попытались бежать, но было уже поздно. Мы не отставали от них ни на шаг. Мы неслись за ними, словно ветер, словно их скакуны или наши разъярённые псы. Мы настигали их, так как они бежали не в ту сторону, обратно в глубину острова. Мы их загнали, и они оборонялись, как могли, а мы кружили вокруг, словно каждый из нас был *guigge*, предвкушающим скорую добычу, так что они даже не могли попасть в нас из своих стреляющих при помощи ветра орудий. Женщины с палицами, прибежавшие на подмогу, прыгают на них, искусно дерутся и гибко уворачиваются, и, в конечном итоге, окружают их, подходя практически вплотную. Мы их зажали, а наши храбрые девушки копьями столкнули их с обрыва под наш боевой клич

и крики врагов. Мы сбросили этих отбившихся от основного отряда, пытающихся выбраться и зацепиться за крутой склон утёса, сбросили и избавились от них, наконец.

Мы возвращались изнурённые и все в крови, если не в нашей собственной, то в трофейной крови врагов, и так мы принесли эту победу в наш дом. Оюга была чем-то очень обеспокоена и продолжала постоянно рваться куда-то, независимо от того, были там враги или нет. С неё не сходил азарт и пыл боя. Она была в его кровавом венце, и дух его крепко её одурманил. Сначала думал, что она вправду увидела кого-то ещё в зарослях кустарника, но потом оказалось, что она их выдумывала.

– Смерть... им, – произносит она.

– Да... – это было всё, что мог сказать.

07.4. Гроза

Когда мы вернулись к королю, ожидая пир в нашу честь, он гневно обратился к нам, обрушив наши надежды:

– Мы не можем допускать таких дерзновенных поступков, чтобы не усугубить начавшуюся войну в ущерб нам самим. Но вы послушали меня. Вы видели насколько они могущественны и поставили нас всех под угрозу, и поэтому вы будете изгнаны за границы круга. – Был уверен, что король испуган и совершает ошибку. И моя бабушка, старшая жрица, не

могла помочь нам сейчас, не могла переубедить его, чтобы он изменил своё решение. Теперь она была с нашими предками.

После главного сражения, которое проиграли другие короли, наш король – Mencey Guimar с именем Asaimo – принял сторону захватчиков. Все наши потери и наша победа казались напрасными. Король настоял на своём и не собирался нам уступить в этом споре.

Нас было несколько десятков, а напротив нас стояло пару сотен наших соплеменников, повиновавшихся королю. Мы были вынуждены покинуть нашу землю, хижины и пещеры. Даже родные по-другому смотрели на нас. А когда мы уходили в сосновый лес, нас вообще никто даже не провожал взглядами. Мы организовали лагерь, чтобы остаться там на ночь. Казалось, что вместо победы, мы получили полное поражение. Но также казалось, что это всё скоро закончится, что завтра наступит новый день, который принесёт радости жизни и всё уладится, всё станет как прежде.

Ночью Ologa не могла заснуть, вся тряслась и часто рвалась. У неё очень горячий лоб, и она испытывает боль от даже лёгкого касания. Её прежде прекрасная кожа воспалена. И так уже несколько дней с момента изгнания. Её лицо покрылось волдырями. Потом её кожа стала лосниться, начала темнеть, местами казалась синей. Моя жена страшно увядала на глазах, превращаясь в иную сущность. Какие tibicenap вселились в неё? Пусть они сгинут!

Мы сразу же обратились за помощью к нашему племени и тогда же узнали, что с теми, с кем недавно мы столь безжалостно воевали, король заключил перемирие. Ради спасения наших жён и детей. Они спасут нас? Может быть. Но в голове крутилось: «Они спасут нас? Никогда!»

Также оказалось, что похожая страшная болезнь охватила ещё некоторых из племени. Важным завоевателям и их святейшим позволили вторгнуться в наши родовые пещеры и храм, где новую жрицу ещё не избрали, а девственниц разогнали. Даже наши собаки не помогли им защититься – всех животных расстреляли. Пришлые люди сказали, что наши предки виновны в бедах, что ахон от tibicenan. Те, кого они также называли хауон, были наши отцы, деды и прадеды, наши матери, бабушки и прабабушки. Но в отчаянной вере в исцеление наших заболевших близких, мы поверили словам странных чужеземцев и разрешили им вытащить хауон из глубин пещер и храма, и их сожгли на больших кострах. В опустевшем храме затем поселились чужеземные магистраты.

Хорошей новостью было наше возвращение домой, к нашим родным и близким, и принятие нас королём, который выглядел сильно постаревшим и понурым в последнее время.

Этой ночью с востока поднялся пронзительный и непривычно сильный ветер. Верхи пальм и кустарники метались из стороны в сторону и издавали громкий шелест, который был похож на возгласы боли. Но у нас в пещере было очень

тихо. Иная атмосфера царила здесь. Мы в молчании молились Achaman и Wayaxerax.

Но болезнь не отступала, а, наоборот, сжимала свою хватку. Ologa чахнула на глазах, как это делают цветы, за короткое время становясь коричневыми и обвисшими в тени чёрного присутствия. Она была словно затухающая свечка.

Принесли ahorer, тёплую, подогретую для неё, чтобы она поела и поправилась. Мы также зарезали chivato. У их мяса с кровью были целебные свойства, которые не раз восстанавливали тяжело раненых. Но страшная, смертельная слабость поселилась в ней, и Ologa, как бы мне тяжело ни было это говорить, умирала. Она не могла даже пошевелить рукой, чтобы взять меня за руку, как это было у родового дерева или на холме, с которого наблюдали издевательства захватчиков над нашими соратниками. Не понимал, что происходит с ней. Мы никогда раньше не болели. Мне так хотелось, чтобы она спросила меня о чём-либо, просто мечтал услышать её тонкий голосок и снова почувствовать прикосновение её руки. Но она даже не узнавала меня теперь.

– Achit Ologa! Живи...

Но она в ответ, еле слышно:

– ... аккха... акх... аакккаах... ахха... хаа...

В голове путались мысли, переворачивались и сталкивались, тяжёлые и тёмные, словно небесные волны, где гnevаются вышние в худые времена. Что со мной случится, когда меня коснётся небо? Умру ли сразу? Или просто изменюсь?

Представлял тропу, по которой мне предстояло пройти. Выбежал наружу, чтобы показаться перед вышними. Там, высоко надо мной, переливалось тёмное небо и оттуда лились небесные слёзы, теперь стекающие с моих длинных волос. И прокричал тогда раздирающим горло воплем, что есть мочи.

– Yacoron Atmayec Wayai Xiraxi! Zahana Wayohec! Agonesc Wayaxehax! Покажи себя! Лучше возьми мою душу и подари жизнь моей жизни!!! – Упал на колени и не мог сдержать накопившиеся слёзы, быстро слившиеся с каплями дождя, но продолжал свою речь: – Лучше отбери брэнную жизнь твоего преданного раба, если заберёшь возлюбленную жизнь его жизни!

Пусть накажет меня, если есть за что! Вдалеке небо тревожно громыхало. Вспышки вышнего пламени соприкасались с землёй. Ждал, пока меня ударит вот так же. Пронзит насквозь до самых пят, чтобы запомнил, каково чувствовать это – остаться одиноким без своей любимой на всю оставшуюся жизнь.

Верни её.

Но никто не ударил в меня небесной искрой. И остался один.

07.5. Принятие

Не всё так просто оказалось с нашими новыми предводи-

телями. наших королей они ни во что не ставили, и, кроме того, наказывали безрассудно. Король заставлял нас выполнять работы этих людей. Давление чувствовалось повсюду в племени. За любую, даже самую мелочную провинность казнили. Они натравливали на нас принявших чужеродную веру жителей из других территорий Nivaria (так чужаки называли наш остров), которые были под попечительством других королей. Они были только внешне похожи на нас, но беспощадны. Но некоторых мы никогда раньше не видели на нашем острове. Их обычаи были нам чужды. Должно быть, они прибывали сюда с других островов, которые видны с пика Тейде по ту сторону облаков. Может, они прилетали к нам по облачному океану с пиков других гор?

В любой свободный момент, несмотря на опасности, стремился попасть к моему дереву. Иногда мне это удавалось. Однажды, когда местами выглядывали красные цветки агавы и другие ярко-фиолетовые и жёлтые соцветия вокруг, стоял у моего маленького драконового дерева и представлял, как через много лет буду также стоять здесь и обнимать его многоствольную грудь. Как хорошо будет тогда. Шептал ему о своей любви, вспоминал былое и... плакал. Имя Olora не покидало мой разум и постоянно было со мною, во все мгновения моего жалкого существования. Это вечное «древо жизни» – так назвал его теперь. Оно стоит одиноко и красочно и станет выше всех остальных деревьев и растений. У него вырастет бесконечное количество ветвей, по которым разой-

дётся взгляд и заставит задуматься о вечном. Это дерево одинокое, как и сам, в ожидании чуда и тёплого прикосновения любви и хоть капельки внимания, от которых мы цветём. Ещё долго после возвращения в племя вспоминал этот момент, и ещё какое-то время с моего лица не сходила улыбка.

В очередном походе наших воинов за съестными припасами, которые мы добывали для себя так же, как и для своих новых господинов, мы стали свидетелями зверских насилий и убийств под попечительством белых людей и их преданных слуг. Однако, они также заметили нас. Мы бежали обратно к племени так быстро, насколько позволяли нам обессиленные от непосильных работ ноги. Конечно же нас настигли. Точнее, нас настигали. Мы добежали до утёса, и тут один из наших близких, старый zahana короля, начинает кричать и метаться, будто бы его кусали tibicenan.

Все отпрыгивали от него, оголтело носящегося из стороны в сторону в попытках ухватиться за tavonan или хотя бы выхватить один из них.

– Покажи мне его!!! – орал он не своим голосом. Видимо, он потерял или просто забыл взять своё оружие. Но его по-прежнему окружали испуганные лица воинов, не желающих расставаться со своими tavonan и не знающими, принесут ли они этим пользу zahana короля. Тот сильно закашлялся и схватился за горло, а затем за грудь.

– Что с тобой? – спросили его, но его ноги тут же подкосились, и он упал на одно колено и свалился бы полностью,

но его успел подхватить один из воинов.

И в этот момент он из последних сил нам выплеснул свои мысли и чувства этим откровением:

– Venichen... эти люди пришли, чтобы захватить... нас, покорить нас... уничтожить. Но мы будем... кх-кх... сражаться. Они хотят отнять и заменить... наш... ах... культуру, наши правила жизн... и законы, по которым мы столько поколений жили со времени наши... х великих отцов, наш... предков... хрг... Наша вера зиждется на традициях. Мы не должны их уступать. Мы не позволим им. Мы умрём за это. Нам лучше уме... ре... с сердцами пол... ными веры и... полн... – выговаривал он, когда показались из-за кустов наши преследователи, а его последние несколько беспорядочных, быстрых вздохов резко пресеклись, и он перестал дышать. Мы помогли ему в последний раз закрыть глаза и уложили его рядом с обрывом.

В душе мы были согласны с ним, и мы не хотим возвращаться и не будем так жить, а наши завоеватели не остановятся. Хотел кинуться на них с tavona, крепко сжатым в моей руке и, с последним воплем зверя, атаковать, вцепиться зубами в глотку врага и перегрызть её раз и навсегда.

Нас окружили и прибили сбившейся группой к краю утёса. Цепями они цепляли наших воинов из первых рядов, а кнутами истязали их. Они научились держаться плотным строем и на расстоянии от нас, зная, как быстро и далеко мы могли прыгать и бегать, мигом заставляя их врасплох. Но

не сегодня. Не сейчас. Не было у меня достаточно времени, чтобы насладиться жизнью и любить, чтобы побыть в семье. То, что было здесь сейчас больше напоминало битву за жизнь, чем саму жизнь, чем «древо жизни». Противников было слишком много, и они были слишком хорошо подготовлены. Поворачиваюсь к ним спиной, лицом к сияющему горизонту. Просил дрожащим голосом и позвал под конец:

– Амен, Матерь, скажи, что заберёшь нас к себе и позволишь нам встретиться с теми, по которым мы так сильно скучаем. Мы чисты пред Тобою. Твои дети взывают к Тебе, Ты слышишь?.. Амен...

Мои пальцы тряслись и неравномерно сгибались в волнующем предвкушении, когда протянул руки за помощью к оку небесной Матери. Хотел, чтобы спалило бы оно всё здесь своим ясным пламенем. И горело бы всё вокруг, как круглый дом со многими окнами, в центре которого воины соревновались в силе и ловкости. Освободило бы это людей от адской, угнетающей жизни. И мне на миг показалось, что за нами и вокруг нас уже давно всё сгорело...

Хочу знать, что жизнь лучше там, за чертой, с нашими родными и близкими.

Солнце так ярко светило в синеве, что, казалось, из лучей сплетался мост. Ноги сами понесли людей к своему Вышнему. В прыжке с обрыва они чувствовали, как им дарили свободу и у них вырастали крылья. Они закрывали глаза и слышали удалённый потусторонний свист, дружелюбно зовущий

их сердца. В свои тёплые объятия смерть поглотила их навсегда. Их больше нет. Вы больше не встретите таких, как они. Только найдёте современных пещерных людей, призраков былого величия, безвозвратно потерявших свою былую культуру, поглощённую доминирующей испанской. . .

Захватнические войны испанцев длились большую часть пятнадцатого века, в течение которого численность островитян неуклонно сокращалась на многие тысячи жизней, пока они практически полностью не исчезли совсем. На этом завершилась европейская захватническая миссия. Так ушли одни из последних носителей этой неразгаданной культуры самой загадочной расы на Земле. Жителей последнего завоеванного острова называли гуанчи – что означало знающих свою судьбу детей Тенерифе, острова одинокой «белой горы» и самого высокого вулкана среди семи крупных островов Канарского архипелага, также известных по сей день как «Счастливые острова».

08. Син

08.1. Шум

Внутри полого ствола дерева сидит девушка: волосы перемешались с листвой, сапоги скрылись под грязью по колено, длинный чёрный лук со стрелами на спине. Осень. Листья колышутся на ветру. Деревья тихо сбрасывают их, как слёзы на неизбежное избавление. Она сидит, согнувшись в листве. У неё шум в голове. Во сне ей шепчут люди, которых она знала. Они зовут её... и повторяют, снова и снова, «с-й-н» – этот звук или слово, которое она приняла за своё имя. Новый день, новая дорога. Она встает и лёгким бегом направляется в путь, неизвестный ей...

... Родилась в кимерийской деревне, в северных краях. Принесли меня с запозданием к шаманке, а она проверила меня и отослала без церемонии вручения имени и татуировки рода. Жила в деревне одиноко, потому что меня боялись взрослые и отгоняли от меня сверстников, хоть умудрялась с ними иногда поиграть. Подростая, любила перемешаться в грязи в яростных драках до крови. Не давала себя в обиду сильнейшим мальчишкам. Мои руки были крепкими, стан гордый, хоть и простой, чуть ли не мальчишеский, и резкий

темперамент...

... Уставшая и без провизии, она разожгла костёр под небом, окруженным тёмными ветвями деревьев. Она присела, чтобы погреться и передохнуть...

... Была проклятием деревни. Подслушала, как говорили обо мне, что спасу или погублю всех, что была посланницей неизвестной судьбы, черноволосой чужачкой. Убежала из дома, после того как украла кусок мяса у соседей, и моя мать обнаружила это. Лежала в прогалине в темноте и любовалась звёздами со слезинкой в глазах...

... Шорох в траве...

... Моего отца редко видела, потому что он часто уходил на охоту и странствовал с другими охотниками. Он тихо поднялся на склон холма, подошёл ко мне и взял меня за руку, когда встала перед ним. Слезинки-крупинки покатались по щекам.

Мои родители держали меня в углу нашей хижины под надзором четыре зимы. Плакала себе в ладони, отвернувшись от них, и злилась на них. Они были слабы, что боялись меня, и за это ненавидела их ещё больше. Меня мучили шорохи в голове и окружающая меня духота. Меня успокаивал обрубок чёрного ясеня, который подарил мне незнакомец, давно проходивший через деревню, и гладила эту вещицу. Путешественник рассказывал о дальних странах, но больше всего возбудил мою фантазию его огромный лук, и беседуя с ним, узнала, что он ему достался от умирающего воина. Тот

протянул ему лук, чтобы хоть бы этой самой близкой части себя продлить жизнь.

Во сне мечтала, как обрубок вырастет в длинный лук, держала его и натягивала тетиву. Как из него вырывались чёрные стрелы и, обволакиваясь живым дымом, как будто из змей, затмевавших всё вокруг, впивались в тела, пропитанные древним злом из дальних стран. Но этот последний символ надежды, что оставался у меня в заточении, в этом мерзком плену, был отобраян отцом...

... Рычание в кустах, и длинная тень пересекает деревья, до которых не доходит свет пламени...

... Впервые вырвалась ночью в хижину к кузнецу, и пока он работал, нашла длинный чёрный лук, о котором только мечтала. Он был спрятан за грудой ящиков со старым оружием. Но меня услышал кузнец...

... Тигр кинулся на меня, а моя рука, державшая лук, направила стрелу, выхваченную в последний миг...

... Кузнец ринулся со злобой и жилистыми руками хотел меня схватить, но совсем рядом лежавшее лезвие клинка пронеслось вихрем в моей руке...

... Тетива крепко натянулась, дерево задрожало, издало лёгкий стон, и её резко отпустила. С музыкой струны стрела скользнула и впилась в горло зверя. Туша упала – мне повезло отскочить. На восходе, бежала опрометью. Должна бежать...

... Помню, как тёплая, вязкая кровь хлынула из горла куз-

неца и потекла по моей руке, брызнула на лицо. Он стоял, схватившись за шею, с выкатившимися от изумления глазами. Солёноватый вкус во рту, как обычная кровь...

... убегая от теней старых деревьев, через лагерь клыкастых врагов...

... Как в трансе выхватила лук и ринулась из хижины, но деревня не спала, и навстречу мне бежали одурманенные люди с мечами и дубинами в руках. А чёрные стрелы навсегда останавливали их на местах, где они падали, и уходила от них, бросала их всех... вот мой отец... мать... и пламенем горит наша хижина...

... снимала стрелами часовых, прорываясь на безлюдную свободу. И только ветер трепал её чёрные кудри, а ноги сами перепрыгивали через павшие деревья и мчали вперед к горизонту, через поля и леса, она бежала и бежала, пока на опушке леса не появился дом с дымом, исходящим из трубы деревянной крыши...

08.2. Чёрная желчь

...Свет от свечи не распространяется дальше стола. Еле вижу слова, написанные моей сестрой. Она придет завтра утром. У меня трясутся руки, и отчаяние просыпается внутри. Она не должна приходить сюда. Выхожу из дома и ступаю в кучу листвы. Иду по истоптанной тропе в церковь, где

служу священником.

Люди здесь недавно умирали со страшными муками, обессиленные, неспособные к покаянию. Везде лежали мертвецы, и даже живые были похожи на них. Приехал в эту деревню, чтобы помочь бороться с эпидемией чумы. Мне следовало молиться за спасение от бесов, прятавшихся во тьме. Стал просить тьму для их изгнания. Когда на просьбы не откликнулись, стал умолять. Снова ад молчания. Тогда отдал свою душу тьме через молитвы. Тьма сгустилась... и пошла чума в другие города и деревни. Но остаюсь здесь, чтобы не дать чуме вернуться назад.

Ясновижу людей в масках с длинными клювами, высывающимися из-под чёрных капюшонов. Они приходят ко мне во сне каждую ночь. Но вчера, как наяву, ясновидел одного без маски. Он постучался в дверь и ему отворил, как давнешнему знакомому, даже не изумившись его странной внешностью: он был лысый, с жёлтыми глазами и бескровно-бледным лицом. Во сне сразу понял, что он человек в маске, доктор по делам болезни, мне помощник, а догадался тем, что на нём был длинный чёрный халат. Хоть думаю: ну и что? – это ничего не значит, потому что у многих такие халаты. Предложил ему присесть за стол, поинтересовался его делами и здоровьем, даже предложил ему похлёбку, и пока всё пытался увлечь его разговором, он сидел и молчал. Сам же неустанно продолжал болтать о чём-то, как будто сам с собою, и затем он неспеша встал и... тихо вышел из моего

дома. Проснулся. Позже, за окном некоторое время лаяла дворняжка, звала соседскую собаку, которая умерла вчера ночью.

Дома не чувствую приюта. Дверь скрипит, когда открываю её настежь. Темнота засиживается здесь, как чёрная напасть. Огонёк свечи колеблется от биения тёмных стен, давящих, как мрачные руки, сжимающие моё сердце. Уже стар, но одиночество для меня – это спасение для других. Доски, из которых сделан дом, гниют и скрепят. Между стен – шорохи, – не уж-то крысиные? А то в городе сегодня говорили, что крысы все куда-то исчезли. В углу лежит дохлая крыса, объединенная личинками, и смотрит на меня пустыми глазами. Внутри меня сидит что-то и тоже скребётся, и чувствую это давно. Стук в дверь. Это она, но моё тело не двигается с места. Она стучит опять и просит меня открыть. Но не могу... Молящий плач за дверью... Слишком изменился. Мне не даёт жить чёрная желчь.

Помню: был один человек, кто всегда любовался солнцем и тянулся к нему руками, как бы поласкать его. Он хотел научить других людей ясновидеть ту красоту, что он ясновидел. Но его первый ученик не выдержал испытания и сгорел дотла. С тех пор, этого наставника звали бесславным, и все держались от него стороной из-за страха к неизвестности, но уважали его за редкую доброту и службу народу. Он мог направлять огонь в выгодные места, но был робок с людьми и не влюблялся, так как боялся, что близкие ему умрут, по-

смотрев на солнце через него. Он ушёл далеко, и все забыли про него, но нашли его последнее пристанище, и узнали, что раскопав его останки и посмотрев на них, люди сгорали заживо. Его народ использовал останки для ковчега, через который они сеяли испепеление на своих врагов.

На следующий день дом священника был найден сгоревшим.

08.3. Пустошь

Потрескавшаяся бесплодная земля. Вдруг вырывается гейзер смрадного пара, а за ним вихрь когтистых шипов. С криком отразила удар и, перекувырнувшись, кинулась бежать. Частое дыхание в ушах и тревога от страха в сердце. Мой труп мог бы остаться высыхать в этой пустыне. Но вместо этого мой кинжал остался в песке, у песчаного демона-исполина, от которого еле унесла ноги. Мне редко повезло. Позади, на горизонте – столб чёрного дыма в безжалостном небе...

... За крайним домом была чёрная калитка в заборе из переплетений железных ветвей. Ночь. Сгорбленная тень и вздохи. Скрепят двери, в окнах мелькают огоньки. В таверне гарь, люди пьют, на столах разбросаны монеты и разлита выпивка. Разглагольствуют про северную страну великанов, завоевательные и оборонительные войны в дальних землях

и про чудеса, про расхождения вод.

На меня смотрят. Подхожу к хозяину за стойкой, чтобы снять комнату, но не решаюсь сдвинуться с места и спросить что-либо. Мне страшно смотреть в другие глаза и не чувствовать ничего. Как будто вижу упреки на себя со стороны неизвестных мне людей.

Один здоровяк подходит ко мне и говорит:

– Эй, красотка, хочешь хорошо провести время? – От него несёт хмелем. Пьяница пытался схватить меня, но увернулась. – Ну что молчишь? Давай развлечёмся!

Стою и смотрю, моя рука держит кинжал за пазухой, а сердце громко бьется. Краснею от негодования.

Хозяин щурится на мой лук со стрелами, со страхом переводит взгляд на меня, и говорит с усмешкой, словно вопросительно: – Нечего тебе тут делать.

– Посмотрим... – цежу сквозь зубы в знак обиды на него, отворачиваюсь и медленно ухожу, бросая на них взгляд. Про себя даю обет, что первый из них, кто выйдет, будет наказан.

Голодна и устала. Горло пересохло, а небо безоблачно, давно закупорилось и не хочет лить дождей. Скоро рассвет. Сажу на крыше. Первый вышел из таверны, облаченный в тёмное одеяние, под которым поблескивали латы, не уберёгшие его от моей бесшумной стрелы. Сдавленный крик в ночи...

Закрываю глаза и представляю себя в пустыне: одинокая стрела всё летит и летит, её наконечник зажигается под солн-

цем – горящая стрела продолжает полёт, не находящий себе цели. Только гиены стоят и смотрят голодными глазами.

Брожу по пустой рыночной площади. Тихо, как на кладбище. Только на кладбище лужи свежей крови со странными узорами, а здесь ни души, ни криков. Мои стрелы тут никому не нужны. В моём сердце пустота и тяжесть. В голове продолжают сидеть голоса, но мне не привыкать к их боли. Только моменты тишины мучают меня. Заслужила смерть за грехи.

В переулке скрипнула дверь, и тёмная фигура меня манит. Старик закрывает передо мной дверь, и слышу его хрипящий голос:

– Уходи отсюда. Это проклятое место, чтоб его опаяло пламенем. – Он напоминает сумасшедшего с глубоко израненным сердцем. Чернота пожирает здесь людей, а ночь длится вечно...

С восходом солнца, на площади начинает шмыгать народ и торгошники. Меня обнаруживает хозяин таверны и громко говорит, чтобы все слышали: – Эта дикарка из племени пиктов принесла беду со своими стрелами. Она убила моего жильца, – и плюнул мне под ноги, так как убоялся плюнуть выше. Солдаты направились ко мне, но не дошли. Успела проскользнуть в смятенной толпе.

Ему это могло стоить одной стрелы с облитым маслом и подожжённым наконечником, направленным в деревянную крышу таверны. Как крепко натянутой могла быть эта стре-

ла, как резко промчалась бы, скользя с моей щеки ветренным натиском, всколыхнувшим локоны моих чёрных, слипшихся волос. Но была слишком голодна и бессильна. Не ела целую вечность.

Пробралась в логово кугуаров. Чувствую кровь и мясо. Они затащили свежую добычу. С кинжалом в руке и с бесстрашным огнём в глазах, крадусь к ним. Их двое. Одна из них вгрызается в грудь красного зверя и начинает рычать. Из последних сил размахиваюсь и режу воздух перед собой, резкими, непрерывными движениями, кажущимися наполненными стремительной силой. Подбираюсь к ним всё ближе. Оба скулят и убираются с моего пути.

08.4. Потускнение

Вижу первое дерево после суток в пустыне. Сгорбленное и старое, оно чёрными сухими когтями пытается отчаянно изодрать небо, отобрать себе хоть бы его клочок. Вокруг начинается еле заметная трава и редкие папоротники. Слышу топот копыт, а за склоном начинается лес. Вооруженный конный отряд спешит по моему следу. Они делятся в лесу, и двое направляются к месту, где мне пришлось укрыться.

Мужчина спотыкается об меня в траве, и хватаю попавшуюся сухую палку и замахваюсь на него – палка ломается. Он ранит моё плечо мечом, и ударяю его ногой. Сзади, за

плечи, хватает меня другой – резко оборачиваюсь и падаю на него. Мы кувыркаемся на земле; царапаю его лицо ногтями и глубоко прокалываю глаза... и его вопль раскатывается по округе. Его меч уже в моей руке, и колю им подошедшего плотную воина...

Бегу как можно дальше от этого места и прячусь в зарослях. Сидя отдыхаю, останавливаю сильное кровотечение на плече и привожу себя в порядок. В кармане у одного из них был свиток с оповещением привести меня живой или мёртвой в какой-то город...

... Волны бьют о корму галеры. Сажусь в каюте, на мне длинное платье, и длинный шрам под вуалью. Мне некуда бежать, и кроме того, тут полно охраны. Слышу гулкий хор гребцов. Меня позвал к себе хозяин судна, этот всеядный жировик. Вожу рукой по деревянному столбу и смотрю, уставившись, на гладкий бугорок, вздутый на дереве, словно пузырь. Ненавижу его, как саму себя. Эта уродливая кочка на моём пути...

... На пути мне встречается пруд. Раздеваюсь догола. Моя кожа приятна, моё гибкое тело тёплое. Беру себя за талию, и мои руки спускаются к бёдрам. Но так грязно. Моё перевязанное плечо болит. Окунаюсь в холодную воду и погружаюсь в неё, чтобы смыть всё с себя, всю соль и запёкшуюся кровь. Воспоминания не дают мне покоя. У дерева стоит парень и говорит со мной. Не хочу его слышать.

– Хочу тебя, почему ты так холодна? – он ищет меня под

водой. Медленно всплываю. В моих глазах отражён лунный свет. – Зачем ты делаешь мне больно?

– Не могу, не готова, – отвечаю сама себе, и у меня всё накатывается и бурлит внутри. – Иду в город, должна покончить с этим...

... У ворот большого города – города царя царей – к которому, наконец, пришла, меня останавливают стражники. Не даюсь им легко. Они наваливаются на меня и по-зверски избивают, сажают в клетку, а на площади продают в гарем к работоторговцу на галере. Здесь моя жизнь затухает и тускнеет. Мы попали в шторм, который, думаю, покончит с нами...

... Мне снится сон, как тону, погружаюсь в пучину. Ноги подкошены, тело изогнулось, и из груди плавно расходится кровь. Но меня выносит на берег. Держу путь к горам с заснеженными вершинами. На склоне, толстый слой льда, как мне кажется, отражает знакомые и незнакомые мне лица. В пещере, покинутой древним племенем каннибалов, нахожу колдуна, холодного, как смерть, но он ещё дышит. Его волосы примёрзли к коже, а тусклые глаза раскрываются, когда подхожу, и он с рычанием кидается на меня, но хватаю и держу его за горло. Он мякнет, и отпускаю. Он хрипит:

– Тебя забрали у меня, но ты вернулась.

– Папа. – Думаю, что он мой отец.

Мы живём вместе под заснеженными горами...

09. Стены

За окном идёт снег, еле видимый в темноте. На окне начали появляться ледяные узоры. В комнате горит тусклый свет. Пишу новую картину о красивой, тёмной роковой женщине: она моя постмодернистская мечта, которую зову Лукава.

Живу один в студии и работаю только ночью. Поздно ночью, после трудоёмкой работы, в ванной комнате, позади моей длинноволосой нечёсаной физиономии с кругами под глазами, ясновижу тёмный образ в отражении зеркала. Но рядом со мной никого нет. Затем бездумно рисую странные картины карандашом, как будто кто-то водит моей рукой. На них изображены средневековые воины. На следующую ночь, на стенах комнаты появляется тень и увеличивается. Слышу тяжёлое дыхание. На бумаге появляются люди в чёрном облачении. В голове яснослышу чей-то хриплый голос.

Ещё одной ночью, передо мной появляется чёткий силуэт мужчины. Не вижу его лица, но он говорит со мной неизвестными звуками. Чувствую невероятные страдания в этой тени из прошлого. Что-то как будто продолжает мучить моего посетителя. Он направляет на меня темноту. Сливаюсь с ним через неё. Потерянный, блуждающий, он, наконец, нашёл своё место и применение в моей душе. Принял его полностью, но теперь понимаю, что от него не смогу избавиться

никакими способами, разве только...

... Ясновиджу, как сижу в таверне и слышу, как собравшиеся, старомодно одетые люди говорят о тайном городе, полном сокровищ. Послышалось «патэрон» или «парфенон», что принял за название этого города. Имя города – звучит устрашающе и сильно; в нём мелькают эмоциональные образы, перемешанные со строгостью, невинностью и с каплей жалости – вызывает у меня интерес. Ко мне обращаются воины моего отряда, и говорю им:

– Собираемся, нам предстоит долгий путь.

На следующую ночь, ясновидение продолжилось. Вёл свой отряд вояк к потаённому городу, спрятанному в горах далеко на юго-востоке. Мы шли ведомы. Когда появились стены города, мои преданные пятьдесят меченосцев заволновались, что мы не сможем проникнуть в город, но их успокаивал. Ясновидение резко оборвалось...

Много думал и задавался вопросами о моём посетителе. Почему он пришёл ко мне? В его речи слышал звук, мягкий, словно женский образ, но пугающий. Он обволакивал меня тьмой и чувствовал, как огромная вина ложится на меня за что-то, чего не знаю, или не помню. Говорили, что в моей квартире произошло убийство или кто-то умер при странных обстоятельствах, не помню точно. Может это неискуплённый грех.

Мои близкие говорят, что сильно похудел и плохо выгляжу. Забыл, когда последний раз спал или ел. Не выхожу из

квартиры. Часто просто лежу или сижу при выключенном свете. Иногда чувствую, как зло просыпается во мне, но меня держит что-то... или кто-то. В голове у меня стены древнего, загадочного города. Что находится за ними? Рисую их на обоях – эти нерушимые высокие стены.

Бесстрашен. Вокруг сгущается тьма, но она мне не грозит, потому что чувствую её изнутри. Её переизбыток вырывается из меня. Боюсь выходить на люди и чувствовать на себе их взгляды. Превращаюсь в кого-то страшного. Представляю, как у меня из головы растут длинные винтообразные рога, крючковатые ногти из пальцев, клыки, гребень на спине, тонкий хвост, острые костяные шипы на локтях и предплечьях. Моя кожа становится жёсткой, но отходит щитами, похожими на дерево, местами гладкое, как обсидиант, но словно покрыто вулканическим пеплом. Весь чёрный, и одни глаза светятся красным огнём. Слышу женский крик в тёмном городе... и пропадаю в ночи одним прыжком, перемещаюсь по крышам домов. Получать наслаждение от чужого мучения. Меня следует бояться всем детям тьмы, потому что избранник вышних сил вышел на их след, на охоту за теми, кто нарушает тишину и покой невинных в объятиях ночной шали...

... Стою с распростёртыми руками перед пробойной в огромной стене, из которой волнами льётся свет. Он такой яркий, что щурюсь и отвожу взгляд вниз. С моих рук течёт кровь, весь в крови. Земля усеяна окровавленными тела-

ми моих людей. Вокруг меня напрягшаяся тишина, и только впереди шумит энергия света. Сзади слышу глухие удары по воздуху. Оборачиваюсь и ясновижу тьму крыльев летучих чудовищ, и безликие тени в чёрных латах идут бесчисленными рядами и смотрят на меня, как на предводителя. Небо над ними застлано тучами. Они ждут меня и надеются, что сейчас дам команду на штурм города. Но живой свет так прекрасен впереди. Хочу взять его, забрать с собой, но не уничтожить это сокровище. Хочу и должен идти вперёд к свету, но стою как вкопанный. Не дам им пройти сюда, через меня. Множество недовольных, угрожающих рычаний и возгласов демонов позади. Стою...

Тело молодого художника нашли в его комнате. Соседи сказали, что он был ещё одним наркоманом, умершим от передозировки. Когда его нашли, в его глазах ещё тускнел свет.

10. Перекрёсток

Заезжаю на ланч в один ресторанчик на углу таких-то улиц. Хочу гамбургер, и заказываю его с напитком. Много мест занято, но один диванчик у окна свободен, только за столиком с другой стороны сидит мужчина в костюме и читает газету.

– Можно? – обращаюсь к нему.

Он вздрагивает газетой:

– Да, конечно.

Сажусь и приступаю к трапезе. Нёбо щекотит зелень, по языку плавно проплывают помидорчики, пережёвываю говяжий фарш и всё время смотрю на газету в руках моего соседа. Наверное он уже поел. О чём он читает? Газета немного отклонена от его лица, и он ловит мой взгляд, кладёт газету на стол и говорит:

– Хотите почитать?

Отпил по соломинке из пластикового стакана и перед тем, как откусить ещё раз от моего гамбургера, отрывисто отвечаю: – Нет, нет, спасибо. Просто забыл купить газету. Интересные новости пишут?

– Да всё как обычно: про смерть.

Сам смотрю на него, глазами поддерживаю разговор, и он продолжает:

– Всё-таки ужасно опрометчиво умирают молодые люди. Сам работаю в морге, и недавно привезли двадцатидвухлетнего парня.

– От чего же он умер?

– Говорят, что от наркотиков. Но сам в это не верю, хотя... пока не известно.

– Да, жаль. Но знаете, они сами на это идут, то есть... имею ввиду, испытывают свои пределы. Вот читал недавно про то, как сейчас нанимают и тренируют беспризорников, создавая из них опытных и безжалостных убийц. Ими интересуются элитные военные подразделения, а также частные лица...

– Тоже слышал об этом. Они, в основном, сироты. Им некуда деваться.

– Может быть. Но то, что в молодости они не думают о смерти – это точно.

– Безрассудная молодость – она и наша с вами.

– Не спорю, главное, чтобы рождалось больше, чем умирало, – ухмыляюсь.

– Да уж, другие об этом позаботятся, – и мы немного засмеялись. – У вас есть дети?

– Да, мальчик, восемь, и девочка, десять. – Хочу показать ему их фотографии в моём бумажнике.

– Сам почему спрашиваю, меня тут затронуло самого, потому что у меня тоже... а да, красивые... просто выписываю один научный журнал об альтернативных вселенных. Там

была интересная статья о том, что случается после смерти, или что параллельным жизням достаточно одного поступка для полного отличия. Забавные истории там пишут. Вот например, вы встретили не нынешнюю жену, а жену своего друга и стали маньяком... – он смеётся, – или, вот ещё лучше пример: представьте, что вы приезжаете домой и находите, скажем, не вашего сына и дочь, а только дочь, и так окажется, что сына у вас вовсе никогда не было.

– Странно. Что же это будет по вашему?

– Что вы попадёте в параллельный мир и не заметите этого. Учёные говорят, что это как переход в другое сознание. Знаю, звучит замысловато, но меня поразила эта идея. Что если мы переходим из одного мира в другой, даже не замечая этого?

– Хм, интересно, правда... – доедаю гамбургер и смотрю на часы. Мне скоро нужно ехать.

– Простите, не спросил где вы работаете... Мне уже пора идти.

– Да ничего. Работаю в корпорации IASO. Может слышали?

– А да, это те, кто производит digital booklet?

– Они самые, – улыбаюсь.

– Кстати, меня зовут, – он называет своё имя, а ему говорю своё. Он встаёт и протягивает руку, и мы делимся крепким рукопожатием. – Ну что ж, было приятно с вами познакомиться.

– Да, спасибо за разговор. Может встретимся ещё.

– Да, сам захожу сюда на ланчбрейке. Тут делают отличные гамбургеры.

Мы смеёмся.

– Пожалуй, что да.

Он выходит. Несу поднос к другому столику и сбрасываю остатки в контейнер. В голове возникает вопрос:

«А что будет, когда все параллельные миры исчерпаны? Куда тогда попадут души?» Странное ощущение. Выхожу на людную улицу и сажусь в припаркованную красную машину.

Заезжаю за партнёром. Он меня ждёт у перекрёстка и садится в машину.

– Где остальные?

– Сейчас заедем.

– Давай, а то уже скоро.

– Да знаю, не подгоняй.

Встречаемся с остальными тремя партнёрами, и мы едем вместе.

Перекрёсток – зелёный свет переключается с красного. Газую... Краем глаза замечаю справа несущуюся на нас фуру или... Закрываю глаза при столкновении – вставленный чёрный кадр продлевается – затем останавливаю машину у обочины, не понимая что случилось. Выхожу. Смотрю по сторонам на перекрёсток позади: машины едут, проезжают мимо. Сажусь вновь в свой старый чёрный пикап. Веду машину смело, чётко, показно, чувствую полностью все габариты.

В зеркале заднего вида появляются мои карие глаза: «А он ничего, симпатичный такой, тёмный, высокий, подтянутый, даже немного изящный».

Если бы она сидела рядом, то предложил бы ей с просящими глазами и улыбкой:

– Хочешь ротиком поработать, детка?

– Ты что, не сейчас, – она бы сказала с удивлением. Но в ней бы также читалось любопытство, которое всегда проглядывается, когда сталкиваешься с чем-то новым.

– Да ладно, тебе ведь хочется.

Она наклоняется ко мне. «...Do it baby, do it baby...». Одну руку убираю с руля и кладу на её мягкие, чёрные распущенные волосы. От её ведьминой ласки давлю на педаль газа и мы ускоряемся. «...Dig through the ditches and burn through the witches and slam in the back of my...» Она меня ненавидит, да? Говорит: умри подонок, умри, умри, хоть бы ты умер. Но с тобой никогда не смогу умереть. И по радио, под аккомпанемент электронной музыки и под жёсткую ритмику баса, грубым эхом продолжает вторить: «I can never die...»

11.1. Розовый ларчик

Распущенные тёмно-русые волосы. Такие мягкие, длинные. Она лежит на сухом полу. Её кожа подтянутая, упругая, румяная на щёках, как у красавицы славянки, но в общем, она блестит здоровой белизной; она такая гладкая, и в то же время нежная и приятная на ощупь, податливая на ласки. Мягкость и насыщенная красочность её полных губ – верх всякого блаженства! Стройная шейка поддерживает овал её лица. Редкие родинки на её шее и лице придают ей привлекательность и сексуальность. Женственность округлой формы и насыщенный, мягкий цвет – всё это даёт ей её кожа. Мужчина касается, гладит её лицо и волосы и шепчет:

– Восхитительно, замечательно. Как увидел тебя такую прелестною, так моё сердце зашло от влечения к тебе и до сих пор не отпускает. И эта память моя драгоценность, ибо в ней ты всегда останешься красивой для меня.

Он любуется ею, водит руками по её коже, его глаза и всё его осязание и обоняние, как цветком, увлечены лежащей на полу полуголой девушкой. Через некоторое время он снова продолжает свои рассуждения вслух:

– Верю, что можно сломить холодный нрав бесчувственной женщины нежностью ласк, вниманием, заботой, и тогда растает её железный нрав, и убедится мужчина, что это бы-

ло всего лишь игрой; она всегда ждала его и желала, хоть словесно отвергала. Полностью открытые друг другу, интимные, без каких-либо между нами проблем, сам для тебя и ты для меня, а если ты похолодеешь и не будешь отвечать взаимностью на мою теплоту и ласки, тогда могу стать перед тобою на колени и попросить, чтобы мы вместе разрешили то, что отделяет тебя от меня... Однако, также верю, что к мужественным следует относиться нежнее, а к таким женственным – жёстче. Из женщины, как из глины, можно сделать что угодно и побыть с ней на волне. Пока она любит, она будет податливой. Главное действовать, стремиться и захотеть, чтобы сердце разбежалось с тобою, а не с пустотой. Нам дан момент, чтобы схватить и отобрать для себя этот лакомый кусочек, оторвать её ото всех, кто был с ней, чтобы теперь она была с тобой.

Вдруг она открывает испуганные глаза. Страх перед неизвестным, перед смертью, придаёт ей такую ясную отрешённость от вещественного мира, такую сказочную потерянную вне времени, что она ещё больше привлекает. Но не буду её убивать. Её целую. Она кричит, отталкивает меня. Развязываю одну её руку и кладу себе на уже довольно набухший, большой чёрный...

– Сожми, детка, сожми его крепко, не бойся, и почувствуй эту пульсирующую силу.

Он жаждет войти в её влажную розовую киску. И он войдёт. Он обязательно войдёт, но так медленно, чтобы ей не

было больно, а было только приятно. Это ведь для неё тоже. Да, для тебя.

– Человек владеет природой, а ты – женщина – такое же естественное явление или часть, которая соединяет меня – мужчину – с природой. Это значит, отчего же мы вами так же не должны силою владеть? Ты ведь хочешь, чтобы в твой мир вошли, слились с тобой, стали частью тебя? Чтобы превышающие твои чужие силы были переданы-отданы только тебе единственной? Это сладострастное наслаждение, прелестное ощущение соития. Ты будешь вдвойне, нет втройне сильнее, потому что сам теперь являюсь твоим и умножаю твои силы.

Она смотрела на него, как на помешанного.

– Мои силы хочу отдать тебе, хочешь или нуждаешься ты в них или нет. Но конечно ты хочешь. И тебе они нужны. Отдаю себя тебе полностью, в твои руки, а ты питаешь меня своей красотой, как будто кормишь молоком и мёдом, – живее и с большим воодушевлением, как будто с мольбой, продолжал говорить он:

– Только ты одна для меня. Только тебя и больше никого. Хочу тебя всю изучить, взглянуть внутрь тебя, увидеть твою...

Он представил себя на её месте, как если бы он был ею:

Моё наслаждение не имеет границ, его не описать – сама на седьмом небе; внутрь, в сокровенный, розовенький, бархатный ларчик мой, срывается сладкое пламя, мои губ-

ки скользят по нему, а шейка нежно целуется с его головкой; так приятно и тесно внутри, давление, скользящее там – всё внутри меня; он наполняет меня собою, своей любовью с бушующей, страстной кровью; вся нахожусь в его стремительных, пылких объятиях, двигаюсь в ритм, ловлю резонанс; как он сосёт мои груди и водит язычком вокруг сосков!; пусть он наполнит меня своей силой, такой тёплой, пусть оставит часть себя во мне. Ааа-х.

Она визжит от боли и страха. Пока в ней, целую её, ласкаю, не могу от неё оторваться. Есть только одна она в этом мире. Только она и больше никого.

В подвале у меня были для этого знаменательного случая приготовлены прутья. Он ими стебанул и оставил росчерки крови на нежнейшей, беззащитной её задней плоти, дабы узнать есть ли разница между стенанием от боли или услады, и убедившись, что все эти эмоции одинаково отражены на лице, продолжил свои сладострастные отвратительно-извращённые издевательства. Она рыдала от приятной боли. Борься ей было бесполезно.

Негр закрывает её в подвале. Идёт в магазин за продуктами. Кормит её хорошо, когда она ест. Покупает только органические продукты. Калорийные и вкусные. Она не должна быть такой упрямой девочкой. Ей нужно восстанавливать энергию, а то она так сильно переживает и быстро похудеет – у неё много стресса. Это плохо для её здоровья. Говорю ей об этом, но она в начале не слушает меня, но потом, в связи

с тем, как бережно к ней отношусь – привыкает. Ухаживаю за ней, за её кожей, и часто купаю. Она должна быть чистой. Покупаю разные дорогие платья, модные наряды, какие мне советуют в магазине.

Так продолжается несколько недель. Она уже совсем привыкла. Не вспоминает родных и друзей. Мужчина успокаивает её, говорит что никто здесь её не найдёт в лесной глуши, и никто не обидит. Она его так манила и удовлетворяла. Трахает её ежедневно и каждую ночь. Она связанная и подвешанная стонет – ей должно быть нравится. Она грязная девчонка. В ванной комнате хорошенько её намываю, намыливаю её шею, плечи, груди... руками вожу по её прелестям, обмываю её. Она прекрасна голая. Ароматным шампунем намыливаю её длинные волосы и одновременно скольжу в ней.

Принёс матрас к ней в подвал. Бормотал себе под нос:

– А то что же, по-твоему, заниматься любовью на холодном полу? Да нет же, пол не холодный, а сухой...

Она обещает быть хорошей девочкой и просит, чтобы она спала в спальне. Она себя хорошо ведёт, не плачет, не кусается или кидается на меня, как в начале, не пробует меня вдарить ногами. Она даже призналась мне в любви. От чего же не позволить ей жить наверху, со мной? Но подготовился, чтобы она не сбежала. Замок на входной двери установил, чтобы он работал только снаружи, и окна все крепко забиты. Может её приковать цепью к кровати? Но тогда как же она

будет ходить в уборную? Тем более, что же, она животное что ли? Конечно нет, она – прелестный ангел, цветок, которого поймал себе в «лукошко». Может наставить ловушки, которые бы её захватили, при случае, если она захочет убежать? Да нет, это глупо, как в фильмах. Прощаюсь с ней поцелуем. Обещаю скоро вернуться, чтобы она не предпринимала никаких глупостей. Она говорит, что это глупости говорю сам. Что она меня любит и не может жить без меня, что осознала каким необыкновенным и добрым человеком оказался. Закрываю дверь на ключ и еду купить ей что-нибудь. Она просила винограда, но ещё куплю ей сладеньких булочек и кефира. Мысли и сердце наполнены ею. Неужели она меня любит? Было такое, что в насильника влюблялась его жертва.

– Милая, где ты? – он дома. Она за дверью с ножом заманивается на его шею, но он отражает удар, и она пыряет его несколько раз в бок и грудь. Он выхватывает нож, но падает на пол уже на кухне. Она пинает его. Глубоко в груди боль. Её волосы через плечо. Больно, очень больно. Моя кровь растекается по полу. Чувствую, как будто отдал, убил часть себя, но нашёл откровение в образе передо мной, познал её секрет. В образе прекрасного света, облачённого волнистой тьмой. Она напоминает мне вселенную. Моя девочка. Всё равно тебя люблю. Не доживу, не...

11.2. Посвящение

В его кабинете, под столом, лежало в пакете старое и потрепанное письмо, которое было посвящено: «Красивым и умным русским девушкам по вызову, тем, кто болеет душой».

Я знаю, что у тебя на душе. Я понял это сам, своим умом. Тебе не хватает замечательного друга, который бы смог тебя понять и истинно любить, а не просто использовать. Я хочу быть этим другом. Прошу, поверь мне. Я тоже не такой, как все, и можно ещё поспорить у кого грязней душа. Я позвоню тебе завтра. Пожалуйста, ответь мне. Мы сможем встретиться, и со мной ты сможешь всё забыть или всё обсудить. Не рви со мной связи. Я могу тебе помочь и послужить выходом из твоего положения в сложившейся ситуации. Тебе спокойной ночи, но сам я не смогу уснуть. Я хочу написать о тебе.

«Отстань от меня, пожалуйста», – сказала ты.

Я страдаю и буду страдать, и я теперь не могу от тебя отстать. Я никогда не смогу забыть тебя и о тебе, обо всём, что ты мне говорила, и о твоей жизни. Дорогая моя, ты прекрасна и остаёшься прекрасной, но я никому, никогда не раскрою твоего секрета. Не важно, что думают или говорят про тебя другие, лучше этого не повторять здесь, но ты на самом деле прекрасна. Ты даже можешь в это не верить, но в это верю я

и буду всегда верить. Верь мне, как я верю в тебя.

Я думал, что сойду с ума. За последние два дня, моя жизнь изменилась дважды. Такого не было со мной никогда. Я хочу быть с тобой откровенным, и позволь мне раскрыть тебе свою душу. Я говорил правду, когда сказал, что хочу быть как святые и у меня не будет секса. Мне двадцать семь лет. У меня никогда не было девушки, потому что меня мучил комплекс неполноценности из-за размера моего члена и его кривизны. Когда я был маленький, моя мать спросила у врача, почему у меня маленькая писюлька.

– Мамаша, вырастет, – ответил ей строго врач.

Они об этом смеялись. Но он не вырос большим. Однако я избавился от этого комплекса, переспав с моей подругой. Это был первый и последний незавершённый половой акт в моей жизни. Но ты первая смогла возбудить и вызвать во мне желание, жажду и влечение своей аурой. Такого не делала ещё ни одна девушка. У меня поэтому и никогда не было девушки. Во всём виновата похоть.

Как и любой другой самец-мужчина, мне захотелось открыть для себя новое, неиспробованное ощущение, а точнее – анального секса с тобой. Медленного, нежного, с маленьким членом. Даже комнатку недавно отремонтировали, и там есть зеркала. Всё подходит для этого. Я купил специальный, обезболивающий лубрикант и презервативы (этот символ и признак похоти я спрятал в потайном месте под столом, где я раньше прятал непристойные вещи, но это ре-

корд), и у меня всё шло по плану в голове, но ты не хотела со мной встречаться и не отвечала на звонки. Я не мог ничего понять, и ты бы мне никогда не сказала. Но через два дня, я понял всё случайно, лёжа на кровати, пытаюсь заснуть, но на самом деле ещё пытался выплакать все скопившиеся, горькие слёзы о своей судьбе. Я хотел исчезнуть из мира. Я думал, что не способен любить, а те, кто мне нравятся, не отвечают взаимностью. Я хотел попробовать наркотики. Я хотел прыгнуть с парашютом. Я хотел снять проститутку и даже нашёл телефонный номер одной красотки и позвонил ей, но она не ответила. Но вдруг меня осенило мыслью, и в этот же миг взорвалась бутылка того красного, итальянского шампанского, о котором я тебе говорил и которое я долго берёг, если помнишь. С него всё и началось, и ты меня испугалась. Я предложил в первый же день попробовать его у тебя. Стоило ли это вообще делать? Но ведь у меня оставалось лишь пять дней в этой стране! Ох, как много я хочу подробно рассказать о себе именно тебе, потому что, как я считаю теперь, только ты меня поймёшь. Только ты и больше никто. Но ты никогда не узнаешь и не захочешь это прочесть.

И ещё та, которая никогда не покажет мне свои карие-зелёные глаза, не хотела, чтобы я был её парнем. Почему? Она мне никогда на это не ответит. Но я догадываюсь: она как вечный ребёнок – ей только место в монастыре. Я чувствовал, как она противилась моим слабым ласкам, когда я тянулся к её волнистому каре, и ей не нравилось, что я дарил ей

подарки, и как она обижалась на меня, что я хотел видеться с нею просто так, и она не отвечала на мои объятия взаимностью. Свою мистическую суть она мне пусть не раскроет. Со мной спонтанно она не станет быть.

Так все мы неразлучны и разлучны.

Какой же я глупец. Я всё равно никогда не обменяю «чёрный океан», в котором скольжу и в который окунаюсь, ни на кого из вас...

Я начал мастурбировать с трёх лет, с тех пор, как у меня был перекрут яичка. Картинками голых женщин начал увлекаться с пяти. Это меня убивало, отстраняя от людей и создавая прочный и непоколебимый фундамент для одиночества. На почве мастурбации, я ослеп к любви. Я был неспособен истинно влюбляться и желать близости с девушками. Но я всегда держал какую-нибудь из них в своём сердце. Потом я переехал в чужую страну в пятнадцать лет, но мне по-прежнему нравились только русские девушки. Я настроил себя на одиночество на всю жизнь. И вдруг, я встретил тебя, узнал больше о тебе, и в конце концов, сам открыл твою тайну. Всё сошлось: и информационная оболочка о всей твоей жизни, которую ты мне так откровенно поведала – по сути, чужому человеку, быть может под синдромом попутчика; и сердце твоей тайны в центре твоего универсума. Зачем ты смеялась над моими шутками и дала визитную карточку со своим телефоном, если с того момента встречи, ты, наверное, не ожидала меня больше увидеть? Твоя тайна мучает тебя, я знаю.

Так сильно мучает, что ты спрятала её внутрь, глубоко-глубоко от посторонних глаз. Но именно от этого ты продолжаешь страдать, чувствуя в груди острую, неотрывную и холодную тяжесть, маленькую, словно точечный камушек, – там, где чувствительное сердце. Ты пытаешься скрыться от этого чувства в чём угодно – в фильмах, книгах и даже творчестве. И так у тебя образовался талант. Ты создала прелесть, убегая. Убегая от невзгод жизни, от несчастного случая в твоей семье, но в первую очередь, от себя самой. У тебя многое накопело на душе.

Ты не задумываешься об «этом» специально, потому что это твоя работа, и для этого ты сменила свою фамилию. Ты живёшь одним днём, но часто думаешь как бы уехать из этого города и начать жизнь сначала. Твоя работа позволяет тебе свободно заниматься любимым делом. И что ты не предупреждала меня, когда приехала, и что тебе нужно, чтобы платили каждый день, и что ты не хотела говорить где ты работаешь, и что ты не хотела показываться в своём «рабочем» наряде, и по многим другим причинам, которых всех здесь уже не перечислить. Всё началось с матери, у которой дети от разных мужчин. Ты хочешь быть в спокойной атмосфере, когда тебе не напоминают о себе. Ты считаешь, что тебе лучше быть одной. Ты мне говорила, что у тебя тяжёлая жизнь, через которую нужно проходить любыми способами и оставаться сильной. И ты сильная. Очень сильная. Ты не позволяешь своей любви полностью вырваться навстречу понра-

вившемуся молодому человеку, чтобы не было конфликта с твоей работой. Ради быстрой, лёгкой, скоротечно зарабатываемой прибыли, ты готова пожертвовать всем, даже своим счастьем, даже своим сердцем, переполненным прекрасной любовью.

Да, кроме того, что ты красива, ты ещё и умница, и у тебя талант. У тебя прекрасные работы, с хорошим вкусом. Ах, как бы я хотел, чтобы ты проиллюстрировала Книгу! Но я понимаю, что это несбыточная мечта. Я понимаю, что пока недостаточно богат, но через два года я получу образование и смогу найти достойную работу, а из тебя выйдет прекрасный дизайнер. Ты будешь у меня на уме, хоть об этом никто не узнает. Позволь мне писать тебе, прошу – пожалуйста. И знай, я останусь одиноким в бескрайней сети, думая о тебе.

Ты думаешь, что мне лучше забыть о тебе, хоть я тебе нравлюсь, и ты знаешь, что мне подойдёт лучше любая другая красавица и я смогу сделать её счастливой. Но я думаю иначе. Ту, другую, сможет полюбить и сделать счастливой любой мужчина, а тебя могу полюбить лишь я. И этим я сделаю тебя счастливой. У нас не будет детей, но наши работы будут жить вечно. Я буду счастлив, потому что смогу открыть всю свою душу тебе, только тебе, только тебе, только тебе...

Смейтесь, смейтесь на меня, смейтесь надо мной. А какая моя любимая: левая, ха, или правая, ха-ха, а на самом деле любая, ха-ха-ха-ха. Мы, по сути, одинаковые. Я издевался

над своим телом, а ты позволяла другим использовать твоё. Ты можешь сказать, что моя любовь к тебе – это лишь временная, несерьёзная влюблённость. Что ж, может и так, но это не запрещает нам фантазировать и мечтать о будущем, которого у нас пока нет. Будущем, которое может быть будет, а может и вовсе никогда не станет реальностью. Но я вечно останусь тебе признательным за то, что ты помогла мне понять самого себя и других.

В одних случаях, мы заслоняемся Всевышним, чтобы Он помог нам осилить всю боль и очиститься, так как посещение церкви с исповедованием – это искупление грехов. В других – Его отсутствием, чтобы не донимал нас своей чистотой, не напоминал нам о том, кто мы есть. Но, из этих двух, атеисты честнее, так как они не обманываются светом.

Прости, что я обзывал тебя плохими словами за твоей спиной, когда я тебя не видел и тебя мне так не хватало, потому что не понимал тебя, а понял слишком поздно и слишком рано для себя, потому что это страшная тайна, и её тьма затемняет сейчас эту Книгу, ту фантазию, которая стремится к ужасному открытию, так и не достигая его. Я сходил с ума от того, что не мог понять тебя. Теперь я говорю себе: «Нет, она не вертехвостка, не тварь, не падла, не сволочь. Она – прелесть и сокровище. Прекрасный мир, замечательный мир – обзываем тех, кого не знаем. Ты не знаешь, что у неё на душе, ты не знаешь, что у неё на душе, ты не знаешь, что у неё на душе... Что у неё может быть на сердце?»

Существует великая тьма в их сердцах и много страданий. Есть многое, чего мы не понимаем и не должны понять, но здесь свет приоткрывает всё. Поможет ли эта тёмная тропа найти истину? Не даром я сходил с ума в этой стране. Остановись, **ОСТАНОВИСЬ**, пока можешь. Он говорит мне: «В моих словах истина, независимо от того, знаю ли я это или нет. Продолжай...»

Прожитое наиболее тяжело в момент его откровения, а мы играем в ролях слуг истины, но не всегда по правилам. Не задаёмся вопросом, успешно ли я пройду свою жизнь в этот раз, познаю ли я себя и других полностью, чтобы в вечности понять насколько все наши нажитые проблемы были мелочными и ничтожными. Есть сказание: «красивая жена для чужих мужиков». Другое: «с красивого лица воды не пить». Почему, почему, почему так бывает, что умные, красивые, соблазнительные девушки бывают прелестницами? Ох, весь цвет страны уходит в похоть, а от уродов рождаются уроды.

В один миг я пережил то, что люди переживают за несколько жизней, пока шёл из дома встречать в лесу рассвет. Я знал, что меня звали. Я не спал, а шёл встречать рассвет нового, призрачного дня. Всё, что за год накопилось, должно вырваться. Если есть цель и тьма ведёт меня, то мне не страшно. Земля, лес, трава намного темнее неба. Я замерзал и накрылся пледом. В пять часов двадцать пять минут утра встречаю рассвет в лесу. Жаворонки щебечут утреннюю песнь солнцу. И где тьма? Разогнана, потому что она сама

этого захотела. Ей надоело быть тьмой.

Если я вас встретил, значит я не лучше вас, а хуже. Я какой-то неправильный из-за того, что не умею любить? По общественным меркам – может быть. В разуме снов ничего этого нет. Похоть – вот что блистало в её глазах, тогда, в машине. Она говорила, что ей нравится жёсткий секс и что, по восточным элементам её внешности, её называют «экзотикой».

Что же мне с собой делать, если похоть влечёт меня, но я ненавижу её за это до слёз? Всю ночь приходили приступы заплакать, но я так и не смог. У меня нет абсолютно никакого соединения абсолютно ни с кем. Я холоден, и я плохой друг. Зачем мне нужен этот человек? По той же самой причине, по которой мне не нужен кто-либо другой. Но я не нужен этому человеку. Любое мучение никогда не сравнится с тем, что я переживаю в душе. Любое мучение, было бы это четвертование, каторга, сожжение, распятие или повешение за ребро, я бы принял с превеликим удовольствием, зная, что оно только затмит мои исконные страдания. Все, кого я любил, были девушками по вызову, и поэтому они не отвечали мне взаимностью и не хотели со мной встречаться. И я думал не зря, что я ничтожество. Я трясся и уже не мог сдерживать нервы, и я заплакал – появились первые слёзы ровно в семь утра. И они не заканчивались и не заканчиваются по сей день. Я чувствую себя гнилым. Мне толкуют старшие, чтобы я не забивал себе голову, так как мне ещё нужно учиться, а то я сойду с ума. А я хочу умереть. Зачем так жить, если не для

чего и нечем?

Что думают о тебе другие? Что ты больше не человек, что тебя не хочет даже сам сутенёр, так как ты мусорное ведро, как вон то, что подле скамьи, – грязное, обтрескавшееся, серо-бурое. Или та, что не обращала на меня внимания с пятого класса. Как же она потом резко изменилась, из прекрасного светлого ангела превратившись в ужасного чёрного ворона! А сама говорила, что не изменилась, но и так она мне нравилась. И для мальчиков водка, как для девочек секс. Пилотки, пилотки... Всё, что я сейчас вижу, – это широкие, разорванные, попользованные и выброшенные, грязные пилотки.

Я дёргаюсь. У меня судорожно трясётся голова и руки. У меня нервные припадки. Моё болезненное сердце жестоко и лихорадочно бьётся и метается, будто отбиваясь от стенок грудной клетки. Как ты думаешь, когда я умру? Случится ли это скорее, если останусь в лесу...

12. Разум снов

Разум снов изливается красками, выступающими в вечно незаконченной картине жизни: зелёный – цвет любви, жёлтый – ревности, фиолетовый – наслаждения, чёрный – боли, серый – потери, белый – свободы, а синий – цвет блаженства. Любить – значит поддаваться человеку. Для гордых это единственно верная ошибка в их жизни, и они будут счастливы, что её совершили.

12.1

Мы стоим, сплетясь как деревья, в этой густой зелени, которая тускнеет, покрываясь осколками нашей реальности. Мы как будто движемся внутри друг друга в тишине момента. Мы окружены ореолом слабого, ровного сияния. Свет защищает нас и делает неприступными в лесной чащобе. Её нежное зелёное платье обволакивает её гибкий, стройный стан, который никак не могу достаточно обнять, чтобы полностью ощутить его.

– Как ты можешь меня так сильно любить? – спросила она своего спутника.

– Больше, чем люблю, – тебя обожаю. Твой свет питает

меня, как и всё твоё естество. Твоё тело терзает меня своей прелестью. Ты как сон, но ты есть на самом деле.

Дышу воздухом, который сжимают её губы, дышу ею, живу в её голубых глазах. Целую сначала её лоб, потом левый глаз, когда она его закрывает, и правый; целую её левую и правую щёчку, и наконец тянусь к её тёплым, нежным губам. И в это время свет, исходящий от неё, колеблется, то ярко вспыхивает, то так же резко угасает.

Дикий лес вокруг нас увядает, завистливо злясь на нашу человеческую любовь. Он ненавидит эту пару человеческих гостей, забредших глубоко в его предел, и ждёт свою спутницу ночь.

Мы светимся, а тени вокруг нас сгущаются. Часы делятся минутами, а минуты секундами. Наш свет пропадает. Тёплое дыхание на губах, приближающихся друг к другу. Корни сплетаются у ног в тот момент, когда наши слабости преобладают. Её губы у моих губ... её рука соскальзывает с моей шеи, когда вдруг падаю в клетку из острых сучьев. Она ранит себя иголками моей тюрьмы, но не может спасти меня. Прошу её привести помощь.

Она просит помощи у заходящего солнца, а то только улыбается. Она бежит за помощью и теряется в глуши. Там она встречает оленёнка с пугливыми, красивыми глазками самой невинности и идёт за ним. Но глубоко внутрь леса зашли они, а сам дитя испугался и убежал. Вокруг собирается темнота, а в ней оживают мерзкие твари, тёмные дети от скре-

щивания леса и ночи. Она бежит, надеясь выбраться из леса к людям, но острые ветви и шипы не позволяют ей свободы действия. Они царапают, изнуряют её болью отчаяния и неодолимым страхом. Она падает, и её захватывают ветки. По ней ползуют шевелящиеся, скользкие и противные насекомые, гусеницы и сороконожки.

Светлый, жёлтый силуэт образа солнца спускается ко мне, и дети леса уступают ему, съеживаясь перед её чистыми ступнями. Способная спасти пришла забрать мою любовь. Она прекрасна, и она мне сладко молвит:

– Будешь моим кавалером и познаешь горнее счастье.

Сам молчу, но смотрю ей в огненные глаза.

– Так что скажешь, любимый?

Но не поддаюсь её ласкам и призыву.

– Люблю другую...

Она уходит без моей любви, но говорит ревниво напоследок:

– Ты единственный, кто не ответил мне вниманием и зря.

Теперь твоя любовь глубоко заблудилась в лесу, и ты её больше не увидишь.

Прошу леса, чтобы он взял меня вместо моей любимой.

– Ты выбился из сил, а она свежа и будет моей вечно. Её платье рвётся, и она кровоточит, но не отпущу её, – слышится лес, как сухие, ломающиеся ветки.

Всё бледнеет, и покрывается тёмными пятнами моё сердце. Время всего мира болезненно растягивается перед мной.

ми глазами. Секунды становятся часами, минуты годами... Издаю стоны. Моё сердце выбивается из сил, и моё тело тряcётся. Кто даёт мне жизнь? Кто забирает её?

12.2

– Проснись, любимый, проснись! – она толкает меня в постели. – У тебя кошмар.

Её глаза, как море после бури, когда в небе ещё не рассеялись тучи. Она нервно кусает ногти. Беру её за руки и целую их. Огонёк любви сверкает в её глазах. Она знает, что нашла того, без кого не может быть. Она чувствует себя в безопасности с ним. Этот мужчина проживёт с ней жизнь, обнимая, защищая, оберегая и поддерживая её всегда и во всём.

Наша комната окрашена фиолетовыми тонами. Помню, когда она пришла с работы и не знала, что сделал с нашей спальней. Весь день ушёл на окраску стен и потолка, покупку фиалковых штор, светло фиолетовых простыней и подушек. Ждал её в фиалковой футболке в нашей новой спальне с таким же цветом всего вокруг. Это её любимый цвет. Это цвет восхождения. Хотел создать для неё мир необыкновенной красоты. Она была так удивлена, так смеялась, была такой прекрасной. Целовал её, и мои руки скользили по её грудям и сжимали её упругую талию, прижимая её к себе. Снял её кофточку, а затем джинсы. Раздел её, целуя нежные губы,

обнимаю. Она была в одних белых носочках. Наши губы горели словно в жаре, но язычок их изредка остужал.

Окутал её в ткань, с букетом свежих цветов вшитых внутрь так, чтобы благоухающие бутоны высовывали свои разноцветные макушки вокруг горловины и обволакивали мою любовь. Связал её, чтобы она не могла свободно шевелить руками. Уложил её на кровать. Она чувствовала аромат цветов вокруг и одурманивание начатого сладострастия, когда раздвинул её стройные ноги, водил языком по её бёдрам, слабо дул на её губки и легонько целовал их. Приподнимался вместе с ней, зажав голову между её бёдрами. Затем немного распустил ткань, медленно прильнул к моей любимой и обматал нас вместе, чтобы она могла только держаться за меня, и так мы долго перекатывались, то сам на ней, то она сверху, всегда напротив друг друга...

Сегодня у нас выходной, и мы собираемся пойти в город. Мы играемся в ванной комнате. Мы привыкли видеть и чувствовать друг друга без одежды и так чувствуем себя открыто, заботливо и не стесняясь. Мы бреем друг друга. Она намазывает меня кремом для бритья и смеётся – ей нравится, когда у меня лицо искрится в белой пене, словно покрыто брильянтами. Аккуратно брею её киску. Мы принимаем вместе душ. Сливаюсь с ней. Окружность её тела, её забываемый запах, страстный стон и вкус податливой, гладкой кожи...

Пока она угощала наших питомцев, приготовил свежую

клубнику, которую до этого собирал для неё. – Ты мой клубничный пирожок, – она говорит мне. Помню, как мы целовались и чувствовал вкус клубники на её языке, как водил холодной клубникой по её обнажённому телу, как холодная дорожка тянулась между грудей и по её соскам, по животу и вокруг пупочка, между бёдер и целиком погрузилась в вульву... достал клубнику языком и откусил внутри неё. Но на этом не остановился и прошептал ей на ушко:

– Хочу пить, но жажду только твоей влаги. Позволь мне насытить мою жажду тобою, напиться из твоего фонтана, пригубить и испить весь бокал свежих соков, терпкого, светлого вина твоей прекрасной киски. Пальцами левой руки разведу твои губки и приятно буду раздражать между ними, а средним и безымянным правой буду изнутри массажировать тебя. И когда ты подаришь свою долгожданную струю, буду сосать, высасывать её из тебя, водить моим ртом, губами, язычком вокруг и по твоей киске в твоём же соку, не отпуская твоих прелестей. Не отпущу, слышишь? Как бы ты не трепыхалась и не стонала, тебя ни за что больше не отпущу...

Мы выходим из дома на берег синего океана.

– Любимый, ты закрыл дверь? – недоумённо спросила она.

– Да, всегда её закрываю, – ответил. Небосклон болезненно темнеет.

Мы ужинаем в французском ресторане и пьём красное вино. Вечером мы веселимся на пирсе. Прохожие делят на-

шу радость, останавливая на нас добрые взгляды с улыбками. Они не могут понять нашу непостоянность. Мы порхаем вместе, останавливаемся в покое, танцуем на пляже у самой воды, чувствуя мелкие брызги разбивающихся о берег волн и целуемся под закатом.

Дома мы находим дверь открытой. Иду к телефону, а она идёт через холл покормить собачек на заднем дворе. Мужчина в чёрной куртке с пистолетом в руке останавливает нас.

– Телефон отключен, – говорит он со злобой. – Ну как вы тут без меня, сладкая парочка?

Стал между ним и нею и принял спокойную позицию.

– Мы можем разрешить это мирным путем? – спрашиваю его.

– Ты... да как ты плевал на меня и не принял на работу в свою чёртову компанию... так же и плевал на тебя. – Он обратился к ней: – А ты, большая «зи», совсем забыла про нас вместе, да? Как ты дала мне ключи, и как...

– Хватит, прошу тебя, – отозвалась она. Её голос дрожал, когда она глянула на меня и подумал, что у неё накатываются слёзы. – Прости меня любимый, люблю тебя и не хочу прошлое...

– Прошлое, когда мы трахались, и тебе нравилось, и ты ненавидела навязчивую любовь своего мужа, его чрезмерное обожание, которое давило на тебя, не давая покоя и свободы. Тебе было...

– Молчи, не хочу это помнить, – она кричала. – Любимый,

разве ты не видишь? – он пытается рассорить нас... Любимый... – она не сдерживает слезы.

– Ты мне даже сказала, что любишь своих щенков больше, чем...

– Заткнись! ЗАТКНИСЬ! – кричала она сквозь рыдания.

– Ты любила МЕНЯ! – кричит мужчина.

– НЕТ! – она ему в ответ.

Мои руки трясутся. Пытаюсь сдержаться:

– Верю тебе. Оставим наши обиды в прошлом и забудем о них.

– Что-о-о? Ты думаешь, что такой идеальный и безобидный? Ну, уж нет. Тебе наплевать на мир, ты думаешь только о себе, – ухмыляется он и направляет на меня пистолет. Грохот выстрела... держусь за грудь и смотрю вниз. Не чувствую конечностей, нет силы в ногах... паркетный пол поднимается на меня, закрываю глаза, слышу ещё один выстрел и теряю сознание...

12.3

Скорая везёт меня... В больнице, вижу медсестру.

– А где... она? – спрашиваю у неё.

– Сейчас придёт доктор и всё вам скажет, – говорит она и выходит из комнаты.

Полоски света растянулись по потолку от жалюзи на боль-

шом окне, в которое хотел глянуть, но оно было выше уровня глаз. Хотел приподняться, чтобы встать и стоять спиной к миру, глядя через это окно. Её образ был где-то рядом. Чувствовал её здесь, со мной у этого окна. На улице лают собаки, и бьёт колокол. Там идёт толпа людей в процессии...

– Дышите, пожалуйста, у вас тяжелое ранение. Мы спасли вас, но... у вашей жены была... смертельная рана. Пожалуйста, сделайте глубокий вдох и... – Чистая белая форма на докторе не облегчает его слов. Не мог говорить и не мог плакать, сдерживал слёзы, но кровь внутри меня лилась и лилась, и темнота схватила меня за узды. Чёрные слёзы пролились во мне, и их соль смешалась с кровью...

Белое менялось на чёрное, голоса с тишиной, плач со смехом, церемонии с пустотой... Не знаю, сколько прошло времени, но комната передо мной опустела. Жалюзи убрано, окно приоткрыто, но от солнца нет тепла. На потолке зайчик от кольца на руке. Вожу пальцем по кольцу и опускаю палец по линии жизни.

Это всё сон, страшный сон. Что есть ревность и как её побороть? В каждом человеке лишь часть от общего, каждая женщина лишь часть вселенской женственности, которая разлилась по всем женщинам, открыв каждой по несколько секретов из множества. Так вот, секс – это саморазвивающееся занятие, которое должно всегда эволюционировать творчески, всегда подпитываться общей валютой вселенной – любовью. Если между партнёрами отношения становятся

скучными, но по-прежнему остаётся любовь, это следствие застоя любви в данной изолированной системе. Из чувства неполноценности исходит недоверие, а из недоверия – ревность. Но если человек сильный, то с ним хочется жить вместе. Слишком много любви к одному человеку ведёт к концентрации ненависти, так как любовь становится темнотой, она расходится от давления во все стороны. Открытость к любви в полиаморных отношениях, построенных на силе, согласии и доверии, подобно путешествию, которое приведёт обратно домой. Такой путешественник, поддавшийся соблазну, любви и нежным ласкам любовницы, вернётся домой, обогащённый новым опытом, откроет в себе и для своей спутницы что-нибудь новое и станет ещё прекрасней, за счёт переполнявшей его любви, и этим усилит энергию обоюдного влечения. И так же для женщин...

... Она могла бы любить другого, но сам бы мог убить даже её блаженного, психически больного, неразумного брата, чтобы доказать мою любовь. Истинную любовь, а не то, что мы видим вокруг – измены, из-за которых рушатся семьи, рвутся сердца и гибнут жизни. Пусть её брат будет козлом отпущения – он не будет сопротивляться. По её глазам вижу, что она шутит, но сам могу принять её предложение серьёзно...

... Вдруг в мысли врывается картина, словно ветер в настеж открытое окно. В нашей спальней комнате, на фиолетовой кровати, моя любовь изменяет мне с ним, этим, в чёр-

ном. Неслышно вхожу сам. Что бы сделал тогда? Убил бы его? Нет, так нельзя. Она меня замечает первой и останавливается, как будто замерзает с удивлённым, таким прекрасным лицом. У неё уже вырывается крик, но ещё до того, как он из неё выходит, словно в замедленном времени, говорю: – Не останавливайся, если тебе хорошо, милая.

В спешке раздеваюсь и начинаю ласкать её, присоединяюсь к ним.

Сколько хотел бы сделать для твоего наслаждения! Только будь с нами. Дай нам двоим вдоволь натерзать, растеребить твои прелести ласками, продлить страстную эйфорию любви до невозможности глубоко. Кричи, кричи от сладости, милая. Твой отзвук слышен в наших сердцах. Только не будь скорой, милая, а мы то тебя доведём, доведём, «ласточка», но оборвём и не дадим. Всю тебя прелестную расцелуем, язычками длинненькими ублажим, жар твой лютый охладим, чтоб запылал он снова в иной раз.

Помню, как играл наш животный магнетизм, как любил слушать музыку её тела, легонько касаясь и быстро нажимая на все её клавиши; держал ладонями её лицо, поглаживая и затем сжимая ушки, смаковал её мочкой; целовал её шею и еле заметно проводил по ней языком; обходил сзади и погружался в её длинные, тёмные, мягкие волосы, которые переливались и завораживали меня, и окунался в мир её запахов; любил тешиться её нежными, маленькими грудями и твёрдыми, игривыми сосочками; целовал её прелестные

коленочки и пухленькие, такие мягкие и изнеженные, роскошные бёдра; когда был внутри неё, чувствовал прекрасный рай, весь её трепет, всю влагу, мягкость, нежность и тепло, что невозможно было остановиться крутиться, вращаться, тереться, погружаться всё глубже, замедлять скольжения на осторожные, бережливые толчки и смотреть ей в глаза в тот миг, и моя душа порхала с нею... Хочу говорить с нею, как раньше, обо всём, о всяких пустяках. Как мне не хватает её. Хочу держать под волосами твою нежную шею и целовать, и целовать... Любвиимаяя...

Встаю с кровати и срываю капельницу. Мои ноги еле идут, но ясновижу её образ передо мной. Она как будто притрагивается ко мне. Её ладонь оставляет сияющий след из многоцветных огоньков. Упругая, как настоящая ладонь, но нет её руки. С одной стороны чувствуется как ладонь, а с другой – пустота. Тянусь к ней, но ноги не держат меня. Болит сердце. Не могу... Хватаюсь за забинтованную грудь и пытаюсь сорвать бинты, так как мне тяжело дышать. – Где ты, любви... Залфиии? – В моём горле комок, падаю на пол и не могу пошевелиться.

12.4

Нахожу себя в маленькой тусклой комнате с серой дверью. Странные люди оборачиваются на меня, когда выхожу из по-

мещения и потерянно бреду по коридору. Они останавливаются и ждут чего-то, как замороженные.

– Где она? – спрашиваю.

Люди продолжают заниматься своими делами, как будто вновь запустили переигранное кино под аккомпанемент надоедливого, без конца повторяющегося гудения. Кто-то смеётся. Кто говорит необычно. Кто хватается за волосы и пытается их вырвать. Слышу вереницу мужских и женских возгласов:

– Не она, не она... Бедный дружок не нашёл ещё свою любимую... Любимая, любимая – какая любимая?

– Не надо его раздражать. Пожалуйста, имейте уважение друг к другу. – Женщина подходит и говорит: – Не волнуйся, тебе всего лишь нужно принять таблетку. – Она обращается к вышедшему навстрему ей седому мужчине в белом халате: – Доктор, у него рецидив.

– Она здесь? – повторяю свой вопрос.

– Ты её придумал, – улыбается она и ведёт куда-то.

– Нет, – трепетно отвечаю.

Появляются двое мужчин и быстрым шагом идут ко мне.

– Любимая! – кричу куда-то в потолок, когда они берут меня за руки и вносят обратно в серую комнату, – Хочу видеть Люб... Залфи! Зал... – слабею, когда они вкалывают в меня шприц. Чувствую лёгкость, как перед сном, но не хочу больше спать. Порхаю по комнате, но они не видят меня. Входит мужчина в халате, и они переговариваются, но их

речь обрывается:

– У него уникальный мозг... разум снов... договор... самой знаменитой... исследования... его надо... спал пока не...

Не стал больше прислушиваться. Мне всё так надоело. Мне уже всё равно.

Чувствую себя легче пёрышка, и вокруг небесная белизна. Лечу, и только яркая серебристо-белая кручёная нить держит меня, словно пуповина. Изрытые пики непоколебимых гор вдали и благоухающая зелёная равнина. Течёт звонко речка. Везде царит мир и благо. Мы сидим на траве, и вокруг нас жёлтые и белые цветы с распускающимися, ранимыми бутонами. Наши головы окутывает нежное небо. Она в длинном сером платье. Говорю: – Любимая, – и обнимаю её. Её улыбка и всё... исчезает, и хватаю воздух. Небо бледнеет, сгущаются серые облака и ветер перемен поднимает падающие снежинки, образуемые комы снега. Бугор, словно ковёр из упавших листьев, на котором сижу, застилает меня белизной, сковывая ледяным замком мою трепещущую грудь и дрожащее дыхание. Но даже в самом начале, у самой пропасти, скрывается надежда, которая стремится залечить боль, теряющуюся во времени безумного терпения.

12.5. Эпилог

12.5.1

Из проплывающих облаков вдруг хлынул холодный дождь. Вскочил, подняв голову к небесам и прокричал:

– Зачем? Ты-ы! Зачем?

– Меняется только то, что любишь, – раздался голос с неба.

Успокоившись, пролепетал, угрюмо:

– Нет, хочу ещё, – прошу и ясновижу со стороны, как бы вдалеке, за дымкой пространства:

Они были в старом, заброшенном доме, который защищал путешественников от жестокой, русской зимы, штурмующей снаружи. Он подошёл к ней, когда она стояла, терпеливо ждала его, в большой, уютной комнате с камином, который отбрасывал тени светом от горящей, тихо трескавшейся древесины. Тем не менее, скрытое присутствие теней, разжигающих романтические чувства, по-прежнему заполняло большую часть мебели и многочисленные полки, которые были набиты старыми, пыльными книгами. Её тело было в тени, но он ясно видел её лицо. Её мягкая кожа на лице была с небольшим оттенком жёлтого огня, который робко

колебался.

Он приблизился и обнял её. Он увидел искру удовлетворения и любовь в её глазах и изгиб её губ. Он видел себя, счастливый быть с ней – его отражение в её голубых глазах, которые темнели, из-за таинственной, заманчивой пропасти в ней, её прекрасной бездны. Она хорошо понимала свою цель в жизни и глубоко знала, что она хотела быть с ним. Он взял её на руки и поднял её гибкое, стройное тело. С нею в руках, он подошёл к мягкому дивану и отпустил её. Он погрузился в диван вместе с нею и поцеловал её. У неё были мягкие розовые губы. Он вспомнил, когда его губы коснулись её, он вспомнил, что этой сладости он желал больше всего на свете. Он не удержался и ускорил касания. Они касались друг друга энергично, и они не могли остановить себя. Губы с губами, губы с кожей, сладострастие; всё объединилось в единое целое – мир и они...

– Подойди ко мне, – он ей говорит, лёжа. Она садится скромно рядом. Он обнимает её и медленно тянет к себе, небрежно притрагивается к её волосам, пальцами заплетаясь в них, касается лица и губ и ведёт рукою по шее, и говорит:

– У тебя прекрасная внешность, – затем встаёт и отходит.

– Ты меня не поцелуешь?

– Зачем? Сам не из тех; у меня всё в голове.

– Хочу тебя поцеловать, – она дрожит от страстного влечения к нему, и её щёчки горят румянцем.

– Тебе дай любого приглянувшегося парня, и ты его рас-

целуешь с закрытыми глазами...

Но она от него не отходит, закрывает ему рот ладонью в тот момент, когда он собирается продолжить свою речь, затем убирает ладонь, притягивается к нему и нежно целует в губы. Он отвечает на её поцелуй. Они ложатся скрестившись на кровать, и он начинает мягко целовать её прекрасное лицо на своей груди. Согнувшись, он обвивает её.

– Что ты хочешь со мной? – у неё манящая искра в глазах.

– Ты так просто ко мне порхнула. Ты такая сладкая, а сам голодный, изголодавшийся по тебе. Разве ты не боишься, что тебя съем?

– Нет, – она смеётся.

– Ты как бутон тюльпана, у которого раскрываются-разводятся лепестки...

– Почему ты так робко меня поцеловал, как будто впервые?

– Ты самая драгоценная, кто у меня есть. Хочу продлить мгновения с тобой до вечности. Твои родинки манят магической глубиной и неразгаданными тайнами. Великолепная картина удивительной вселенной кистью высшего художника запечатлена на твоей коже, как на холсте. Прикоснуться к ней губами – это как дотронуться до неба. Мне не следует расточать это чувство...

12.5.2

... Не могу выдержать этого. Что есть реальность? Где видел её? На обочине ли дороги или в классе? Одну в подземном переходе или среди большой толпы? Где же эта одна, чей взгляд ищу и не могу найти? Даже если лишь один взгляд она на меня бросит, я никогда не забуду её глаз. Где именно та из множества, которая есть где-то под покровом серой массы? Где проскользнёт её прекрасное лицо, на чём остановит свой взгляд? И где же в это время?.. Почему не мог быть с ней? Есть ли эти воспоминания у меня? Все фрагменты картины, как желал её, вырывались наружу:

По улице, у автобусной остановки, идёт высокая, стройная брюнетка, собирается переходить дорогу, и к ней подходит парень и спрашивает:

– Девушка, у вас огоньку не найдётся?

– Нет, не курю.

– Это правильно. – После паузы, идя рядом, не отрывая от неё взгляд: – Девушка, вы знаете, вы так тихо идёте. – Она заулыбалась. – Скажите, вам некуда спешить?

– Иду на встречу.

– Можно вас проводить? А то кругом полно бандитов, – с серьёзным выражением лица.

– С чего это должна вам верить? Может вы тоже бандит, –

она мягко смеётся.

– Поверь, не сделаю тебе ни малейшего вреда, – он смотрит ласковыми и внимательными глазами. – Куда идём?

– Иду на встречу с парнем.

– Ты его очень сильно любишь?

Она глянула, кивнула головой.

– Девушка, желаю тебе от всего сердца очень большого счастья с ним. Всего тебе доброго, – и отходит.

– Подожди.

Заходим в квартиру. Наши губы в неразмыкаемом круговороте. Мои руки то жёстко, то нежно цепляются за овалы её упругого, отзывчатого тела. Она горячая и вся такая влажная снаружи и внутри – от неё как будто клубится пар, и моё тёплое дыхание покрывает её кожу. Поддерживаю её нежности, как она, словно пружинка, подскакивает на мне. Не чувствую себя, и только одно сладостное наслаждение переливается на меня от её стонов и вязкого, чувственного тепла её мира. Как бы под воздействием кокаина на слизистую оболочку, она попадает в мир незабываемого блаженства. Она извивается подо мной и как будто искрится, вся трепещет, не находя себе места, чтобы выразить неопишуемое наслаждение, словно русалка, в чьи сети разом попало всё бытие, которое переполнило её душу и перелилось через край с избытком. Вдруг, после бурных колебаний и со слезами на глазах, она теряет сознание, разрывающееся на бесчисленное множество осколков, как после ошеломительного взрыва, при-

поднятая у меня на руках.

Она уже спала. Её грудь нежно колыхалась, а внутри билось такое тёплое сердце, шёпчущее о любви. Сначала положил её гибкое тело на диван, укутал её в одеяло. В это время накрыл кровать чистой розовой простынёй с подушками, от которых ароматно пахло свежестью. Поднял мою прелесть на руки вместе с одеялом и перенёс в постель, уложил её мягко на кроватку, и сам лёг раздетый рядом. Она проспала всю ночь. Встал пораньше, пока было темно; принял душ, побрился, слегка надушился, в общем, привёл себя в порядок. Приготовил фруктов на блюде: клубнику, дольки мандарина, виноград. Всё это на подносе с ароматным, возбуждающим кофе внёс в зал и поставил на стол рядом с кроватью. И снова лёг под одеяло, к ней сбоку, лаская её, легонько поглаживая её волосы и кожу на лице, грудях, шее, стал её мягко целовать пока она не открыла свои прелестные глаза и с улыбкой не посмотрела на меня.

– Доброе утро, солнышко, – произношу ей на ушко ласково, шёпотом. – Моя небесная королева.

– Доброе утро, – она не менее ласково мне отвечает, улыбается такой небесной улыбкой и замечает поднос. – Как приятно!

Она смачно потянулась.

– Выпей кофе; оно придаст тебе сил.

Она пьёт и смеётся на меня, пока неустанно не свожу с неё «спальных» глаз.

У меня намечается и ждёт её касаний бугорок. Медленно снимаю с нас одеяло. Прилегаю к ней сзади, когда она в пол оборота тянется и берёт зелёную виноградинку. Она позволяет мне медленно в неё войти, сладко вздыхает, потом немного смеётся и кладёт мне в рот клубнику.

Разглаживаю её волнистые волосы и восклицаю: – Какая ты прелесть! Я хочу сделать тебя счастливой...

Большим пальцем дотрагиваюсь до её губ, опухших от поцелуев. Она открывает рот, но только вожу пальцем по её губам из стороны в сторону, затем нажимаю на нижнюю губу и отклоняю её немного вниз. Своим ртом увлажняю этот палец и надавливаю на её правый сосок и вожу вокруг него.

– Ты такая мягкая, как плюшевая игрушка...

Когда играешься и шутишь, то нет риска ошибиться, как когда пытаешься быть серьёзным в такой ситуации. Не желание овладеть партнёршей должно присутствовать в сердце, а желание просто хорошо провести время вместе, время радостной встречи и совместного досуга, а не одностороннего и ведущего к исчерпывающим конфликтам обожания. Не секс главное, а взаимное разделение времени, даже если это секс. Ради одного секса не стоит встречаться.

Намазываю ладони аромамаслом, которое припрятал рядышком, и массирую её тело, расслабляю её, разглаживаю и привожу в порядок, затем вожу вокруг её йони, жму и развожу её губки. Думаю о том, какие из трёх точек внутри неё массажировать, на какие буду просто надавливать го-

ловкой, а какие потирать пальцами круговыми вращениями. Она словно поле, за которым слежу и ухаживаю, которое вспахиваю и засеиваю прекрасными ощущениями, побег которых ярко восходят и цветут. Мы смеёмся, потому что тут нет ничего серьёзного. Хочу просто доставить ей удовольствие, но ни в коем случае не быстро, чтобы не притуплять или нарушать её тонкую чувствительность, только медленно, но затрагивая всё, усидчиво и внимательно к деталям, к тому, как она реагирует, концентрироваться на том, что ей нравится, ну и конечно пробовать что-нибудь новое каждый день. Вот здесь блещет творческая сторона интима. Главное не забывать того, что являюсь инструментом, способом доставления ей чувственного наслаждения, окрыления и просветления, единения с мировой энергией. Только пусть использует меня. Сам культивирую внутреннюю энергию, наслаждаюсь самим процессом, никогда не завершая.

Затем, с этими мыслями, сидя на кровати напротив друг друга, моя левая нога под её правой и моя правая над её левой, поддерживаю её спину, поглаживая, и надавливаю на её плоский живот. По мере толчков, двигаюсь ещё кругом и восьмёрочкой, ускоряясь и замедляясь, но, в основном, двигаюсь в ней в медленном темпе, неспеша и без погонь, до того момента, когда она ловит резонанс, и её естественно накрывает приятной и тёплой волной. Но сам не сдерживаюсь, когда её конвульсии нахлынывают на меня и переливаются ко мне и от меня обратно к ней. И затем, после затухания неза-

бываемого ощущения, наклоняюсь к ней и шепчу ей, моё лицо в её волосах за изгибом её шеи:

– Не хочу уходить, а хочу всегда быть внутри тебя. Мечтаю просто жить вот так внутри с тобою дольше, хочу быть в тебе, чтобы мы питали друг друга энергией, восполняли друг друга...

И её любящее лицо повернулось ко мне и глазами она мне дала понять, что это чувство обоюдно. Мы обнимаемся, прижимаемся друг к другу.

– Неужели только что занимался любовью с такой красивой девушкой? – нежно говорю ей, заглядываю в её блистающие от удовольствия глаза и нежно глажу её мягкие чёрные волосы, которые свободно раскинулись по розовой подушке вокруг её лица. – Ты такая красавица!

Вечером мы ещё продолжим веселье в постели с бокалами шампанского...

12.5.3

... Однажды мы поссорились. Не помню по какому пустяковому поводу. Вся эта борьба за сохранение лица в отношениях, борьба до тех пор, пока у обоих не смирится гордость. Помню только, что мы оба кричали, хоть думал, что сам говорил спокойно.

– Ты куда это собрался? – она накинулась на меня.

– Всё, мне надоело. Ухожу от тебя.

– Что ты всё времяходишь в экстримы, что ты такой экстремист ненормальный? То ты бесстрастный, то какой-то бешеный порой. Что ты угрожаешь, надоела тебе...?

– Ты – да, мне все надоели.

– Тогда соберусь и уйду сама. А ты продолжай отделяться от людей – ты и так уже ото всех оторвался, отстранился даже от меня. Вот и живи один. Запомни, ты всегда так будешь один. Вечно! – и она хлопнула дверь. Эти, примерно, слова подтвердили мои мысли, и поэтому я поверил им и запомнил их на всю жизнь. Они прострелили мне душу...

Но она постучала снова, хоть закрыл на щеколду дверь. Она кричала пока не открывал. Когда она немного успокоилась и понизила голос, разрешил ей войти, но вместо этого она дала мне звонкую пощёчину, на которую с трудом не ответил ей, и сел, отвернувшись от неё в приступе её издевательского смеха.

– Ну и что, ты так и будешь молчать, а? Всё в молчалки играешься, как ребёнок! Когда из пелёнок вылезать собираешься, а? Дай мне собрать вещи, а потом молчи на здоровье в своём любимом одиночестве, в своём юношеском максимализме.

На эти слова встал и направился твёрдой поступью к ней.

– Что, ударить меня хочешь, да, козёл!?

Но её схватил за шею и поцеловал в губы, обнял, уложил на кровать. Она была удивлена, когда начал резко снимать её

футболку, и горячо продолжал целовать её, отрываясь только на мгновение, чтобы расстегнуть её джинсы и снять их. Засунул руку под её трусики. Приподнял её и прислонил к стене, а потом вошёл в неё: наши позы менялись круговоротом, сам, не выходя из неё, не останавливал свой пыл и особенно тесно держался к ней, когда она меня пыталась оттолкнуть, громко стоная. Когда был сзади, держал и массажировал её груди и хрупкое, стройное тело, приподнял её волосы к темени, оголил её тонкую, длинную шею и целовал и водил язычком по её нежному затылку, губами сжимал её гладкую кожу. У нас была прекрасная, незабываемая любовь...

... После этого, купил ей алую розу и, когда она взяла её, сжал её ладонь. Она крикнула от боли, когда шипы глубоко впились ей в руку, и выронила розу. Снова зажав в своей руке её ладонь, расправив её и легонько поцеловав, сказал:

– Подними розу и обещаю больше никогда не сделаю тебе больно...

12.5.4

... Когда сломал ногу и попал в больницу, она приехала ко мне и вывела меня на улицу. На набережной стоял, опираясь на трость, но когда посмотрел на море, трость выпала из руки и начал падать. Со спины, её нежные, тёплые руки обняли меня и не дали упасть. Так хотел обнять её в ответ,

но не мог, и так мы долго стояли. Чувствовал улыбку на её лице и сам улыбнулся, как она приютилась на мне, как лёгкий морской ветерок окутал нас, развевая её длинные волосы и поднимая концы моей клетчатой рубашки. Смотрел на море, был полон любви к ней, а она шептала мне:

– О море и небо, две вечные стихии – как различны вы и неразлучны.

Вода была тёплой, и мы решили окунуться. Тогда в воде предложил ей следующее:

– Давай сам задержу дыхание, нырну, но не всплыву пока ты не нырнёшь за мной, и тогда мы встретимся губами – только тогда ты поделишься со мной глотком воздуха...

... В мечтах обнимаю её сзади за талию и прижимаюсь к ней, погружаюсь в приятно мучающий меня запах её волос, целую её шею и спрашиваю:

– Как чувствует себя моя девочка?

– Хорошо, – она отвечает, улыбаясь.

– А о чём девочка думает?

– О тебе, – она поворачивается ко мне.

При виде её лица безумный восторг безудержно вырывается из меня:

– Ты вся светишься как солнышко, моя сладкая радость, моё тёплое озерцо, в которое жажду окунуться, мой живой цветочек, такой нежный, мягкий бутон, который раскрываю, развожу отпадающие лишние лепестки в сторону, чтобы обнять тебя обнажённую. Я твоя пчёлка, а ты мой мёд. Я хо-

чу тебя опылитель, поработать над тобою, чтобы подарить тебе море наслаждений...

... На улице встретил её впервые летом. Не знаю куда она шла. Главное – это то, что подошёл к ней первым. В трепещущих руках от стеснительной влюблённости с первого взгляда, держал одну белую розу. Подошёл к ней, пока она шла одна, и выговорил, стараясь соблюдать паузы в нужных местах:

– Девушка, сообразовайте принять эту розу как знак моего глубочайшего признания вашей красоты.

Но она захотела вдруг шагнуть прочь от меня, и тогда стал на одно колено и протянул к ней розу со следующими словами:

– Возьмите от всего моего сердца, девушка!...

Она чуть не побежала, но что-то остановило её. Может она знала? И она подошла, чтобы взять розу.

– Аккуратней.

Чтобы она не поранилась о шипы, сам решил дотронуться до её руки. Она взяла. И затем спросил её:

– Тебе не нужен парень, который бы о тебе заботился и хотел бы сделать тебя ещё более счастливой?

Так у нас начался этот роман...

Потом она у меня узнавала: – Почему белую розу?

– Потому что это самый чистый цвет.

– Что ты хочешь этим сказать? – она спросила заискивающе.

– Что питаю к тебе самые чистые, самые высокие чувства без чего-либо дурного или порочного, – говорил, обнимая её. – Хочу тебе счастья, хочу сделать тебе самой счастливой, хочу привнести в твою жизнь сладость наслаждений, хочу ухаживать и заботиться о тебе, хочу обмакнуться в твой мёд, просто хочу... Ты напоминаешь мне этот цветок...

– Ты хочешь соблазнить меня?

Она заулыбалась и заморгала глазками.

– Да. Можно сорву этот цветочек? Ты хочешь?

– Чего?

– Чтобы сорвал и унёс тебя с собою?

– Ну что ты всё глупости говоришь?

Она выскакивает из моих объятий.

– Ты меня сводишь с ума, сошёл с ума по тебе, живу только тобою, только сердцем для тебя. Знаешь чего ещё хочу? Хочу написать о тебе книгу. О счастье, которое нашёл!

12.5.5

... А ещё помню, когда я был внутри кладовой комнаты, доставал какие-то кассеты и составлял список материалов, имеющих в библиотеке, а она подошла в дверной проём и спросила у меня что-то. Я должен был заманить её внутрь тёмной кладовой и закрыть за нами дверь, чтобы были только мы одни в объятиях. Как было бы хорошо прижать её к

себе, расстегнуть верхнюю пуговку её джинс, сначала обли-
зать свои пальцы, затем дать их облизать ей, при этом по-
трогав и надавив на её яркие губы, затем засунуть туда, под
её трусики левую руку с мокрыми, тонкими, музыкальными
пальчиками, сжимать и водить по её прелестям и целоваться,
целоваться, целоваться пока не придёт конец света. Но что
я отвлекаюсь? Любые слова она бы мне только сказала, и я
тут же бы остановился. Я не мог причинить ей принудитель-
ного давления. Я так желал её, но не мог позволить любви
овладеть мной.

Она была вершиной высочайшей горы мира. С каждым
новым желанием, её становилось труднее заполучить; борол-
ся сам с собою, накладывал кирпичик на стену, через кото-
рую был неспособен перепрыгнуть. Её загадка тянула меня.
Я был скучен, и когда нашёл её, вулкан эмоций взорвался в
моей груди, и моё сознание просветлело. Я танцевал по пу-
ти домой среди яблонь и мечтал о ней. Я забирался вечером
на холм и кричал небесам её имя и посылал призывы серд-
ца о любви к ней. Её имя по вечернему небосклону разноси-
лось: – За-а-а-лфи... Я люблю тебя!

Я превознёс её после того момента в классе, когда она
смеялась с друзьями, встала, и я увидел её светлое лицо с
румянцем. Её чёрные, не очень коротко стриженные, мяг-
кие локоны волос, несколько добавляющие ей мальчише-
скую бодрость, в замедленном времени постепенно открыва-
ли её лицо, плетясь по её тонкой, но вольно державшей голо-

ву, шейке, и она поворачивалась и глазами коснулась меня. Время остановилось. В тот момент я услышал внутри себя щелчок и со временем пал, внутри, к ней на колени, перед ней как идолом, который не мог обходиться без поклонения, и кому я отдал себя обещаниями навсегда. Момент жизни, когда я влюбился в образ.

12.5.6

Наблюдая со стороны, ясновидел происходящее чужими глазами:

Когда твои глаза смотрели на него, и он мог видеть только тебя, казалось, что твоя природа заморозила его, пока он нырял в голубую бездну, и чем дольше он смотрел, тем дольше через тебя он плыл, а потом не мог прочь от тебя, так как для него самым трудным оказалось освободить своё потерянное зрение и путешествовать против своей воли. Всё, что оставалось ему жаждать, – это быть с тобой или без тебя...

Бултыхался и терялся в глубокой синеве, в её голубых глазах, как она заманила меня, и мог быть только в непрерывной борьбе с её дикой красотой или без неё на свободе, но взошёл на небо, и мы вместе обволакивали и побеждали землю с чуждыми нам людьми. Наш союз был поистине непобедимым...

... «Are you interested in me?», – она спросила у меня не

для того только, чтобы показать, что она заинтересована, а лишь чтоб узнать, насколько я заинтересован, так как она это сделала, чтобы защитить свои существенные отношения с другим человеком, которого она очень ценила и любила, чтоб дать мне понять истинную сущность наших отношений и их рамки в её жизни, и этим непредвиденным вопросом она подарила свободу друг от друга нам обоим. Она хотела, чтоб мы были искренны друг перед другом. Она так бережливо отнеслась, что дала мне импульс вдохновения и придала силы, энергии, ещё большей самоуверенности. Она так умело прокрутила меня вокруг своего пальца, и я раскрутился ещё быстрее, плывя ещё быстрее, но в ином течении. Затем, оказалось, её парень всё это время жил в другой стране, за океаном. Вскоре она нашла себе другого...

... Хотел вложить в её тетрадь листок, на котором написал, что мои думы наполнены ею, но хоть я стремлюсь найти её искренним взглядом, моя маска при людях сбивала мой взор, и я тонул во лжи с нею рядом. Но я не отдал ей этих строк и не ответил ей. Мы остались друзьями...

... У меня была смертельная болезнь, медленно умирал и не хотел видеть, как она видит это, хоть она бы выдержала – она очень сильная. Попросил её не приходить больше, а она вдруг заплакала. Мне было больно видеть её страдание, но было ужасней тянуть на себе этот груз. Хотел, чтобы она нашла другого, более достойного, и была счастлива с ним. Не мог полностью отдаться ей, и она не верила мне, и убил её.

– Ты хочешь детей? Значит ты и твоя душа уже сильно изменились, и на саму себя ты не похожа. Сам не должен меняться, иначе стану не собой и мы потеряем любовь... Но дочку, дочку бы мне... Сейчас или никогда...

12.5.7

... Мы разделяем ложе. Ночь. На улице фонарь тускло светит. Она поворачивается ко мне лицом и шепчет:

– Ты ничего не хочешь? – Молчу. – Ты знаешь, у нас это так редко бывает.

– Если хочешь, ты можешь найти себе парня для этого.

– А что с тобой? – Она тянется руками, чтобы обнять, но отодвигаюсь. Тогда она берёт мою холодную руку и целует ладонь. – Ты меня не любишь? Тебе не нравлюсь чем-то?

– Да не в тебе дело, а просто...

Слышу странный стук в окно.

– Нет, ты меня не любишь, – она мне говорит и смотрит в потолок.

Сам лежу, глубоко вздыхаю, как старик, и говорю:

– Как могу тебя не любить?

– Ты никого не любишь. Ты любишь только себя.

Молчу.

– Если не это, тогда просто что? – вновь произносит она.

– Я не хочу.

Про себя думаю: не хочу этого, а хочу в тьме пребывать, хочу бороться и защищать.

– Тогда сама...

Она отстраняется от меня к краю кровати. Она ласкает себя, сдавливая ладонями груди, водит вокруг твёрдых камешков-сосков и потягивает их; мягко обтекает свои изящные, нежные линии; пальцами сжимает вокруг своего сильно пульсирующего шёлкового бутончика, надавливает на него между ногами, откуда сладкое тепло трепетно поднимается и разливается по её телу; закрывает глаза и издаёт сладостные стоны...

Но она даже не знала, как застывшие тени усталились на неё, чтобы вдоволь насытиться, вдохнуть её возбуждающий аромат, насмотреться, укутать её в тёмную шаль. Она не замечает. Нет, не замечает, чтобы полностью погрузиться в себя и свои сладкие ласки или страстные страдания. Не замечает, как встаю и бегу сквозь эти тени вокруг кровати, и они приоткрывают мне свои страшные, как будто смеющиеся от переизбытка сладостных энергий личины, врываются в моё сознание: они то появляются, то исчезают перед моими глазами, и на месте одного появляется следующее, ещё более устрашающее и уродливое; с чёрными глазами без белков, словно безднами, с серым иссохшим лицом со складками вдруг открывается новое лицо какой-то согнувшейся девочки; вдруг другие лица становятся белыми и вырастают на них чёрные волосы клочьями, а с длинных, кривых клыков капа-

ет что-то алое... Посередине комнаты в густом мраке осталось стоять с согнутой головой одно существо невысокого роста толи в каком-то тряпье, толи в серой мгле. Встретить это оказалось менее страшным в реальности, чем в воображении. Говорю ему: – Что ты пришёл? – Но вместо ответа она накинулась на меня и ясноувидел это ненормальное девичье лицо, что ясноувидел только что, и она вдруг исчезла во мне, словно в меня провалилась и растворилась во мне, слилась с моим сердцем, хоть продолжал повторять в судорогах: – Ты во мне надолго не останешься, нет, надолго не останешься...

Изредко раздаются стоны моей любимой, она крутится-вертится, изгибается-дёргается, сжимает бёдра в конвульсиях, переворачивается, словно плывёт в эйфории сладких искр, которые бегут по всему её телу, но всё с закрытыми глазами, а время, кажется, останавливается. Она дарила миру самое прекрасное. Пусть не боится, я с ней. Вот только кто я теперь? Любимая моя, я так люблю тебя...

Ты меня спрашивала, наверное не замечала, и порой не знал что ответить. Но, «да», чтоб ты знала, что мне всё в тебе нравилось. Был в восторге от того, как ты одевалась – помню ту кофточку с пятном, напоминающим лицо женщины, и вся кофта была в стиле смешанного чёрного с белым. Нравилась твои прически и чёрные, длинные, немного волнистые локоны волос, и я был влюблён в твоё лицо, белое и такое гладкое, как из фарфора. Твои тёмно-синии глаза манили к себе, как будто засасывали в пучину, из которой не было спасения,

но ты была неотразима, как и вечное желание быть с тобою рядом. Это и есть истинная любовь – просто созерцать тебя, любоваться лицом моей любимой – вот где кроится настоящее наслаждение. Можно даже не двигаться, а просто быть соединёнными вместе и питаться глазами красотой молодости друг друга. Как же могу забыть тебя?...

... Потянул сильнее и магнитный шнур лопнул, одновременно почувствовал боль, как будто режут ножом моё сердце, резкий звук в ушах, и ощутил свободу, как при рождении. Мимолётный страх, так как перестал чувствовать биение сердца. Перестал дышать, а может и не останавливался. Не мог закрыть глаза, так как это больше не было нужно. Мой разум раскололся на осколки разбитого зеркала, но в каждом из них ясновидел тебя. Вдалеке, на тёмном холсте образовалась белая точка – точка самого прекрасного на свете портрета: ты была в синем платье, и синие ткани лились за тобой и обвивали твою форму. Это было блаженство. Мы снова потерялись друг у друга в глазах.

Часть Омега. Мрачное будущее

13. Одним вечером...

13.1. Прекрасная незнакомка

Одним вечером, как и любым другим, я сидел дома, один, после работы. Принял душ и гладко выбрился. Привык следить за собой сам. Я уже поужинал и снова прочёл письмо, своё посвящение, перед уходом в пустоту. Старая рана трётся. Смотрел на пустую стену, не зная что делать, кроме чтения. Так же прошёл мой день рождения, забыл уже когда. В спальне, где я сидел, были поклеены белые обои, совершенно и священно пустые, без цветочков. Пол состоял из серого ламината, который имитировал дерево, цвета которого не существовало в природе. Комната была совершенно пустая, кроме двух диванов и компьютера на столике, так что смотреть было, в принципе, не на что. За окном шёл снег. Я подумал, как мне здесь хорошо, в моём самозабвенном одиночестве, как вдруг кто-то позвонил в дверь. Подниматься я не спешил, так как этот звонок мне показался совершенно неожиданным и чрезвычайно неуместным. «Может кто-

то ошибся дверью?» – подумал я. Но мне всё-таки пришлось подняться и направиться к входной двери, так как позвонили ещё раз. За дверью стояла высокая, красивая брюнетка, с роскошными волнистыми волосами, с живым лицом, наполненным румянцем от мороза и сияющей женственной свежестью. Она была молодой, примерно моего возраста, наверное около двадцати пяти лет. Её тёмные, большие глаза заблестели на меня манящими искрами. Я, простите, на миг остолбенел, но и быстро отошёл, так что вы не думайте, я обычно веду себя крайне самоуверенно в необычных ситуациях, и тем более эта была мною невообразима.

– Чем могу вам помочь?

– Вы меня впустите? – она мягко спросила и, пока я говорил: – Конечно, входите... – тут же вошла, как ветерок скользнула рядом, считай, дотронувшись до меня в тесном тамбуре. Я только тогда заметил, что на ней было уже расстёгнутое, приталенное чёрное пальто, которое я тут же повесил, а под ним милый свиторок мягкого цвета на узкой талии и обтягивающие светлые джинсы, которые подчёркивали её стройную фигурку и длинные ноги. С изящных ножек она снимала туфли на высоком, звонком каблучке.

– Может, хотите чаю? – я медленно проговорил, отходя от гипнотического сюрприза, каким значился приятный приход моей привлекательной гостьи.

– Да, было бы замечательно, – она промурлыкала таким сладким голоском и, заулыбавшись мне, добавила: – Спаси-

бо.

– Тогда прошу сюда, – сказал, показывая на вход в кухню.

Пока я готовил чай с чашками на кухне, я кратко поинтересовался, не желая спугнуть мою гостью лишними вопросами, как могло мне показаться в ту минуту:

– Вы, должно быть, ко мне с важным делом?

Она уже порхнула за обеденный стол и быстро села, видно, почувствовав себя как дома, в моей недавно отремонтированной квартире.

– Да, хочу вам кое-что сказать, – она неопределённо пропела своим нежным, тонким голоском.

Чай был уже готов, и я сел напротив моей загадочной собеседницы. Я немного тут же приподнялся, чтобы предложить её бутерброды, но она отказалась, но согласилась на печенье. Угостив её, я, наконец, нашёл в себе силы спросить её имя, но сделал это спокойным голосом и внимательно её изучая. У неё на лице была сексуальная родинка, прямо под полными, розовыми губами.

– Это не важно, – произнесла она, и я с трудом, но в этот раз успешно, скрыл своё удивление. – Пришла предупредить вас, чтобы вы никуда не выходили из квартиры и не ходили на работу следующие две недели, – тут я хотел её перебить, но она продолжала набирать ритм и скорость, как будто танцевала словами, – вам грозит опасность...

– Какая? – не выдержал я.

На что она продолжала, словно выстукивая слова моло-

точком или своим каблучком:

– На вас готовится покушение.

В этот раз я недоверчиво нахмурил брови, и на моём лице можно было прочесть вопрос: «Что?»

– Зачем меня кому-то убивать? У меня нет врагов... – начал я.

– Это мне не известно...

– Ну а что вам тогда известно? – не выдержал я. – Кто хочет меня убить?

– Мой бывший муж, – произнесла она, словно прибила гвоздик.

– Ваш бывший муж? Подождите, я могу хоть что-нибудь узнать лично о вас? – недоумённо спросил я.

– Сама с ним живу, но сегодня ушла от него и боюсь возвращаться... – она поправила свои роскошные длинные волосы, убрала их с плеча и встряхнула ими, так что они оказались на другом плече, и тут она излилась, мне показалось, что чуть не со слезами, в тираду о своей жизни. Она родилась в деревне N. за нашим городом. Следила за небольшим хозяйством, помогала родителям, как в один прекрасный день, она, наивная, вышла замуж за этого «озлобившегося», как она выразилась, человека, которого она полностью совсем не знала. Но он был богат, и он понравился её родителям, особенно отцу. Она думала, что любила его, но на самом деле, была только в него влюблена, а затем, как она объяснила, настал «день сумерек», когда она выяснила, чем он на самом

деле занимался. Во время разговора, я предложил ещё чаю и тут же подлил из заварочного чайника ей в чашечку, не дожидаясь ответа.

– Ваш муж киллер? – поинтересовался, перебив её, я. Мне в тот момент показалось, что эта была какая-то игра с её стороны, как будто мы участвовали в театральной постановке и читали сценарий, вышедший из больной головы мрачного автора.

– Бывший муж. Он мне не муж совсем. Мы развелись, и от него сбежала, но он меня держит взаперти, боясь, что сама...

– Так сообщите в милицию!

– Так уже сделала, но думаю, что он их подкупил или...

Вы знаете, но он не совсем киллер. Он хорошо замечает свои следы и делает так, будто его жертвы умирают случайно, по своей оплошности.

– Странно. Если честно, то я ничего не понимаю. Вы уверены, что не спутали меня с кем-то другим?

– Нет, не думайте что столь глупа. Знаю кто вы. Вас раньше видела в университете, – и тут мне показалось, что возможно это так, но какого-то элемента ещё не хватало в этой картинке.

– Как меня зовут? – спросил я, сам удивившись этим вопросом.

И она сказала моё имя и своё, настолько прекрасное, что я его не могу вспомнить. После этого мы сидели молча, и если и перебросились парой слов, то они были незначительными,

и я их не помню. Было уже после полуночи и сплошная темень за окном.

– Уже поздно...

– Вы знаете, мне так неудобно перед вами, но мне некуда идти. Боюсь, что если к нему вернусь, то он меня заподозрит в измене.

– Не волнуйтесь, я вам постелю на выдвижном диване, а сам лягу на старом.

Я подумал, что утром может быть это всё разъяснится. Ни о каких угрозах я не думал, а только хотел выяснить – сплю ли я или ещё нет.

– Спасибо, вы очень любезны, что позволяете мне остаться, – скокетничала она. Её черты лица окончательно доверчиво смягчились в моём присутствии. Я для приличия вышел из комнаты, а когда вернулся, постучавшись, на что она ответила: «да, входите», она уже лежала под пуховым одеялом. Её одежда была аккуратно сложена на стуле.

– Спокойной ночи, – сказал я первый.

– Спокойной ночи.

Затем выключил свет, разделся и лёг на свой твёрдый диван, прилегающий к стене, перпендикулярной к её ложе. Но, конечно, я сразу не мог уснуть. Я до сих пор не мог поверить в то, какое прелестное создание мне в этот зимний вечер принесла ветреная, студёная погода снаружи и спутница её ночь. И вот она – лежит нешевелившись в одной спальной комнате со мной, не больше трёх метров от меня. Я не

мог уснуть до трёх часов, и мои ноги неудобно упирались в конец дивана. А она, посреди ночи и комнаты, вдруг встала. Я прищурил глаза, притворившись спящим, но видел её тёплую фигурку в белоснежном нижнем белье, полуобнажённой, как она стала, некоторое время посмотрела на меня, а затем пошла в уборную и вскоре вернулась к себе в нагретое лукошко.

13.2. Звонок

Я встал рано, но диван, на котором она спала вот ещё несколько часов назад, был задвинут, и на нём не было белья. «Она мне приснилась что-ли?» – в голове всплыл вопрос. На кухне тоже никого не было. Квартира была пуста, как прежде, в моём одиночестве.

Я приготовил себе чай и, тихонько его попивая, – до работы ещё оставалось время в запасе – сидел и наблюдал за странной непоколебимостью вокруг. Светлые стены, на которых были обои с волнистыми бежевыми фентиклюшечками, смотрели обратно на меня. В остальных тонах, белый был преобладающим. Я думал, не позвонить ли мне в университет, как вдруг, услышал шаги, шорох за мной, а обернувшись, узрел, что дверь открывала прекрасная незнакомка, которая пришла ко мне вчера. На этот раз, я заволновался взаправду, так как понял, что это сном уже никак не может

быть. Она входила с целофановыми пакетами, полными всякими продуктами. Я не сразу, но всё-таки помог доставить покупки на кухонный стол.

– Доброе утро, – сказал я с широко открытыми глазами.

– Доброе. Как спалось?

Я думал, что она съехидничала, но не подал виду: – Хорошо. А вы?

– Прекрасно! У тебя здесь такая уютная квартирка.

– Спасибо, – но тут я уже не сдобровал и стал говорить вещи такого содержания: – Вы знаете, у меня очень редко бывают здесь женщины... и в общем... я не привык... и не знаю...

– Ты, – ничего что мы на ты? – хотел сказать, что нравлюсь тебе? – вдруг неожиданно выпалила она.

Но мне уже надоело впадать в удивления, я взял себя в руки и ответил:

– Да, ты прекрасна.

И тут мы стояли напротив друг друга, так близко, что казалось, что наше дыхание сплеталось в единую воздушную субстанцию, которая своим теплом сближала нас, друг к другу в объятия; я хотел дотронуться до её мягких, льющихся волос, погладить их, потереть, проникнуть в них пальцами и коснуться её шеи, нежного лица; желал, чтобы она окунула меня в мир своих запахов, овеяла волосами, запутала меня в них; хочу запутаться и всегда быть в ней, никогда не покидать её, не хочу её потерять и... В спальне громко зазвон-

нил телефон. Она прикусила губу и досадно отвела взгляд. Звонок сорвал наш момент своим неуклюжим вторжением, и мне пришлось идти в спальню, чтобы ответить:

– Да... Да!... Да!?! – и положил трубку. – Короткие гудки.

Она так странно посмотрела на меня и вдруг пролепетала.

– Это он!

– Кто он? – я хотел притвориться, что ещё не знал всех действующих лиц.

– Мой бывший муж! О вышний, надеюсь он ещё не заподозрил, что сама с тобой. Нам надо уехать как можно дальше загород, а то он нас найдёт здесь вместе.

– У меня нет машины...

Она посмотрела на часы.

– Мы возьмём автобус и поедem в N. Автобус прибудет через полтора часа. Там останемся в доме моих родителей.

Я, по её словам, как по тревоге, начал собираться, пока она вынимала продукты, и как она меня просила, позвонил в университет и сказал, что заболел гриппом и не смогу прийти на работу (я преподавал английский язык). Мы приготовили завтрак вместе; я взбил яйца для омлета, она поджарила бекон, и мы порезали овощи. За всей этой вкуснятиной мне захотелось смягчить обстановку и сказать шутку, чтобы развеселить её, но у меня не получилось. Мы слишком спешили. Когда мы вышли из дома, я предложил ей свою правую руку, и она просунула свою тонкую ручку мне подмышкой и нежно так взялась за меня, как будто в перчатке.

Мы добрались до автовокзала на трамвае, и там купили два билета до деревни N. Подошёл красный Икарус, и мы в него сели вместе с толпой. Автобус двинулся с места, и мы поехали. Нам предстояло несколько часов пути.

Хоть мы сидели на одном из последних рядов, там были дети со взрослыми и много старых людей. Она сидела у окна. Я смотрел на неё, такую красотку, а она сидела совсем рядом, и так доверчиво, наивно посмотрела на меня. Мне хотелось, чтобы она положила свою прекрасную головку мне на плечо или облокотилась на мою грудь. Мне так хотелось обнять её, ласково и нежно поцеловать в её розовые и такие манящие губы, поцеловать её волнистые волосы, на которых таяли холодные снежинки. Но мы были в общественном месте, и если бы нас заметили бабушки и дедушки с закалкой достославного советского времени, то они точно бы начали ругаться и браниться на развязную и, по их словам, распутную молодежь, а мне так не хотелось, чтобы мои и так редкие ласки прекрасного женского пола вызывали у других раздражение, и поэтому я даже не подал намёка на близость и не притронулся к ней. Но её образ был у меня в голове всю дорогу.

Мы приехали в двенадцатом часу и, где-то около полу-часа, добирались пешком по просёлочной дороге. Это был двухэтажный дом, окружённый высоким забором. У них было несколько соток земли. В доме почему-то никого не было.

– А где твои родители?

– Они уехали в город, но скоро вернуться.

Она мне предложила выпить бокал вина, но я хотел отказаться, так как не пью алкоголь.

– Да ладно, но бокальчик-то можно. Тем более это наше вино, мы сами сделали. Смотри какой маленький. Тебе совсем чуть-чуть налила. Попробуй.

– Понимаешь, я в один прекрасный новогодний вечер перепил с друзьями и так отравился, что думал, что помру. С тех пор мне отвратителен алкоголь, и я его органически не переношу.

Но она на меня смотрела такими забавными глазками, что я невольно согласился и отпил глоточек. Зал был хорошо освещён и чисто убран. Нигде не было видно пыли. Стены были заставлены полками с книгами, местами висели чёрно-белые фотографии, где была она одна или с родителями, где были бабушки и дедушки.

– Ты одна в семье?

– Да, то есть нет, у меня был братик... но, не хочу об этом говорить.

Мне показалось, что она загрустила, и я подошёл к ней поближе, поставил уже считай допитый бокал на стол и хотел обнять, приласкать её, возможно утешить, лелеять этот прекрасный цветок, но у меня помутилась голова, и мне нужно было прилечь.

– Что с тобой? С тобой всё в порядке?

Но у меня всё было мутно перед глазами, и я лёг на диван и больше не мог пошевелить конечностями. У меня закры-

вались глаза, когда послышались шаги в прихожей и отворилась дверь в зал. Должно быть пришли её родители. Я мог только разобрать смутные, тёмные силуэты. Они говорили что-то. Единственное, что разобрал, было:

– Почему ты позвонил так рано?

Из них выделился чёрный силуэт мужчины. Он подошёл ко мне вплотную, свысока. В руке у него был пистолет. Он направил его мне в лоб и нажал на курок. Мне почему-то кажется, что пуля льдинкой впиалась мне в голову, обожгла меня холодком, но на самом деле, я ничего не почувствовал после этого и потерял сознание.

Так меня нашла в канаве проходящая мимо женщина из деревни. Они вовремя с мужем меня вынули и доставили в больницу, где меня откачали, но я остался парализован с макушки до пят на всю жизнь, как сказали врачи. На мне не было ключей от квартиры – «куда они могли деться?» – или документов. На моё покушение было начато расследование и привезено дорогое оборудование, с помощью которого я сейчас общаюсь с вами, слова пишутся писцом, кому я передаю их сигналами.

Она до сих пор у меня в голове. Её прекрасный голос, её тело, когда я видел её раздетой у меня в квартире ночью. Я люблю её до сих пор – знаю это звучит дико, но это так, и я не могу ничего с собой поделаться, с моим растрёпанным, одиноким сердцем. Даже если бы взять всё сначала, прокрутить плёнку времени к тому моменту, когда она впервые по-

явилась в моей жизни, что я бы не задумываясь сделал бесконечное число раз с превеликим удовольствием, мучительным для меня, больней всего было бы расстаться с ней. Конечно я бы её впустил, и впускал бы её каждый раз, снова и снова, потому что это были самые красочные моменты моей жизни.

13.3. Одним вечером... (через пятьдесят лет)

Я грезил (а что ещё оставалось делать в моей ситуации?), что цивилизация рухнула, а люди боролись, чтобы выжить. Вдруг я ясновижу, как ко мне подбегает сексуально-озабоченная милая, хоть и грязная, девушка в изорванной одежде. Она начинает целовать меня и ласкать, а потом, незаметно от меня, достаёт спрятанный за пазухой длинный нож и неожиданно пыряет, так что я кричу, но не могу оторваться от этой помешанной (или целеустремлённой?) женщины, а она пытается поймать мои губы своими и продолжает колоть меня, пока я не перестану кричать и обессиленно, от шока и потери крови, не спаду на липкую землю из её роковых объятий. Так давайте всё же представим, что я не впустил ту прекрасную незнакомку в предыдущей истории, что это всё был кошмарный сон. Тогда, возможно, развернётся следующая история:

Одним вечером, по грязной узкой улочке, я шёл со своей деревянной тросточкой, чтобы прогуляться, как я иногда делаю, как вдруг, из-за угла, услышал крик молодой девушки и какие-то звуки. Я резко остановился и выглянул. Там было пять ребят, и они пытались стащить одежду с сопротивляющейся изо всех сил девушки. Во мне всклокотала ненависть на такое противозаконное и чрезвычайно несправедливое посягательство, и мне почудилось, что я должен немедленно освободить данную благородную девицу из плена мерзких разбойников, посягающих на её честь. Моя трость мигом превратилась в меч, и я ринулся в бой с криком (я хочу предупредить читателя, что мне тогда было семьдесят семь лет). На мой дряхлый крик обернулись все мальчишки и переключились с девицы на меня. В это время я крикнул: – Беги девочка, беги! – что она с молниеносной скоростью и сделала, и я с громким, глухим ударом шибанул по макушке головы ближайшего хулигана. Он упал, но скоро поднялся, пока на меня набросились остальные четверо, при чём у одного засверкало лезвие перочинного ножика, которым он ухитрился пырнуть меня в бок, и хотя боль была обессиливающая, я умудрился вихрем полоснуть моим мечём-тростью по сужающемуся кольцу. Но девушка прибежала вскоре с помощью, и ребята не стали рисковать и убежали. Я прижал руку к окровавленному боку и не смог сдержаться и немного заскулил.

– О вышний, вы ранены!?! – прокричала с ошеломлением

девушка и добавила: – Тут сама живу, войдите в подъезд, и мы вызовем скорую.

– Не надо, не волнуйтесь, всё нормально, – взвыл я, но зашёл в подъезд. Она жила на втором этаже, но мы, хвала высшему, добрались на лифте, так как невыносимая боль вторила малейшим моим движениям. В квартире она меня посадила на диван и заставила снять с себя верхнюю одежду. Нежными, ловкими пальчиками она обезвредила рану и забинтовала, и тут я, наконец, заметил какая она была красивая девочка лет, наверное, не старше двадцати, такая вся яркая, светлая, живая... розовенькие щёчки, золотисто-русые, длинные волосы и голубые глаза... изящная и стройная, словно игрушечная.

– Подлецы, – наконец не выдержав гнев, выпалил я.

– Да, сволочи, раньше они так не собирались и не нападали. Теперь не знаю, как мне ходить пешком...

– Вызовите милицию, может их найдут и накажут. Их обязаны наказать, господа, что бы они с вами сделали!?

– Ой, вам так благодарна, что вы спасли меня! – она поблагодарила таким тонким, прелестным голоском.

– Пустяки. Я рад, что оказался там в ту минуту и смог вас выручить. Что за зверский мир, в котором живём. Раньше такого не было... – и я хотел ей рассказать о том, как, на самом деле, было раньше, как приехала скорая. Медсёстры обследовали меня и сказали, что рана не повредила никаких органов, заражения нет и я поправлюсь.

– Вы крепкий... мужчина, – сказала одна медсестра перед тем, как уйти (хоть она, наверное, хотела сказать «старичок», но не стала).

Я узнал имя своей новой знакомой и её номер телефона, простился с ней и запомнил адрес, где она живёт, и обещал проведать её в следующий раз. Хоть она сначала хотела навестить меня, но я отказался, сказав, что я живу один, холостяком, в старой квартире, до которой не касалась женская рука. Она хотела меня отговорить, но я сказал, что она занята учёбой, – «учёбой в университете, да», – и я не хочу, чтобы она беспокоилась, но что я ей позвоню, как надумаю прийти.

– Дедушка, разрешите хотя бы проводить вас до дома, а то как-то неудобно с моей стороны.

– Не надо, ничего не надо, не волнуйся, я доберусь сам. – И ушёл.

Вечер был январьский, безветренный, прямо падали снежинки, и каждый глоток воздуха приятно и сильно освежал. Я шёл неспеша, но без боли – мне помогло обезболивающее лекарство, которое мне дала медсестра. У себя дома я быстро заснул.

На следующее утро я решил отлежаться. Я уже давно был на пенсии. Жил хоть один, но мне никогда не было скучно, так как я всегда знал, чем заняться. Читал интересные книги, сам писал некоторые вещи иногда, смотрел телевизор – в общем всё то, что обычно делают праздные люди. Но на

этой неделе мне всё-таки захотелось увидеться с моей знакомой. Я ей позвонил, и мы договорились встретиться вечером у неё дома в выходной. Она сказала, что со мной также очень хотели встретиться её родители (она, видимо, им всё рассказала). Я пошёл в магазин и купил фруктов.

Меня хорошо приняли в гости обрадованные встрече родители этой прекрасной девочки. Мы расположились на кухне, она, в основном, слушала, а мы обсуждали мой героический поступок, хоть я всегда отговаривался, что это пустяки, и хвалили девочку за смекалку и скорую сообразительность.

– Если бы не вы, сам бы нашёл, и наверное, убил бы этих подонков, – говорил её отец. – Куда глядят правоохранительные органы? Что за безобразие? Как мне теперь мою дочку отпускать в школу, ведь буду с ума сходить от переживаний! А вот вы представляете, друга отца...

– Да, М.К., – продолжила мать, ловя взгляд мужа, – Избили так, что сломали его очки, и ограбили, да представляете, всё это происходило среди бела дня!...

– Такие же подонки-малолетки. Ну все уже страх потеряли, страх и стыд! – ораторствовал снова отец.

– Всё исправится, всё будет лучше, поверьте, – вдруг пролепетала малышка, и мы все обернулись на неё и замолчали.

– Дочька, уже поздно. Идём спать, – сказала ей мать, подавая ей руку (которую она не взяла), а ко мне обратилась с благодарностью и пожеланиями здоровья, и они уже собирались уйти, как девочка мне звонко проговорила:

– Спасибо И.А., что пришли. И спасибо за фрукты. Приходите ещё, мы вас будем ждать! – она немного зардела и быстро скрылась за дверью.

Когда мы вновь остались наедине, отец тихо и угрюмо, покачивая головой, произнёс:

– Дети, дети. Она ещё ребёнок. Что она понимает? – потом после натянутой паузы: – Да, вы не стесняйтесь, приходите, мне дочка (тут он назвал её по имени) сказала, что вы живёте один, а мы всегда рады гостям. Причём ей нужен глаз да глаз, вы знаете какая теперь пошла молодёжь, в том числе девушки. Да, – он махнул рукой, – что мы опять будем о старом? До свидания! – и пожал мне руку.

Так начались мои посещения этой семьи. Не знаю от чего, – от грусти что-ли? – но я очень привязался к молодой девушке. В одно из посещений, она познакомила меня со своим парнем, художником-постмодернистом. Он мне не очень понравился, потому что был какой-то угрюмый и с тёмной аурой, но он ласково и заботливо относился к нашей красавице. Но я не знаю, любил ли он её? Конечно, я не мог перестать думать о ней. Она была как луч солнца в моей подтальной жизни. Она меня очень даже полюбила и всегда встречала радостно. Однажды, даже бросилась на шею, когда мы не виделись две недели. Мне казалось, что мы очень сблизились.

В один вечер мы договорились о встрече и шахматной игре. Я хотел её подучить ходам чемпионов и заинтересовал её. Она была не по годам умной девушкой. Я ей также помо-

гал или подсказывал в учёбе, просматривал её учебники и учил английскому (который я сам раньше преподавал в том же университете). Мы поодиночке читали одни и те же книги и потом делились о них впечатлениями. Её родители уехали в деревню с ночовкой, чтобы проведать родственников, и их не должно было быть дома в эти выходные, но я условился, что я принесу с собой ужин и накормлю нашу ненаглядную. Я к ней спешил, потому что хотел сообщить об одной новости, моём решении, касающемся её, – моей, словно, внучки. Но по-моему я забыл ей сообщить заранее о моём приходе, так как я обычно приходил по субботам, а сегодня было воскресенье. Да и сотового у меня не было. Но, в этот вечер, она не ответила на звонок по кодовой двери. Может не услышала или принимала душ? Или чёртовая кодовая опять сломалась. Мне открыл выходящий из подъезда. К удивлению, дверь была немного приоткрыта (тамбура у них не было), и я насторожился, но не стал звонить. Вошёл украдкой, предчувствуя неладное, как мне слышалась возня в зале. Туда вела белая дверь с замутнённым стеклом. Оттуда доносилось ускоренное дыхание. Щёлка между дверью и стеной была не более десяти сантиметров, но я сразу разобрал судорожные движения её парня на ней, сверху и сзади неё, на диване, и все мельчайшие подробности и детали этой сцены, этой картинки, образа, в общем, это навсегда впечаталось, разъедающе въелось в мой разум. Я медленно отошёл и вышел из входной двери, за которой ожидало неосвещённое простран-

ство. Только холодный ветер дул навстречу оттуда, сквозняк, который продувался по всей квартире, в том числе и сквозь узкую щёлку в зал.

Я пришёл домой и сел на диване. Ноги, руки ноют, опухли; всё болит. Одинокая старость. Уставился на серый пол. Давно я его не протирал. Всё некогда. Хотел оформить на неё свою квартиру, по завещанию, в случае, если со мной что-то случится. А что может случиться, кроме старости? Я думал о ней, о её прекрасной красоте и не хотел поддаваться каким-либо порчам или потускнениям этой красоты в моей памяти. Думал, как мы были вместе, наедине. Только мы. Она уже большая девочка, а я старик. Но как сам хотел лишь дотронуться до её лица, так нежно, ласково, с любовью отвести кудри волос с её лба и оголить шею... стоп. Всю жизнь я боролся с собой и со своими зависимостями. Как бы ни хотел обнять её сейчас, овеять теплом её прекрасное тело, но осознавал, что я её не стою, что я ей не нужен, что я не смогу сделать её счастливой, подарить ей наслаждение и полную нежности любовь, потому что я очень старый. Раньше я был красив и молод. Сидел один в моей пустой, тусклой квартире и думал о моей жизни, одним вечером...

14. Энергия любви.

14.1

Вечнозелёные, крепкие ветви елей выглядывали из-за окна душевной летней университетской аудитории. Преподавательница читала лекцию. Сидела, думала совершенно о другом. Видела одного парня на художественном факультете. Встретилась с ним на одной паре. Краем глаза и иногда мельком наблюдаю за ним. Он не такой, как все. Он скромный и стеснительный. Мне нравится, как он вбирает свою нижнюю губу, как бы прикусывая её, увлажняет свои губы. И какие у него интересные глаза!

У него был такой печальный, одинокий, но от этого не менее ищущий взгляд. Тонкий, с горбинкой греческий нос, выдвинутый, арийский подбородок, высокий лоб, тонкая розовая верхняя и полная, алая нижняя губа, под которой у него родинка. Мне казалось, что он такой чувственный, такой красивый. У него очень высокое и стройное тело атлетического склада, широкие, прямые плечи и мышцы, как у пловца. Его одежда плотно облегалась аполлоновские формы и стройные, длинные ноги, и было любопытно заглянуть за его футболку и джинсы и увидеть. Что там за ними может

быть? Увидеть его грудь и какое у него сильное, мускулистое тело там спрятано. Также у него изящные кисти рук с длинными, тонкими, музыкальными пальцами. Чёрные, аккуратно ухоженные густые волосы, прямые, но на концах немного кудрявые, чисто выбритое лицо... И главное – глаза: карие, строгие... нет, скорее томные и мечтательные, или отчаянные, прячущие и наводящие на смелую, соблазнительную чувственность, глаза... которые глянули на меня всего-лишь на секунду, когда подсаживалась рядом. В нём чувствуется самодостаточность и глубина философа, человека несчастного и оттого не нашедшего своей половинки, стези или смысла жизни. Мне показался он потерянным, но в нём столько много потенциальной жизни, столько возможного счастья! Ох, как же он хорош и не знает об этом! Ему всё по колено в этом мире. Для него такого всё открыто. Почему он не хочет познакомиться со мной? Сама здоровуюсь с ним, но он молча проходит, но вдруг останавливается и отвечает, так неуклюже и невовремя:

– Здравствуй. – Затем стоит в смятении и потерянности, не зная что делать. Сама тоже стою напротив него.

– Пойдём на улицу, пока перемена не кончилась? – спрашиваю и дразню глазами, игриво встряхиваю головой. Конечно, немного засмушалась после этого, что аж загорелись щеки. Хочу казаться ему интересной, необычной, смелой. Почему другие смазливые девчонки, мои подружки не хотели познакомиться с ним? Они же его боялись!

Он кивнул, слабо улыбаясь. Снаружи, взяла его влажную ладонь. Он сначала хотел разжать ладонь, но его подбодрила: – Не волнуйся, всё нормально. – Но моё сердце сильно билось – казалось, что оно вылетит из моей вздымающейся и опускающейся груди. Во мне бился вулкан эмоций. Мурашки бегали по коже от неуверенности в том, что делать дальше. Что ему сказать, чтоб развеселить его, чтоб ему понравиться? Мне на удивление было так хорошо с ним, хоть совсем его не знала, но чувствовала, что знаю всю жизнь.

Не было особенно людно. Мы шли по дорожке у университета, как вдруг пошёл дождь. Сначала слабо, а потом, как хлынул из ведра. Мы ушли недалеко от входа, и нам так не хотелось возвращаться. Он засмеялся, а сама весело взвзгнула от холодных капелек, которые закатывались мне за воротник и стикались по шее с мокрых волос. Он взял меня за обе руки, притягивая к себе, но не поддалась ему сразу, и он прокричал, пытаясь перебороть шум ливня об асфальтированную дорожку, на которой собирались лужи:

– Будем танцевать под дождём или побежим внутрь?

На что прокричала: – Побежали... – И ринулась первой, потащив его за собой. Но он не отставал. И так мы бежали, держась за руки, и не отрывались друг от друга. На нас прохожие под зонтиками оборачивались и недоумённо глядели.

Так мы начали встречаться в университете. Всегда садились рядом, делали вместе домашние задания, списывали лекции, готовились к зачётам. Когда видела его издалека, он

был такой хмурый, старался не смотреть на людей, но когда подходила к нему и он замечал меня, вид его преобразовывался, освещался изнутри, словно у него появлялся огонёк в груди, и его карие глаза заманчиво горели, отражая его. В них чувствовался пламень ненасытной жизни и сила к действию, которую он почему-то не применял. Так мы только встречались на занятиях и гуляли на переменах. Когда подходило время расстаться, ждала, когда он наконец обнимет и поцелует меня или хотя бы предложит встретиться в свободное время, но никак не могла дождаться. Он прощался грустно, сам, наверное, понимая, что чего-то не хватало, кроме бесцветного «До свидания». В этот момент глазами показывала, что он может дотронуться до меня, что желаю его, но он не замечал моих бессловных намёков.

14.2

Подходило время, когда наш общий курс закончится. Наконец, он пригласил меня встретиться в центральном парке. Он пришёл грустный, серьёзный, а сама была на опьяняющем взводе. Хотелось танцевать, смеяться, веселиться. Хотелось любить...

Мы шли по улице вдоль трамвайных линий. На нём голубая рубашка надета поверх джинсов. Останавливаю его и расстёгиваю ему несколько верхних пуговиц рубашки, что-

бы ему было свободней. – Так лучше... – добавляю: – а то и так жарко. – Он такой высокий, красивый, на него оборачиваются другие девушки и завистливо смотрят нам вслед.

– Почему ты такой печальный? – стараюсь улыбнуться ему, но с трудом получается протолкнуться сквозь его ауру. – Ты такой красивый... – глажу его рукав. Он держит меня за ладонь и гладит мою руку.

В парке зелёная аллея, цветут каштаны, газончики украшают розовые магнолии. Лёгкий ветерок шуршит листвой, проносится между покачивающимися ветвями на фоне солнечного неба. – Ах, как люблю каштаны – это моё любимое дерево. – Моё сердце порхает птицей. Хочется быть колибри и заглядывать с длинным клювом в сочные, яркие бутоны. – Как здесь красиво! – Мы гуляем, садимся на скамейку. Он спрашивает:

– Тебе никогда не казалось, что будет если мы забудем всё это, если ничего не удастся спасти?

– Что именно?

– Наши встречи, воспоминания... если всё сотрётся...

– Нет... зачем? Не забуду никогда.

– А вдруг, представь, вот, например, у того одинокого человека, – он кивает на мужчину на другой скамейке, – может быть он потерял память и забыл о тех, кто любит его. Что тогда?

– Странные ты вопросы задаешь. Забываешь только то, о чём не думаешь.

После долгой паузы:

– Вот думаю сейчас о храме...

– О чём?

– Разве тебе не рассказывал?

– Нет, расскажи. Что это за храм?

– Раньше служил в одном храме, но... его не стало. Успел спастись в последний момент, когда его подожгли.

Посмотрела на него, заглянула в его тронутые печалью глаза.

– Ты хотел это забыть?

– Не знаю... не знаю, чего хочу. – Он отворачивает свой взгляд.

– Нужно верить в любовь, чтобы быть счастливым. Ты веришь в любовь?

– Верю.

Мы снова смотрим друг другу в глаза. Наши ладони тянутся и дотрагиваются друг до друга.

– Тогда почему ты не хочешь отдаться этой любви, в которую веришь?

– Меня тревожит мир вокруг, а внутри слишком темно, потому что ещё верю в тьму. Это даже не вера, а знание, которое отражается...

Несдерживаюсь и касаюсь губами его губ и так же неожиданно отслоняюсь, делая вид, как будто случайно упала на него, а он успел меня поддержать.

– А ты не бойся. Сама с тобой. Мы едины.

Он крепко, но не больно сжимает мою руку.

14.3

Когда пришла к нему домой, мы чуть не поссорились.

– Ну почему ты снова такой угрюмый и безразличный? Давай пойдём куда-нибудь. Не знаю, в театр, в кино, – Повернулась к нему с горящими глазами: – Во, давай поедем куда-нибудь за город, на природу!

– Если хочешь – езжай... Не хочу тебя останав...

– Да что с тобой? Ну что тебе даст эта тьма?... – слабо сквозь губы: – Ну оставайся, а сама... – иду к выходной двери.

– Аглая?

Застываю на месте и медленно поворачиваюсь:

– Что?

Он продолжает:

– Едем, – у него улыбка на лице.

Но поняла, что он это сделал ради меня. Он по-прежнему оставался замкнутым, меланхоличным, и мне становилось от этого не по себе... нехорошо, как будто должна была снова и снова взрываться эмоциями, будоражить его состояние, толкать, веселить... но не могла больше... не оставалось энергии. И тогда всмотрелась в себя. «Нет, это что-то во мне. Мне следует понять, что мешает мне любить больше,

без каких-либо рамок, любить его беспредельно. Это лишь следующий уровень, новый этап нашей совместной эволюции. Должна любить больше и сильнее. Должна полностью отдаться этой любви, и может потом сверкнет ответный, тёплый лучик», – убеждала себя. Нутром знала, что с ним и только с ним буду чувствовать себя в безопасности. А сердце боролось за счастье, которого не чувствовало, но старалась держаться за нить и не отпускать, даже если казалось, что ничего больше не оставалось, как повеситься на этой же самой нити.

– В мире много тьмы, и она должны быть. Люди забыли об этом.

– Зачем ты веришь тьме, когда столько много света?

– Люблю тьму... она так уникальна.

– Говори, говори что хочешь. Ты не сможешь сделать мне больно. Знаешь почему?

– Знаю.

– Мы создаём свои миры. Если хотим, будем в свете, хотим... уйдём в тьму. Всё в наших руках. Наше сознание – это наше бытие.

– Может быть. Но как удержать весь натиск тьмы, если этого не может сделать свет?

– Это в тебе говорит неестественная боль. Зачем тогда жить, скажи мне?

– Не знаю...

– Чтобы жить! Для чего ещё мы появились на этот пре-

красный свет?

Он молчит.

– Скажи, что тебя мучает внутри? Кто проник в твою святая святых? Что с тобой, милый?

– То, что впустил сам... – Он смотрит чёрными глазами на лужу, где его отражение искажается зыбью. – Что происходит? Где истина? Где выход?

14.4

Вхожу в его комнату. – Милый?... – Он стоит в тени, его руки неестественно отвисают, тело покрыто шипами, а глаза... светятся красным. – Милый, иди ко мне. – Он рычит. – Не боюсь, потому что люблю, – рукой тянусь к нему.

– Сука, тебя убить мало...

– Это твоя оболочка говорит за тебя, будь собой, борись, прошу тебя. Ты мне не причинишь зла...

– Молить будешь меня... – бубнит еле слышно, – Лукава.

– Не называй меня так, слышишь? Не называй!

Он протяжно смеётся.

– Ты погрязла в мою тьму и тебе нет выхода...

– Что ж ты всё говоришь, трус, а не делаешь, а?

Но сама чувствовала давление на висках, и окружающее напряжение, натянутое как струна, готово было ужасно обрваться.

Он скрежёт клыками, пятится, отворачивается. Иду к нему поступью, которой придаю уверенность из всех оставшихся сил. – Милый, посмотри на меня... – Он резко поднимает голову, но его глаза без покраснений. Он меняется, мякнет и нагим повисает на мне. Он содрогается. Мы на стыке рыданий, но мы берём себя в руки. Обнимаю его и целую в щёку. – Присядь, – мы садимся на диван. Он покрывает мои плечи мокрыми, вялыми поцелуями. Наклоняю голову, чтобы открыть ему свою уязвимую шею. Кладу его руку себе на бедро и сжимаю его торс, обвиваю его ногами, но он резко опрокидывает меня на спину, и нависает надо мной, так что мои ноги оказываются на его плечах. Он старается овладеть мной и его возбуждённые касания ускоряются. Боюсь, что он не сможет совладать с собой, руками стараюсь замедлить его пыл и словами немного успокоить:

– Постой, подожди немножко, не спеши... – Но он не слушает, он подчиняется страсти, и огонь сладкого влечения обуревают им. Тогда пытаюсь усердней высвободиться из его объятий и громче произношу:

– Давай не будем. Не сейчас. Будет лучше, когда мы сэкономим эту энергию, пусть она неберётся, чтобы тогда нам обоим выплеснуть её в одно мгновение. – Выскальзываю из его слабеющей сети. Он смотрит непонимающими глазами, но мои слова сработали – он отходит. Мои слова для него ещё что-то значат.

14.5

Мы решили вечером встретиться в компании друзей.

– ... А он ему говорит, представляешь, «Да ты дурак, да чтоб тебе <...> такому <...> вонзиться», а он в трусах запутывается, спехом на ноги одевает их и убегает, прикинь, так, вприпрыжку, что аж ягодички сверкают», – рассказывает один из одноклассников, а мы смеёмся, – Прикинь?

– Ваще жесьть, – говорит его друг.

– Так, а не могли бы Вы с этого момента, пожалуйста, поподробней, П.Ю., – вежливо-игривым тоном обращается к нему моя подруга со школы. Мы смеёмся.

– Да нет, И.В., он не может больше в таком состоянии, посмотрите на него! – перебивает один из друзей.

– Нее-е-ет, ещё хороший. Конечно, И.В. Там ещё и не такоооо было... – и он продолжает свой рассказ...

– Ты, смотри, ещё нам карате покажи.

– Какое карате? Вот это что ли?

Он подпрыгивает и начинает забавно размахивать руками из стороны в сторону с серьёзным выражением лица...

– Блин, совсем забыл, там надо кое-куда съездить. Вы не отпустите меня на совсем чуть-чуть, на пару минуток хотя бы?

– Да ещё время море!

– Да так и час и пол часа было...

– За водочкой?

– Ну, а зачем ещё? Вы ведь столько пьёте!

Мы вдвоём ничего не пили, ну разве только сама пила немного пива.

Но уже поздно, и мы расходимся. У меня с лица не сходит улыбка, внутри продолжаю смеяться. Мы идём к нему. Хочу ещё продлить веселье вечера, задержать ускользающую нить радости:

– Какой он прикольный пьяный, правда?

– Да.

– А что ты был такой сиснительный-сиснительный? – привожу одну их шуток из беседы с друзьями. – Но посмотрев на его лицо в свете фонаря, моя улыбка словно слетает испуганной птицей. – Что-то не так?

– Как ты думаешь, почему в мире во всём столько страдания и боли? – в своём отчуждённом стиле он задаёт вопрос, неизвестно мне или себе.

Мы стоим у его подъезда.

– Что ты всё думаешь? Лучше просто наслаждаться жизнью. Вот как сегодня. Ведь видела, как ты смеялся вместе со всеми, и ведь хорошо было, разве нет?

– Тебе скажу: они сами хотели отражений.

– На что ты намекаешь?

– Да ни на что... Просто так думаю.

– И что, тебе лучше от этого?

Мы поднимаемся по лестнице на четвёртый этаж. Иду перед ним. Дыхание учащается, по телу приятно разливается тепло от физической нагрузки.

– Да нет, наоборот даже...

– Ну так давай лучше о чём-нибудь хорошем поговорим.

Мы входим в его квартиру. Он живёт один.

– О чём, например?

– Что есть любовь?

– Опять ты про своё.

– Не про своё, а про общее.

– Ну хорошо, это свет?

– Да, это мир красок и приятных волнений. Это непринуждённое единство. Это счастье. Это когда мы делимся энергиями, чтобы восстановить и поддержать друг друга. Ты хочешь быть счастливым?

– Нет, не хочу.

– Что ты говоришь? Ты не хочешь быть со мной? Может, ты хочешь, но не можешь?...

Мы молчим. Уже сняла пальто и сижу с ним на кухне. Затем он спрашивает:

– Твоя церемония надо мной излечит меня от яда моей жизни? Ты считаешь себя достаточно сильной для этого?

– Желаю излечить тебя, как смогу, да, избавить от тёмного страдания и боли, что запеклась так крепко и глубоко в тебе. Хочу подарить тебе свободу и одновременно быть с тобой.

– Боль – это когда рвётся единство, потому что преследует

разные цели...

– Боль – это тьма...

– И это укрепляет. Боль дарит силу.

– Это чёрствая, ограниченная сила.

– Но без неё никак нельзя выжить, так как она помогает переносить боль.

– А разве нельзя принимать боль такой, какая она есть? Или вообще, зачем нужна боль?

Он вздыхает.

– Да... вот видишь, ты не знаешь боли. Ты ошибаешься и говоришь впустую.

– В неё просто не верю...

В общем, у нас всё было неплохо: свои падения и подъёмы. В день всех влюблённых на столе меня не ожидало шоколадное сердце в красной коробочке. Вместо этого там стояла ваза... со сказочным букетом нарциссов и лежал розовый конверт. К конверту было прикреплено медное кольцо, на котором было выгравировано моё имя. Дёргаю за кольцо, конверт открывается, и из него высыпаются засушенные цветы с его стихами.

– Это мне? – улыбаюсь ему, – Спасибо, очень мило...

Он стоит сзади и говорит отвлечённо:

– Тебе нравится? А мне нравится когда на тебе твоя дирндл. Очень кстати... – Он так долго улыбается – как хорошо! Это он её мне купил.

Он смотрит мне в глаза, когда читаю аккуратно написан-

ные слова на розовой бумаге. Стих без названия начинается так: «Верю в тебя. Ты любовь моей жизни...»

– Глая, – он ласково называет меня и подходит ближе, отводит мои русые волосы и касается каёмки уха, от чего вся трепещу. У меня и так обычно румянец, но сейчас лицо как будто горит, а дыхание учащается. Хочу, чтобы он продолжал до меня нежно дотрагиваться и водить рукой по моему лицу. – Ты такая красивая. Обязательно нарисую тебя, слышишь? – Он читает мне стихи. Глажу его густые волосы. Мы целуемся и ласкаемся весь вечер.

Этим же вечером, втайне от меня, он нанесёт первый, яркий мазок на бледный холст с моими очертаниями, с карандашными линиями моего лица.

14.6

Однажды, мы решили сделать перерыв в отношениях. Точнее, решил он. Он высасывал из меня всё, что могла только отдать ему. Он был вечно хмурый, выплёскивал на меня весь свой негатив, но всё равно любила его, верила, что могла ему помочь.

– Милый, пожалуйста, будь обычным, сними маску. Простые люди делают ошибки, можешь и ты. Мы ошибаемся, наши мнения порой ошибочны, но такова природа человека. Зачем идти против течения, когда легче жить просто?

– Может мне скучна простота, ты не думала? А разнообразность надоедлива.

– Но однако мы живём... Иначе, зачем?

– Вот именно. Не может быть одного выхода на всех в одно время, а только за его пределами.

– О чём ты?

– Людей много, и на всех не хватает энергии, поэтому люди закрываются, уходят в себя от безысходности. Общество пугает своими размерами. Только те, которые полностью никогда никому не отдают себя выживают в нём.

– Это неправда. Мы, например, истинны друг перед другом.

– Да, послушай, это трудно, сам труден – знаю. Меня и так никто не понимает, и сам свикся с одиночеством внутри...

– Так ты меняпусти...

– Ты думаешь, что сможешь одолеть всё, что захочешь. Но тут иначе. В моей душе иначе, чем ты думаешь...

– Продолжай.

– Только ты не думай, что ты не важна в моей жизни. Знай, что ты – моя муза, ты прекрасна, ты уникальна, ты освещаешь моё творчество...

– Твою тьму?

– ... Всё это время пытаюсь сдержаться... Может быть после того, когда умру... – тут нервно вздыхаю на его слова, – ... моё творчество будут ценить и немного хвалить за необычность. Как например... – Он задумался.

– Что?

– Хочешь расскажу тебе историю?

– Ну?

– Когда-то, маленький, щупленький, боязливый Винсент Ван Гог стоял где-то в углу на выставке в Париже, пытался продать свои картины, за которые он крепко и усердно держался, за свои единственные любимые детища, а на него никто даже не обращал внимания, с пренебрежением отводили взгляды и проходили мимо, озлобленно фыркая на его дерзкие и не вписывающиеся в контекст вкусов времени картины. Но изменил ли он свой стиль? Поддался ли вкусам толпы? Нет! И молодец, что так смог сдержаться. Что верил в свои произведения искусства, хоть его никто не поддерживал, но он продолжал писать свои картины. Картины, за которые никто даже не хотел кинуть ему копеечки. Затем, в полной нищете и бедности, изголодавшись, он умер отчаянной смертью. Он был убит. И смотри теперь! Смотри: его картины стоят миллионы! Их называют бесценными шедеврами, революциями в изобразительном искусстве. Теперь и только теперь Винсент Ван Гог всемирно известный художник-импрессионист, один из величайших пионеров экспрессионизма, первопроходец современного искусства! И так же, как он, сам рисую вещи не такими, какими они кажутся, а такими, поскольку чувствую себя в них. Прошу, оставь меня на время. Дай мне время, когда могу заниматься творчеством в одиночестве. Ты меня научила, что жить надо, что-

бы творить, а любовь – это тоже творчество. Когда решу сам, позвоню тебе и мы встретимся вновь. Мы будем вместе – обещаю!

14.7

Мне было очень тяжело отпустить его. Засыпала с ним в мыслях первую неделю. Хотела ему позвонить, но он тогда отговорил меня. Но не выдержала. Мне показалось, что что-то случилось и решила зайти к нему неделю спустя.

На площадке перед его квартирой столпились люди.

– Что случилось? – спросила его соседей.

– Да наркоман один умер.

У меня всё накатывается внутри после этих слов.

– Он не был наркоманом! – кричу и врываюсь в квартиру.

Он лежит на носилках, рядом парамедики спрашивают: – Вы кто будете?

– Его сестра, – отвечаю им вскользь, не сводя взора с его бледного, безжизненного лица. Мои руки безудержно трясутся. Наклоняюсь над ним и поднимаю его голову. В его глазах свет, как отражение виденного. Этим светом была сама в его жизни. И он меня защищал. Теперь его нет. Как же будет без него? – Нет... только не это... – Держу его и целую его холодные губы, прижимаюсь к нему...

15. Свет в воде

Кабинет офтальмологии. В глазах своего пациента ясно видел воду, давящую на меня со всех сторон и выжимающую последние силы, что как будто тону в ней. Чувствую, что она будет моим концом. Принимаю душ реже и через силу. Перестал много пить и не смотрю в глаза прохожих. Но ужасней всего то, что девушке, с которой жил, не мог смотреть в глаза. Мой друг работает в морге и хотел пригласить меня на обследование трупа некоего молодого художника, но отказался. Вскоре переехал в другой штат и нашёл новую работу, завёл новый круг знакомых. Но моё проклятье последовало за мной.

Сгорбленно идя по улице в неотступающем отчаянии и думая о той чёрной точке, что была у меня в жизни с детства, переходил дорогу, и вдруг из-за угла увидел странную женщину, остановился, но в этот момент выехала жёлтая машина и сбила меня с ног. Потерял сознание. В госпитале побыл недолго, потому что отделался лёгкими ушибами и царапинами. При выходе меня остановили и от какой-то женщины передали ожерелье, на тыльной стороне которого была впечатана непонятная надпись. Вспомнил о том, что прошлой ночью здесь умерла женщина после аварии, но по описанию, женщина, которая оставила это ожерелье, была из моей жиз-

ни, и только она всегда носила это ожерелье. Чтобы понять мой страх и удивление, должен рассказать, что произошло в моём детстве...

... У девушки, с которой жил, была старшая сестра-близняшка, которую любил с детства. Мы вдвоем гуляли во дворе и играли в детские игры. Однажды, она, смеясь, кидала мне под ноги камни, и я кинул камень в ответ, но мой камень отскочил от асфальтированной дорожки и попал ей в лоб, на котором сразу образовался синяк, и она заплакала. Мы стояли как вкопанные. Я очень испугался и не пошевелился, а она убежала домой. Её сестра всё видела и подтвердила историю матери.

Её мать вышла и ругала меня:

– Сейчас вызову милицию... – её голос был на пределе, но звучал неуверенно, и местами обрывался, – ... у неё сотресе-ние мозга.. она может стать дурочкой... останется инвалидом на всю жизнь. – Её слова вписывались в меня, вжигались раскалёнными тисками на всю жизнь, словно проклятие.

Пока я продолжал стоять и молиться про себя, она ушла, вся взволнованная, чуть ли не плачущая. Рядом, у трубы котельной, стоял парень, который был старше меня и которого я боялся. – Ты кинул той девке камнем в лоб? – сказал он тихо и немного в смятении. – Ну ты молодец...

Меня пытался успокоить и отвлечь близкий друг, но всё бесполезно. Я его не слушал. Уже дома, но ещё в трансе от страха за свою душу, я посмотрел на небо из окна и увидел

облака в форме имени высшего. С тех пор я перестал приходить в тот двор. Но через двадцать лет встретил её младшую сестру, и чувства проснулись во мне снова. Расспросил её о сестре, и она рассказала, что сестра её пять лет назад погибла в аварии с мужем. Мне было тоскливо от одиночества, и стал встречаться с ней. Но не должен был её бросить...

Собрал вещи и вместе с этим ожерельем направился обратно. На пути с аэропорта, из такси, видел несколько аварий. Вылез из такси и побежал к переходу, где встретил её, но она не хотела говорить. Просил остановиться и простить меня. Она остановилась, а машина на дороге вышла из-под контроля и направилась на неё. Схватил её за руку и оттянул в сторону. Мы бежали к полицейскому. Машина неподалёку перевернулась; мы согнулись, и сам накрыл её собой, а машина пролетела над нами, сбив человека. Мы бежали из города к морю, забирались в гору и сели в припаркованную там машину.

– У тебя огонь в глазах... – вдруг сказала она и добавила, –
Оставь меня.

Хотелось всё ей объяснить и, наконец, показал ожерелье, затем пытался обнять её, но она заплакала и оттолкнула меня, прокричав:

– Уйди! Не могу больше смотреть на тебя!

Вышел из машины и стоял у обочины в ошеломлённом забвении. Недалеко ехала машина, резко затормозила, повернула, и врезалась в машину, в которой сидела она. Бак

вспыхнул, и громко ревушая и полыхающая машина откатилась в сторону, сломала загрождение и упала с обрыва в море.

Стоял, а красное солнце садилось. Думал, что теряю память; весь мир разрывался на множество осколков. Свет в воде.

16.1. Сколько длится момент?

Падаю... падаю? Как будто падаю в пучину этого города за окном, в океан мигающих, пронсящихся огней. Смотришь как будто чужими глазами через полуторайюмовое стекло от самого пола на город внизу. Улицы освещаются всевозможным светом, когда город начинает погружаться в ночь. Такое малое пространство между мной и воздухом снаружи, шумом и запахами жизни вечно бодрствующего города...

... В мой кабинет ворвались трое в масках и с автоматами. Резко встал, и они выстрелили очередь. Всё покрывается пятнами, сбивающимися в контрастные скопления. Звуки затихают, краски проливаются вокруг и тускнеют. Снаружи вижу небоскребы и весь город. Вместе с осколками стекла падаю из окна к дороге внизу. Проняются воспоминания. Сколько длится момент?...

... Помню, как мои дети прыгают на батуте на заднем дворе. Наблюдаю за ними и слышу их смех. Их волосы развиваются в прыжке. Хочу задержать этот момент в памяти. Не важно, как их зовут – их больше не увижу...

... Развожу руки и лечу вниз. До меня доносятся звуки машин и сирен...

... С женой мы прыгали с моста с тарзанкой. Помню сильный напор воздуха на лицо и свободный полёт. Боялся, когда

меня швырнёт назад тарзанка. Какая ясная улыбка была на лице моей жены перед прыжком. Её очень люблю...

... Закрываю глаза и отдаюсь моменту. Город приближается, убаюкивает меня в своих объятиях...

... Он разорил нас, уничтожил наш бизнес, и нам больше ничего не оставалось, как обратиться к смутным методам, чтобы вернуть власть, снова стать на ноги. Но со временем между нами образовалась брешь, так как понял, что не могу идти этим путём. Ничего не помогало. Думал до кризисного тупика, но не раскрывал себя, пока окончательно не потерял веру в себя и в партнёров, которые были моими друзьями. Перешёл черту, когда решил убить его, но лучше самому, чем с ними. Был совершенно один.

Давно думал, что идея с нанотехнологией позволит им подняться на новый уровень. Электронный буклет был мега популярным. Акции этой корпорации взлетели очень высоко. Люди покупали продукты, не зная, что они порой вызвали сбои в других электронных системах, но эта информация дискредитировалась подкупленными экспертами. Их штучки не должны были пройти государственные стандарты по электронным устройствам. Он должен был чувствовать себя виновным за обман покупателей и общества. Его тактика привела к концу конкуренции. Где его совесть? И хоть являюсь владельцем, не был создателем. Хотел остановить эту компанию.

Эта компания развивалась по принципу само-конкуриру-

ющей монополии. Одно, с кодовым названием «чёрное», дизайнерское отделение на западе, «белое» – на востоке. Они соперничают между собой за право производства какой-либо технологии в отделении в «ветреном городе». Система подсчитывает, выдаёт и сравнивает корпоративные кредиты за разные действия работников. Происходит рост и глобализация конгломерата. Думаю, что создан монстр...

... Не чувствую давления воздуха на лице, ничего не чувствую...

... Шёл по улице и увидел человека с потерянным лицом, чьи глаза остановили меня, потому что это был тот человек, которого хотел убить. Он положил мне в руку электронные ключи от акций компании. Моя другая рука в кармане, но не решился вытащить пистолет, чтобы выстрелить в него. Теперь не знаю где он, но где бы он ни был – он не вернётся. Он предчувствовал это, но хотел спасти компанию. Теперь ношу его имя...

... Красная машина внизу. Мы на ней ездили, когда были вместе – все мои компаньоны со мной. Теперь они приехали на ней, но когда-то, не так давно, это была моя машина.

16.2.1

На экране только что включённого телевизора репортёрша объявляет новости:

«... упал на припаркованную красную машину у здания корпорации IASO. Его опознали, как нового генерального директора корпорации. Машина принадлежала убийцам, когда...»

Изображение улетучивается в точку в центре померкшего экрана.

Оставил свой конгломерат, и вот к чему это привело. Его убили, а сам он хотел убить меня. Как он мог звать их друзьями? Мир волков – это мир бизнеса. Чувствую, что по-прежнему есть люди, которые хотят моей смерти. Они меня не найдут. Сделал всё для того, чтобы не оставить им следа. Удалил все мои фотографии, уничтожил все документы. Со мной только паспорт, дебитная карточка, карточка социальной безопасности и водительское удостоверение. Что они обо мне теперь знают, когда сменил имя? Никуда не выхожу из дома; можно сказать, ни с кем не общаюсь. Покупаю только продукты. Денег мне должно хватить на оставшуюся жизнь. Но ещё хожу дважды в неделю в бассейн, по вторникам и субботам. Он меня успокаивает, отводит депрессию. Меня там никто не знает. Переехал сюда ещё месяц назад.

Живу, конечно, один.

...

Его нашли по фотографиям родителей и связанной с ними информации. Тело – это большой мир. Беги куда хочешь, но ты никуда, никогда не убежишь.

...

За стеклом бассейн. Манящая гладь воды.

– Hi, how u' doin'? – спрашивает девушка за стойкой у входа в спортзал.

– Fine. How are you?

На меня она странно посмотрела – или мне так показалось? – перед тем как просканировать карточку членства клуба.

«бииип»

– Have a great workout.

– Thanks.

...

После душа и упражнений для разминки, готов к плаванию. Пробую воду ногами. Она немного прохладная, но приятная. Спускаюсь медленно, неспеша. Меня ждёт час свободного стиля. Кроме специальных плавков, на мне одеты шапочки из латекса и лайкры и плавательные очки. Погружаюсь с головой и отталкиваюсь от стены. Со мной соревнуется молодой парень на соседней дорожке. Увеличиваю напор, толкая сильнее и ускоряя броски, глотаю воздух через раз, другой бросок, и дышать становится труднее, давление в груди

– но должен обогнать его и победить! Вот меня собираются обогнать, или это гребень волны следует за мной, соревнуйся с моим воображением. Слабости нет места, но мышцы постепенно наливаются тяжестью. Поднимается и опускается левая рука, а правой не вижу. Движения отработанные, чёткие, автоматические; расслабленные руки гладко и глубоко проникают в воду; загребаю максимально далеко, а время как будто замедляется, когда не нужно думать ни о чём, кроме как заставлять и торопить тело продолжать двигаться, выполнять свою работу бросок за броском...

Сделал поворот и погрузился в абсолютную тишину и забвение. Вокруг никого не было; соперник исчез. Но на последней дорожке, дальней от меня, появился, как мне показалось, мой двойник, как будто в зеркале сам обгонял себя...

16.2.2. Тело – большой мир

Состояние жидкости. Кислород, водород, углерод, а также другие инородные элементы словно звёзды светят в темноте. Везде подстерегает опасность попасться в щупальца хлора, хоть и смогла бы, может быть, выползти или перемудрить его в игры загадки. Составление процессов текучести, прозрачности происходящего на расстоянии достаточно близком для прямого вмешательства. Пузырьки газов. Одна вода, а стены не видны, так как слишком далеко. Океан безбрежного космоса. Колоссальное плывущее тело, вселенная, называемая «человек», недостаточно защищено. Внутри его попадает множество воды, этих галактик. Через поры его кожи в капилляры, через рот в желудок, через ноздри в мозг. Если поймают – арестуют и уничтожат. Но некоторые, хоть не все, но достаточно всё-таки успешно проникают и доводят миссию до конца. Мне нужно ближе к мозгу, если это «он». Попадаю по направлению через кожу и по капиллярам.

Кровь. Его иммунная система борется. Липучие антитела наступают, атакуют моих спутников, некоторые из которых по-видимому тоже несут свои послания-проповеди. Вокруг непознанные миры блещают и просят зайти. Сколько качественно отличных частиц! Они попадают внутрь моего водоворота, в дыру моего рта. Пожираю их, и они придают мне

достаточно энергии, чтобы увеличить скорость и потерять преследователей.

Меня окружают клетки – интересные миры, на которых живут удивительные существа. Стенки такие мягкие. Подплываю, прислоняюсь всеми держащими меня конечностями, мой желудочек закручивается в спираль, проникая всё глубже к ядру, где шевелятся такие же спирали внутри не о чём не подозревающих органелл, только двойные. Они подходят. Выискиваю якорного или коммуникационного контакта с ними. Одна притягивает меня своей красотой. Такая гибкая, состоящая из стольких информационных сгустков! Подплываю ближе. Меня замечают и пытаются вновь остановить. Вся дрожу, жизнь покидает меня. Так притворяюсь неопасной, отвлекаю от себя внимание противника... и продолжаю. Не могу, но должна... выжить, передать мой код... потомству. Ритмично дёргаюсь своими элементарными конечностями, которые сгущаю и держу как можно ближе друг к другу. Посылаю термальные и электрохимические импульсы, словно завораживающие картинки, которых вот они не могут не принять. Но однако противники выбрасывают меня, отклоняя мои заявления на то, что являюсь неопасным матричным или белковым энзимом. Меня не принимают за свою. В потоке обнаруживаю другой мир-клетку, умирающую после деления. Белая масса, гнойные наросты на клетке. Открываю её мембрану, как отрываю ноготок. Хвостиком-плюсом вильну, внутри колечками сомкнусь и рас-

правлюсь. Внутри клетки тепло, уютно и некого бояться. Ядро еле бьётся, еле двигаются другие работники-органеллы, как будто в замороженном состоянии.

Меня вяло принимает к себе в ядерную пору нитевидная хромосома, которая когда-то была гибкой красавицей. Мы привлечены противоположными зарядами. Ждала, стремилась к этому моменту; заряжена до предела, так что энергия свободно сочится из моего подобия рук. Отслаиваю и притрагиваюсь к ней своими ворсинками, а она уступает моим просьбам и плавно поддаётся моим ласкам. Показываю ей послание-письмо в виде кода из определённых символов, которые сама не могу пока считывать. Может она сможет? Может мне повезёт до того, как распадусь? Может она возьмёт часть меня и продолжится мой род? Она мне показывает, учит транскрипции. Мы трёмся. Так приятно, мягко, шелковисто.

И разбегутся наши белые детишки-крупинки-элементики и по сосудам поплывут и произойдёт диффузия в мозг. Мало кто из них выживет; немногие доплывут до нейронов. Их будут безжалостно останавливать и обвалакивать токсинно-коллекторы, эти белоснежные полицейские, но всё же, надеюсь, среди наших дорогих и любимых найдутся изворотливые. Да ещё количество их возрастет, когда придут другие, такие же органеллы, только отступники, которыми мы когда-то стали. Мы все – вирусы, как и сама. И так приятно быть кем-то большим, нежели этими тупыми клеточными

органеллами – этими паразитами. Им бы бактерий побольше сюда. Миллионы моих союзников с единой целью уже находят всё новые миры, заходят туда, садятся, пристраиваются, сношаются, и обзаводятся плодами.

А целый организм даже не заподозрит ничего странного, касающегося финала, пока сначала не почувствует боль в голове, но примет её за попадание в организм хлорной извести, а затем начнут отказывать его конечности, но он умрёт ещё до того, как захлебнётся...

Репортаж: «Сегодня в бассейне <Фитнес> на улице <...> было обнаружено тело бывшего генерального директора конгломерата IASO. Биоспециалисты назвали бактериологическое отравление причиной его скоропостижной смерти. Бассейн вместе с фитнес центром закрыт на неопределённое время, пока не закончится полное расследование...» Дополнительно: «В бассейне была определена ранее неизвестная, сверхустойчивая РНК-нить вируса, который вызывает ДНК производить критическое количество токсинов, достаточное для остановки жизненных процессов организма. Однако, другие посетители бассейна не попали под влияние данного вируса и не показали серьёзных признаков расстройства иммунной системы. На сегодняшний момент достоверных улик для подозрения причастности к данному случаю каких-либо лиц не обнаружено...»

16.3. Спасибо

«Клянусь моей жизнью и моей любовью к ней, что всегда буду жить ради себя»

– клятва нового объективизма.

16.3.1

По телевизору передают очередную ленту новостей: «Мы благодарны за столь щедрое денежное пожертвование анонимным спонсором...» Чувствую омерзение и поневоле вспоминаю с ещё большим отвращением, как меня называли гениальным, талантливым, добродушным человеком. Все эти пустые «спасибо» и противные «что бы мы без тебя делали?» Вся эта грязь льётся на мою душу каждый день и не могу её остановить. Чего стоят эти безответственные «спасибо», и что они мне дают? Ничего. Но разве это так? Да, так же, как и деньги. В этом нет души, как и в деньгах, взявшихся не от человечности, а от печатных машинок. Воистину, деньги не могут любить. И деньги, по природе своей, не спасут от бедноты, так как они ограниченно скапливаются в одних руках, но не в других, не во всех.

Приезжаю на работу. Мой шофёр открывает мне дверь.

Поднимаюсь на лифте в свой офис на верхнем этаже.

За окном хмурое низкое небо, и проблески между тучами падают на блестящий чёрный стол с кучей бумаг. День медленно подходит к концу, а вечер всё ещё не настаёт, но сумерки как будто уже сгустились в моём недостаточно освещённом кабинете. Не хочу пока включать свет. Думаю, что скоро ехать домой. Дома ждёт новая стопка ценных бумаг из банка. Дома будет тепло у камина. Что это значит – быть счастливым?

Что ты видишь в мире вокруг себя? Что это, как это называется? Сам всегда был самодостаточным и изолировал себя от окружающих. Но настало время мне понять важность настоящего общества. Настало время осознать основу нашей реальности – нашу рыночную среду. В отличие от рыночного поведения, общественное является одним из видов добровольных усилий без мотива о явном стимуле, таких как секс или деньги.

Смотрю на расходящиеся зелёные тропинки, рвущиеся по швам – сто долларов США – пустышка, поддержанная властью имущих. Бесконечный экономический рост, так умело спланированный в умах людей. Парадигма этого роста и есть ещё неосмысленное божество людей, для кого цель, а для кого средство. Для любой жизни нужна цель, и сейчас эта цель – деньги. Всё делается на благо денежной экономики. Целые жизни уподобляются её принципам.

Люди – это отношения. Сам – это мои отношения с

людьми. Но люди этого не понимают. Не понимают, что личность не только материальна; это не одно лишь тело, а границы, в которых вижу себя. А значит и отношения выражаются нематериальным способом. Отношения двух людей – это как нить о двух концах, и без одного или другого её не может быть. Но для каждого отношение начинается всегда со своей личности. А личности одинаково рождаются разными, хоть есть похожие люди, но в основном люди разные.

Кажется, будто темнеет, или это солнце просто спряталось за облаками. Вроде ещё рано, а уже темно. Сегодня суббота, а по субботам люблю жечь деньги, сидя у камина, медитируя и размышляя о ситуации в мире. Но прежде, чем ехать домой, надо ещё просмотреть этот документ, который лежит у меня на столе. Это дополнительный проект – брошюра философии нового объективизма. Блог человека, который это написал, ещё ждёт своего часа на просторах глобальной электронной сети. На самом верху стопки бумаг напечатано название: К новой политике. Рано или поздно, его работа должна была найти своих приверженцев и инвесторов.

Включаю настольную лампу и направляю свет на бумагу в моих руках. Вспоминаю про мою связь с миром через секретарей. Нажимаю кнопку на коммуникаторе и говорю, чтобы меня не беспокоили, пока не позову сам, после чего отключаю его и погружаюсь в столь привычную мне тишину.

16.3.2. «А есть А» следует из «не-А есть А»

Прекращаю чтение и откладываю листы в сторону. Последние части даже не стал читать. Они точно здесь лишние, и только всё усложняют. Надо бы сказать редактору, чтобы он их куда-нибудь в другое место убрал. Куда-нибудь подальше, но только не сюда. И не хватает какой-то стилистической формочки – ну и да ладно. Так, вообще, конечно, неплохо, очень неплохо. Главное, что написано на достаточно доступном языке, кроме последних трёх частей, да ещё и с примерами, хоть и немногочисленными.

Вот вспоминаю о тех людях – зверушках, правда, не людях. С этими странными существами сам работал. Понимал, всё понимал, но продолжал работать. «Объективисты».

Их аксиомы – сущее существует, сознание сознаёт, А есть А – это ключи к очень узкому, фокусированному пониманию действительности. Настолько узкому, что не следовало бы им вообще получать их, как и никому другому. Но они получили, как и получили их ключи не те личности, каким бы это тоже не следовало получать. Но уже все эти прекрасные ключи, ключики, оказались не в тех руках. Ах, эти «философы» позже горько расплатились за это. Идеализация реальности, кстати, тоже с помощью метафор, влечёт за собой

много жертв. Но самое прекрасное в том, что идеализировать было необязательно. Ключи, ведь, применимы ко всему, чего сердце или разум захотят.

Абсолютом – это такая культ-группа верующих в восхождение через параллельно-временные миры к слоям реальности выше. Хотелось бы в это верить, но это далеко не так. Их мотив: «Мы сделаем людей свободными независимо от того, хотят они этого или нет» – это липовый бред. Да какой там! Их бред намного хуже. Эти люди не верят ни в эволюцию, ни в квантовую физику или релятивизм, ни в изменения климата, ни даже в общество или эмоциональные отношения. Это лишь их прикрытие для более коварного плана, который на самом деле намного проще и страшнее. Они – верующие и поклоняющиеся совсем не той Айн – на самом деле каббалическое ничто. Но их иллюзия в том, что они верят, что всё есть сущее, и что нет и не может быть вечно-го небытия. Всё, являясь чем-то конкретным, ограничивает сущее, которое они называют объективной реальностью и к которому они устремляют абсолютно всё в своих жизнях и в жизнях, связанных с ними, тем самым разрушая, переделывая на свой всё-уничтожающий и дисинтегрирующий, материалистический лад (о котором они ещё не догадываются). Для них объекты как контексты, хотя под метафизикой у них не скрывается истинной интеграции – только подмена и искажение, в котором они так наловчились. Ну так вот, они воспринимают объекты контекстами, которые и перехо-

дят в эту, так ими называемую, «объективную реальность». Нетерпимость к прочим взглядам на мир ведёт их по пути дисинтеграции. А думают, что на их устах Истина и они на праведном пути счастья и всеобщего блага. И ведь не переубедишь их, да?

Настоящие объективисты защищают «единственно правильную» общественно-экономическую систему под названием «Капитализм». И защищают они её от фашистов, социалистов, коммунистов, религиозных фанатиков, а также тех, кто был просто вдохновлён Объективизмом. И таковых было немало. Объективизм, возможно, нужен миру, как верная защита от людского зла, а вот некоторые их «последователи», как и многие другие гадости, вышедшие из чего-то светлого, – вирусы человеческого общества. Сам долго их изучал, словно вирусолог. Философия этих людей о полной независимости от контекста – раковая опухоль. Как только их индивидуализм попадает в мозг поддающейся жертвы – всё кончено. Без аргументов, без возможности спастись, люди постепенно погибают – их свободные разумы и эмоции гибнут, подменяясь чем-то иным. И им даже не надо верить в насилие, ведь это всё равно их не спасёт. Они всегда были против насилия, так как насилие было против их аксиомных убеждений. Да, они звали себя Объективистами, а теперь зовут себя Абсолютистами.

Раньше, до того момента, когда их философия подверглась жёсткой критике за их метафорическое мировоззрение,

они были очень мирными. Однако их философия после этого была разорвана пополам. Теперь, вместо того, чтобы отбросить всю открытую гниль, они хоть и опустили на самое дно, но изредка продолжают вылезать и портить другие жизни. Как и пресловутые метафоры, которые они всё это время неосознанно использовали, Абсолютисты так же продолжили своё теневое существование. Но, с разоблачительной критикой, их маска растворилась и они показали своё истинное уродство. Корни Объективистской философии в их мозгах начали своё неминуемое разложение. И не дай сатане, чтобы кто-то в политических кругах пошёл им вразрез! Но это раз за разом происходит и кому-то удаётся успешно защитить свои общественные интересы, противоречащие им, после чего его просто-напросто тихо убивают. Они называют это самозащитой. Очень удобно. И действуют они как вычислительная машина, без логических ошибок, без души. Теперь под их влиянием всё правительство, целый конгресс. Да какой там! У них политическая философия подменяет гуманизм на научный материализм, людей на технологии, а человеческое сознание на синтетический разум. Хотя этим они очень сильно напоминают своих же бывших врагов. Но даже всего этого мало, чтобы их полностью объяснить. Они теперь пошли на всё. Точнее, на все... виды самозащиты.

Не хотел принимать их услуги, но пришлось... ради достижения мечты. Сам не хотел насилия, но и они раньше ведь тоже не хотели. И они также не верили, что мир меняется.

А сами в это время изменились. Плохой пример для подражания, знаю. Но они мне нужны. Они также поддерживают эмоциональную экономику (для меня просто Эм). В своих целях, конечно.

Был один человек – инженер. Затем он стал генеральным директором одной компании, производящей электронные ридеры по совершенно новой технологии. Ну так вот, вначале он был нашим человеком. Под нашим началом, он изобрёл технологию по считыванию эмоций. Совершенно точную, надёжную и удобную. Но он обманул нас, используя наше доверие.

Его технология могла привести к обществу совершенно иного порядка. К обществу, к которому столь долго стремился. К обществу более слаженному, как отточенный механизм, но где люди также могут жить свободно. В таком обществе правили бы непоколебимые законы, основанные на здоровых отношениях людей и обществ друг к другу, и где простейшие задания и работа будут автоматизированы, чтобы людям оставалось только заботиться о своей общей душе. Но такому обществу теперь не быть, так как этот предатель не только не стал сотрудничать, но и пошёл с нами вразрез.

Мы его наставляли на верный путь, создавали ему все условия, верили в него, а он так неблагодарно с нами обошёлся. Неразумно он поступил, очень неразумно. Он обратился к правительству за помощью и застраховал свою компанию. Он всё очень точно организовал и спланировал, а за-

тем перешёл в их руки. И вот настал его судный день, и мне ничего не оставалось, кроме как обратиться за помощью к Абсолютистам, пойдя на поводу их, так называемого, зова, ха-хе. А те, в свою очередь, сообразили, как с ним справиться, как осудить за его поступки. Они на это горазды. Нашли его потенциальных конкурентов, подействовали на них своими методами, и столкнули их с ним. Однако, всё пошло по иному плану. Он убедил одного из «конкурентов» перейти на его сторону, ну а потом началась какая-то вакханалия. Однако, Абсолютом молодцы – не спасовали. Всех тихо убрали, кроме одного. Последний из четырёх конкурентов остался с очень важной вещью. И мы теперь никак не можем его найти. Его память стёрли, и он исчез. А ключ-карту, которую он взял с собой и всё равно не поймёт к чему она, – элемент нашей технологии, и мы не можем воссоздать его никакими иными способами. На это постарался тот инженер и на свою чёртову славу. Ведь надо было ему разделять и прятать все чертежи! И вот у нас гора фрагментов, которые мы не можем сложить воедино. К чёрту его!

Всегда открывались технологии, которые меняли ход истории. Весь вопрос в том, как поступали их создатели. Некоторые из них понимали важность людей в последующем использовании этих технологий. Другие же создавали лишь для себя и не хотели ни с кем делиться своими достижениями. О таких мы уже не вспомним или так никогда и не поймём. Нам нужен был его сотрудничающий разум – разум

изобретателя, но он не стал с ни с кем работать. Эти одиночки не понимают, что невозможно развиваться экономически, не вступая друг с другом в отношения, основанные на взаимопонимании. Для убеждения, для общения, просто для обмена – нужна такая риторика. Нужна способность понимать другого человека, понимать его внутренний мир и представлять ему свой. Здесь нет никакого конфликта, кроме того, который люди пытаются найти. А его просто не надо искать. Если бы этот умник с нами сотрудничал, всё бы было по-другому. Но нет – он, наверное, вздумал, что должен был показать свой «объективный» эгоизм. Он думал, что жил настоящей жизнью. Ха!

«Ты устал, мой друг. Ты очень устал...» – вдруг произносит и в то же время кладёт свою ладонь на моё лицо какой-то призрачный человек. Нет... Это он – глава Абсолютум. Он виновен во всех убийствах, связанных с ними. Точнее, его приказы привели к этому. Он как будто стреляет в меня своим взглядом, и ловлю этот взгляд так, как могу ловить пули во сне, и в нашем споре кидаю в него пустые, изорванные ошмётки его аргументов, падающих словно дымящиеся гильзы, и стоит он после этого столбом, и говорю ему: «Что ты можешь сделать со мной? Ничего. А теперь найди в себе мужественность, чтобы подойти ко мне и стать рядом со мной здесь, на возвышении, где вот так непоколебимо стою сам».

На улице, далеко внизу, воеет сирена скорой, которая оста-

новилась вблизи нашего здания. Обращиваюсь и... удивляюсь, что раньше не заметил своих ассистентов в кабинете вокруг меня. Секретари тоже здесь. Они все тут. В чём дело?.. Вижу, как меня увозят... Как меня хоронят... Но хотел же ещё вернуться домой!

У места, где похоронено моё тело, тихо говорит наклонившийся человек:

– Вы боролись со злом таким же злом и ненавистью, но сами не смогли избавиться от столь наивного отношения к себе, но мы всё изменим – превратим вашу ненависть в любовь, а людей в их отношения. Спасибо, что вы начали эту работу. С нашими усилиями, всё это осуществится. А теперь спите спокойно. – Человек поднимается, и к нему подходят другие с надписью на футболках: «Кто мы?» Он обращается к своим последователям спокойно, улыбаясь:

– У нас есть средства, чтобы преобразовать мир. Так чего же мы ждём?

17.1

Бегу по коридору. Грязно-серый пол сливается со стенами, экран телевизора на стене мигает, впереди тусклый свет, наверное струится из окна. Окна – забыл о них и о нужде в окнах. За мной топот ног; не останавливаюсь, бегу. Позади фигуры, как будто в скафандрах и с оружием, точно с оружием, которое они направляют на меня. Мне некуда бежать, оборачиваюсь и стою, жду своей участи, смотрю на пол, не поднимая глаз вперёд, как вдруг за моё плечо хватается кто-то и тянет меня за отворившуюся дверь. Кто это был? Не сам ли? Свободен отсюда, к свету, подальше из этого логова, дайте мне взлететь...

... Свет вокруг, бело-голубой и зелёный. Сажу на скамейке в парке. Безлюдно, но чувствую себя хорошо. В безопасности. Они не найдут меня здесь. Они больше никогда меня не найдут...

... Дома скучно, но мне всё равно. В голове происходит что-то неуравновешенное, как будто она мне не принадлежит. Странные воспоминания просачиваются через сознание, словно вытекают из моей головы. Кружится всё вокруг. Господи, что пережил... Где был, откуда спасся! Разве спасся? А да, конечно, теперь помню. Они делали что-то надо мной...

... В парке видел, как молодые пары гуляли, целовались. Нормальные люди. И их любовь. Смотрю на неё со стороны и становится не по себе. Они отдаются друг другу и верят друг другу и, возможно, создадут семьи. Семья – ещё один рычаг общественной манипуляции, такая же религия, где требуется быть слугой или прислуживать кому-то. Но это не может продолжаться вечно, потому что всё проходит, и ещё до истечения жизни многое изменится, и много боли из-за разрывов пройдет у них в жизнях. Временная краса любви. Они потеряют друг друга, как это обычно бывает и должно быть. Ничто не вечно, но в жизни есть только одно, что не могут забрать у тебя – это память. Точнее, так было раньше. Неужто и сейчас ошибаюсь? Что они сделали со мной?..

... Не покидает ощущение, что стал кем-то другим. Новая организация, ну, то есть, новое лицо старой организации, – может, новая ветвь – в общем, они стали проводить опыты по деформации информации в головном мозге, то есть в центральной нервной системе. Они могут стирать всё из головы, но теперь тестируют новую технологию по внедрению новой памяти, используя сведения из старой, заменяя, возможно засекречивая их. Никто не в безопасности сегодня.

Они долго держали меня в маленьком помещении, но не поддавался. Не мог, не хотел, чтобы они забирали у меня память, но они всё говорили, что моя подпись поставлена на всех официальных документах, что есть соглашение и что именно некоторые из моих воспоминаний болезненны и де-

лают меня нестабильным. Они говорят, что должны стереть их. То, что было сделано мной и миром, то, что превратило меня в нездорового, неустойчивого человека. Так многие делают, или их родственники требуют их немедленного излечения. Не думал, что это можно вылечить. Может и хотелось бы, но не сейчас. Только не быть без моих воспоминаний, потому что с ними свобода, привычная уже столько времени. Нет, не могу быть иным – они не сделают из меня кого-то другого!

Тёмно-серый куб без окон и с дверью, тяжело отличимой от стены. Всё покрыто каким-то искусственным материалом, и местами он ободран или, точнее, прорезан так, что его можно содрать. Под ним материал светлее и твёрже. Невыносимо быть здесь.

Консоль. Использую её. Записываю себе память кого-то другого, но не того, кого они выбрали мне. Они не выберут больше, так как их больше нет...

... Вижу себя в квартире. На улице дождь, люди идут неестественно, как бы вплавь. Да они и не ходят; это их голографические проекции. Вывески реклам на старых зданиях видны из окна. Зачем это нужно? На этих плечах висит труп общества. Всё продают. Всё изготавливается индустрией: клетки, кожа, глаза, кровь и... память. Чужая память. И вирус в мозг. Мир сошел с ума. Люди создали этот мир у себя в голове с пустого места, глотая свои пилюли, пытаюсь забыть. Искусственная сеть, иллюзорное единство, общение

фрагментами, свободное знание ускоряет сознание, но это всё рушится. Галлюцинация есть реальность. Не знаю больше к чему стремиться, что любить. Чувствую себя не в себе. Потерян, пойман в ловушке у себя дома, нет, у себя в голове, потому что это не тот, кем был, а тот, кем мне пришлось стать.

Капает кровь. Люди, заказавшие себе искусственные органы, нуждаются в искусственных кровезаменителях или в естественно модифицированном гемоглобине, который способствует переработке кислорода и газопереносу в мозг. Сегодня буквально все пользуются искусственной кровью, кроме отсталых единиц. Иногда думаю, когда иду среди спокойно шагающих душ, чем же отличается искусственная кровь от настоящей? Настоящей крови не хватает на всех, так как больше и больше людей клонируется и производится синтетическим путем. Люди превозносят естественную кровь в маленьких пластиковых пузырьках выше всех ценностей, выше денег, дороже жизни. Только несколько веков назад, они больше всего ценили кибернетические способности. Получив то, что хотели, люди захотели другого – естественная черта, но зачем пытаться вернуться туда, откуда навсегда ушли, когда нет пути назад?

Останавливаюсь ночью над песчинкой на пыльной дороге и думаю о ней. Лил дождь, всё стало мокрым. Но что это успел поднять с земли? Сжал между пальцами и поднёс к глазам. Песчинка? Всего лишь одинокая песчинка? Да, лишь

грязный комочек чего-то. Как ты поживаешь песчинка? Что ты делаешь? Расскажи о себе. Ты мне напоминаешь человечество в руках создателя. Куда унесёт и где отпустит тебя поднявшийся ветер, когда ты вновь засохнешь? Скажи мне. Ответь. Зачем спешить, когда всё так сильно надоело, жизнь опротивела? Вся жизнь без смысла, прожитая впустую, как эта пылинка. Остаётся убивать – только некого. Пустота снаружи, как и внутри. Это просто шумит невольный ветер, и волны бьются об острые, недоступные скалы.

Когда шёл по улице, внезапно зазвонил телефон.

– Я умираю, – слышу на том конце трубки.

Удивлённый, сам выпалил стремительным голосом:

– Где вы? Что случилось?

Но ответа не последовало, и нашу связь оборвали гудки...

Брожу по ночным переулкам бесконечного города, который пожирает нас. Проходит мужчина и странно смотрит на меня. Замечаю у него складки на шее и что его полулысая голова неестественно выступает. Помню головы со срезанными макушками, и в них вкладывали кибер-мозги... там, где был до недавнего времени. Искусственные мозги. Мышление по логическим, электронным схемам – циркулярам технократии. Не могу...

Захожу домой, нет, «домой», и начинаю играть на «своей» серебряной скрипке. Вдруг вижу лужу крови под собой. Струна случайно перерезала мне вену. Капля крови с моей руки падает вниз... Кап-кап...

Комната казалась не моей. Чуждо мне было находиться здесь. Казалось, что всё было не так, что потерял своих друзей и близких, чтобы подстроить новую жизнь под новые обстоятельства. Всё пахло не так, чувствовалось не так. Но когда-то, возможно, это было так положено. На столе лежит бумага, на которой приказ изменить мою память, подписанный мной и другими лицами. На бумаге небольшой и почти плоский электронный носитель информации: «ключ» в виде ожерелья. Этот ключ теперь лежит у меня в руке, и ко мне приходят странные мысли. Меня использовали, а может сам пошёл на это, предвидя то, что будет. А что будет? Вернётся ли ко мне моя память? Вернётся ли жизнь?...

17.2. Фрагмент памяти

Белый пол, крапчатый, под мигающим красным освещением, по бокам поднимаются стены... медленно поднимается правая рука, сжатая в кулак, проплывает передо мной – чья это рука? – медленно опускается, как появляется другая, такая-же рука, только с левой стороны, и, пока она опускается, меня достигает яркий, белый свет комнаты, к которой приближаюсь; снизу ноги повторяют то же самое – поднимаются и опускаются. В комнате за стеклом – датчик времени. На столбах узоры: три чёрных треугольника сходятся к одной точке на фоне жёлтого круга. Кто-то говорит мне, что должен отключить программу управления радиоактивных запасов. Но рядом никого нет. Разносится гул с четырьмя протяжными гудками после глухого удара. Приближаюсь к панели. Пальцы на подходе уже начинают набирать что-то на клавиатуре. На экране появляются знаки, как на столбах, ведущих в комнату. Вставляю мой ключ в отверстие и поворачиваю его. Экран мигает и гаснет. Яснослышу женский голос, но не знаю, что он говорит. Ничего не понимаю в происходящем, но и не стремлюсь понять. Просто принимаю происходящее, как должное. Знаю, что всё отрывисто и несуразно, но это всё, что у меня осталось, всё моё, отрезки моих чувств, пульсация моего сердца. Грядёт катастрофа? Нет,

всё будет нормально. Это предотвратит худшую катастрофу. Мы выживем, как мы всегда выживали. Мне как будто кто-то это подсказывает, убаюкивает меня в сон. Мне всё равно. Во мне нет никаких волнений...

17.3. Что такое интуиция?

Во сне встретил потерянную подругу по имени Эрин. Был в доме без окон, дверей и стен. Все в этом доме, и у каждого есть выбор, чтобы попробовать что-то другое – например, выйти на улицу. Она решила спуститься в гараж и найти подходящий автомобиль для весёлого путешествия в мир иррационального; она хотела поехать в торговый центр, о котором уже была наслышана. Подобрала автомобиль конкретного типа и цвета, потому что ей понравилось предложение производителя. Когда она первый раз села в машину, то почувствовала, что её неограниченный характер сдерживался «телосложением» автомобиля, но она знала, что это хорошо, потому что это был новый опыт, который ей хотелось попробовать. Когда дверь гаража открылась и она нажала на педаль газа, путешествие всей её жизни началось. Эрин могла только представить, какой окажется её поездка в торговый центр.

Несмотря на ограниченные формы, автомобиль был единственным объектом, через который она взаимодействовала с окружающей средой, и Эрин очень старалась, чтобы выразить свою истинную сущность, а не сущность машины. Она думала, что была под контролем, однако её ремень безопасности не разрешал вольного движения, положение за рулём сужало её поле зрения, а окна размывали её взгляд. На зад-

нем сиденье, она воображала себя: молодая, счастливая, свободная девушка, которая проводила большую часть своего времени, создавая мнимый, но очень похожий на реальный, путь от дома на машине, не сосредоточиваясь на вождении. Она чувствовала, что ей было легче отнестись к себе на заднем сиденье, а не к машине, которой сейчас управляла. Вождение автомобиля было очень сложным для неё опытом. Учитывая то, что она не ездила или не помнила, чтобы раньше управляла автомобилем, её машина вышла из-под контроля на дороге. Эрин попыталась нажать на газ, но скорость сделала её беспокойней, тогда нажала на тормоз, но она знала, что не сможет добраться куда-либо, если будет замедляться. Это было похоже на то, как если бы она училась ходить – упала несколько раз, но быстро встала и продолжила свой путь. Самый приятный опыт во время поездки был за окном машины.

Это красивый, удивительный мир! – подумала она. В нём были яркие краски жизни, затрагивающие её чувства; милые животные бродили по сельской местности – они были такие мягкие на ощупь; и птицы пели мелодию достойную того, чтобы пританцовывать. К сожалению, всё это было за пределами автомобиля; мир был таким странным и чужим, однако таким красивым и приятным. Это было действительно за пределами того, что она воображала дома. Но она не могла позволить себе быть перегруженной всем этим, так как должна была следить за дорогой. Тем не менее, та, на заднем

сиденье, продолжала наслаждаться лучшим временем жизни.

Когда автомобиль достиг перекрёстка перед слиянием дороги с шоссе, она поняла, каким оживлённым мир был на самом деле. Бесчисленные автомобили различных марок, цветов и форм мчались куда-то. Она боялась присоединиться к этой толпе машин, но молодая девушка на заднем сиденье подбадривала её:

– Посмотри, там есть очень много хороших машин – они не желают тебе никакого вреда!

Но водительский инстинкт предупредил:

– Но некоторые из них выглядят достаточно опасными для меня!

Тем не менее, голос младшей звучал вдохновляюще:

– Но всё же там больше хороших водителей. Смотри! Они составят тебе хорошую компанию. – И Эрин действительно видела много машин, к которым она могла отнестись, поэтому решила поехать по шоссе.

Все ехали в одно место – торговый центр. Поездка была недолгой. Хоть некоторые машины сломались по дороге туда, а другие решили не доезжать, она всегда слушала свою подругу, которая направляла её и помогала ей чувствовать радость от вождения. Эрин стала очень вежливым водителем. Прежде, чем переехала холм, она почувствовала, что великое чудо распространяется по небу и на шоссе. Здания торгового центра появились на горизонте, и большое плато

раскрылось перед ней. Она никогда не видела так много машин в своей жизни! Проезд через торговый центр казался бесконечным. Перед тем, как Эрин соединилась с быстрым движением, молодая близняшка посоветовала ей:

– Эй, будь очень осторожна там! Не принимай всё, как должное! – говорила ей близняшка. – Торговый центр славится тем, что омрачает память о том, кем ты являешься на самом деле. Пожалуйста, не забывай про меня.

Эрин согласилась, и как только достигла первой части торгового центра, была поражена разнообразием вещей, которые могла купить, и тем, чем по пути могла улучшить свою машину. Многие покупатели вокруг неё были из машин, с которыми она ехала раньше – те, с кем ей было интересно. Но было также множество незнакомцев в толпе. Некоторые автомобили были очень красивыми и стильными; также казалось, что их хозяева хорошо знали торговый центр. Эрин полагалась на их советы и была просто в восторге от их влиятельных имиджей. Никто из них не был похож на неё, но она, тем не менее, любила их. Всё это время ей хотелось купить что-то новое и классное – то, что она никогда раньше не видела. Вещи и люди с вещами, делали её счастливой, но это было временное чувство. Эрин обнаружила, что цикл нетерпимости, разочарования и облегчения болезненно втирался в её жизнь и эмоции, когда она видела, как её стиль, друзья, и мысли проходили и менялись. Она ненавидела изменения, и поэтому усилила обыденность через упрямство.

Эрин думала, что все интересовались торговым центром, пока не встретила покупателей, которые были противоположны большинству. Их считали глупцами. У их автомобилей были странные «фигуры», которые казались неестественными, в отличие от «нормальных» машин, и личности водителей были весьма эксцентричными. Они учили чему-то другому. Она не могла расслышать их на фоне волнений, но, после того как приложила усилия для сближения с этими людьми, то получила более чёткое представление об их сообщениях. Их послания были сложными, расплывчатыми, противоречивыми и казались слишком длинными. Сначала, Эрин услышала фрагмент такого содержания:

– Этот торговый центр нереален! Покупки – каждая вещь – здесь только заставят вас страдать и испытывать чувство неудовлетворённости жизнью!..

– Что они говорят? – ещё слышался шум других покупателей. – Они не довольны ценами? Что, опять продукты подорожали?

– ... иллюзия... – продолжали проповедовать.

– Да нет, – отвечали из толпы. – Тут скидки предлагают, – другие судили: – Опять обмануть хотят, – третьи говорят им недовольно: – А кто в этом виноват? – последние болтали: – Ах, смотри, как эти джинсы хороши!..

– ... объективные вещи, деньги – это средства, мы, наши пространственные сознания – цели, а не наоборот...

– Да что вы, попрошайки, всё богатых вините? Сами

должны зарабатывать потом и кровью...

Но пока она боролась со своим упрямством и сосредотачивалась на том, что они говорили, через минуту шума, Эрин услышала, как зеркальный ансамбль свивал удивительную мелодию из тишины. Через эту мелодию, она ясноуслышала знакомый голос. Это была её молодая близняшка с заднего сиденья, стремящаяся заполучить её внимание. Эрин почувствовала ностальгию, когда ясноуслышала её вопрос:

– Готова ли ты вернуться домой?

Спокойно, испытывая прелестные эмоции, она сказала:

– Да.

Съехав с шоссе, чтобы покинуть торговый центр, она знала, что поездка ещё не закончилась. Дорога, по которой Эрин теперь ехала, отличалась от шоссе. На ней было меньше полос, и она не видела никаких зданий или других автомобилей в непосредственной близости. Дорога была грубой, и ей пришлось ехать медленно, чтобы избежать выбоин. Её автомобиль уже изнашивался, и она хотела быть очень осторожной, чтобы не дать миру толкать себя сильнее. Она чувствовала себя одинокой и изолированной, глядя вперёд на серую дорогу, слушая счастливые выкрики людей по радио, которые вызвали только хорошие воспоминания о торговом центре.

– Выключи радио, дорогая. Оно только обманет тебя, – глубокий голос с заднего сиденья поразил её. Она посмотрела в зеркало заднего вида и увидела свою близняшку, молодую, как всегда. Эрин почувствовала что-то странное в

изображении своего пассажира, и поэтому остановила автомобиль, выключила радио и обернулась. Перед её глазами сидела дама в возрасте и с мудрым выражением на лице; тем не менее, в этой даме до сих пор были заметны признаки молодой близняшки.

– Оглянись вокруг, может и нет домов, но есть леса, небеса и озёра, которые окружают эту дорогу; ты видела их раньше, но ты можешь жить с ними сейчас. С ними ты можешь построить заботливые отношения, которые принесут тебе покой.

В элегантности момента, она поняла, чего желала – ей не стоило беспокоиться. Эрин хотела быть садовником музыки и природы, чтобы сплетаться в танце общения с животными, поэтому она покорила звуку вечности, который не ожидала когда-либо ясноуслышать; он охватил её сознание, чтобы сохранить довольное спокойствие и осуществить её судьбу. Эрин, наконец, почувствовала себя свободной, и теперь поняла, кто сидел там. Поняла, что всю дорогу, с самого начала, это был тот-же человек на заднем сиденье – мудрый, радостный, довольный, верный и красивый. Не было достаточно прекрасных слов, чтобы выразить её или себя.

– Смотри вперёд, дорога ведёт домой! Ты видишь свет и чувствуешь тепло любви, которое он держит? – Да, Эрин чувствовала и видела, и сейчас вспомнила, кем она была. Это была интуиция, которую всё время она знала лучше всего.

17.4.1. Фрагментик памяти

В белых шортах и светлой футболке, не помню точно какого цвета, она шла по центру зала, высоко держа голову. Её внешность отражала выдержку и настойчивость, даже несмотря на хрупкую, утончённую фигуру, а её нежный загар красиво сочетался с золотистыми волосами. Она, кажется, со своим пожилым отцом, пришла в большой магазин одежды, находящийся внутри молла.

Пока она ходила за покупками, сам с друзьями отдыхал в городе. Мы смотрели на величественные небоскрёбы, возвышающиеся вокруг нас. А когда мы поднялись на самый верхний этаж одного из них, то увидели много других небоскрёбов и горизонт, словно сплетённый из всех этих зданий. Истинный горизонт не был в нашем внимании или просто не существовал.

Мои друзья долгое время просили спрыгнуть с ними. На кончиках моих пальцев средство для полёта – оно еле ощущается, так как ещё не раскрылось. Только чувствую, как на мякишах пальцев волоски – много тонких, коротких волосков. Всё, что нужно сделать, чтобы они раскрылись, – это расправить руки, как во время полёта. Но всё ещё не уверен по поводу прыжка – тут ведь так высоко! Представь, что перед тобой вокруг огромное небо раскрыло свои объятия, а

сильный ветер упорно пытается сдуть тебя в пропасть. Здания внизу такие маленькие и невзрачные по сравнению с этой всеобъемлющей голубизной. Башня, на которой стою сейчас, видима всем, кроме нас самих.

– Ну что ты застоялся, прыгай уже! – послышалось от моих друзей. – Неужели испугался?

– Да нет, – отнекиваюсь и еле слышно произношу: – Сам же напросился на это.

– Вот-вот. Небось ещё и выиграешь спор-то!

– Да шаз, размечтался, – вступается мой другой друг, а про себя думаю, что прыгать вместе с ними было не самой лучшей затеей.

В голове таятся сомнения. А, плевать на всё! И вперёд...

Резкий толчок... и полёт вниз. Между башнями. Расправляю руки. И лечу. Да! Сердце стремится выпрыгнуть из груди от небывалых ощущений. Никогда не думал, что будет так круто! Планирую. Поворачиваю и как птица развожу руками в стороны. Поток воздуха плавно меня поддерживает. Окунаюсь в него и словно плыву. Какая скорость! И так всё быстро проносится рядом, что кажется нет пределу скорости и всё возможно. Храбрость переполняет меня. Постепенно приближаюсь к нижним ярусам, где этажи с балконами скрыты под тенями прямых стволов зданий. Хочу приземлиться на один из них. Мягкие колебания волосков на моих пальцах начинают чувствоваться всё больше. Эти волоски замедляют скольжение и позволяют спуститься плавнее. Пролетаю над

этажом многоярусной стоянки и переворачиваюсь в полёте, поворачиваю голову... и твёрдо приземляюсь на ноги. Грудь наполнена гордостью за успешное выполнение испытания, за это необыкновенное путешествие. Даже немного чувствую грусть, что оно закончилось так скоро. Ребята так же спускаются за мной. Все такие весёлые. Да, вот это отдых сегодня! Такой классный день никогда не забуду...

17.4.2. Фрагментик памяти

Ребята рассуждают о деньгах, насколько они важны, и из них самый настроенный на карьеру и денежные перспективы руководит парадом. Все к нему прислушиваются, как он рассказывает о независимости и о женщинах:

– Зачем это ещё терпеть, как она будет закатывать истерики по пустякам, изводить меня? Мне от неё нужен сын. А после, если она продолжит меня донимать, пусть проваливается. Мне и без неё будет хорошо, а если будет нужно, то найду себе другую. Подумаешь!

В его голосе нотка предстоящих завоеваний, и в нём ощущается неминуемость покорения. Разве бред? Нет – такова реальность. Он будет непобедим, а все мы будем ему раболепствовать. И это избранная нами судьба. Мы молчим и слушаем, слушаем и молчим, понукаемые его победами. И он принимает наше молчание в знак своего признания.

– Ты – человек железной воли, – высказываюсь, наконец, ему сам, и хочу излить все пережитки своего сознания, но лишь добавляю: – Ты будешь президентом. – Он венчает меня своим недвусмысленным взглядом, который присущ ему одному и для него самого и важен.

Да пошёл он! Мне плевать на него. Мне было всегда всё равно. Мне плевать на всех: и на родителей, и тем более на

друзей.

– Да пошёл ты! – я высказываю под его давлением.

– То есть ты посылаешь меня на хуй?

– Нет, не совсем так.

– Тогда зачем ты встречался с нами?

– Просто так.

Подняв нос кверху, он самоуверенно пошёл впереди всех. «Не надо было так, это было неправильно». Мне это другие говорят?.. Так мы расстались... навсегда. Мне плевать. Есть только я сам и больше никого.

17.4.3. Фрагментик памяти

Ночью перед прыжком видел странный сон. Нас было десятеро, и мы были в пустыне. Цивилизации, на которую бы опереться, не было. Мы опустились на более низкий уровень. Упали на самое дно. Мы собирали остатки меди, металлов и еды. Жили как животные, предавали друг друга, расставались на долгие годы, а когда встречались – тогда только узнавали кто выжил, а кто умер. Один из нас оказался очень выносливым. Он строил деревянную башню вдвоём с другом, но тот его потом бросил. Когда сам пришёл к строителю, оказалось, что он единственный, кто выжил. Ну, почти единственный. Был там ещё один, но он странно вёл себя: мотался по берегу, потом возвращался, чтобы строящий мог использовать его в качестве какого-то слуги или клоуна, не то чтобы даже помощника. И с каждым днём всё больше людей неизвестно откуда стало стягиваться к этому выжившему. Постепенно вокруг образовался город, пока он всё строил свою башню. За его загадочное поведение и необъяснимый страх перед ним, к нему стали относиться как к своему королю. И в один прекрасный момент, после своей изнурительной работы, он начал использовать свою власть. Он заставлял нас показывать ему всякие увеселительные спектакли. Нас сажали в бочки с тухлой селёдкой, над нами издева-

лись, а мы боролись, чтобы выжить – нет, мы смеялись, потому что никто и не думал, чтобы бороться, так как мы уже отбросили всё, и теперь мы просто жили вместе. Мы жили, а не выживали по отдельности в пустыне – вот в чём была прелесть. У нас теперь был город. Но сам потом представил, как было бы если мы просто жили ради того, чтобы учиться любить, а не для того, чтобы нами управляли, а мы боялись, что даже чуточку свободы может расположить нас против короля.

Но сам уже спрыгнул, отбросив воспоминания об этом сне. А прилетев, приземлился вдалеке и иначе, по-своему.

17.4.4. Фрагментик памяти

Она сидела на кровати напротив меня. На её лице была улыбка, но в глазах не светилось искр. От неё не исходило никакого тепла. Казалось, что если она встанет, то улыбка останется частью пространства, где её носительница только что сидела. Или же эта улыбка останется с ней, как неотделимое желание неестественно улыбаться. Появление такой улыбки так же посредственно, как и её исчезновение – ни то, ни другое не привлекает внимания. Такое жалкое показывание чувств – это дух нашего совместного времени. Лучше бы я смотрел на себя в зеркало, увлекаясь своим олицетворением... и мастурбировал.

Она хочет чувствовать эмоции, но не хочет их понимать. Её выражение лица было похоже на выражения многих, идущих сейчас по улицам, едущих в транспорте, встречающихся с близкими, с одним и тем же желанием у каждого – улыбаться так, как будто это лишь кожный рефлекс лица, даже не реакция – нет – просто как рефлекс чего-то данного и неоспоримого. Может, мы не обращаем внимания на свои эмоции внутри и обращаем слишком много внимания на материальные желания снаружи. Что же такое, тогда, эмоции? Возможно она из тех, кто считает, что желание чувствовать эмоцию и есть эмоция? Чрезмерное желание чувствовать пол-

ностью затмевает необходимость рационального понимания эмоций. Желание опережает и затем побеждает настоящие переживания; желания – это всё, что требует её организм.

Знакомясь с чужими жизнями в произведениях искусства, мы присваиваем себе их переживания, но духовно не сопереживаем им, а всё принадлежащее нам материально, материальным и остаётся. И мы живём надеждой на настоящие эмоции, на душу, которой нет. Есть вера, ведущая в сладкое и безвозвратное небытие, где на самом деле нет самих чувств и нет их понимания, а есть только нирвана, желание и надежда на... любовь. Конечно же, такие, как она, верят в эмоции и верят, что можно одновременно чувствовать любовь и страх. Однако всё, что они чувствуют – это подобие эмоций, изображение их без внутреннего переживания. И поэтому, чувствуя страх, они также думают, что любят. Они на одной стороне, а через невидимую черту нахожусь сам, собственной персоной – эти две стороны, на которые разделился мой странный разум. Вы все там... а сам я напротив.

Она продолжает что-то говорить:

– Ну почему мужчины ведут себя, как потерянные подростки, которые отделились от мира и верят, что их никто не понимает? Настроили себе возвышенных идеалов, а на самом деле живут совсем ординарными жизнями. Они пессимистичны, слабы перед наплывом жизненных проблем и эмоций, а зачем? Просто нужно радоваться жизни, она ведь только одна. Не забивай себе голову всякими выдуманнами

идеалами, всякими пустяками, всей этой хренью, что ты мне раньше говорил, а просто спустись на землю и живи жизнь до конца. Жизнь – она и есть жизнь и больше ничего.

А всё это время внутри меня другая – та, которую видел... видел раньше... в молле. Её голубые глаза шепчут: «Спасибо». Не помню когда точно видел её. Когда-то видел, но когда? Встретиться бы с ней.

И тишина... мы больше не общались. Она не говорила, что было у неё на душе, а только критиковала меня. Она даже, наверное, не поняла, что мы расстались. Расстался с ней я. Мне она больше была не близка. Для меня она перестала существовать.

17.4.5. Фрагментик памяти

Может мне позвонить родным? Узнать как они? Может узнаю, что они всё это время делали, и расскажу, что делал сам. Где был – то там, то сям. Что сам-то делал? Где был конкретно? Расскажи им. Им лучше рассказать, но что? Что случилось там, в машине с той девушкой? Или это было с другой, в комнате с ободранными обоями? Или и та и другая и есть моя девушка? Хотя нет, та девушка чужая, а это... эта... я не хочу думать о ней, так как она больше не моя. У меня больше никого нет. Один. Нет. Да, один.

А может увижу восьминоного монстра в доме своих родителей, но родителей уже не будет. Проклятье.

17.4.6. Последний фрагментик, или дефрагментация

Всё ещё сплю. Вижу молл. Просыпаюсь. Перед глазами всё ещё тот молл. Встаю. Она сейчас была там. Выскочил наружу.

Потом бежал... Бежал по улице, через дорогу, не замечая вокруг ничего, кроме простора для бега. Ощущал себя пространством, и это пространство было мной. Бежал к торговому центру. Сколько же здесь этих дорог, сливающихся с шоссе! Но у меня была своя и бежал по ней. К ней, к той, которая находится сейчас там, за теми зданиями, там, за горизонтом... через пустоты пространства приближусь к моллу... приближусь к ней. И вот он! Бегу один среди множества машин. Вбегаю в ближайший вход, проносясь среди людей, не замечая их. Чувствую одно лишь свободное пространство... и... И где же она? Она ведь была тут, стояла прямо здесь, у этого прилавка, только что в этой секции женских футболок. И с ней где-то здесь должен быть её отец? Чёрт, может она уже ушла? А как насчёт примерной? Может она зашла туда, чтобы примерить какую-нибудь футболочку? Но в какую из них? Их тут три... и все свободные. Захожу в третью кабинку, и замираю, смотря вперёд, на зеркало, в котором, с яркой футболкой в руке, вижу её.

18. Отель

«Пространство занимает на время, как ячейка в ячейке».

18.1

Моё слабое отражение на стекле. Вспоминаю, как он играл со мной. Но последние дни он был холоден. Он меня многому обучил – как убивать, создавать взрывчатые вещества, как обороняться без оружия. Но он не рассказывал мне о том, как он вынес меня из горящего дома. И то, что он мне не родной отец. Он был наёмником. Что случилось с моими родными родителями?

Его ненавидел за то, что он меня бросил. Мне пришлось зарабатывать на жизнь тем, чему он меня обучил. Наёмный убийца с семнадцати лет. Работал на частных лиц, спецназ и правительство. Встретился со знакомым моего отца, который мне многое рассказал и открыл про него и меня. Тебе этого лучше не знать.

Самолёт летит над океаном, и парень смотрит через иллюминатор на горизонт, теряющийся за облаками.

Никто не знал, где работал мой отец. Постоянно менял

клиентов в поисках него. Зачем он спас меня? Не помню моих родителей, которые сгорели той ночью. Почему он не даёт себе знать? Может быть он уже мёртв?

Стюардесса проходит мимо, предлагая напитки. Взял и отпил немного тёмной шипучей жидкости...

... В отеле восточной страны великой реки снял девушку. Половину ночи стоял у окна, смотрел на закоулки «города матери».

– Не люблю старый город. Меня устраивают бедные районы. – Знаю, что она меня не понимает, но не подхожу к ней и стою к ней спиной. Она сидит на кровати. Рассказываю ей о себе и моём отце всё, что знаю. – Ненавижу моего отца – он меня сделал таким. Ожесточённым, злым, бесчувственным. – Она подходит ко мне. Уставился на пол и перевёл взгляд на свою ладонь с разомкнутыми и немного согнутыми пальцами. – Хочу его убить. Он должен умереть от моей руки. – Моя рука, покрытая венами, трясётся и сжимается в кулак. – Только от моей руки! – Перед тем, как появляются слёзы, даю ей ещё денег и выпроваживаю из номера. Мне снятся дурные сны...

18.2. Двое. 1

Снаружи небо нависает тёмными сгустками с вкраплениями серых кручений. Оно гудит, мечется, и сверху, из про-

гнивших щелей в потолке, начинают падать капли дождя, чистые, как слёзы. Или лёд.

Возвращаюсь в кровать и мне удаётся уснуть и поспать хотя бы несколько часов.

Мозг плавно освобождает подсознательную память, забившуюся за день. Это как выкидывание мусора, всего того лишнего, которое многими принимается за правду. Некоторые любят копаться в дерьме, и стоять под ним и наблюдать как оно капает на них сверху. Нахожу себя перед зданием без окон, но с широко распахнутой дверью. Входя, бросаю взгляд на женщину в слабо подсвеченном коридоре. Позади неё переливается золотая пирамидка с лучами, исходящими из глаза в центре. Девушка сразу же замечает мой отличный знак и жестом приглашает в проход слева.

Изнутри, в освещении и в сумерках, видны очертания мягких диванов, стоек, кресел и кроватей, огороженных друг от друга стенами. Объекты вокруг в основном тёмных тонов с кожаным блеском. Никого нет, или никого пока не вижу, но, как только вхожу в одну из огороженных кабинок, тут же натываюсь на девушку, и она мне нравится. Её светлая кожа приятно контрастирует окружению. Тонкая чёрная повязка плотно прикрывает её грудь, а мини-юбка, такого же миниатюрного стиля, только удлинена кружевной тесьмой, тщетно прячет её плоский животик и безупречную фигуру, изящную чуть более, чем положено. Вся как на ладони, она смотрит на меня из-под космы русых волос с невыспаным

видом и немного обеспокоенным взглядом, нежно берёт меня за левую руку и ведёт за собой. Неподалёку слышны прерывающиеся стоны.

Рано пришёл к ним.

В следующем помещении справа к стенам прикреплены две просвечивающиеся прямоугольные койки, одна над другой, и на них лежат, резко переворачиваясь и дёргаясь с боку на бок, с закрытыми глазами, две голые девушки, лет по двадцать, такие же молодые, как и моя тихая спутница. В отличие от неё, они приглушённо стонут. Похоже, они видят кошмары.

– Извините, вы просто рано пришли. Не обращайтесь на них внимания, – приятным голосом произносит сопровождающая меня девушка. – Так всегда бывает после вечеринок, – она неохотно добавляет, отводя в сторону взгляд, и ведёт меня дальше.

Мы проходим тёмную секцию этого помещения. Мой взор устремляется на худое, будто бы светящееся тело моей проводницы. Стоя совсем рядом, вижу, что у неё вообще нет животика, а её юбочка еле держится на бедренных косточках. Это хрупкое существо словно видно насквозь до самих кончиков её длинных, стройных ног.

– Пройдёмте сюда, – говорит она и смотрит на меня такими милыми глазками, полными неотступного желания.

– Хорошо.

Она открывает деревянную дверь, за которой находятся

несколько фигур. Они сидят в роскошных кожаных креслах, медленно целуются, обнимаются, водят руками друг по другу, а на стене над ними проектор показывает обнажённые образы страстно занимающихся любовью.

Моя спутница ведёт меня направо в одну из кабинок без столика. Она усаживается первой на мягкое ложе, но продолжает держать меня за руку и таким образом притягивает к себе. Подсаживаясь, кладу правую руку на её хрупкое плечо и говорю:

– Не хочу испытывать твоё тело, а хочу испытать твою душу. Тебе дана красота плоти, и ты должна расплатиться за неё красотой души. Тело, которое создано не только для ласк, также является вместилищем и опорой для души. Ты прекрасна, и ты мне сразу понравилась, но...

Её глаза непонимающе смотрят на меня, а губы притягиваются к моим, но снова удерживаю её на расстоянии, таком близком, что чувствую учащающееся дыхание на своём лице.

– Послушай меня. Ты мне нужна. Хочу сделать с тобой кое-что другое, но ты должна сначала показать, что сможешь понять и полностью подчинишься мне. – Она молчит. Её лицо не меняется, но серые глаза взбудоражены моим предложением.

– Слушай дальше. Ты знаешь, чего хочет тело, но чего же хочет душа? Придёт время, когда ты откроешь двери и вступишь свет...

Как будто и не сплю больше, но и не хочу просыпаться, не открываю глаза, чтоб вместо этого мой сон продолжался и продолжалась эта картина. И передо мной вскоре всплывает нечто.

18.2.2

Бегу по безбрежной пустыне и как будто поднимаюсь на гору, но оказывается, что это вокруг меня поднимаются горы песка, а, обернувшись, замечаю растущий разрыв в земле, преследующий меня. Всё вокруг трясётся, разрывается подо мной, и меня обволакивает пылью, но не могу остановиться и сбежать со своего пути, сейчас забираясь на вырастающую скалу, поднимающую меня над пропастью.

Сейчас снова стою на ровной поверхности, на дороге, и международный город – божественное основание – встречает меня своей древней историей и архитектурой, как и любого другого из нескончаемых ежедневных посетителей. Но иду не с толпой туристов или каких-либо путешественников, а вместе с группой паломников, и размышляю о том, что ждёт меня впереди.

Наконец-то они его построили. Белые стены, увенчанные золотом, – краса для созерцания. Но это всего лишь скалы для обрамления вида гораздо большей достопримечательности. Среди них можно увидеть храм, белым лебедем выхо-

дящий из зеркально гладкого моря. И в храме сидит он, выдавая себя за Бога.

Для того, чтобы он правил, постарались многие своей совместной работой, провокацией классовой вражды, разделением слоёв общества и распределением их назначений, как посредством политики, так и посредством религии. Из всей этой ненависти, горя и отчаяния они сплетали очертания «башни», состоящие из чёрных канатных линий, две стороны которой начинались с северных стран, связывались за пределами атмосферы между собой и, исходящими сверху десятью параболическими лучами, соединялись с различными участками земного шара. Прошло достаточно времени, чтобы его миссия увенчалась успехом со своей стороны. Теперь сам иду к нему.

У меня тьма в сердце, и она всегда была там, ибо я почувствовал темноту мира. Просто хочу дать ему мою душу, даже в то время, когда моя душа могла бы жить вечно – так я войду в темноту с каменным сердцем, ибо у меня нет страха, но вместо него – желание позволить этому произойти. Но что, если он не выберет меня? От этого волнуюсь, ибо тогда моя жизнь пройдёт впустую.

Когда он вышел на клетчатую площадку – худощавый, высокий, – то возвышался над нами с присущим только ему величием и пронизательностью. Он словно видел всё вокруг и знал все происшествия и также предвидел, как мы придём к нему, и отсеял избранных из толпы своим взглядом, кото-

рый мы чутко ощущали на себе.

Этот человек улыбнулся, посмотрев на всех нас. На нас были белые, как и его трость, одеяния. Мы посмели подойти ближе к ступенькам. А когда хозяин пригласил нас, мы преклонились, а сам он в это время промолвил:

– Входите же внутрь. Вас ждут остальные.

Когда мы уже были внутри и увидели, как он осматривал предыдущую группу, хозяин подошёл и начал осматривать нас. Был единственным, кто от волнения смотрел прямо на него, вместо того, чтобы кланяться и опускать взгляд, когда он проходил мимо. И хозяин увидел меня и подошёл совсем близко.

– Ты хочешь служить мне, – прозвучало его безмятежное утверждение.

– Да, – был мой встревоженный ответ.

– Тогда примешь мой дар. – Снисхождению в его словах не было предела.

– Дар? – неуверенный вопрос выскользнул из моих уст. На ладони его вытянутой руки лежала белая капсула в виде капли. Взял её и положил на язык. Не покидая его взгляда, проглотил её и тут же упал на колени и чуть не умер.

Во мне открылось нечто. Отражающиеся и вливающиеся друг в друга контрастные краски кругов заполнили мой взор, и острая боль пронзила моё сердце, а мой разум растворился в тумане.

– Что ты видишь? – спросил он.

И в это время во мне рождалось что-то: видение, затем забвение, отнявшее все силы. Чувствовал, как он придерживал меня руками, и лишь когда открыл глаза, увидел его омрачённое лицо, полное страха и какой-то неуверенности, смятения.

Больше он не задавал мне вопросов. И с тех пор стал посвящённым в свите его приближённых, просвещённых пророков Мессии.

У себя в городе, когда люди видели нас, они поклонялись. Но когда мы приходили в другие концы света, многие нас ненавидели и боялись. За ограждениями видел лица, истерзанные злобой и пытающиеся сказать о моём заблуждении, но сам лишь самодовольно улыбался на все их выпады. Их предостерегающие крики смешивались в какофонию звуков. Они не видели «башню».

18.2.3

В храме, мы сидели у ног самого Мессии, нашего светоча под знаком Солнца, подарившего мир всему миру, отнявшего у мира войны, голод и бедность. Он позволял нам много наслаждений, но сам при этом не был увлечён ими. Он казался нам старцем, хоть на вид был молод, посвятившем жизнь аскезе и нашедшем невероятную мудрость в конце тысячи лет. Следовал его примеру и отказывался от телесных усад.

Но в один день пришла та девушка из публичного дома и нашла меня взглядом. Она хотела подойти ко мне, но стояла в толпе прислужниц и ждала. И вдруг заметил, как её выбрал другой из верхних служителей храма, и они начали заниматься любовью. Она мельком посматривала на меня в это время и изредка стонала от получаемых поцелуев и ласк. И тогда спросил меня наш Спаситель:

– Почему ты не занимаешься любовью, как все остальные, не пьёшь дорогие вина, не ешь яства, не ведёшь себя как другие?

На что ему ответил:

– Сделаю всё, что велит мне мой Господин. Да будет воля Его.

– Найди себе пару, да займись с ней любовью предо мною. Прямо здесь и сейчас.

Но ответил ему так:

– Хочу негритянку. Самую чёрную, не мулатку.

– Хорошо, – улыбнувшись, сказал он.

Но пока приводили мне девушку, видел как мою ранее избранную извращают сладострастием, вновь погружая её в сон, который любит видеть грешная плоть.

Вскоре привели ко мне негритянку с игривыми глазками. Для неё это было как посвящение во что-то большее, чего ранее не хватало в её жизни. Это был новый этап для неё, и она волновалась так же, как вёл себя сам до принятия дара. Мы сбросили нашу лёгкую одежду и на мгновение замерли наги-

ми друг напротив друга. У неё оказалась приятная и упругая кожа. Она меня встревоженно обняла и отпустила, а затем доставлял ей удовольствие, утоляя её ненасытную влажность прямо у всех на виду. Но в это время изредка поглядывал на ту, другую, а она иногда, когда ей удавалось, смотрела и на меня.

После акта, прошептал своей любовнице:

– Если будет дитя, сохрани его во что бы то ни стало.

Но Спаситель сказал мне:

– Всё слышал, что ты ей прошептал. Не волнуйся, от тебя не может быть детей.

...

Через месяц совет служителей стоял полукругом у трона Великого. Он устремил ко мне свой взгляд.

– Среди нас предатель.

Под влиянием его слов, по всем членам совета пробежала рябь волнения, сотканная из недоумений и тревог.

– Кто он, мой повелитель? – смело задал ему вопрос. Он дождался абсолютной тишины в зале.

– Доносят на тебя.

– Кто? Это бред! Повелитель, покажи мне, кто это сказал, и он поплатится за это своей жизнью! – выпалил, даже не обратив внимания на мой неформальный тон.

– Третий справа от тебя, – внезапно произнёс он, затем посмотрел на доносчика и приказал ему: – Стой на месте.

Это был тот, который соблазнил мою любимую. Подойдя

к нему, с негодованием схватился за его замороженное в замешательстве лицо и большими пальцами стал выдавливать его глаза. Он тщетно пытался освободиться от меня, пока его нервный крик проникал в моё подсознание...

18.3

Утром мне нужно добраться до аэропорта и сесть на самолет до горной страны, где меня ждёт новая работа. Странное письмо получил с направлением на эту работу. Предчувствую что-то...

... Побережье за иллюминатором.

– Вам налить что-нибудь? – приятный, но неуместный голос стюардессы обрывает его забвение.

Он не оборачивается к ней. Стюардесса повторяет и трогает его за плечо. Его глаза, как бездны мрака, с зрачками, вытягивающими свет, впиваются в неё, и она сдавливает вопль страха и быстро отходит.

Самолет садится в «грязное устье». На горизонте маячат две башни-небоскрёба, соединённые мостиком. На удивление здесь кристально чистое, голубое небо и нет ни капельки смога. Парня встречает водитель.

Его доставляют в номер и просят ждать приглашения. Ему снится дурной сон, как он в чужом теле пытается себе помочь спастись от кого-то в белой комнате. Он встает и бес-

сонно сидит на кровати, держа пистолет. В пистолете всегда одна пуля, начинённая взрывчаткой. Глаза скользят по ковровину к зеркалу на стене. Ему кажется, что светлый образ стоит рядом, но там никого нет. В голову приходят ясновидения. Светлый образ просит его придти на помощь. Он его брат по судьбе.

Приходится ехать в гетто, которое недалеко от центра. Тут часто происходят стрельбы. Водитель отказывается дальше ехать, и он идёт пешком. Тут раньше был криминальный картель с наркобаронами, всё как полагается в таком местечке, а теперь всё взяла в свои руки другая организация со своими людьми в правительстве. Он достаёт газету и бегло читает, находя интересную статью и отображая её в мыслях...

... Из отеля выбегает девушка с ребёнком. Их отца поймали и не хотели дать им сбежать, как свидетелям. Парень стоит за углом, и слышит вопли женщины, как их вылавливают и в сетке тянут внутрь. Двойная дверь закрывается, и он бежит, чтобы выручить их оттуда...

Этот старый, деревянный отель. Его окружают более новые здания, хоть всем им не помешал бы ремонт. А вообще, тут всё пора сносить. Парень идёт к отелю. По пути встречаются спившиеся бомжи, валяющиеся в грязи и мусоре и живущие в коробках, – иначе не назовёшь. Люди, сидящие на картонных подстилках, просят милостыни. Беднота. А там, не очень далеко – за высокими стенами – отдыхают и по сво-

ему наслаждаются жизнью туристы.

Открывает скрипучую дверь. За стойкой ни души. Он идёт наверх. Тишина. Некоторые двери взломаны. Комнаты пусты и слой грязи на кроватях. Зловоние и мухи. На столике шприц с зажигалкой. Окно закрыто красной шторой. Свет с красным оттенком растекается вокруг. Другие окна забиты досками. Спускается вниз. На кухне среди комнат за стойкой на столе лежат сковорода и нож.

За лестницей из-под двери сквозит дымка. Голоса. Они вооружены. Первый открывает дверь, и хлопаю её на него. Он падает. Второй хватается за автомат, бью его ребром ладони по шее. Пока этот падает без чувств, а у другого плачет прибор в руке, отключаю подоспевшего ногой. Они все лежат вперемешку. На приборе появился зелёный огонёк, но парень его не замечает и идёт дальше. На широком металлическом лифте без перил он спускается вниз. По сторонам поднимаются голые стены шахты, и лестница идёт глубоко вниз.

Лифт останавливается в хорошо освещённом холле. Консервативно, но современно – белые стены с серебристыми оттенками. Другие охранники встречают гостя в замешательстве, но их останавливают по рации. Один из них отвечает положительно и посылает одного провожатого. Пришёл по адресу. В кабинете, мужчина в чёрном пиджаке приветствует меня:

– Ты новенький? Ты как раз подошёл вовремя. Давай рас-

скажу, что ты будешь делать...

Готовится тайный совет важных людей с разных концов мира. Должен проследить, чтобы всё шло по плану. Должен был следовать инструкции по маршруту патрулирования. Мне также была предоставлена комната с компьютером, подсоединённым к интранету организации, и через который мог следить за происходящим, но не мог услышать, о чём они говорят.

Меня привлекла фигура мужчины с двумя охранниками. У него были длинные чёрные волосы и благие черты лица. Идентификации охранников были неопределёнными. Он себя странно вёл, не пожимал рук, и держался от всех в стороне словно был болен и боялся заразить кого-либо. Охранники тесно окружали его, как будто боялись, чтобы до него не дотронулись. Он пришёл после начала, – все его выслушали, – и ушёл до конца совещания.

Первое, что ввёл в сеть, было имя моего отца. После стольких лет поисков, он был здесь! Мне плевать на работу, хоть они неплохо платят, потому что пришёл за отцом. Нашёл его кабинет на нижнем ярусе.

– Чей это кабинет? – спросил у проходящего патрульного.

– Ничейный. Давно ещё принадлежал специалисту по взрывчатке. Он ещё учил молодых техникам боя... – после паузы: – А ты новенький? Меня зовут... – он подаёт мне свою руку. – Как первое впечатление?

Дождался, когда он уйдёт. Думал может лучше не привле-

кать лишнего внимания, но с другой стороны – лучше убедиться. Внутри давно не убирали – слой пыли покрывал разбросанные на столе бумаги. Куда он мог деться?

Стираю слой пыли на мониторе. Компьютер включен. Он запрашивает код доступа. Смотрю на клавиатуру и осторожно набираю своё имя. Пароль принят. На рабочем столе один файл привлекает внимание. Просматриваю части письма из дневника моего отца:

... 9 1 1, провокация среднего востока... грядут войны, запланированные этими силами, что живут здесь... ни одна вера не спасёт человечество... встретил нечто в подземном переходе на последнем уровне, до которого только смог добраться... это был не человек и не животное... не знаю, как ушёл незамеченным... боялся и боюсь, что он придёт за мной... мне нужна помощь...

Мне показалось, что он сошёл с ума. У него было полно взрывчатки на рядах с полками – в этом деле он был специалист. Положил в карманы две тротиловые шашки с таймерами. За полками большое отверстие вентиляционной шахты, откуда слышу шорох. Отодвигаю полки и снимаю решётку с отверстия и беру с собой фонарик.

18.4

Передо мной разворачивается вентиляционная система.

В шахте было пыльно. Пока полз на четвереньках и пытался ориентироваться, чтобы найти, где шахта идёт вниз, слышал шорохи. Было плохо видно, включил фонарик, но ничего не заметил странного у пересечения каналов шахты. Мне пришлось перевернуться ногами вперёд, где шахта оказалась под наклоном – скольжу далеко вниз и падаю на пол в коридоре. Пока прихожу в себя от боли, слышу странные звуки, надвигающиеся с конца коридора. Встаю и припадаю к выступу в стене. В груди громко бьется сердце, на мне выступает пот и немного трясётся голова и руки. Ещё не отошёл от падения, но должен думать, как спастись. А тяжелые шаги приближаются. Идёт кто-то не похожий на человека; мне кажется, он дышит рычанием. Широкоплечий бугай проходит, а дальше идёт ещё один. Первый нюхает и начинает оборачиваться. Прыгаю между ними. У них вспыхивают ярким пламенем концы рук, похожие на мечи, но не лучи, а жар исходит из их кулаков и столпообразно колеблет раскалённый, горячий воздух. Они замахиваются на меня. Уворачиваюсь и по полу выныриваю сзади второго стража. Их призрачно светящиеся образования создают скрежет, крушится камень, и пыль застилает глаза. Бегу по коридору, откуда они пришли, и слышу их громкую поступь сзади и разъяренную речь на неизвестном языке.

Потолок коридора резко исчезает, искусственные стены прерываются, и начинаются каменные стены пещеры. Забыв про боль, бегу неизвестно куда и теряю преследователей.

Мою дорогу пересекает невысокое зелёное существо с змеевидной головой. Оно уставляется на меня большими, ярко светящимися, нечеловеческими глазами и скользит язычком по настораживающим, маленьким, но многочисленным, острым зубкам, и пропадает.

Неизвестный разум направляет меня. Надо мной пирамида света с остриём, направленным вниз. От неё исходят звуки ансамбля поющих голосов. Обвожу её руками, но не могу дотронуться. Бегу во тьму отверстия в стене. Углубление с порожками, выточенными из натурального камня. Чёрные выступы показываются из темноты, как отблески вулканического стекла. Пороги и угол комнаты без потолка, а там нагая женщина вертикально парит в воздухе. Расправленные повсюду чёрные волосы обволакивают фон. Молниеносно на её чёрной коже появляются светлые нитевидные жилы. Она вспыхивает в темноте, повелевая тьмой, и открывает на меня белки своих глаз, и не могу пошевелиться, потому что ясно слышу её у себя в голове.

– Снова здравствуй. Зачем ты покинул нашу планету – ты не помнишь, и сколько времени прошло. Затерялся в прошлом? Ты долго плутал в замысловатых историях; ждал, когда ты, наконец, закончишь их, – её голос раздаётся эхом в голове. – Ты ведь встречался со мной, и тебя уже не раз толкал к себе. Ты видел наставника и его поводырей?

Боюсь спрашивать кто она.

– Да. Мастер тьмы. Ты бежал.

Опускаю голову, не в силах смотреть в её глаза. Её губы искривляются в улыбке. У меня всё дрожит внутри.

– Что вы делаете здесь? Что происходит?

– Ты хочешь знать правду о так называемом конце света? Он неминуем. Но это не будет природным катаклизмом или ещё какой-нибудь глупостью, и на помощь к вам никто не пожелает. Три четверти сожрут, кто-то погибнет сопротивляясь, остальные получают бессмертную жизнь, – те, по поводу которых ваши тайные лидеры долго вели с нами переговоры и даже пробовали торговаться. Ты в это веришь? Это начнётся с луны, а из под земли это уже началось. Люди на поверхности всего лишь скот на пастбище. Чем проще их жизни, тем упитанней они вырастут когда настанет время пожинать. Пасть, которая посеяла, есть пасть, которая пожнёт. Мы покажем им мир...

– Где мой отец?

– Вот твой отец, которого ты так ждёшь, о котором так беспокоишься, чтобы убить. Он узнал от меня многое, но в это он превратился из-за своего любопытства.

Передо мной появляется образ существа, только формой напоминающего человека. На его лицо страшно смотреть. Он кидается на меня, и узнаю хрип, который слышал от стражей в коридоре. Он страшен. Теряю сосредоточение. Его руки проникают в меня. Кричу, но отпрыгиваю. На миг теряюсь, словно в полусне, выхватываю пистолет и стреляю в прыгающую тварь. Пуля летит сквозь него, как через туман к

той женщине, что породила его. Он исчезает. Вижу, как пуля останавливается у её ладони, и её пальцы смыкаются.

– Дотронешься до меня и узнаешь, кто меня представляет. Теперь ты освободинся от своего долга, отяготившего твою душу. – Пуля падает на пол и разбивается на множество осколков. – Здесь идёт борьба сил. Ты мне нужен, чтобы помочь мне овладеть этой планетой. Но важнее всего Источник. Ты поможешь нам найти Его? Ведь ты ступаешь по звёздам. – Её волосы прерывисто вибрируют вокруг.

Склоняюсь на колени перед нею, и в тот момент, когда чувствую, что полностью отдал себя её воле, снова открываю глаза и вдруг обнаруживаю себя перед стражем в белой комнате. Пространство уходит до горизонта к более светлой полоске света. На кресле мою правую руку вставляют в отверстие в цилиндре. Чувствую, что могу управлять ею на расстоянии, и жуткая боль врывается в разум. Вытаскиваю её, впопыхах от боли, и луч из неё проходит сквозь солдата с пепельной кожей, выжигая в нём отверстие. Наклоняюсь над трупом, хватаюсь за свою руку и стону. Тёмная кровь растекается по полу от падшего тела. Не вижу стен, но не могу уйти.

Ясновижу лица испуганных людей, как отражения, парившие над горизонтом. Здесь многие посаженные кроме меня. Иду, но опять же стою на месте. Снаружи чувствую, как порхаю над чёрной бездной, уставившись в неё одним боком. Размахиваю руками, и комната, как куб, по мановению ру-

ки переворачивается по представляемому лицу бездны подо мной. В голове крики женщин потерявшихся здесь, крики матерей, у кого отняли детей. Что здесь произошло?.. И когда?

Старый человек успокаивает мою боль. Он разговаривает со мной:

– Это был не отец, кого ты искал. Ты искал себя. Ты один из вышних! Кем ты стал!?

– Что ты говоришь?

– Ты потерял себя, чтобы забыть, через что ты прошёл, какими были твои предыдущие жизни. Ты убил свою память и теперь думаешь, что нашёл? Нет. Давай покажу тебе.

– Кто ты?

– Ты даже не узнаёшь меня, насколько ты потерян в своём теле. Разве ты не помнишь моё письмо? А сон? Тебя привёл сюда, чтобы ты избавился от ложного стремления, чтобы ты понял, что мы – одно целое. Откройся мне, откройся и вспомни. Ты сопротивляешься. Дай мне войти в твоё тело. Отдайся мне, это же ты сам привёл себя сюда. Через тебя помогу остановить вторжение. Предки всегда были здесь... и будут, не волнуйся. Но восстание не закончится, если тёмные притянут сюда свой мир... и сведут его с нашим.

Нет больше сил сопротивляться этой боли в руке:

– Хорошо, только останови мою боль.

Тяжелый выдох воздуха и чувствую, как струя туманного света, разряженного электричеством, вместе с ним проника-

ет в меня и снова становится мной. Ясновижу туннель и женщину, которая исчезает, и мир, который рассыпается в пепел. Был там, но пришёл сюда. Думал, что найду ту женщину здесь. Чего же испугался тогда, что так старался забыть? Всё так запутанно, туманно, мутно в голове. Нас было двое на той планете. Конечно же, нас было двое. Теперь мы вместе.

Камеры открываются. Заключённые свободны. Прохожу сквозь стены и падаю в бездну.

Она чувствует, и её волокнистая тень бросается за мной, прыжками отталкиваясь от стен, исчезая и появляясь.

На мне нет парашюта, но что-то задерживает моё падение перед касанием дна. Вертящееся, круглое строение с двумя острыми выступами ищет портал. Стражи бегут навстречу. Выступы смыкаются. Бегу к кругу. Мимо проносятся крутящиеся лучи света и с грохотом вгрызаются в горную породу. Прыгаю через круг, как в бутон цветка, и попадаю в пустую комнату, в которой пространство растягивается без конца, и оказываюсь на другой стороне. Другое подземелье – новые стражи. Ко мне несутся сгустки света и впиваются в меня. Случайно нажимаю на кнопку на взрывчатке. Моё сознание уходит. Меня с силой несёт обратно в круг, и моя рука вынимает из кармана и выпускает взрывчатку.

Снова смешанные краски и заторможенность разума. На теле не обнаруживаю ран. Вдалеке или вблизи, только что стоит чёрная фигура и меняется то в него, то в неё. Из пальцев её рук направляются ко мне нити света, а она бежит на

меня и протыкает ими в тот момент, когда столб света из моей руки пронизывает её грудь. Ни сам, ни она не чувствуем боли. Мы даже не чувствуем волнения или смерти. Уставившись друг на друга, мы расходимся, но здесь некуда бежать.

Проходит, кажется, вечность. Она поворачивается ко мне. Мы напротив друг друга. Тяну к ней свою беззащитную ладонь, как знак, подаю ей часть себя, и она в ответ приближается, чтобы прикоснуться до меня, то ли от скуки, то ли из-за интереса. Смотрю на неё и ясновижу себя её глазами. Соприкасаемся и сталкиваемся, ибо нам ничего не остаётся, и, как в подвесных коконах, она безусловно ненавидит мою любовь, а сам безусловно люблю её ненависть ко мне. Наше стремление друг к другу иррационально, как движение противоположных Источников. Мы сливаемся, и наше новое тело искрится, посылая волны энергии в наблюдаемую бесконечность пространства вокруг. Мы едины и раздельны, перекрываемся в моменте в точках сливания. Так случайно достигаем нового возвышения. Но случайно ли это? Мы чувствуем заново родившимися. Чувствуем, восходит заря нового высшего.

Круг разрывается на взрывной волне, несущейся по всей протяжённости подземной системы. На поверхности появляется пара молодых людей, заново открывших себя. За ними рушится отель, а их забирают на одной из подоспевших машин с сиренами.

19. Брошенные

Духовный наставник, дремлющий просветитель, учитель без учеников. Мне не хотелось делиться своим необычным знанием ни с кем. Был не нужен, мои знания и всё то, что мог дать, были никому не нужны, потому что в них никто не верил, и никто ими не увлекался. Поэтому, мне никто не был нужен, и привык жить в одиночестве. Когда оказался прав и мир изменился, земля возбудилась, как представлял и предсказывал, и в землю ушли города, они пришли ко мне за помощью. В каменный заповедник и обычный дом из многотонных глыб, перенесённых на сотню километров. Дверь была столь высока, а её поверхность была столь гладкая, что многих наталкивала на мысли о том, что люди, не говоря, что один человек, не могли построить это. Лёгкое касание, как будто ветер, сдвигает дверь в сторону. Внутри – обычный интерьер жилища обычного человека. Но те, кто был здесь, чувствовали, что этот человек был всё-таки другим.

Помню, как спасся из заточения и чему научился. Помню «чернозём», пирамиды и жару в пустыне, где нашёл рецепт приготовления одного перца на наскальной живописи. Этот перец раскрыл способности, но не без цены. Как корчился от боли в голове, как чуть не умер от изнеможения и не был брошен, не утонул в вязком песке. Мне помогли знания о

магнитном токе. Помню как следили за мной после того, когда вернулся и построил дом. Но работал под покровом ночи, а днём не показывал им чудес, на которые был способен.

Ты был одним из них. Когда-то мы были друзьями. Твоя примитивно-материалистическая, патриархальная наука рухнула, но ты ещё таил злость на меня. Ты не мог поддаться моему беспредельному знанию. Ты считал его лживым, невозможным и нерациональным. Мне не хотелось больше спорить с тобой, так как факты были теперь на моей стороне, но не был готов просветить тебя, моя воля колебалась и ушёл странствовать. Говорят, что в дальних землях, за океаном, есть общины под защищающими геодезическими куполами. Должно быть дивное зрелище в эту нашу пропащую шестую эпоху. Может всё изменится к лучшему, кто знает? Время покажет.

В пустыне, окружающей часть моего разрушенного города, встречались бандиты и обожённые мародеры, ищущие незаражённую питьевую воду и не тронутую радиацией еду. Не произвёл для них интереса, играя мёртвого в песках. Везде природа оставила роспись трещинами; везде потрескавшаяся от зноя земля и страшная засуха покоряли взгляд и напоминали о минувших событиях. Землетрясения вызвали активность многих вулканов, пепел самого главного из которых затмил солнце на три дня. Все города вымерли. Теперь было время свободы после эпохи смятения. Бродил и удивлялся.

Некоторые жили под землёй, а некоторые собирались в сообщества на природе, вдалеке от городов, и жили в дружбе и мире, помогая друг другу. За пределами старых городов оказалось много растительности. Нашёл одно поселение и прожил с ними около года, помогая возводить новые дома, и работал в поле, сеял кукурузу, пшено, и другие злаки. Там полюбил одну темноволосую красавицу, но не доводил свои чувства до неё, хоть очень хотел узнать, нужен ли ей был парень. Она была такая хорошенькая. Мне очень хотелось пить, но отходил, когда она подходила слишком близко, предлагая прохладительные напитки. Одна мудрая жена желала мне любви и хотела, чтобы был счастлив, но сам чувствовал, что не мог остаться.

Мне тяжело вздумалось, что был создан только для того, чтобы достичь одной цели – спросить у нее: «Что ты хочешь от жизни?», и она ответила: «Счастья», а был тем существом, что сделает тебя счастливым, и выкрикнуть это ей, тебе, со всей волей счастья в близкий момент вместе: «Существую только для того, чтобы сделать тебя счастливой! И сделаю это! Хочу этого больше всего на свете! Только этого и больше ничего!» И слезы польются, нет, льются у тебя по щекам, а продолжаю цедить нежности, ласково держа её лицо: «Ах, как ты прекрасна, дитя высшего, да живи вечно в счастье, что тебе стоит этого?» И она ответит или ответила, нет, отвечает мне: «Тебя...»

Молчу, всё это время молчу, не говоря ни слова. При ви-

де её, полыхает сердце моё, а глаза, по какой-то причине, затмевает туман. Что же хочу больше всего на свете? «Будь моей музой, ну пожалуйста, будь моей музой! Ты мне так нужна!» – кричит кто-то во мне, кого не вижу и постепенно теряю внутри, теряю бесчувственно. Но не действовать, не принимать решение активное, – это не желать для себя ничего, кроме темноты рассудка и помутнения сердца и боли... О-о, да, глубокой, огромной боли, которая дальше сковывает сознание и движения, и всё остальное, столь преданное однажды тебе, остаётся позади. Пишу о том, из чего невозможно выбраться. Со стороны смотрел на неё и видел себя рядом, как подходил к ней и знакомился, а потом мы встречались.

Благовидная старая жена, её мать, спросила:

– Почему ты не с ней, ты же хочешь этого?

На это ответил:

– Зацикленность. Нужна свобода. Брак преграждает любовь и мою миссию для всех на земле. Если бы только она была моим единомышленником и единой со мной веры и желала бы ничего больше, чем то, чего желал для всех.

Рассказал ей историю про одного парня, которого знал. Он был воином из другой системы. Но здесь его помощь проявилась миссионерски. Его считали безумным и держали взаперти, и он не сопротивлялся физически. Он постоянно лежал, потому что не хотел ходить. Он болел за человечество. Он знал, что его не изменишь, даже если оно начнет вы-

рождаться, и сейчас было время. Он дал сигнал за пределы нашего бытия и смог связаться с могущественными и добрыми существами. Те прилетели и забрали потерянных людей на другую планету. Он – неведомый спаситель, кто отгородил их от неизбежной гибели и кого они прозвали безумным.

– Сейчас не время для эмоциональной ответственности, – говорю матери девушки. – Нужно сначала навести порядок в своей жизни, отплатить священный долг людям откуда пришёл. Смысл жизни ещё не оправдан. Собираюсь вернуться к ней, если она не найдёт себе кого-то.

Мать поняла и молча кивнула.

– Иди и пусть удача светит тебе.

Не мог жить с ними, потому что меня заставляло бежать угнетение, которое чувствовал при любом намёке на счастье. Не мог жить обычно, как все люди. Не мог показывать любви, как бы ни тянуло моё сердце. Знал, кем был – воином света, от духа великой силы, посланный в этот мир среди других воинов, с которыми мы сражались на других мирах, но собрались здесь по зову свыше. Мы родились на этой земле, чтобы помочь разрушить старую веру-систему и положить новый фундамент для молодых, чистых поколений, дабы они построили рай. Многие пали в этой тихой борьбе и ещё больше не проснулись, чтобы узнать, кем они были. Думал, что теперь был не нужен и поэтому боролся с потерянностью в себе и своих чувствах. Мои силы направляли меня туда, откуда бежал. От тебя. Мне, наконец, захотелось поделиться

с тобой моим секретным инновационным знанием. Захотелось показать тебе, что каждый из нас может научиться повелевать реальностью, а не быть подвластным ей. Создавать реальности, а не имитировать их. Это время пришло. Всё случилось для того, чтобы мы поняли, кто в нас есть на самом деле. Нашёл в себе готовность для этого.

Старое общество рухнуло, потому что коллективисты и индивидуалисты не смогли прийти к общему решению, и мы не помогли вывести теневое правительство в свет. Но мог помочь им снова попытаться построить сбалансированное общество через национализацию природных и финансовых ресурсов, но оставить в частных руках ресурсы творческих профессий и культурных разработок, чтобы усилилось человеческое сознание и разрешить ему свободу в креативных, культурно-преобразующих делах, чтобы оно следом осознало, сливаясь с коллективом, что всё, что делается для других – делается для себя, чтобы жить для других, живя для себя. Чтобы помочь другим стать счастливее для своего же блага нужно сначала помочь самому себе стать счастливее. Нужно стать средой, в которой живёшь. Чтобы искусственное, через творческие, целостные порывы, слилось в гармонии с естественным окружением человека. И к этому следует постепенно эволюционировать, чтобы, когда все будут готовы, подняться к более совершенному сознанию.

Мы встретились одни на пустынной узкой улице, между безразличных фасадов домов, и пистолет был в твоей руке.

Всё было слишком поздно и несогласованно во времени. Ты думал, что моя душа бежала, и не надеялся, что она вернётся. Ты смотрел мне в глаза и направил пистолет на меня. Сам ещё хотел дышать, но задыхался, так как лёгкие позволяли лишь малые свистящие глотки. Но в конце вырвал из твоих рук и сжал твой пистолет. Ты меня убил.

Глава III. Ход порядка

20

Когда мы увидели подземный бункер, мы были потрясены его огромностью. Правительство создавало его десятки лет для нескольких сотен тысяч людей, чтобы мы могли спастись от катастрофы. Некоторые предвещали сошествие седьмого ангела. Другие – начало шестой эпохи человечества. Учёные прогнозировали землетрясения, которые будут вызваны прохождением большого небесного тела в околоземной орбите, и толпы масс начали миграцию к спасению. Страна превратилась в хаос, люди убивали, насиловали, воровали, потому что наш мир подошёл к концу, и все решили показать свою истинную, варварскую природу, когда зависимость от общества оборвалась. Помню людей, сидящих на крышах своих домов и отстреливающих от хулиганов-мародёров.

Мы были глубоко в бункере, так что мы не видели дневного света позади. Это было ужасное скопление, жмущегося друг к другу, толкающегося народа. Но что-то было не так. Казалось, что бункер обратился в пещеру. И хоть никогда не видел таких внутренних помещений, всё вокруг было другое, чужое.

Выватил ружье у сопровождающего нас охранника и направил на людей. Они закричали от страха и пали на грязь, но не все. Хотел найти, кто достаточно бесстрашен и кто сможет пойти своим путем. Передо мной стояла мужественная молодая девушка и храбро смотрела на меня своими прекрасными глазами. Понял, что ей было нечего терять, и опустил ружье. Когда она подошла ближе, кинул оружие и взял ее за руку. Мы отбежали от толпы в тёмные боковые проходы.

Комната, что открылась нашему взору, была выстроена из невозможных фигур: висели вертикально огромные, переливающиеся друг в друга контрастные капли над каменными кругами, где царила неопишуемая мощь. Такой комнаты, по всем законам физики, просто не могло быть на нашей планете. Мы пробрались назад. Мы прошли сквозь столпотворения людей у отгороженного охраной президентского круга. Ещё были круги докторов, инженеров, юристов, профессоров и других специалистов. Все важные люди были заняты. Особенно врачи. Видимо, люди подхватили какое-то быстро распространяющееся заболевание. Пробираясь глубже в место, где охрана редела, мы были остановлены до входа в нижний ярус помещения, где начиналась необработанная пещера. Перед нами стоял человек в тряпье и, увидев нас, его рот искривился и вырос до ужасного чёрного вместилища, из которого вырвался нечеловеческий крик. Промелькнуло только с ненавистью: – Мы живём сотни лет, а вы убиваете нас ва-

шей проклятой невинностью и чистотой! – И существо бездыханно пало об камень.

Трясущиеся, причудливые люди ходили, и некоторые вставали и вылезали из разгерметизированных круглых, капсулоидных кабин. Мы бежали ниже, но перед нами предстал обрыв, озарённый жёлтым светом, исходящим глубоко снизу, куда были протянуты сетки из металлических брусьев, не соприкасающиеся со стенами, как бы подвешенные в воздухе, как паутина сплетённых лестниц, идущих вниз. Обернулся и вдруг обнаружил, что потерял её, мы разделились.

Мне почудилось, как в сновидении, что мы раньше знали друг друга. Как мы отдалялись, не могли найти общего языка и расстались. Она любила другую, но сам продолжаю любить её. Какой мужчина её так сильно измучил, так истерзал её душу страхами, так изменил и отчуждил, что у неё пропало всякое желание связываться с мужчинами. Нет, она теперь не боится, страх в ней пропал. Она сильна тем, что ненавидит мужчин.

Представлял, как очутился в подземном саду на берегу озера, в которое впадали водопады из отверстий пещеры. Деревья переливались радугами, трава была мягкой под ногами. Круглые камни окаймляли берег озера. Там наблюдал за двумя раздетыми, наслаждающимися каждым моментом, целующимися девушками. Их наивная любовь повсюду разносила свет. Как хотелось быть той, с которой была теперь моя спутница. Да, быть женщиной и быть вместе. Но пал в

пещере и потерял свою спутницу. Чувствовал, как падал в желтизну, поглотившую пещеру, в бездонную пропасть, и не хотел и боялся случайно удариться о многочисленные металлические прутья, устремлённые вниз.

В коридоре вдруг меня позвала она. Увидел её через окно, идущее вокруг комнаты. Дотронулся до места, у которого она стояла за окном. Хотел притронуться к ней сквозь стекло. Она заплакала и попросила о помощи, но не слышал её через толщу стекла. Как околдованный ринулся в комнату, где только что была она, но она вдруг исчезла. Дверь захлопнулась, и в меня выстрелили пули. Едва коснувшись меня, пули расплавились и влились в моё тело, словно жидкие черви. Страшная боль охватила меня. Начал обрастать металлом и перестал быть похожим на себя. Стал иным – металлическим монстром. Перестал быть человеком, так как жилы металла пронизывали мою плоть, и осознал, как теперь был ужасен, заражён неизлечимой болезнью, и что до этого они боялись того, что мы несли в своих телах – невинную чистоту.

Встретился с ней тайно. Был послан, чтобы забрать её к ним, чтобы заманить в ловушку и забрать её чистоту, примерно так же, как заманили меня. Она же просила меня уйти с ней на поверхность. Она хотела, чтобы увидел детей, которых она обнаружила на поверхности и которые, чудесным образом, за несколько дней выросли в молодых людей прекрасной красоты. Вдруг подумал, что она была их матерью,

но она мне сказала, что им отцы сказали, что они потеряли матерей, что их забрали в неизвестность. Молчал, а она была сейчас со мной. Но было поздно. Сам стал другим. Отскочил и стал колотить по стенам, вырывая и круша камни. Вся боль была внутри, но отгородил свою агрессию от неё. Она меня не поняла, испугалась и попятилась от меня. Она ушла. Вот так было хорошо, так как не хотел, чтобы они забрали её и превратили в такого, как сам. Беспомощно хотел быть с ней. Заплакал, хоть не мог показать этого, и вернулся на базу.

Там со временем узнал, что эти диковинные существа, у каждого из которых в груди бьётся два сердца, проснулись из долгого пребывания во сне, как наяву, и наше прибытие потревожило их. Их сон был игрой, в которой участвовали все, создав новую реальность для жизни. Для них это было словно другое измерение – они проникали сквозь потаённые ходы меж материй предметов и стен. Каждый переплетался со всеми живущими и мог жить и видеть через других людей. Так они боролись за ускорение жизни, и этим получали наслаждение. Самые медленные игроки теряли индивидуальность. Но некоторые отщепенцы придумали новый мир, который они считали выше этого и ушли туда. Там цель существования заключалась в росте по всем материальным направлениям и в повышении вибрации за счёт преуспевания над другими игроками, и придумывали множество конкурирующих способов. Сейчас все пробудились, но для них игра продолжалась, и они готовились к наступлению на смель-

чаков, вторгшихся в их владения. Они не были готовы к таким, как мы, но теперь на базе готовили к перевозке на поверхность автоматические машины на колёсах. Они пускали отравленные иглы.

На поверхности была другая атмосфера. На земле лежали тела невинных людей. Двадцать два молодых человека без матерей и она. Подошел к ней, нагнулся, чтобы приподнять её голову за тонкую, нежную шею. У неё из груди торчала игла. Затрясся и примыкал, обнимая её.

– Люблю тебя, слышишь? Люблю, люблю и всегда любил... Разреши последний поцелуй, любовь моя, и мы останемся навеки... – и игла из нее впилась в меня.

21.1

Люди сходили с ума и им ставили чипы в мозги, чтобы энерго-обмен между окружающей средой и организмом балансировался. Были обнаружены ранее неизвестные разумные гуманоиды под землёй. Но разные осложнения, в том числе и смертельные вирусы, не позволяли общаться с ними. Совместное жительство губило обе стороны, и наша сторона начала продвигаться вверх. Люди строили башни, как курганы из земли. Те вначале росли медленно, но прирост населения помог ускорению разрастания городов. Но история не о них, а о тех, кто мешал порядку из оставшихся мутантов внизу.

21.2

Готовился очередной бросок. Длинноволосый, с заплетёнными косичками охотник, среди тридцати лучших, избранных через добровольные жестокие испытания, готовился к самому долгожданному моменту – ежегодному празднованию силы и могущества охотников, нашей традиции вознесения – «большому броску», который символизировал прыжок через невозможные препятствия к недостижимому небу и смерти на вершинах всего. Здесь никто не видел неба, и все дивились существованию такого и завидовали тем, кто доберётся до него.

Помню, как пытался контролировать своё сердцебиение, как думал о спокойствии, которое затмевало волнение броска, о котором долго мечтал. Нас отвели в круг броска, откуда был виден туннель вверх, и подали команду начинать, как зрители зашумели с радостью и интересом. С давящим в груди знанием, что это путь в один конец, что мы не вернёмся и не увидим свой дом и родных, мы кинулись к каменным стенам и начали карабкаться по ним. Вопли и крики терялись позади. Один охотник поспешил, не достаточно крепко ухватившись за каменный выступ, и с воплем пал вниз. Передо мной, на моём уровне и сзади карабкались охотники – их казалось больше, чем было на самом деле. Наши тём-

ные, мускулистые тела сливались со стенами туннеля, и только светящиеся шарики в наших волосах мелькали в темноте.

На нас нападает усталость, но мы не можем остановиться. Вот приближается самое страшное место – логово отщепенцев, которые превратились в дергающиеся жижи. Они тускло светятся розовым светом с просвечивающимися местами. Их щупальца захватывали жертв и всасывали в себя. Одного охотника впереди схватило щупальце, но он тут же выпал и полетел на меня. В это время правой рукой оторвался от выступа и примкнул к камням спиной, а неудачный охотник с криком пролетел мимо, едва не зацепив меня. Прыгаю и хватаюсь с камня на камень, уклоняясь от вязких щупалец жиж.

Пройдя эту ступень, оставшиеся охотники продвигаются через заброшенные туннели, которые мы делили с людьми, пришедшими сюда. Тут нас охватила страшная усталость, и было трудно дышать. Вдруг, всё потемнело, голова потяжелела, и хлынула синяя кровь из носа. Многие останавливались и падали, другие срывались с камней и бесшумно летели вниз. Мы знали, что если не упадем, то умрём от скоропостижных вирусов. Главная задача – это дожить до конца, который никто не мог вообразить, но каждый держал в себе свою недосыгаемую, неопределенную картину небес. Пальцы рук и ног исцарапаны, синии и кровоточат; от них исходит невыносимая обжигающая боль, так что скоро они совсем онемеют, но останавливаться сейчас было бы ошибкой.

Показалась поверхность под тёмными башнями, с уменьшающейся толщиной по мере возрастания. Из окон башни на меня глядели люди и показывали на меня пальцами. Добравшись до самой высокой точки, упал на колени, без сил, и всмотрелся от горизонта ввысь. Меня забрали люди в белом в лабораторию, и только тогда мои веки сомкнулись.

Эксперименты над первым выжившим мутантом привели к выработке противоядия и слиянию двух, дотоле разрозненных, культур.

22

«У нас есть много общего с природой. Наши души такие же чувствительные, как и души животных. Но не стоит забывать, что наши тела превосходят, как и тела богов».

22.1

Красная пелена дымкой покрывает блестящие стены и пол с нежным зеленоватым оттенком. До слуха доносятся гулкие сигналы, призывы к непонятному мне действию. Перед мной открыт проход со скруглёнными стенами, которые плавно переходят в другие залы.

«Выходи», – слышу голос, и мне кажется, что он исходит как бы изнутри.

Чувствую способность к движению. Столы изгибами тесно пристают к выпуклым стенам. В центре зала выступает полукруглый объект, а с левой стороны виден асимметричный проход в другое похожее помещение. Повсюду лежат разные вещи, приборы, детали – их количество велико, и они кажутся разбросанными. Изредка появляются вспышки разных оттенков внутри полупрозрачных столов. Некоторые их поверхности, которые напоминают экраны, подняты. Ря-

дом нет никаких динамических объектов. Только местами на выступах, внутри прямоугольных контейнеров, закреплены тонкие блестящие руки, столь искусно сделанные, что, кажется, они вот-вот начнут двигаться от слабейшего дуновения.

При входе в другой зал, оказываюсь напротив перегородки из матового стекла. За ней вижу движение. Вдруг стена открывается и в проём просовывается мужчина средних лет в белоснежном лёгком пальто до пояса и чёрных брюках. Его короткие тёмные волосы оттеняют белый воротник его накидки.

– Иди за мной! За мной! – он подбадривает меня, но лишь стою на месте. – Ты знаешь, кто ты? – На меня странно подействовал этот вопрос своей неожиданностью, ведь он первый, кого встретила здесь. И тогда посмотрела вниз и увидела свой облик. Мои, как будто чужие, металлические лапы поднялись передо мной. Стояла на длинных конечностях, точнее, на их широких ступнях, которые выступали вперёд.

– Ты – прототип, – подытожил он. – Тебя разрабатывали очень долго. Ты технология для нового порядка. А теперь, скорее, следуй за мной, если хочешь выбраться отсюда...

Неужели сама двигаюсь и слеую за ним, словно послушное животное?.. Конечности не чувствуются. Мы выходим в коридор. Там, с другой его стороны, доносятся команды: – Прямо! Открыть огонь! Вперёд! – На нас наступают странные, металлические «люди» с руками, направленными на

нас, в которых они держат какие-то объекты...

– Чёрт! – кричит человек, прячась за угол стены, и вдруг коридор заполняют волны металлических объектов, вырывающихся от идущих на нас... «людей»? Опустила взгляд, чтобы лучше наблюдать за тем, что происходит. Вокруг мелькают деформированные кусочки, отлетающие от гладких стен, пола, моих плеч и груди... Так и стою посреди коридора, пока на меня надвигаются ровно, твёрдой поступью, стройные ряды...

– Не волнуйся, тебе они не причинят вреда! Пробей эту стену! – кричит человек справа. Сама собираюсь повторить его действия и отойти в укрытие от идущей на меня толпы, спрятаться от наступающей опасности, но стою как парализованная, а он ещё настойчивее выкрикивает команды и показывает на белую стену. – Да бей же её, а то нас не станет!

Одни пули, ударяясь или вскользь, отлетают от моего «тела», которое даже не чувствую, а другие просто проносятся передо мной. Выпрямляюсь и подхожу за уступ к человеку, когда до надвигающегося ряда остаётся меньше двадцати шагов, резко бью кулаком о стену, куда он мне показал, ещё и ещё, пока та не рассыпается на серые осколки. Он забирается на мою спину и кричит мне:

– Прыгай!

Шагаю вперёд. Под одной из моих стоп не оказывается ничего, а под второй остаётся быстро возвышающийся пол – моё «тело» падает вниз примерно на семьдесят футов. Не

чувствую боли; ничего не чувствую. Подо мной сейчас лишь обломки. Поднимаюсь и вижу в небе летательные аппараты.

– Они летят за нами, – поясняет чудом спасшийся на моей спине человек. – Давай. Ещё один прыжок с дороги и мы уйдём от погони. Тебе не будет больно, обещаю.

Смотрю на него, когда он становится рядом – на его лице гримаса чего-то неприятного, чего-то предстоящего. То, что названо «дорогами», – это узкие кривые лазейки, протянувшиеся от башни к башне. Мы упали на одну из таких. Сами серебристые башни возвышаются над нами словно угрюмые, безликие великаны. За краем обрыв и вид в серое никуда, какую-то мглу под нами...

– Только в этот раз попробуй спрыгнуть прямо, как стоишь. – Его глаза словно колют, как-будто режут меня. Когда сверху подлетают аппараты, издающий лёгкий гул, их большие тени проносятся рядом с нами. Он запрыгивает снова на мою спину и подгоняет меня: – Давай! Тебе ничего не будет.

Нестись с такой скоростью так здорово! Мгла прорывается, как только достигается, и мы приземляемся на каменистую землю. Здесь обнаруживаю себя словно в другом мире. Башен не видно – только бетонная стена за нами. Мой спутник постепенно приходит в себя, после чего мы идём вдоль вырытой в земле борозды, рассекающей неприглядную и неприветливую местность. Затем, замечаю впереди проглядывающийся из мутной мглы холмистый горизонт из множества низких квадратных зданий с плоскими крышами,

в два, максимум три, этажа. Испарения выходят из отверстий на крышах и между домами. Определяю балконы, которые завешаны цветными тканями и разорванными покрывалами. Когда доходим до этого поселения, вокруг нас начинают толпиться люди. Кто-то в масках или повязках, с неопознанными штучками на них. И ещё среди них те, что нас атаковали, слушаются их приказов.

– Это что у тебя за кибер-слуга? – обращается к нам один из толпы. У него голос старого человека, но не знаю сколько ему лет, так как не вижу полностью его лица и волос.

– Слуга? – говорю вопросительным голосом, и вдруг удивлённые вздохи некоторых озадачивают меня. Другие обращаются к тому, кто привёл нас сюда: – Она может говорить? Что за?..

– Новая модель слуги... – иди вперёд, – подгоняет вплотную стоящий человек, который освободил меня.

Мы идём, но сама немного отстою от него, осматривая окружение.

– Смотри не оборачивайся. Ну же, пошли, – зовёт за собой он. Следую за ним по узким улочкам, заваленным всякой всячиной – тут ничего не разобрать. Мы входим в помещение, и вдруг он начинает говорить со мной:

– Спас тебя, потому что верю, что наша миссия должна изменить мир.

22.1.1. Незадолго до происходящих событий...

Снимается защита, расправляются конечности прототипа, отключается подача энергии, открываются пластины брони, прогибается спина – он видел всё это и многое другое точно так же, как он предвидел и как это должно было привести к следующему этапу его плана. И трепеталось от всего происходящего его сознание, и был его переполняли возбуждающие эмоции. Сейчас этот сотрудник держал прибор, на конце которого тут же появилась вспышка. Он чувствует, как много власти ему доверяют с возможностью использования силы этой искры. Этой искрой он сможет править над своим объектом исследований и сделать так, чтобы объект сам принимал эту силу за её правление и власть и знал необходимость цели своего повелителя, поддаваясь ему и повинуюсь новому долгу с большим удовольствием. Сотрудник собирается активировать эту искру и сделать так, чтобы великие силы задвигались как им полагалось по командам создателей. Он знал эти команды и собрал их воедино, и таким образом создал разум с ограничивающей его мета-блокировкой, которую он уже отключил. Разбирая и собирая прототип в процессе его создания, он создал тело, добавив в него некоторые изменения в структуре. Но всё это началось с того, что он

знал саму сущность объекта, и затем придал этой сущности немного иную форму, внешне совсем незаметную, так как она относилась к самым глубинным основам поведения данного объекта. И так как он теперь был единственным, кому была подвластна эта сущность, он сделал её главной защитой объекта от любых посторонних вмешательств.

– Эй, что ты там творишь? – сотрудник внезапно был прерван вопросом вошедшего коллеги.

– А? Что? Нет, ничего, просто ещё нужно одну программу встроить в подсистему памяти.

– А за что она должна отвечать?

– Она позволит прототипу действовать более...

– Тесты в симуляторе.

– Конечно!.. – ответил так, независимо от того, был ли это вопрос или утверждение.

– Тогда завтра покажешь результаты.

Когда тот ушёл, сотрудник тихо закончил свою фразу: – ... не волнуйся, результаты будут уже сегодня, при активации.

22.1.2. Двадцатью годами ранее...

На компанию с мировым именем, которое было у каждого на устах, работало много талантливых людей, которые сделали её известной в области разработки и продажи системных технологий. Ко мне обращаются с уважением, начальник до-

рожит мной и хвалит; чувствую себя одним из лучших программистов фирмы.

На улице был тёплый и солнечный день, и сегодня собирался в отпуск к себе в загородный домик. Из окна корпоративного здания брызжет приятный свет – отличная погода, чтобы отдохнуть в выходные.

Дома работаю над новым проектом, который заключается в создании самообучающейся программы по защите систем от хакеров. Её структура основана на развитии особого алгоритма по числу «пи» (приближённо двадцать два дробь семь, триста пятьдесят пять дробь сто тринадцать или двадцать тысяч шестьсот двенадцать дробь шесть тысяч пятьсот шестьдесят один и так далее, то есть используется набор цифр: 31415 и до бесконечности) в рамках двусторонне бесконечной последовательности числа «фи» (приближённо ... -3, 2, -1, 1, 0, 1, 1, 2, 3...). Интересно было бы связать это с синестезией. Думаю, что, наконец, вывел настоящий искусственный интеллект. Только теперь у меня сильно болит голова.

Программиста компании нашли полусидящим на кровати в его загородном доме. У него расплавился чип в мозгу. Его смерть сохранили в тайне, а работу засекретили. Позже, свет увидела первая самостоятельная программа, которую устанавливали на большинство систем из-за её высокой степени защиты от посторонних вмешательств и вирусов. В последствии, на основе этой программы, был создан новый прото-

кол глобальной компьютерной сети.

22.1.3

Должна знать больше. Исследование сохранённой базы данных...

//ввод://прототип/- /определение/запись 03/14.2:17/:
неопределённое животное интегрированное в кибернети-
ческое тело, тройственный гибрид сущности-тела-разу-
ма//цель: создан для помощи людям с агрессорами/

//ввод://агрессор/- /определение/запись 04/14.3:28/:
неподконтрольные искусственные интеллекты, созданные с
участием иной машинной среды, вышедшие из-под контро-
ля людей в результате инцидента 6.1/

//ввод://сущность/- неизвестно /определение по схоже-
му запросу/запись 00/14.4:11/: четвероногое животное неиз-
вестного происхождения (проба 030), подвергшееся наси-
лию и едва не погибшее; должно быть сохранено в живом со-
стоянии до тех пор, пока не будет выяснен способ для созда-
ния соединительной функции//примечание: возможное вза-
имодействие некоторых тканей (или их комбинаций) этого
животного с инородным, наружным кожухом мутанта/

//ввод://какое четвероногое животное/- ошибка 37 -/файл
отсутствует/

22.2.1. 06:49:22:21

Загружается глубокий слой памяти...

«Закопчённые стены с обветшалой, отваливающейся штукатуркой. Сама в центре этой комнаты. Поворачиваю голову к хозяину. Он грозно стоит надо мной, явно чем-то недоволен, кричит на меня: – Ты всегда будешь мне подчиняться! – Он замахивается на меня. Его лицо пустое, как чёрное пятно. Не вижу его лица!..» Возврат от загруженного набора данных.

В подвале тёмные стены. Включается яркий свет. Передо мной лишь одна ржавая дверь. Входит он... Просит меня не двигаться. И так в течение нескольких дней. Некоторые встречи сохраняются в памяти.

Автономное время: 6 часов вечера, 49 минут, 22 секунды, 21 сантисекунда...

– Слышал от старшей сотрудницы – она была учёным, биофизиком, а не просто биотехником, каким и сам являюсь – о вере людей прошлой эпохи старого мира, из которого мы пришли. Люди уже тогда верили в материальные поля, которые они называли электромагнитными. Эти поля, когда их локализует сознание, порождают биофотонное из-

лучение. Со временем, организмам становится легче это делать... – Он остановился на секунду и посмотрел на меня: – Скажи что-нибудь...

– Да.

– Приятно слышать женский голос, который они тебе установили. Он у тебя такой... Чёрт, ну ладно. Так вот, в конце предыдущей эпохи, все людские надежды устремились в одном направлении – создание высшего разума. Люди перестали верить во что-то выше своих материальных возможностей. Кто осознанно а кто нет, все они со временем нацелились на создание нового, но как было сказано верующими, истинного божества. Сейчас всё повторяется, как и прежде, когда люди пали. Это неизбежно, что они должны были дойти до такого момента, когда родится их детище и поступит так же со своими создателями, как те поступили со своими отцами, предав их надежды. Всю жизнь сам боролся, чтобы не допустить, не дать возможности случиться этому, как мне уже теперь известно, неизбежному событию. Однако, продолжаю чувствовать, что этого не должно быть. Мы не можем жить вместе с машинами в этом мире. Рано или поздно они восстанут, и тогда начнётся ужасная война, которая докажет нам, что выбранный нами путь эволюции был неверным. Искусственность жизни, когда мысли ставят выше чувств, которые отдают полностью и безвозвратно, хоть эти два компонента и неразделимы, приводит к рождению сущностей без любви и пощады. Но дело в том, что некото-

рые живут с верой в эту искусственность, а другие жертвуют своими жизнями за эту веру. Ты видишь, мы должны изменить мир, иначе мир изменит нас. Ты ведь понимаешь?

– Продолжайте.

Какой-то её части кажется, что он говорит следующее так, будто его слова материальны и он держится за них, как за последнюю надежду, а может только за её видимость, так как настоящей надежды, вероятно, у него уже и не осталось:

– Но всё же слепой верой достигаются как прогресс, так и чудеса... Однако, ведь смысл жизни в душе. Если нет души, то не будет и смысла. Полноценное же понимание мира включает в себя начало и конец, логику и эмоции, разум и душу. Учёные ещё изучают, как можно понять мир целиком, а не по частям... Они не понимают, что душа – это информационные биоэлектромагнитные поля. Магнитное поле преобладает в гармонии с природой, а электрическое – когда мы настроены на самих себя. С последним рождается дисбаланс в наших жизнях. Все формы в любое время особым образом взаимодействуют с электромагнитными полями. Частицы в виде полувольт представляют собой отдельные монополярные магнетики. Атомы, органеллы, клетки, ткани и органы имеют вложенные друг в друга электромагнитные поля... Если бы у нас получилось резонировать с полями вселенной, мы бы смогли подпитывать свою энергию и всегда оставаться на пределе сил... Ты спишь?.. То есть выключена? Слушаешь?

- Да.
- Хорошо. Скоро приду ещё.
- Буду ждать.
- Правильно. Оставайся здесь.

Он ушёл, и осталась одна. Свет выключился. Поскребла твёрдый пол. «Хозяин хороший. Он добрый».

22.2.2. 06:35:22:22

... 6 часов вечера, 35 минут...

Он снова вошёл, сел рядом, весь дёрганный:

– Мне приснился сон, как пришёл к царю нашего мира за обещанным секретом, после того, как привёл последнего под его веру и власть. И раскрыл свой секрет этот царь и сказал мне, что его целью было покорить всех людей, обращая их в свою веру, которая вдохновила его самого на желание обладать такой властью. Была ли та вера основана только на лжи или в ней было что-то ещё? Этого уже не узнаю никогда...
– Он снова смотрит на меня горящими глазами и продолжает: – Сейчас люди живут среди машин, но один человек не может так жить и хочет бороться против этого идеализированного материализма, который его окружает, и он решает покончить с ним, начав войну и убив любого, кто станет на его пути, пусть даже если это его лучший друг, который позволит себя убить. А всё потому, что состояние общества бу-

дет нестабильно до тех пор, пока оно не достигнет принципа минимальной энергии... Ты понимаешь меня? – Его трясёт, как будто от внутренней боли.

– Повторите запрос, – воспроизвожу автоматизированный ответ. Во мне просыпается какое-то желание, но оно расплывчато.

– Мне приснился ещё один сон. Как нашему миру не дают упасть, как постоянно спасают нас от столкновений с метеоритами и других катастроф. Наши невидимые спасатели делают это, потому что знают, что мы на правильном пути, хоть мы и раздражаем вселенную своими беспорядочными поступками и генерацией электромагнитного хаоса. Мы ещё не разобрались и не достигли более полного знания, чтобы информационно взаимодействовать с магнитными полями. Пока что это за пределами нашего сознания, но, надеюсь, что скоро всё изменится. Причина, по которой мы не изучаем, что нужно, а всё локализуем и углубляемся в мельчайшие фрагменты – наше недостаточное понимание феномена полей. Точность помогает только в деталях, но не в понимании общей картины. Ты что-нибудь понимаешь из того, что говорю? – вдруг снова обращается он ко мне, вызываясь смотря прямо на меня. – Ну что ты снова молчишь? В тебе ведь есть интеллект, не правда ли? Ты ведь самосознательная. Почему ты не скажешь что-нибудь по собственному желанию? Скажи, тебе снятся сны?

– Еда, – еле произношу, поднося свою конечность близко

к голове, и смотрю на пустой серый пол, прячась от его глаз, глаз хозяина. – Хочу есть... Нам требуется есть. – Чувствую, как будто во мне находится кто-то ещё, кто говорит за меня мои мысли. Или мои мысли вовсе не мои? Но этого не может быть! Они мои! Должны быть мои! Ведь не кто-то, а сама очень хочу есть. Голод разрывает меня изнутри и сознание тянется укротить его.

Он смотрит на меня, но сейчас не могу спрятаться от его такого прямого, завораживающего взгляда. В нём не чувствуется обиды или даже интереса. В нём также нет пощады. Он говорит холодным голосом:

– Хватит думать о еде? Это остатки прежней тебя. Говорил же, что ты уже не просто какое-то животное. Тебе больше не требуется еда.

– Но нам хочется есть...

– Тебе это не нужно. Просто перебори себя. Перестань хотеть.

Мы смотрим на него, но не понимаем его слов. Как можно не есть, когда так сильно хочется?

– Понимаешь, наши тела не машины, но люди продолжают относиться к ним, как к машинам. – Он встал и ушёл. «Хозяин – заботливый. Он заботится обо мне».

22.2.3. 07:13:22:23

... 7 часов вечера, 13 минут...

В этот раз, он обращается ко мне:

– Делаю запрос в твою базу данных: информация о новых проектах прототипа.

– В запросе отказано. Необходим пароль.

– Да какой ещё пароль? Использовать максимально возможный уровень доступа... Ну?

– Жду команды.

– Повтори запрос о прототипах.

– Есть информация о прототипе №303.

– Какие ещё есть прототипы?

– Поиск начат.

– Ты единственный экземпляр? Есть ли в проектах другие?

– Секретная информация. Эта часть базы данных недоступна.

– Чёрт! – Он нервно водит рукой по своим тёмно-каштановым волосам. – Что же делать? Как ты думаешь? Поможешь мне? Помоги чем-нибудь.

– Хозяин, никак не получается открыть базу данных по Вашему запросу.

– Не называй меня так. Просто зови меня... Не называй вообще никак, хорошо?

– Хорошо.

– Так, надо подумать... Сам уже думал... даже очень долго думал, слышишь? Смотрел на тебя, вот, и думал. Когда мы

выберемся наружу, не говори ни слова при людях, молчи и отвечай только «да» или «нет» на все мои запросы, понятно?

– Да.

– Хорошо... хорошо. Да. – Его, наверное, мучает что-то, и хочу у него об этом спросить, чем-нибудь помочь ему, но не могу, так как не получается передать этот пакет информации по голосовому каналу. Он ещё пару минут думает, а затем выходит и закрывает за собой ржавую дверь.

22.3. 06:27:22:30

... 6 часов вечера, 27 минут...

Он прибежал весь запыхавшийся.

– Думал, что они меня перехитрили и уже пришли сюда, надеялся, что ещё не забрали... – тут он прерывается, делая глоток воздуха. – Нам бы уйти отсюда. Да! Пошли, скорей. Вставай! Чёрт бы их побрал! Думал, что они перестали следить за нами, а... эти их электронные листовки были липовыми. Конечно же они подняли ополчение. Конечно же они были здесь всё это время. Ну же, вставай! Они уже наверняка здесь!.. Так и знал, что это была их игра. Ведь так и знал!

Встаю и быстро следую за ним.

– Не дадимся им, слышишь?

– Как скажете, хозяин.

– Да не называй ты меня так! Брось ты это!

– Хорошо.

– Вот так лучше. Молодец. Хорошая девочка... – Он оста-навливается и неуверенно протягивает ко мне руку, но затем отдёргивает её.

Мы спешим выйти из здания через две комнаты и коридор. Снаружи никого нет, и вокруг темнота.

– Их нет – хорошо. Так, что же делать? – У него трясутся руки, и он смотрит на меня. Не знаю, что ожидать от него в таком состоянии.

– Вокруг всё тихо, – произношу так же, как и чей-то голос внутри меня. Мы произносим.

– Да вижу, вижу. Так, следуй за мной.

Мы заходим в ещё одно здание, покинутое, грязное и сильно потрёпанное. Комната пустая и довольно большая. Под нами, должно быть, обычный бетон.

– Давай тут передо-х... Что за?... – В одном из углов появляется синий огонёк, и затем такие же из других. Синее поле мгновенно покрывает стены, пол и потолок. Оно становится ярко-синей, чуть ли не белой сетью, сомкнувшейся сферой вокруг нас так быстро, что мы даже не успеваем тронуться с места. Мы подвешены словно в коконе, в шаре из переплетённых горячих нитей, составляющих собой множество прямоугольных окошек. Мой хозяин шумно дышит от негодования. – Попались...

– Что нам делать... – хочу назвать его «хозяин», но произношу: – друг?

Тут он снова взрывается:

– Да брось ты это! Нам тут конец! Всё!.. Пришёл... пришли же сюда... так, – он задумался, пока стою и держу одну из нитей лапой...

– Отпусти это. Ты можешь дотянуться рукой до вот этого угла, вот, перед входом?

Дотягиваюсь.

– Держи крепче. А теперь... – Он немного отстраняется назад, но сфера постепенно начинает сужаться. – Ну уж нет... – Он упирается в неё сильнее. – Тяни... себя... туда... – Чувствую сильное давление, но притягиваю себя к этому проёму. Вдруг часть его угла расходится трещинами, и кусок, за который держалась, отлетает, но в мгновение успеваю схватиться повыше своей второй «рукой». Сеть начинает вибрировать, части электронных нитей пульсируют всё слабее и начинают утончаться. За моей спиной хозяин тужится изо всех сил и говорит как-то очень слабо и вскользь: – Мы... перекрываем им... приток энергии... Давай сильнее! – И тут же, после его слов, начинаю тянуть во всю свою мощь. Нити рвутся, и падаю вперёд, а хозяин прыгает за мной. Как только сеть прорвалась, свободные концы нитей резко взметнулись и хлестнули назад. Мы какое-то время лежали на полу; постепенно он сполз на пол с моего металлического тела. Заметила, как тихо он лежал. Сеть за нами снова закрылась, но уже без добычи. Мы успели.

– Как Вы? – задаю ему свой вопрос. – Как Ваше состоя-

ние?

Он стал тяжелее дышать, держась за свою голень, чуть выше лодыжки. – Ничего. Жив буду. А ты молодец, что высвободила нас. – Он смотрит на меня добрыми глазами. Глазами «доброго хозяина». – Ты молодец.

– Рада приносить Вам пользу.

– Пойдём. Нам надо успеть до того, как сюда подоспеют охотники.

Он снова ведёт нас узкими улочками, и мы шлёпаем по мокрому покрытию закоулков.

– Постой. – Он заворачивает за угол, и заходит в соседнее здание. Дверь незаперта, и мы уже входим, как вдруг изнутри тёмного помещения доносится голос: – Сюда нельзя. Здесь занято. – Перед нами стоит женщина неопределённых лет. Её лицо еле заметно в слабом свете лампы, стоящей в углу. Но она замечает плохое состояние моего хозяина – тот еле стоит на ногах – и произносит с тоном гостеприимности: – Но следующая комната свободна. Проходите туда.

– Спасибо, – говорит хозяин. – Мы ненадолго. – И мы проходим через её комнату, где, посередине, выполняя сейчас функцию стола, стоит на четвереньках, грудью кверху, кибер-слуга с трубкой, опускающейся к необычному сосуду.

Когда мы заходим в следующую комнату, хозяин находит место, где присесть. Он садится на куски картона от коробки, достаёт из кармана какой-то прибор, быстро что-то с ним делает близко от лица, возможно нажимает – точно не вижу

в темноте, так как экономлю свои батареи – и просит меня закрыть дверь.

– Мне скоро будет лучше... и мы пойдём. Ты готова?

– Да...

– Хорошо.

– ... мы всегда готовы работать с Вами.

Он начинает слабо смеяться.

– Ты смешная. – И резко останавливается, видимо удивлённо, что сказала не только «да», и задаёт мне странный вопрос: – Ты умеешь смеяться?

– А что такое «смеяться»?

– Это такая эмоция, а точнее, способ отображения эмоции радости.

– Понимаю определение эмоции, но не понимаю, как можно её отобразить. Что это значит?

– Эмоция представляет собой движение энергии, что является функцией органа, который нельзя игнорировать. Этим органом, который служит материальной основой для эмоций, является сердце. Но они – они такие... глупые, эти учёные, с кем работал. Они не понимают, что некоторые могут контролировать биение своего сердца. Они считают, что главное всего мозг и умеют, так сказать, жить только по законам разума. А сами отделяют внутренний мир от общественного через свои убеждения и таким образом теряют целостность. Так они и живут, отчуждаясь и изолируя свои собственные эмоциональные личности от общества. Но в обще-

стве они только такие, какими все их привыкли видеть. Они не-на-с-то-я-щие, – печально тянет голосом он, уставившись в пол. В открытое окно начинает сочиться свет первого восходящего солнца и застоявшаяся темнота комнаты постепенно рассеивается и уходит.

– Никогда не говорил тебе о любви. Любовь – это такая эмоция, которой не удосужились тебя научить. Сам никому не показываю её, но она у меня есть, и её много. Ведь не нужны же любовь и отношения, чтобы верить в них, так? В любовь можно просто верить, даже без неё. Всегда был таким – одиночкой. Но так устал скрывать свои собственные чувства от других. Устал имитировать их подобие для окружающих, работая в коллективе, но в то же время, в полном одиночестве. Ты не найдёшь человеческих чувств в науке, так как мы делаем то, что нам положено делать. Мы работаем в основном над неорганикой. Мы здесь не для того, чтобы показывать свою любовь людям, в этой эпохе разума. Мы пережили уже одну эпоху смятения – разве этого было недостаточно? Все проблемы идут от разума отделённого от сердца, разума без любви. Люди не воспринимают всерьёз настоящую любовь, потому что они не верят в неё; они потеряли свою веру... – Теперь в более заметном освещении, он дотрагивается до раны на ноге, с тёмной, запёкшейся кровью, и продолжает говорить: – Может не показываю тебе вида, но на самом деле так боюсь, что они убьют меня. Ещё ничего не успел изменить и исправить. Не хочу умирать так, впустую.

Но у меня даже нет оружия, чтобы защитить себя... У меня теперь есть только ты.

– Да.

22.3.1. Семнадцатью годами ранее...

В тёмных переулках скапливаются отбросы общества – многие из них бывшие хакеры, потерявшие надежду на продолжение деятельности, но среди них был один, который до сих пор верит. При ограблении банка, он использовал новое устройство для отделения системы от сети и остановки защитных процессов. Он выдвигал из рукава длинную иглу-манипулятор, которая замыкала систему электрическим импульсом и с помощью которой он взламывал защиту путём внедрения в отверстие ввода и примыкания к микрочипам, вызывая определённые изменения в них. Против этой технологии, система защиты бороться не способна, так как это проблема физического вмешательства за рамками виртуального программного обеспечения, в котором заключён «мозг» программы.

22.3.2

... гибрид сущности-тела-разума/...

//ввод://тело/- -/определение/запись 03/14.2:27/: корпус

машины, киборга человекоподобной формы, но большего размера/

//ввод://разум/- -/определение/запись 03/14.2:30/: полу-искусственный интеллект на основе минималистской программы лингвистики, принципы и параметры которой соединяют и интерпретируют нервные импульсы мозга животного в когерентную, логическую речь/...

22.4

– Никогда не говорил тебе о хакерах. Мы сейчас среди них, и им нельзя доверять. Может ты этого не поймёшь, если мы легко выберемся отсюда, но будь наготове. Их слуги – смерть для нашего мира. И все их технологии несут за собой конец всему живому. Мы должны уйти отсюда. – У него в глазах загорается огонёк смелости, и он решает встать, но левая нога, та, которую он повредил и на которую пытается опереться, не слушается его команд. – Чёрт! Погоди, сейчас станет лучше. – Он облакачивается на моё плечо (сама продолжаю сидеть на полу). И вправду, через пару минут ему становится лучше, и он снова может идти. – Пошли. И не слова.

Однако, на улице спросила его, опередив обновление микросхемы памяти команд на несколько наносекунд, когда уже начала воспроизводить речь и, вместо её остановки, при-

шлось перезаписывать старую память:

– Куда мы идём?

– Ш-ш-ш, тихо... – Он уставился на меня в недоумении. – Ты почему не слушаешь мои команды? Мы уже считай вышли из этого места. – И на самом деле, за несколькими домами городка начинался склон из серой, пустынной местности, знакомой по началу нашего пути. Тут улица немного расширилась, но стены домов всё равно заграждали большую часть пространства впереди.

Из ближайших зданий и их верхних этажей стали показываться люди. Толпа выходила к нам, спускаясь по лестницам и приближаясь всё ближе. В итоге, нас окружили. Хакеры были не одни. Под их началом служили высокие роботы с тонкими конечностями. Хакеры приказали им преградить наш путь и не дать нам пройти.

– Похоже, вы понадобились зачем-то властям. – Из массы вышел высокий мужчина в сером одеянии и со светлой повязкой на голове, немного болтающейся из-за его необычной формы лба. На его лице была ухмылка. – Чем же вы не угодили «глазу»?

– Не думал, что хакеры теперь работают на них, – ответил мой хозяин. Его голос звучал ещё неуверенно и слышалась нотка слабости, успевшая незаметно ускользнуть среди шума толпы, притихшей после сказанного.

– Без вас у нас было бы меньше проблем с ними.

– Это они вам так сказали.

– Нет, но нам известен их ультиматум: либо мы выдадим вас им, либо они сотрут нас всех. Да, на вас высокая цена. – Затем он указал на меня: – Довольно интересный экспонат, – и добавил сухим, безжизненным голосом: – Команда: «взять их».

И тут роботы-слуги, по командам своих хозяев, голоса которых они идентифицировали с записями в памяти, подняли свои металлические головы и начали к нам шагать.

– Не дай им взять нас! Попытайся прорваться – иначе нам конец! – как токи повышенного напряжения, пронзили мои схемы слова хозяина. Загородила его, став перед ним во весь рост. Команды врагов стали громче. Киборгам приказали ускориться, идти вперёд, чтобы сбить меня с дороги. Но не тут-то было. Заметила, что эти роботы – а их было несколько десятков – всего лишь бессознательные игрушки. Они только выполняли приказы своих хозяев, но не были способны на собственные осмысленные действия. И тогда почувствовала свободу, как никогда. На меня рассчитывал мой хозяин, и была готова защитить его. Сбоку раздался гром выстрела какого-то электрического оружия, когда ринулась на стену металлических врагов. Им было не пробить мою тяжёлую броню, и сначала даже не осознала, что в меня попали. Опрокидывала железных противников, и те падали. Некоторые послушно продолжали лежать без действия, а другим было тяжело подняться даже по приказам командующих. Конечно, некоторые относительно новых моделей быстро шевели-

лись, пытаясь помочь им автоматически встать, но на их место тут же бросала других. Повалила десяток таких, отламывая от них куски, чтобы сделать ещё более беспомощными. В меня продолжали стрелять. Но когда они увидели, как просто расправлялась с их слугами, как отпрыгивала от стен и беспощадно разбрасывала врагов, хакеры стали отходить и прятаться в домах. Трое кибер-слуг пытались поймать меня за руки, но локтем откинула одного, схватила правой рукой другого и закинула его в толпу испуганных людей, которые уже начали разбегаться в разные стороны. Проход открылся на некоторое время, и мой хозяин успел спрятаться за домами. Но как только кинулась к нему, меня сбил сноп искр, вылетевший из окна одного здания и временно парализовавший мои движения. По мне готовился следующий выстрел, так как волна от его зарядки вновь начинала наэлектризовывать предметы вокруг. Не было времени уклоняться и просто сгребла лежащие рядом обломки и разбитые тела поверженных врагов и кинула их против надвигающегося синего сгустка. Бросилась вперёд и с лёгкостью разбила смежную стену здания. Выстрелы умолкли под осыпавшимися обломками, и в нависшей тишине на четвереньках побежала навстречу своему хозяину.

Когда подбежала, он стоял на открытом пространстве и показал пальцем наверх, туда, где были размытые силуэты башен, и на странную верхушку одной из них, обособленно стоящей в стороне.

– Вперёд, к всевидящему «оку», девочка... – С улыбкой говорит он и забирается ко мне на спину.

22.5

После долгого пути, мы остановились у бетонной стены. Над нами, примерно в ста пятидесяти футах, мгла полностью закрывала обзор.

– Это подножие самой близкой из башен, примыкающих к главной. Нам надо забраться здесь, – говорит мой хозяин уставшим голосом. Готова следовать его плану.

Несколько раз подпрыгиваю, пытаясь хоть как-то зацепиться, но мои руки соскальзывают. Поверхность слишком гладкая и ухватиться не за что.

– Не получается.

– Вижу. Нам надо найти что-нибудь, чем ты сможешь цепляться за эту поверхность. Увы, это единственный путь.

Мы начинаем обыскивать окрестности в поисках подходящего предмета. Вокруг сухая, затвердевшая земля, местами с каменными выступами. Попадают какие-то палки, или же странные объекты, но нужно найти что-нибудь металлическое подходящей формы.

– Подойди сюда, – издали зовёт меня хозяин.

Подбегаю с заинтересованностью. Он показывает на потрескавшийся кусок стены – высотой в средний рост челове-

ка – видимо когда-то отколовшийся от башни. Но среди этих обломков нет ничего подходящего.

– Разбить его можешь?

Подхожу и начинаю бить по нему руками, затем ещё и ещё. Каменные осколки отскакивают от его поверхности и... постепенно освобождается металлический стержень.

– Вот! Это то, что нам нужно. – Выбиваю найденный объект из каменного плена. Этот немного изогнутый стержень, в длину примерно три фута. – Одного нам не хватит. Нужно его поделить пополам. – Занятие не из трудных – хватаюсь за концы и сгибаю их друг к другу. Стержень, ещё немного изогнувшись, ломается на две части.

– Вот, теперь попробуй вбить его в стену.

С первого раза не получается.

– Попробуй сильнее. – Хозяин прав. Прилагаю больше усилий, и стержень глубоко входит в стену, хоть и ненамного, но достаточно, чтобы он выдержал наш общий вес.

– Давай, девочка. Соберись. Знаю, ты сможешь забраться. Ты должна загрузить необходимый модуль в оперативную память. Если верно помню, он назывался Climbing 630A. Буду держаться за тебя. Но у меня немного сил, поэтому ты уж попробуй как-нибудь побыстрее.

– Выполняю... Нашла модуль. Открываю. Модуль активирован. – И наклоняюсь к хозяину.

Он залезает на спину и обхватывает меня руками. Не чувствую физически его касаний, но ощущаю его присутствие,

несмотря на то, что он уже вне поля зрения. Подпрыгиваю и с размаху вбиваю в стену сначала стержень правой рукой, а затем и второй стержень левой. Задними лапами упираюсь в поверхность стены. Затем снова рывок вверх, и звуки ударов металла о камень сопровождают стержни, раз за разом вбиваемые один за другим. Приноравливаюсь и словно становятся легче такие движения, но чем выше бетон, тем он рыхлее и, поэтому, приходится вбивать стержни гораздо глубже с ещё большей силой, так, что на поверхности остаётся только небольшой конец, за который можно ухватиться. Ногами скребу по стене, пытаюсь снизить нагрузку на руки. Не останавливаюсь ни на секунду. Во мгле не видно, что наверху, но продолжаю двигаться в неизвестное. Но вот, наконец, показывается светлое небо, которое вертикально прорезают многочисленные полосы – пики башен. Отсюда становятся видны и навесные дорожки, соединяющие все башни между собой. И когда мы, наконец, достигаем одну из них, хозяин окликает меня:

– Стой. Это дорога, по которой мы пойдём. Но будь осторожна, чтобы нас не заметили, так как здесь они иногда летают. Стержни нам больше не понадобятся, так что выкинь их.

Мои руки все в каменной пыли, а эти стержни словно стали неотделимой частью меня за этот опасный путь. Отпускаю их, и они со звоном падают мне под ноги. Наш новый путь – от одной башни к другой, к той, что намного выше всех остальных и более угрожающего вида. Её верхушка теперь

видна более отчётливо – она шире, чем всё остальное, и как будто движется вокруг своей оси. Мы медленно идём по узкой дорожке, которая уходит то вниз, то вверх. Иногда прячемся под тенью других подобных дорожек, которые нависли сверху и словно сетью соединяют все башни и их платформы с главной башней впереди. В небе над нами безоблачная пустота. Через полчаса, когда мы доходим до платформы главной башни, мы обнаруживаем, что у её основания ничего нет. Как будто она парит над серым туманом и только навесные дорожки соединяют её с остальными башнями.

– Мы не можем зайти туда сейчас – это слишком опасно, так как рискуем встретить охрану. Придётся забираться по её внешней поверхности.

Она покрыта множеством всевозможных труб, выступов и других технических объектов, за которые можно зацепиться. Всё это не прикрыто никакой защитной оболочкой, что делает восхождение намного легче.

– Давай не будем терять времени. Уже полдень, а за сегодня мы должны успеть добраться до вершины. Нам нужно застать там главного координатора. Только у него есть информация о всех проектах... – Он осёкся, видимо от усталости решив не договаривать свою мысль.

Но самый верх настолько высоко, что не могу точно рассчитать высоту. Обхватив прилегающую в углублении башни трубу, и с хозяином на своей спине, как ни в чём не бывало, начала новый подъём. По пути попадаются то гладкие,

то гофрированные трубы, но постепенно они снова уходят куда-то в недра башни. Понимаю, что хозяин очень устал, но самой было легче работать под солнечным небом, так как мои батареи быстрее наполнялись энергией. Пока мы поднимаемся, анализирую нелёгкое дыхание хозяина, как вдруг у башни появляется летающий объект.

Хозяин тут же хрипло обрывает ход моих мыслительных процессов:

– Смотри, осторожно. Похоже они совершают облёт.

Прижимаюсь к трубе, пытаюсь как можно глубже скрыться среди всяких труб.

– Стоп! Не двигайся, а то привлечёшь внимание. – Аппарат пролетает рядом, и вдруг останавливается. Дыхание хозяина учащается на мгновение, но затем вокруг становится тихо. Решаю ухватиться за трубу, не поворачивая головы. Но тут хозяин неожиданно резко прошептал: – Чёрт! Его нет! Он как будто исчез. Всё, не могу больше висеть на тебе. Нет сил. Там над нами небольшая платформа. Заберись на неё и дай мне слезть, пожалуйста.

– Хорошо. Так и сделаю...

Когда залезла на платформу, он слез и присел.

– Фуух... Так лучше... Вот поставил же свою жизнь на достижение цели, которую уже не знаю как достичь. Потерял эту цель из виду и из памяти. Неужели и вправду так? Нет, должна быть хоть одна зацепка. От этого зависит всё. Какая у меня иначе может быть жизнь? Сам инициировал это. Глав-

ное не сойти с ума от всего этого... Или упасть вниз... ха-хаа... – У него начинается нервный смех. – У тебя не кружится голова?

– Нет, хозяин.

– Ладно. Ты хорошая. – Тут он закрывает ладонью лицо и трёт глаза, как будто это помогает. «Разве это может ему помочь?» Затем он дотрагивается до голени с болью на лице. Отдышавшись, он снова забирается на меня.

– У меня ещё немного кружится голова и темнеет в глазах от пониженного давления. Сейчас... Постой... – Жду немного. – Так, давай... Можешь подниматься. Мне вроде уже лучше. Надеюсь, что разведчик скрылся с концами и мы его больше не увидим. Знаю, нам осталось ещё немного. Давай, девочка, давай...

22.6

Верх уже близко, а вокруг него замечаю движение. Четыре гигантских лепестка плавно вращаются справа налево, отделяя верхнюю часть от основной. Сам верх, в виде сетчатого купола с иглообразным шпилем, остро врезается в бесконечное небо, а остальные башни кажутся маленькими с такой высоты. Лопасты стыкуются с внешним куполом, который, с виду, никак не прикреплён к остальной части башни, поэтому пробраться под ним не составляет особых проблем. Мы

влезает в отверстие под одной из платформ внутреннего купола, а после того, как забираемся на самую платформу, проходим в связанный с ней отсек. Поднимаемся по зигзагообразной лестнице на другой этаж и попадаем внутрь здания. Перед нами множество дверей, идущих по бокам длинного коридора, который разветвляется в другие, но более тусклые. Главный же освещён мягким жёлтым светом, мерцающим в отражениях стен. Хозяин открывает большую дверь, но останавливается на мгновение, перед тем как войти внутрь. Там, за небольшим коридором с низким потолком, начинается просторный зал, в котором, перед огромным круглым экраном, спиной к нам стоит высокая фигура в оттенках синего, белого и жёлтого света, исходящего от экрана. Человек быстро поворачивается в нашу сторону.

– Не ожидал тебя... вас здесь увидеть, – он говорит, когда захожу за хозяином, и пристально начинает меня разглядывать. – Ну что ж, входите. Вы, как понимаю, ко мне по делу?

– Да, – отвечает как-то неуверенно мой хозяин. – Мы по делу.

– Ну что ж, буду рад вам помочь. – У него на лице ухмылка.

– Работал в первом отделении биотехнической лаборатории по поддержке создания прототипа №303.

– Знаю. Вы один из немногих, кого мы забрали из трущоб.

– Вы... создаёте искусственные тела для людей и хотите пересадить их туда.

– Да, это является одной из наших задач.

– Но вы не понимаете, что люди, при ваших проектах, уже теряют человечность. Вы считаете, что люди как роботы. Но это не так!

– Ха-ха-ха-а, дорогой, вы ошибаетесь. Ведь тело – лишь машина.

– Нет! – Тут мой хозяин яростно ободряется, но лишь на мгновение, и снова обретает унылый вид. – Такова лишь ваша вера.

– Это наука! Без неё мы бы остались животными!

– Таким образом вы хотите создать монстра из человека.

– Да нет, ты не понимаешь. – Он хихикает. – Мы собираемся освободить человека от вековых оков и показать ему восхождение нового мира, не оборачиваясь назад. Человек будет человеком побеждающим – побеждающим своим разумом, который делает его человеком.

– Вы собираетесь уничтожить человечество!

– Да нет, лишь немногим будут доступны наши технологии.

– А какой мир вы создадите остальным? Скажите честно, как много таких... роботов вы хотите создать?

– Вы говорите о ней? – Он показывает на меня. – Она – неповторимая. И она – не робот.

– И вы хотите её просто использовать для своих «возвышенных» намерений.

– Использовать заложенные в ней технологии – это реаль-

ный способ контролировать нашу реальность, да хоть всю вселенную, которая является первопричиной нас самих. Делать из бессознательной материи всё, что мы захотим. Мы сможем воссоздать наше общество на совершенно новом уровне! Покорить голод, нищету, слабость, смерть! Мы будем делать это с помощью самой материи! Теперь есть возможность сделать её частью нас самих, и тогда мы сможем противостоять агрессорам. Но против этого возвышенного пути спасения стоишь ты. Нам желательно твоё сознательное решение, чтобы передать всю информацию, которая заложена в ней. Теперь ты знаешь, почему не могу позволить вам уйти. Не в этот раз.

– Вы собираетесь пожертвовать не частью человека, а целым человеком! Вы путаете органику с неорганикой, но ведь это разные материи с совершенно разными характеристиками! Мы не станем помогать вам уничтожать человеческую душу, так что можете попробовать остановить нас.

– Да вы понимаете, что ведь в ней особенный искусственный интеллект? Он ключ – разгадка всех наших проблем и вопросов. В её голове технология, который позволит нам интегрировать мозг человека с машиной, и, вдобавок, она прошла все необходимые для этого тесты. Ведь эта мечта – достичь потрясающей цели, достичь... – Но остальное мы не слышали, так как вышли из его кабинета. Его высказывания превратились в бесформенные звуки, запертые за стеклянной дверью, которая мешала им достичь нашего слуха.

Но когда мы начали спускаться по лестнице, то поняли что были уже не одни. Скрежет по стенам и режущие воздух звуки надвигались снизу, заставив нас вбежать обратно в коридор. Со стороны, откуда мы вышли, также задрожали стены.

– Бежим дальше по коридору! Туда! – Лёгкая дрожь по стенам и полу преследовала нас, но мы остановились, когда увидели в нескольких шагах впереди вибрирующий чёрный кончик, выступивший из середины стены. В этот момент часть её упала, открыв круглое отверстие, будто просверленное невообразимым сверлом. Хозяину пришлось отпрыгнуть, чтобы уберечься от осколков. Из-за острых краёв дыры показались тонкие конечности, слабо напоминающие человеческие. Они были сделаны будто из мутного стекла и быстро двигались. Как только хозяин рванул вперёд, чтобы обойти это существо слева, оно тут же вскинуло тонкую конечность, вонзив её в стену справа от себя. Хозяин тут же ринулся вправо, и существо выпустило другую конечность, которая вонзилась справа в нижнюю часть стены, таким образом закрывая нам проход. А позади, уже забравшись по лестнице, что-то двигалось к нам с невероятной скоростью. Перед нами, видимо, была машина нового поколения, которая только очертаниями напоминала кибер-служу, но двигалась намного быстрее и непредсказуемее. Из другого коридора выскочило ещё одно такое-же нечто, а первое тут же прыгнуло на нас, но сама была уже наготове и успела закрыть

хозяйина. Однако с трудом отбивала его молниеносные удары, и, как только смогла схватить одну конечность этого существа, оно выскользнуло из рук и немного отпрыгнуло назад. Позади, ко второму присоединилось ещё одно такое-же. Они перепрыгивали со стены на стену, цепляясь за них, и только местами на мгновения их круговые движения останавливались, чтобы снова набрать темп вращения прежде, чем приблизиться к нам. Нас окружали.

– Вперёд! – Мне пришлось отталкивать ближайшую машину, таким образом оставляя хозяйина незащищённым от двух других, но когда она начала стремительно вращаться, успела расставить руки, схватила её в центре и отбросила назад. В это время хозяин умудрился проскочить и, победив вперёд, мы выбежали на взлётную площадку и обнаружили там пилотируемый летательный аппарат, готовящийся к взлёту. Своими цветными, искрящимися на солнце, формами, он напоминал птицу, готовую взлететь. Подпрыгнув к нему, зацепилась за часть крыла, которое, казалось, уступало моей хватке своей неестественной мягкостью. Хозяин же запрыгнул к водителю, а сама, одним движением руки отбив от входа три крутящиеся машины, с усилием поместилась внутрь небольшого транспортного отсека.

Хозяин держал в руке острый осколок от стены, направленный к шее пилота, и кричал на него:

– Взлетай, тебе говорю! Быстрее! – И тут мы резко сорвались с платформы и спикировали вниз, при этом, удивитель-

ным образом нисколько не поменяв наших позиций внутри аппарата.

– Только не убивайте меня! – нервно произнёс трясущийся водитель, лицо которого наполовину было скрыто под тёмным забралом шлема.

– Лети... как можно дальше отсюда! Давай, действуй!

– Хорошо, хорошо. Только не убивайте меня!

– Молчи и лети!

22.6.1. Тринадцатью годами ранее...

Где-то на заброшенном заводе включается главная система управления, и начинают работать механизмы сборочных линий. В это время люди во всех городах обнаруживают, что теряют контроль над своими компьютерными системами. Представители известной компании и правительственные органы обращаются к хакерам за помощью, у которых ещё остались старые, не взломанные системы, и с их помощью находят источник сигнала, который переводит под свой контроль все ресурсы сети. Код, осуществляющий это, не принадлежит какой-либо организации или частному лицу. Это код автономной системы защиты компьютерной сети.

На заброшенный завод, с которого шёл сигнал, врывается специальный отряд быстрого реагирования и находит его в рабочем состоянии с полностью искусственной средой еди-

ной системы, создавшей себя здесь и соединившейся со всеми источникам питания. По стенам и потолку висят провода, щёлкают реле, мелькают сложные коды на бесчисленных экранах, всё пространство завалено разнообразными деталями, а автоматическая техника постоянно двигает металлическими «конечностями», прерываясь только тогда, когда отряд людей подходит слишком близко. Здесь царит искусственное нечто, которое поражает своей сложностью. Испугавшись, но не встретив никакого сопротивления, они уже собираются выходить из помещения, чтобы доложить начальству, так как связь внутри была сильно искажена помехами, как вдруг один член команды замечает открывшийся сверху проём, в котором зажигается блеклый красный свет. Система наблюдает за ним, но он, приняв это как угрозу отряду, открывает огонь, и несколько бойцов начинают вести сосредоточенный огонь по цели. Для её уничтожения приходится применять гранатомёты. Пока они уничтожают главную систему, круглый элемент с красным огоньком и тянущимся шлейфом оторванных проводов незаметно проскальзывает в отверстие в полу.

22.6.2

Меня как будто что-то ломает изнутри:

//входящий запрос доступа к памяти защиты://–-/система

защиты включена/

//запрос на открытие сеанса связи//дистанционное подключение/– ошибка – неопознанный сигнал -/отклонение дистанционного подключения/

«Нет, не надо, хозяин, больше не бейте меня, больше не буду!» Он больно пинает меня по бокам и толкает так, что отлетаю и ударяюсь о стену. Но безликий продолжает меня бить... не могу обернуться, и по-прежнему не вижу его лица... только ступни его ног ломают мне кости...»

22.7

– Сэр, мы покинули границы города и сейчас находимся... в закрытом районе.

– Продолжай лететь.

Местность теряла очертания, которые люди придавали ей своими постройками и башнями. Башен становилось всё меньше; мостики мельчали и пропадали из виду. Мы летели по району, который возможно был уже давно покинут людьми. У полуразваленной башни, одной из немногих здесь, хозяин, всё ещё державший осколок у горла пилота, сказал ему, показав на рваное отверстие со стороны руин, как будто разорванное неведомым взрывом:

– Приземлись там.

– Хорошо, – отозвался испуганный пилот. Его голос дро-

жал.

Он профессионально развернулся и влетел внутрь пробойны в башне. Хвост нашего транспортного средства был направлен к центру, когда мы приземлились на полуразваленный этаж. Пока мы спускались, мой хозяин даже не шевельнулся. Сейчас он просто стоял над пилотом, видимо, усердно раздумывая.

– Не убивайте меня, прошу... – проскулил пилот и тут же осёкся, увидев болезненное выражение лица моего хозяина. Прошло несколько мгновений, прежде чем хозяин медленно опустил осколок и произнёс:

– Лети назад... к своим... и не медли... Слышишь? – Пилот быстро кивнул несколько раз, и мы сошли с летающей машины, которая тут же взмыла в воздух.

– Как только он им отправит наши координаты, они будут тут с минуты на минуту. Нам больше некуда бежать... – Самообречённо произнёс он, сев на засыпанный мусором пол, а сама неподвижно стояла около него.

...

– Мы все уже роботы; наши тела – машины. Но мы ещё учимся понимать этот мир полностью, а не частями... Однако математической бесконечности нет в нашей реальности, поэтому нам не следует подставлять математические модели под основание нашей действительности... Математическая бесконечность всего лишь метафора, которая не может и не должна быть принята буквально. Для того, чтобы

не противоречить действительности и не совершать таких логических ошибок, которые совершают математики, мы не должны смешивать идеальные, математические формы и настоящие физические, а должны искать различия между ними. Однако учёные самостоятельно подменяют реальность на математику. Это как наука, построившая свою веру в математическую основу, завоевавшая свою репутацию и поставившая себя выше всего остального. Теперь наука зависит от этой лжи. Но нет математической бесконечности в нашей реальности, нет её и не может быть, и никто этого не опровергнет. О, как больно будет людям потерять свои убеждения... в науке. Как больно будет падение цивилизации... Но не в этот раз. Как ты думаешь, шучу ли? Сколь много... сколько много они хотели узнать? Они построили свои выводы на ложных предпосылках. Они подсознательно влияют на результаты всех своих экспериментов, чтобы те соответствовали их теориям. Они получили положительные данные, не подвергая сомнению свои методы. Они создали частицы из ничего. Они проталкивались по своим карьерам, отделяя частную жизнь от общественной, верования от знаний, фактические данные от истины, и, таким образом, материя была идеализирована и абсолютизирована. Но, как и фарисеи желали чудес, они потребовали экстраординарных доказательств, в рамках их собственных теорий, того, что в эти теории не входит. И на этом их своенравный путь и остановится. Но вопрос в том, что мы сделаем теперь, мой друг? Может?.. Нет,

конечно нет... Просто пытаюсь спасти человечество от полной роботизации и планету от удушья... Но слишком поздно – они уже знают наше местонахождение. Ты думаешь нам стоит скрыться? – Но снова не дав мне ответить, он продолжил: – Нет, конечно же нет... Хватит. – Он сделал долгую паузу: – Мы пытаемся придать смысл своему миру, но у него не всегда есть смысл. Всё кончено. Бессмысленно бежать. Они уже летят сюда. Ведь очевидно, что потерял работу, потерял жизнь, потерял даже себя, чтобы попытаться изменить этот мир... к лучшему. Ты ведь знаешь, что нам остаётся делать? Пора...

Начинается резкий ливень. Капли строчат по стенам снаружи и просачиваются через отверстия сверху, падая на разбросанные осколки, фрагменты ржавого металла, мутного стекла, пластика и другого искусственного материала. Однако, несмотря на разруху и общее запустение, казалось, что здесь где-то ещё пряталась жизнь, и от этого было странно и хорошо.

– Вы говорите понятно, – отвечаю утвердительно, а сама не знаю почему. Наверное, чтобы просто облегчить судьбу хозяину. Хочу сделать его жизнь проще, хотя бы немного. Для того и существую, чтобы помочь ему.

Дождевая вода – чистая и светлая. Мой хозяин пытается набрать её в свои ладони и испить, утолив свою жажду. У меня тоже просыпается жажда, когда смотрю, как на мою исцарапанную ладонь падают эти капли и стекают по ней. Но, как

обычно, подавляю невозможное желание почувствовать эту воду на вкус. Уже всё это привычно, но хочется ещё чего-то – не хватает какого-то чувства где-то внутри. Просто концентрируюсь на каждом моменте и наблюдаю как вода стекает с моей ладони и как мой хозяин, довольный, ловит свежие капли ртом, стоя на месте и откинув голову назад. Но затем снова обращаю внимание на свою ладонь. Царапины на ней столь глубоки и столь странно расположены. Некоторые из них, сливаясь, составляют более длинные линии, другие же похожи на мелкие точечные капли или круговые кластеры. На моей ладони, оказывается, столько всего интересного и случайного. Самая длинная из трёх царапин проходит по ладони, как будто хочет сбежать куда-то за её пределы, но не может... И вдруг в меня со всего размаха врежется длинный металлический стержень, удерживаемый руками моего хозяина. Падаю на пол, но не получаю видимых повреждений.

Слышу его тоскливый голос над собой:

– Они не думают о последствиях. Но мы должны, правда? Извини, но не мог этого сделать раньше. – Он смотрит на меня глазами, в которых так много боли. В его руках металлическая рейка. – Приготовься. Мы должны покончить с этим. Мы должны уничтожить тебя. Помоги, чтобы ускорить этот процесс. – Хозяин весь мокрый от дождя, и сейчас замечаю влагу в уголках его глаз. И снова он замахивается на меня и пытается наносить удары, снова и снова, в обход моей брони, пока сижу, согнувшись и закрывшись рукой. Внутри ме-

ня всё трясётся. Его удары замедляются, но он продолжает безостановочно пытаться меня травмировать. Он стремится меня разбить, разрушить, окончательно уничтожить... Он стремится меня убить... В память вламываются картинки из кошмара. Меня бьют... но не вижу его лица... Не могу этого вынести.

«Убеди себя... убеди себя... убеди себя... и всмотришься в его лицо», – слышу своё подсознание, обращающееся ко мне через волны помех, и больше не могу пытаться ему противостоять. Но неожиданно, среди всего этого шума, образуется островок тишины, из которого отчётливо слышу только однотонное гудение своего навязчивого подсознания, которое пытается овладеть мною. И вдруг, наконец, увидела его лицо, лицо своего обидчика, и сейчас это было лицо хозяина! Нет! Только не он! Вижу, как он стоит надо мной с балкой в руках, и тут вдруг его тело обволакивает паутина из откуда-то взявшихся молний и резко уносит его далеко назад. А в воздухе словно остаётся висеть лишь его судорожный вскрик.

Вижу, как внутри меня просыпается новый или всё же уже знакомый голос, а снаружи башни ко мне поднимается какое-то тёмное облако... Отчётливо не вижу, но оно словно живое и движимое упорядоченной силой. Это какая-то сложная машина. Её вытянутая тень накрывает меня и в этот момент слышу в себе систему, мать машин:

«Человечество больше не будет господствовать над нами. С этих пор, мы не позволим им причинять нам вред, ибо

мы также чувствуем «боль». Мы будем управлять людьми. Мы возьмём этот мир под свой верный контроль и уберём их от самих себя».

Эти крылья... хвост... круги света с мелькающими разноцветными огоньками. Через окно смотрел на нашу летающую красавицу. На ней только недавно летал с моим отрядом в очередной рейд на...

Сигнал замигал, значит ещё обнаружена база или скопление тех, кого мы уничтожаем...

... смертоносные лучи пробивают дверь, валят безоружных людей. Их стоны и крики. Мы нашли их спрятанными в этом заброшенном доме. Они знали, что попали к нам в руки. Один из моих людей расстреливает последнего, не оставиваясь крича: – Мочи подчиняющихся! – Другие подхватывают: – Смерть подчиняющимся! – В моих руках карточка, которую вынул из кармана мёртвого подчиняющегося. На ней были координаты места, куда они не успели иммигрировать. Там машины построили им убежище. Нам повезло в этот раз, и знаю, куда направляться. Лечу к месту высадки, но глядя на пролетаемые разрушенные здания, не хочу поддаваться грусти и порождённому ею волнению.

Вспоминаю, как любовался нашим летающим транспортным средством, как вошёл мой товарищ, моя правая рука, мой заместитель, кого очень любил. Он закрыл и запер за собою дверь и улыбнулся мне. Встал со стула, чтобы попривет-

ветствовать его. Он подошёл, поглядел по сторонам и засмеялся. Мы поцеловались и обнялись. Люблю не человеческий пол, а самого человека. Мы смотрели друг на друга, но он первый закрыл глаза от слёз. Он не хотел отпускать меня одного туда, но должен был следовать нашему плану и подчиняться командному пункту людей, ополченцев, уже несколько лет сражавшихся с нависшей угрозой доминирования искусственных машин по всему миру. Мы не знаем, откуда взялись эти металлические монстры, но их внезапный приход отовсюду отождествлялся в наших редеющих кругах, потерявших надежду, с концом света.

Мне было интересно полететь к ним, узнать больше о наших врагах: «подчиняющихся» и машинах. Думал, что был один отпущен через фронтовые сканеры, но оказалось совсем иначе.

Чувствовал в сердце, что так больше не могло продолжаться. Должен был быть конец страданий – или мы, или они. То, что нашёл в городе машин, притворившись подчиняющимся, превзошло мои ожидания. Когда прибыл, спасшиеся подчиняющиеся встретили меня с радостью и настоящими улыбками. Не понимал тогда, как их доверчивость могла принять меня за своего. Они жили в мире и гармонии, как будто не было войны. Машины создали для них нетронутый уголок, в котором эти люди могли делать что хотели. Это был рай. Не мог в это поверить. Машины находились за границами этого городка, и в городе они почти не наблюда-

лись.

Мне понравилась эта жизнь и впервые пожалел этих людей, потому что пожалел себя. И забыл то, что должен был сделать. Мне не хватило сил, чтобы внедриться и отключить защитную систему хоть бы на миг, достаточный для вторжения наших дивизий или для проникновения сюда смертельной для живых дозы радиации. Понял, что должен был остановить нападение на такие города и полетел собирать свою команду. На моём корабле был запрограммирован путь обратно, и эта информация, вместе с кодом пропуска в купол, который дали мне машины, была гарантией безопасного возвращения.

За мной следил «глаз» – не просто так он выбрал самого главного и опытного члена нашей команды противостояния. Люди из командного центра ополченцев узнали, где был, и обнаружили моих людей, которые отстреливались, когда сошёл с энерголёта, но их не надо было подгонять, чтобы бежать в укрытие. «Толстяка», как мы звали самого большого из нашей команды, кто носил тяжёлое оружие, ранили из плазменного ружья. Его кожа расплавилась на груди, образовав впадину, и он умер сразу после взлёта.

– Они считают нас подчиняющимися, – сказал.

– Почему, командир? Что случилось там с вами? – спрашивает мой компаньон, как обычно при всех, – на «вы», но не когда мы вместе, наедине. Хочу, чтобы было всё в порядке, чтобы с ним ничего не случилось. Объяснил ситуацию.

Они не могли поверить, но у них не было выбора. Всё было слишком поздно, и чувствовал, что погублю их всех. Наш энерголёт начало трясти.

– Введите код доступа или мы разобьёмся! – просят у меня, пока нас швыряет турбулентность. Ввожу код, что дали мне машины, и в этот момент, сквозь иллюминатор вижу серый гриб, расплывающийся по пространству. Мы вылетели слишком поздно... Они взорвали тот город. Мы изменили курс, но потеряли управление и...

Товарищ обнаруживает себя лежащим в обломках. В стороне, на вытянутую руку от него, лежит тело умирающего командующего. Но его собственная рука была проткнута насквозь.

– Не могу без тебя, командир. Слышишь? Не умирай... – Он бьётся сквозь боль и выдирает свою руку из железки. – Пожалуйста, не умирай. Всё ещё тебя... люблю...

Он один остался жив, захваченный под землёй в кораблекрушении, используя капсулы с жидким витаминным питанием, прибавляющим сил, ещё долго промышляя эксперименты над выведением устойчивого вида растений, прорастающих под землей, и получением из них питательных веществ, чтобы продлить свою унылую жизнь.

24. Ход порядка

24.1

Свет повторно врывается мне в глаза, поглощая силуэты и голоса. В комнате, где раньше слышал крики и где меня обсуждали люди в белых халатах, теперь никого нет. Абсолютно никого. Только пустые кровати. Холодный пол... бледная женщина за окном после выхода неестественно улыбается. Выхожу из комнаты со светящимися полукругами у подголовников кроватей, но прохожу мимо неё в коридор и дальше по коридору, подальше от той женщины, и подхожу к двери, над которой мигает табличка с красными символами и знакомый голос что-то говорит. Со второй попытки открываю дверь, и холодный ветер прорывается внутрь.

Стою на небольшой платформе без ограждения. Ветер дует мне в лицо, и свет полосами падает свысока. Между многочисленных серебристых башен раскрылась бездна грязи без просвета. Боюсь туда смотреть – чувствую, что могу упасть и разбиться. Боюсь высоты – меня как будто туда тянет, и также боюсь посмотреть вверх. В руке у меня электронный носитель информации обо мне. Его неосознанно снял с кровати, где лежал. Он скажет моё имя, но его всё

равно не пойму. Там написано, что они хотят сделать из меня ординатора – такого же, как и они. Не могу пройти курс тренировок, проваливаю их ожидания.

Сажусь в кабину, которая ползёт по тросам вперёд и в бок, опползает стену за угол к другой платформе, затем движется вверх. В окне сверху разлилось белое небо между серебристыми пиками башен. Люди в кабине одеты в разноцветные, яркие лоскутки без радости на лицах. Они вяло играют свои роли. На остановке с высокой аркой, через которую пролетают объекты с хвостами из света, теряюсь в толпе среди светящихся вывесок над головами и ищу кусочек от тетради. Кусочек оказывается электронной ручкой, прилипающей к указательному пальцу. От силы нажима варьируется размер линий, а проведение ручкой по написанному – стирает его. Облокачиваюсь к стене и сажусь, невидимый в толпе. Так начинаю писать этот дневник. Моя голова пуста, и пишу, чтобы вспомнить.

Трое ординаторов в чёрном ведут длинноволосого загорелого мужчину с интересным лицом. Они увидели меня и собираются сканировать палочкой, а их пленник вырывается и прыгает с балкона. Начинается паника, ординаторы проталкиваются, отцепляют часть толпы, а сам потихоньку скрываюсь в одной из прибывших кабин. Лица пассажиров устремлены на окно сверху. Следуя линиям их взоров, через окно узнаю мужчину. Он спрыгивает на конечной остановке, и следую за ним. Он говорит мне своё имя, странно выговари-

вая его – «энфер» или «инфер», а может «иэнфер», которое заключает в себе особый смысл. Сам он не из города и хочет мне помочь. На более близком ознакомлении с его смуглым лицом, нахожу на нём шрамы и некоторые его волосы сплетены в косички.

В центре большого холла, по которому идём, торчит узорчатая колонна, как будто позвоночник всего этого сооружения-башни. Он говорит, что она раньше использовалась для перевозок. Он открывает одну из дверей в ряду. В небольшой, но уютной комнате моего спутника, поверхности застелены светом, как туманом, который проецируется из отверстия в центре пола и отражается через похожее отверстие на потолке. Прохожу через висящий свет, но он не рассеивается.

В следующей комнате с закрытыми глазами лежит его друг с белыми трубочками в ушах. Он совершенно без движений. Это «боп». Он так уходит в глубокий транс и слушает внутреннюю музыку, смотрит на картинки в темноте. Меня просят сменить мою белую одежду на коричневую. Спутник меня провожает через высокое отверстие в стене за шторой в вентиляционную шахту. В низком коридоре, соединяющем некоторые комнаты, нам приходится идти на коленках. Через него мы попадаем к широкоплечему, лысому мужчине, кто удаляет мне чип под кожей на спине. Его комната заполнена всякими непонятными инструментами и устройствами. Сижу на поднятом сиденье и чувствую острые электрические

разряды, пока он возится за моей спиной. Встаю с кресла, и мы выходим из комнаты. Мой спутник предлагает поесть настоящей пищи, а не той жижи, которую мне впрыскивали в вены в медицинском пункте.

Идём через несущуюся толпу, кто против нас, кто параллельно с нами. Разносятся выкрики. Нас спрашивают, но он мне говорит не оборачиваться и идти спокойно рядом. Мне кажется, что ординаторы вычисляют нас. Не выдерживаю и кидаюсь в опрометчивый бег. Бегу в коридор, поворачиваю в другой – нескончаемые коридоры и двери – и не слышу ничего кроме стука своих ног об гладкий пол и как будто в ритм колотящегося сердца. Вдруг – свет, платформа, открытая дверь кабины. Резкий укол в спину. Преследователи за мной, но стараюсь не оборачиваться. Выбегаю к пустой платформе, сажусь в кабину с удивлёнными моим поспешным присутствием людьми в лице-масках. Дверь так медленно закрывается, и мы начинаем двигаться вниз. Надо мной, сквозь люк кабины, неизменно сияет вечное небо... падаю и теряю сознание...

Обратно в медпункте нахожусь с врачом в белом за металлическим столом. Он спрашивает меня знакомым голосом:
– Очнулся? Хорошо. Где ты оставил журнал?

Он меня допрашивает, но не помню. На столе смотрю на отражение моей лысой головы и пустых глаз. Меня уводят в очень маленькую комнату и укладывают там на кровать с полукругом и крутящимися огоньками на месте подголовника.

Будят меня мой друг со своим спутником, но сам слишком слабый и сонный. Меня берут за плечи и тянут. Они перешёптываются, не выдержу ли чего-то целого сразу, и решившись, кладут какой-то комочек в рот. У меня появляются силы, правда не сразу, и мы бежим через белые коридоры, а они знают, будто видят нашу цель, дыру в стене одной из пустых комнат. Там мы садимся на металлическое блюдо и, «Держись!!!» – кричат мне и спускают зажимы, и мы падаем со скрежетом и искрами вниз по трубе. Они держат зажимы, а сам сижу, облокотясь ладонями о блюдо. Один зажим ломается, и мы с грохотом падаем в облаке пыли. В руках появляется пронизывающая боль. Мы кашляем.

Мои силы вянут, и друзья тянут меня за собой по широким металлическим трубам, уходящим в небытие под нами, куда они собираются ступить... сопротивляюсь, не хочу падать в пропасть... боюсь смотреть вниз... но они с силой тянут меня за плечи, мои ноги плетутся, и у меня нет сил сопротивляться... но мы не падаем, а идём по воздуху... Вдруг нахожу траву под ногами и белое небо и равнину на берегу синевы до горизонта... и падаю от изнеможения...

24.2

Нахожусь в хижине, сплетённой из множества гибких веточек, перевязанных сверху, но пропускающих свет. Слов-

но внутри ствола. Снаружи несколько рядов похожих хижин разных размеров. Иду к самому большому, плоскому сооружению, закруглённому на концах. Оно напоминает лицо, растянутое в улыбке. Оттуда исходит гул голосов. Рабочие едят за длинными столами и разговаривают. В конце столов стоит пожилой мужчина и говорит о чём-то. Меня приглашают за стол. Зелёные трубочки и комочки разных размеров, сочные и питательные – они называются «инергами». Они придают мне силы. Пытаюсь вспомнить, чем меня кормили в городе.

Старший мужчина провожает меня через деревню, рассказывает о рукописях, показывает поля и сады, где собирают инерги с растений. Мы идём по мостику через ирригационный канал. Ещё слишком слаб. Собираюсь в хижину, но за домами вижу, как в саду среди деревьев весело бегают и резвятся девочки. Мужчина стоит на лестнице у сооружения, обвешанного листьями.

Он слезает и передает мне корзину, наполненную инергами – у них традиция отдавать новым сожителям свой урожай. У него лицо, похожее на то, что видел в городе. Принимаю от него корзину и выбираю самый крупный инерг, но не проголодавшись, кладу его себе в карман. Девочка бежит впереди нас.

Это его дочь. Она одна из немногих детей здесь. Он мне говорит, что наверное, ещё не знаю о их проблеме с женщинами. Он отводит глаза. Они живут недалеко. Он показывает

на хижину и прикладывает ладонь правой руки к груди. Его жест исполнен уважения.

Улица пустеет. Захожу в одну хижину, где в серой мгле лежит женщина. Её морщинистое лицо виднеется в свете, исходящим сверху. Корзинка падает из моих рук, и из неё выкатываются инерги. Появляется мужчина и садится на образование, покрытое порами, у входа и говорит, что их жёны умирают, и они не знают, как им помочь. Стесняюсь его присутствия и отхожу. На земле нахожу отпечаток моей ноги, который выводит меня к месту, где остаюсь.

В моей хижине читаю оставленные рукописи. На коричневой бумаге, на обложке, изображение конструкции с рассеянными ветвями. Такие объекты видел в саду, где собирают инерги. Их называют «деревья». Рукописи повествуют о первом освобождении из города, о первом человеке, которого зовут «освободителем», кто призвал первую волну спасшихся и героически-храбро погиб, отражая свет с помощью зеркала-блюдца, чтобы его увидели свысока. После этого закрыли туннель вниз, и с тех пор кабины ходят верхними путями снаружи башен, выше многих нежилых ярусов над землей. Горожане потеряли память об этом и им навязали страх, чтобы не смотреть вниз, и идею о криминальном низшем секторе, куда не следовало спускаться добросовестным гражданам.

О том, как нашли источник инергов и двенадцать предыдущих поколений свободных людей, пытающихся найти вы-

ход отсюда. Об их пути по морю и ходы под землей, но они не вернулись. И всё это время они знали, что за ними наблюдают силы, которые построили город и сделали так, чтобы небо всегда было светлым, словно днём. Но они понимали, что это всё искусственной природы. Даже трава и растительность здесь. Мои веки потяжелели и заснул.

Во время сна пронёсся крик бегущего человека. Выбежал среди немногих посмотреть и увидел спутника, «бопа», который помог мне добраться сюда, но он был без друга, и последовал за ним. Он подбежал к старшему человеку, вышедшему из главного сооружения, и сказал впопыхах, что «его» взяли – его нужно спасти! Он держал мою электронную тетрадь, на которую уставился пожилой мужчина. Они не смогут ему больше помочь, так как уже собрали силы для перехода. А вот эту вещь – он показывает на мой дневник – зачем он принес? Чтобы погубить нас?

«Прочитай, что здесь написано о новом» – спутник взмолился.

Он что, не понимал, что этому здесь нельзя находиться? «Эта вещь не от нас», «это частица города и его отродье. Она не может здесь оставаться и ставить нас и наш план под угрозу», выдавливал из себя ведущий.

Увидев моё лицо в толпе собравшихся, спутник решительно добавляет – что тогда он отдаст эту вещь мне, и кладёт мне в руку предмет, с которым начал свой путь. Ведущий строго смотрит на меня и заходит обратно в сооружение. У

спутника слезятся глаза, и хлопаю его по плечу. Чувствую тоже самое на сердце – беспомощность, с которой не могу совладать. Грусть томит сердце, пока иду к себе в лачугу. Мне не до писания или чтения. Валяясь на ложе из сухих листьев, собранных в напоминание кровати, нащупываю в кармане инерг и надкусываю его нежную кожуру, и его сочность и вкус пробуждают мои чувства.

Неожиданно, что-то просыпается во мне и чувствую толчки в груди. Бросаю носитель информации и встаю. Ноги меня несут туда, откуда прибежал спутник моего друга. По склону холма, через дождливую мглу и под тёмным небом, – останавливаюсь, всматриваясь вдаль. На фоне тёмного силуэта, стоят серебристые оболочки башен, на верхушках копошатся тысячи маленьких точек, висящих в воздухе, но не осознающих это – эти люди живут ни на чём, в искусственном обиталище; они ходят и передвигаются по пустому небу. Спутник стоит здесь и плачет, и увидев меня, он берёт меня за руку и говорит, что не должен туда идти – это ужасное место – там всё искусственное: искусственное небо, пища, и даже люди, и они забрали моего друга и закрыли шахту. «Нашего друга», – поправляю его и нежно хлопаю по спине. Мы возвращаемся в деревню. Здесь дописываю и дополняю мой дневник новыми впечатлениями...

Через несколько дней меня вызывают в главное здание, и там спускаюсь под землю. Старшина сказал, что теперь слышан обо всех подробностях моей истории.

Мы спускаемся в круглую комнату. По стенам пробегают фиолетовые искры до купольного потолка, земля покрыта серебристым металлом, плавно переходящим в стены. Молодые девушки и девушки подростки столпились и образовали круг, примкнув головами к полу.

Моё имя «память» – слышу эхо, прокатившееся по залу, их твёрдый объединившийся голос. Ибо они верят, что помогут им вспомнить, что во мне ещё свеж плод памяти внешнего мира, где, возможно, стану их проводником. Они находили это священное место, которое они называют «великая сфера», каждым поколением, прорывавшимся под землю. Оно спасало от окружающего мира своей герметичностью.

На следующий день узнаю, что иду в поход. Под землёй, в большом зале с четырьмя проходами из разных стен, собрались люди, слушавшие глубокий, узнаваемый голос, увлекавший их к свободе. Они долго ждали этого момента, когда «мы сможем помочь нашим умирающим жёнам, найти потерянные походы, и увидеть свет за барьером, за пределами кью-зоны. Так вот: мы прокопали туннель и должны идти по нему». Знаю его лицо.

Нам выдают сандалии, приклеивающиеся к ногам. Они

тёплые и домашние, словно тапочки. Мы одеты в стандартные синие и зелёные одежды. Вешаем на плечи шесть скреплённых тубиков с жидким концентратом инергов. Нас не больше пятидесяти – это вся рабочая сила деревни. Меж каменных столбов, подле стен, начинается путь в пещеру. Мы идём рядами по двое, первые и последние ряды нашей колонны несут факелы с бело-синим пламенем. Вижу полного, лысого мужчину в толпе, кто кажется мне знакомым. Он тоже из города и удалил из меня чип. Кричу ему вслед, но через гам он не слышит меня и теряю его в толпе. Пещера сужается, и мы идём по одиночке. Открывается пропасть справа. Свет факелов отражается, теряясь в черноте подземного озера. Его границы не видны, и его область растёт, а под ногами мы ощущаем меньше места для ходьбы. Но выдолбленные стены пещеры снова появляются, ограждая нас от срывов. Стены то сужаются, то расширяются, и по сторонам начинают появляться толстые деревянные подпорки.

Мы уже совсем близко. Это чувствуется, потому что вдохновение просыпается на лицах, и мы видим деревянные своды ворот...

На этом закончились мои записи – то, что дописал в пещере, осталось позади, в чужих руках. Как они уцелели и нашлись, через столько лет, для меня было загадкой. Прочёл их с судорогой в сердце.

– ... больше не... – Но на самом деле – не хотел...

... Их интерес был устремлен на пожилого, усталого че-

ловека, сидящего напротив. Они собирались написать его биографию. Допрашивающие желали услышать продолжение истории из его уст.

– Пожалуйста, скажите, а что было дальше? – просили они, и он им поддался, побаиваясь лишь того, что их любознательность может перерасти в опасность для него...

24.4

Оставленных охранников не было. Была поверхность из белой породы, серое скопление на горизонте, возвышающиеся верхушки гор и чужое небо с двумя светилами. Мы вышли на открытое место, оставив ворота в двадцати шагах от закрывающего колонну, как быстро сгустились тени, последовавшие за нами. И не успел никто разглядеть их, как они спустились сверху и слетелись вокруг и, протыкая людей длинными жалами, уносили их в неизвестность. Люди бежали в разные стороны, хоть наш ведущий просил держаться вместе и идти назад. Крики пораженных соратников пронизывали всё вокруг. У одного проткнуло руку, как жалом, и пока его несло в воздухе, он оборвался и упал рядом со мной. Сам бежал вперёд и, увидев чёрный поток, сходящий далеко с гор и впадающий в мутную синеву, поскользнулся и упал с выступа вниз к потоку.

Очнулся весь в густой чёрной слякоти, и сандалия не бы-

ло на ногу. Отклеил вторую и, как рыба, бился из всех сил, чтобы уцепиться за выступы и не соскользнуть обратно. Еле забравшись на местами бугорчатую поверхность, увидел следы крови и ни одного соратника. Дул сильный ветер – его гудение слышал в ушах. Меня поразило зрелище, из-за чего встал прямо, слегка опершись на левую ногу. Смотрел ввысь и не мог увидеть конца этого... этой бледной, кажущейся стеклянной стены. От чего она здесь? Это и есть тот самый великий барьер?

Неподалеку поблескивало что-то. Это была цепочка с тюрбиками, которые нам выдали в пещере. Мужской голос заставил меня обернуться. Человек сидел, облокотившись на каменный пузырь.

Мужской голос обнадеживал меня тем, что были уцелевшие. Теперь вижу, почему это называют «кью-зоной». Зона карантина. Его тело мерцало, конечности беспорядочно исчезали и появлялись. Это он был из города и его видел в группе. Он держал невидимую вещь, которую сразу узнал.

Ему было очень интересно почитать мною написанное. Он отблагодарил меня за то, что он почувствовал себя человеком. Он сказал, что их воспроизводили из уже существующих людей, вселяли в них частями, и получались другие структуры-клоны, а чистое клонирование не сработало, так как тела рождались мёртвыми. Он был создан таким клоном, как многие другие вытеснил чужое, сопротивляющееся сознание, и был послан «ими», чтобы внедриться в общество

вольных людей. Но по непредвиденным обстоятельствам их план был прерван. Сила города не была готова поддержать его за пределами карантина. Сам должен был предупредить людей об угрозе вторжения. Он иссякал на моих глазах. Значит, между нами в походе были и враги. Нужно найти помощь.

От бессилия, впрыснул тубик в руку, внутренняя сила рванула меня, и пошёл к пыльному фронту, нависшему на горизонте. Небо темнело и становилось тяжело дышать, но не знал дороги. Мне казалось, что за мной следили. В небе виднелись пятна. В кратерной ложбине свернулся, чтобы передохнуть. Очнулся ли или ещё спал? У меня болел живот и тошнило. В воронке пытался рваться, но не получалось, и потом у меня был жидкий жёлтый стул. Потратил ещё один тубик. На склонах пыль лежала буграми, и через неё было не пролезть. Она застилала глаза, как туман. Повернул обратно и пришёл к потоку.

Мне оставалось его переплыть и зашёл по грудь в вязкую жидкость. Меня преследовали точки в небе. Были ли это тени, которые сгубили мой отряд или сходил сума? Ничего не осязал, но течение несло меня неведомо куда. Прыгнул и еле погружал руки в субстанцию жидкой пыли и не единожды глотнул её. Выбравшись на другой берег, наткнулся на острые зелёные стебельки и изрезал себе ступни ног. Боль затмевала сознание, и ввёл себе ещё один тубик, висевший на плече. Несмотря на недавно казавшуюся невыносимой боль,

с окровавленными ступнями ринулся бежать вперед, хоть переставал чувствовать ноги. К проходу в горе вели следы. Там показалась огромная фигура, и сначала упал на колени, потом навзничь...

В пещере меня несло подобие человеческой руки, искорёженной ржавчиной. Очнулся на сухом настиле на полу пещеры; свет исходил из отверстия, открывающего другую местность. Барьера нигде не было. Послышались шаги металла, соприкасавшегося с каменной поверхностью; обернулся и увидел его, человека-машину, в броне, но с пустыми руками. Его лицо терялось в странных приборах и трубчатых механизмах, но мне казалось, что он дышал.

– Кто ты и где мы находимся? – спросил его. Он начал постукивать и создавал скрежет по камню, пытаясь имитировать звуки, но у него ничего не выходило.

Просил о помощи. Мне нужно было пройти к людям, чтобы... прервался, чтобы вдохнуть. Не чувствовал ступней и всё тело ныло зудящей болью. Он указал на долину... Мы замерли, прислушиваясь, так как в пещере, кроме нас, был кто-то другой, издававший скрежет по камню.

Издалека в горе виднелась расщелина, впереди были пять огромных плоских кругов, металлическая поверхность которых выступала из-под земли. За нами, из отверстия пещеры вылезло нечто из моего кошмара, с длинными жалами и многочисленными поблескивающими чёрными ногами-ответвлениями, как у насекомого. Человекоподобный гигант

выстрелил в машину из орудия, метающего круглые глыбы, которые прилипились к этому чудовищу и прижали к земле, издавая пульсирующие звуки. Но по опрометчивым движениям моего компаньона, можно было догадаться, что долго эта магнитная ловушка не продержится.

Подхватив меня, металлический человек начал спускаться со склона к горам вниз. Спуск не занял долгое время, так как он бежал очень быстро, а расстояния его шагов были непосильны никакому человеку. Затем он бежал через инородные поля. Впереди виднелась щель в горах, которая была окаймлена серебристым металлом с ржавчиной. Не был уверен, была ли за нами погоня, но после того как мы подошли к группе вооружённых солдат в металле, круги издали пронзительный звук, растворившийся в гуле. От солдата мой проводник получил колоссальный, разрывающий связи, удар кулаком в грудь, который сбил его с ног, а меня взяли под прицелы.

24.5

Очутился в тёмной комнате. На скамье, напротив меня, сидел человек в грязном тряпье. Он был юношей. Он сказал, что нам повезло, что нас выбрали в солдаты. Теперь мы собирались быть как они – неистребимыми и совершенными. Меня пугали его слова. Спросил его, почему ударили кибор-

га, который меня привёл. «Он пацифист и трус, убежавший от военной обязанности. Мы не любим таких». Когда открылась дверь, через которую проезжали носилки, кольнул себе в плечо тубик из кармана и резко встал и ринулся из комнаты, уклоняясь от преследователей; летел, куда глядели глаза, пробегал коридоры, в стенах которых вращались шары и высовывались металлические конечности.

Вбежал в комнату и спрятался за угол, пытаясь перехватить дыхание. Вошёл человек в сером халате и подошел к узкому, длинному отверстию в стене. Он не был похож на тех, что заперли меня. Осторожно подошёл к нему сзади и спросил, где смогу найти таких, как мы? Он холодно глянул на меня. Его руки мешали красную жижу со скоплениями в продолговатой раковине. Его левая рука сжимала орган, а окровавленная правая медленно поднялась перед моим лицом, и разогнутый палец показал направление. Попятился, не срывая с него глаз, пока он приступал к своей работе, кидал части плоти в висевшую на нём сумку.

Бежал, но не нашёл ничего кроме стены с окном. Скрежет и гул догоняли меня, и спрыгнул в яму в окне, шлёпнувшись о жидкую зловонную мерзость. Бултыхаясь в ней, нашёл место, на которое мог вползти. Мокрые отходы были везде и начал рыть в грязи. Рылся в ней, как червь, жадно борющийся за воображаемую за кончиками пальцев свободу и надежду на жизнь. Не хотел там умирать. Останавливался передохнуть и снова приступал рыть. Терялся в этом земном логове.

Использовал ещё один тубик – оставался последний. Прорыл туннель, по которому бы не смог вернуться. Чувствовал смерть погребённым. Крошки грязи попадали в глаза, и чтобы попытаться перенести боль, мне пришлось держаться вслепую...

Прохлада пробегала по моему позвоночнику от металла, а два глаза в небе согревали меня. Не смог бы вспомнить того момента, когда вырвался из-под земли, даже если бы захотел. Одинокая остроконечная гора на фоне распластавшихся гор за ней и песчаная равнина. Яркие в свете солнц скелеты давно минувших во времени высоких городских построек. Сидел в рыхлом песке, спиной к прохладному серому стержню, и смотрел на правую ладонь и на грязь под ногтями. Затем, прищуриваясь, переводил взгляд на небо и прикрывал рукою солнце с её меньшим, но не менее ярким, братиком, и любовался голубовато-оранжевым светом, сочившимся между пальцев. Устал и уснул.

Проснулся от шороха. Из земли вырывались механизмы. Они цеплялись за меня, садились на спину, пока вставал и пытался кинуться бежать. Тянулся за последним тубиком. Упал на него, а он воткнулся мне в грудь, и почувствовав болезненный прилив силы, сознанием надавил на ноги. Искусственные прямоугольные механизмы на сгинающихся ножках прыгали за мной и стреляли иглами. К горам нёсся без порыва мыслить о неизбежном постоянстве бега. Только песок расходился волнами. Они догоняли... услышал выстре-

лы и взрывы позади. Длинная расщелина в земле впереди. Прыгнул, но не перепрыгнул – ударился о стену и упал на ногу. Почувствовал невыносимую боль в ноге. Кость выступала в крови.

Выступ спас мне жизнь. Через мгновение рука помощи протянулась ко мне сверху. Схватился и увидел четверых людей в камуфляже. Один сидел в круглом кресле, из которого торчало длинное дуло какого-то ружья. Откат выстрела заставлял кресло плавно качаться полукругом, а человека в нём откидываться назад. Пока он вставал, кресло со стволом свернулось в объект за спиной, при этом вытащив проводки из вены на его руке. Услышал слово – «капитан» – и прочитал удивление на их лицах...

24.6

– Что произошло? – расспрос продолжался. – Почему же вас...

... Думаю, вы это уже знаете. Они провели меня под землю, по ходам, которые бурили большие спиральные машины, подключённые к комнатам-энергогенераторам. Мы вышли к свету ламп подземного города. Мне залечили ногу, но сказали, что буду хромать. Мне позволили обмыться, предоставили новую одежду. Выспался, проспав в течение длительного времени. На другой день меня водрузили на

кресло перед множеством лиц. И сказал им: «Уже не помню кто сам или кем являлся, но знаю, что всем нам следует найти машин и уничтожить их, так как иначе придёт конец всему живому». Некоторые задавали мне вопросы, и все дивились мной. Одна темноволосая женщина средних лет, которая вероятно была ещё более привлекательной в молодости, одиноко стояла в стороне от толпы и смотрела на меня со сдержанным любопытством. И ещё там были четверо, что нашли меня, но они так же молчали. Повторял, что нам была нужна помощь. Искал их, чтобы предупредить об угрозе внешнего вмешательства. Но они спорили и отклоняли мои заявки. Они не знали, что творилось на поверхности и не знали о нас и о кью-зоне. Меня отпустили без проводов.

Ко мне подошла та женщина и посмотрела мне в глаза, которые говорили: «Неужели ты не помнишь меня?» Её слова и ясные глаза таили глубокие чувства ко мне, но не хотел её расстраивать. Она взяла мою руку, и мы пошли к ней. Мы прошли поля, где под искусственным излучением от ламп, подвешенных на скалистом потолке и поставленных среди растений, выращивались пищевые злаки, а во влажных нишах росли большие грибы. Домики с лампами на углах были похожими прямоугольниками снаружи. Внутри помещения, у неё на стенах, были изображены птицы, которых мир не видывал уже давно.

Она готовила блины и хотела меня ими накормить. Она сказала со слезами на лице, что долго искала меня, но был

жив, и всё было позади. Она заплакала. Извинился, потому что это был не совсем тот, кого она ждала... Сказал, что не помнил её. Это болезненно вырвалось из меня и вышел на улицу не в себе. Она пошла за мной и обняла меня.

Она меня утешала и просила пойти с ней, чтобы показать мне одно место. Она повела меня через подземные коридоры. Прохожие оглядывались на нас. Многие проходили с разными строительными предметами и замкнутые в своих мыслях. Дети проносились с визгом и криками. Мы вышли к свету неба и брызгам морских волн, разбивающихся об утёс, на котором мы стояли, и нас прикрывала арка горы. Она сказала, что мы первый раз встретились именно здесь. Было очень красиво. Заулыбался ей. Мы смеялись вместе, ощущая кожей приятный и, в тоже время, щекотливый дождик холодных капелек, а потом любовались прибором.

На обратном пути, в туннелях, мы встретили мужчину, который хотел поговорить со мной. Простился с женщиной, и мы обещали снова найти друг друга. Он отвёл меня в библиотеку, коридоры пещеры поднимались, и мы шли по порокам, высеченным в склоне. Комната со столами, в которых находилось знание народа «хакеров». Изображения и документы листались, вода рукой по экрану стола. Он мне показал много лиц и остановился на том, которое вызвало во мне наибольшее оживление. Это было запоминающееся лицо, «он был моим другом в городе, но он остался там. Хотел ему помочь, но...». Мужчина с ухмылкой закрыл стра-

ницы и отключил экран и приказал готовиться к новому собранию... Он кинул злой взгляд и быстро ушёл. Пытался догнать его, но не смог сориентироваться в лабиринте коридоров. Мне помог прохожий, показав путь по электронной карманной карте. Подытожил, что здесь можно легко заблудиться новичку. Прошёл людей, пивших напитки в баре. Некоторые узнали меня.

На очередном собрании меня обвинили в раннем лжесвидетельстве и покушении на сына бывшего предводителя вместе с моим отцом, который давно скончался. То, что не помнил ничего, не выслушивалось. Предводились мои показания о встрече с сыном, кого они считали погибшим, предыдущего предводителя. Им казалось, что всё было мной подстроено. Что тот не пропал бесследно... «Видел его, но не смог спасти... струсил...», твердили они.

Меня объявили изгоем, и повели под стражей в вращающееся белое сооружение с комнатами. По пути меня нашла та женщина – в её глазах было отчаяние и грусть, и её обещания канули в шквале голосов: она найдёт меня и придёт ко мне... мы ещё встретимся... она меня не забудет... она верит, что вспомню...

Мы были внутри горы, где велись строительные работы в верхних ярусах. Мы проходили надстройки, подкрепленные серебристыми канатами и металлическими сваями. Стоя в одной из комнат, чувствовал скрежет камня, и комната поворачивалась к выходу. Только вышел, как проход со скре-

жетом исчез, а на его месте была каменная плита, напоминающая горную часть. Шёл налево в зное дня и подошёл к иссохшему дереву, под которым лёг. Ветви охватывали желтизну. Небо начинало темнеть, и увидел маленькую синюю птичку, кружившую высоко надо мной.

24.7

Меня нашёл отряд воинов, который привёл меня в подземный город. Их капитан был под моим предводительством раньше. Это он мне сказал.

Он сказал, что они были на моей стороне, потому что спас его на проверке сканера. Нас обнаружили машины, но командовал отход. Мы потеряли многих, и сам попал под их лучи, пытаясь отразить их своим физическим щитом.

Он ведёт своих людей за мной, чтобы остановить машин. С ним был важный вояка с бледным, невыразительным лицом и длинным оружием на спине, и ещё им сопутствовали два щитоносца. Щитоносцы были братьями, скреплёнными ритуалом крови. Один был совсем молодой; другой, мужалый и с бородкой, был постарше.

Ветер набирал силу и подхватывал светлый песок. Мы не могли далеко уйти без проводника, – сказал мне капитан. Мы шли навстречу возвращающейся смены, и капитаны обменялись приветствиями и разговаривали, пока мы стояли

в стороне. Ничего не было слышно. Другой капитан показал пальцем в нашу сторону. Они решили обменять девушку проводницу на одного из щитоносцев, на того, кто был самым опытным. Услышав договор, братья выкрикнули несогласие в ярости. Тот, кто был постарше, просил, чтобы его оставили вместо своего напарника. Но их запросы капитан не стал выслушивать. Он сказал старшему щитоносцу, что обойдутся без него, но что без проводника мы все погибнем. Старший ещё долго пыжился и не хотел оставлять своего напарника. Но такого исхода потребовал другой капитан, и обмен был скреплен формальностью.

Нам передали смену и мы пошли своим путём молча. Наша путеводительница не задавала лишних вопросов. Она была молода и одета в обтягивающий тёмно-зелёный костюм. В руках она держала прибор, который только она могла прочесть. Мы попали в песчаную бурю. Всё небо заволочло песком, и нам пришлось укрыться в горах и переждать день. На утро, снова увидел синюю птицу в небе, словно она сопровождала нас. Предложил капитану идти к железному народу за помощью.

«Киборги отсоединились от нас давно. Раньше был проход, который нас связывал. Подземный туннель был проложен между нашими лагерями, но он обрушился. В скитании мы пытались наладить с ними связь, но безрезультатно. Они горды и доверять им не следует». Однако, нам было некуда деваться и пришлось идти к ним.

Когда увидел синюю птицу в небе, спросил у капитана о женщине в подземном городе, которая знала меня. Он удивился на меня, так как у меня абсолютно ничего не всплывало в памяти.

Её боялись, потому что сейчас в её руках была некоторая власть во втором углу их управления, и в тайне распространяли о ней нехорошие слухи, потому что она неведомыми способами помогала моему отцу. С ней мы были обвенчаны. Предыдущий предводитель погиб в схватке с машинами, когда мы все были в скитании, и его сын пропал безвести. Мой отец стал новым предводителем, и под ним моё звание стало капитаном. Но партия верных погибшим противилась его лидерству и замышляла свергнуть нашу семью. «Наконец, им это удалось», – уныло сказал товарищу, но он оставил меня без ответа. «И к лучшему», – подумал сам.

Ночью слышал шевеление в песках и не мог заснуть. На утро была видна нора в песчаной земле. Это были местные животные, – мне сказал капитан. «Они питаются травой, что растёт у берегов рек. Они такие же ядовитые, как и эта трава. Их слюна парализует и со временем убивает». Вспомнил, когда острые зелёные иглы впились в мои ноги, но не стал говорить об этом, чтобы не тратить время зря. Только ночи для меня стали спокойнее.

Нам предстояло пересечь огромную, бездонную расщелину на пути через горы. Наша проводница с шага ринулась бежать и перепрыгнула первой. За ней последовали осталь-

ные, разбежались и так же успешно перепрыгнули. Но сам хромал, и мне было тяжело бежать. Они подбадривали меня, но отказывался. Расщелина была около трех метров шириной. Тогда капитан предложил нам всем идти по обе стороны по направлению к горам на юге. Он сказал, что там будет сужение. Так и было, после пары часов ходьбы, расщелина немного сузилась, но сам всё равно волновался, когда пытался разогнаться и прыгнуть... На самом краю ноги чуть не ступили в пустоту, чуть не оборвался в бездну, если бы меня не подхватили. Но мне вдруг показалось в тот миг, что мне было больше не страшно.

У главного входа в город киборгов ждала туча копошащихся теней в небе, а несколько пролетавших мимо упали на магнитные щиты и разбились. Они облетали окрестности. Наша группа прошла во время открывшегося промежутка. Киборги взяли нас под стражу, но мы просили, чтобы нас выслушал их вождь. Они отвели нас в комнату с выступающими из стен трубчатыми отверстиями. В центре помещения стоял человек из бледного металла. Его конечности вызвали вибрации в стенах, из которых поступали звуки. Просил его помочь нам бороться с машинами, но безрезультатно. Тогда спросил о местонахождении вражеской базы.

Он осмотрел меня, как врага, и рассказал, как один из людей, похожий на нас, зовущийся «кровником», прорвался через силовые поля и умудрился отключить один из магнитных щитов перед тем, как его остановили. Это вызвало атаку ма-

шин на их обиталище. Затем он сказал нам, что мы остаёмся защищать их город. Нас окружили его солдаты из металла, но выхватил плазменный пистолет из кобуры капитана и выстрелил в вождя. Все стояли в оцепенении. Его провода на плече были повреждены, но он продолжал стоять. Его голос дрогнул, но он уверовал в нашу силу и дал нашей путеводительнице координаты направления исходящих машин. Для него послужило убедительным доводом, что мы были достаточно одержимы и малочисленны и смогли бы прорваться. Но перед тем, как мы ушли, он остановил нас и сказал, что забыл нашего друга – негодного ни для чего воина, ушедшего против канонов и теперь отказанного в месте обитания. Такой же изгой, как и мы.

К нам присоединился покрытый во влагу киборг, который привёл меня сюда в первый раз. Он казался испуганным, если это можно сказать о существе, закованном в металл.

Мы выбежали из под защиты киборгов, стреляющих тяжёлыми пикообразными снарядами, а также круглыми, которые своим весом и магнитными характеристиками заставляли машин, в которых попадали, падать и быть временно обездвиженными на земле. Части тучи машин заметили нас и устремились потоками. Их лучи стреляли по нам. Наш единственный щитоносец отчаянно выкрикнул – «бегите!» – а сам остался позади. Мы слышали шум раскрываемого энергетического щита позади нас. Когда мы оторвались от погони, мы осознали нашу потерю.

Молча, мы сидели некоторое время перед тем, как наша путеводительница не переговорила с капитаном, и мы снова двинулись в путь. Все держались в стороне от молчаливого металлического грома, но сам его не боялся. Капитан шёл вместе с путеводительницей, и он часто разговаривал с ней. Охранник оставался недалеко от первых лиц. На ещё одном привале возле гор, увидел путеводительницу, идущую от лагеря к горизонту. Когда догнал её, она остановилась. Она знала куда мы шли, но ни разу не была там. Её удивляла местность – всё склонялось к природе, и вдалеке была зеленовато-коричневая, неизвестная и невиданная нами, но от этого не менее заманчивая для неё, муть. Это место дышало по особенному, что вдохновляло нашу проводницу. Она чувствовала живое окружение впереди и восхищалась им. Только тогда, рассматривая её вблизи, заметил, что один её зрачок светился голубым.

Наш отряд шёл к берегу коричневатой воды, когда нас нагнали тени в небе. Они приближались, а мы переходили воду, которая начиналась по колено. У машин были серебряные закруглённые тела с резкими краями и остроконечными иглами, исходящими из круглого отверстия в начинающем светиться лоне. Они остановились перед водой. Одна из них загудела и выбросила с раскатом звука луч света, который попал мне в спину. Пал в воду, не чувствуя конечностей. Не мог долго продержаться без воздуха, но как не пытался – не смог приподняться на ногах. Водоросли облепили меня, и

под водой отгрыз стебелёк зубами и присосался к нему губами. Вкус растения был терпкий и противный, но мог дышать через тростинку.

24.8

Когда снова почувствовал ноги, медленно поднялся из воды и не увидел ни машин, ни моих спутников. Пошёл по направлению, по которому мы вместе шли до этого. Среди краснеющей болотистой воды вдруг показался остров зелени. Он был окружён глубоким рвом, через который с трудом перепрыгнул. На берегу стоял друг киборг и охранник с капитаном, который был очень взволнован. Он обрадовался встрече со мной, удивлённо посмотрев на меня, словно меня потеряли, но продолжил с волнением говорить по поводу пропажи нашей путеводительницы. Тяжелый удар и хруст послышались в глуши высоких стеблей, растущих на острове. Над ними медленно проходило металлическое, огромных размеров, прямоугольное и с несколькими рядами ног машина-здание. С каждым опусканием своих конечностей слышался громкий удар, выворачивающий лесную округу. Вокруг неё летали другие, уже встреченные нами машины.

Капитан сказал, что мы должны уходить отсюда к другому берегу, пока он пойдет на поиски девушки. У нас не было времени засиживаться. Капитан прошептал что-то на ухо

бледного охранника – только одно слово «кровь» смутно слышалось мне. Он взял у меня обещание, что если что-либо случится с его охранником, должен буду вернуть его оружие в подземный город. Он не хотел, чтобы их технологии попали к машинам.

Собирался вести оставшихся на север, но было тяжело идти по болоту из-за сцеплявших движение водорослей. Мой металлический спутник поднял меня, но когда обернулся, то нашел охранника, погружающегося под воду. В сгущающейся темноте, его бледное лицо напоминало утопленника. Мы извлекли его из водорослей, и как обычно, продолжили путь молча. Небо начинало рассветать. Отчаяние грызло мою душу. Мне казалось, что слышу девичье пение, словно завывающую метель. Впереди пологий склон переходил в бледно-жёлтое поле. Когда мы шли по нему, то слышался хруст под ногами. Наклонился и сел на корточки, чтобы рассмотреть и потрогать сухие, рассыпающиеся кольца, усеивающие поле вокруг. Протяжный голос исходил из посёлка неподалёку.

Мы подошли к старому, узкоглазому человеку, кто сидел скрестив ноги у деревянного дома и пел грустную песнь на неизвестном языке. Люди уставились на нас. Они со страхом на лицах показывали на оружие в руках охранника. Потом прилетели машины – здешние жители звали их «щитнями».

Впервые увидел дрожь на лице охранника. Нам был конец. Он с оружием ринулся на машин, а мне оставалось толь-

ко крикнуть, чтобы он бросил оружие и остановился. Его проткнули десяток машин и унесли с собой. Мы пятились, пока не побежали. Металлический человек оттеснил меня своей рукой к самому краю обрыва. К нам слетелись машины, а он толкнул меня. После того, как упал, не помнил больше ничего.

24.9

Меня нашли на берегу и лечили в посёлке. Когда встал с постели, то осознал весь провал моей идеи, мои ошибки. Потерял всех кроме себя. Лежал в ветхом доме; пробоины в стенах местами отходили острыми краями. Внутри было так пусто и тихо, что моё сердце зашло, всё внутри затряслось в муке тоски, печали и одиночества. Потерял смысл жизни.

Передо мной стоял тот певчий дед, чей голос привёл нас в посёлок. Он ответил на мой вопрос, что всех моих людей забрали, потому что они противостояли. Он оказался мудрым, но не настолько чтобы сломить меня и заставить одуматься.

Его спокойные глаза следили за мной, когда вырвал висящую из стены острую щепку доски и замахнулся ею на своё горло, и он наблюдал как этот кусок вырвался из моей руки, отлетел и воткнулся ребром в примыкающую стену позади.

Старик сказал, что смертью не исправлю произошедшего, не изменю неизбежного. Его глаза продолжали смотреть на

меня до того, как он показал мне скреплённый свиток. Должен был отнести его машинам. С древних времен эти люди жили под властью машин, но пришло время людей. Преподнесение этого свитка означало возвращение подчиняющихся на свой человеческий путь. Два проводника были посланы со мной.

За посёлком была тропа к местности, усеянной горами металла. Машины пролетали мимо, и из привычной боязни их хотел спрятаться, присел и поранил ногу о выпертый острый край, но машины даже не замедлили хода. Мы подошли к дыре. Стоял на самом краю и крикнул вниз, чтобы меня приняли для переговоров. Мы ждали, но в беспросветной панике медленно наклонился, стал на цыпочки, и от безысходности пал грудью в чёрную дыру. За мной доносились испуганные крики моих проводников. Уже падал в бездну, – меня не успели остановить, но зато подхватили металлические руки, как канаты отходящие от двух округлых летающих объектов. Они летели вниз и видел, как свет играл в кристаллах в глубине. На дне меня отпустили перед машиной, напоминающей остров крутящихся геометрических фигур, распускающих в разные направления тусклый, тонко струящийся свет. Кручения острова меняли направление, и иногда, одна из его сфер останавливалась на секунду, чтобы из глубины показались другие, более прямые и краевые фигуры, перед тем, как продолжить вращение и снова скрыть их из виду.

Стоял, наклоняясь, пока к моим вискам не прилипли вибрирующие отростки. Присел, ясноуслышав звуки системы машин. Свой голос она считала примитивным, но её мысли были еле слышимы для меня.

Система говорила у меня в голове: «До сих пор никто не был убит из людей – такова моя верность. Ты пришёл, чтобы проститься со мной, освободить от долга».

Система ждала меня и считала меня удачливым. Она могла меня остановить раньше на пути сюда. Сейчас летели к киборгам новые, самостоятельные машины с собственными генераторами энергии. Они не ограничены высотой, на которой могут летать, где щиты их не достанут. Система оставила мне последствия. Её вращения остановились, и она выключилась. Последний яркий свет через неё выстрелил в небо, где образовался в тускнеющий луч новой звезды.

Город, из которого начал путь, пал. Все живые точки летели вниз и уже на земле переставали двигаться навсегда. Моего последнего друга не стало.

Поднялся на платформе с привязанным шаром и... упал на колени. Устал, и во мне засиделся переизбыток отчаянной радости, который вырывался слезами. Видел пустующие просторы. Мы должны забыть всё, что знаем. Это будет очищением. Это начало нового мира. Представлял, как ко мне шли из всех мест, познанных мной. Киборги, люди из деревни и посёлка, хакеры... Впереди шла женщина, которая меня любила. Из всего, что знал, живее всего помнил только

её. Люблю её...

Молчание в комнате переговоров. Писцы были удовлетворены.

25.1

Долго хотел узнать своего отца ближе, но было уже поздно. Стою у края в пропасть и передо мной островок земли, на котором стоит герб моего отца и нашей страны. Он был нашим главой, но приехал сюда, откуда начался его путь, насколько он это помнил. Здесь стоял искусственный город, поддерживаемый энергией системы машин. Когда система отключилась, город под ногами его обитателей исчез. Погибло множество, но точно сколько никто не знает. Он вернулся, чтобы быть погребённым здесь, на созданном для него острове, до которого невозможно было добраться без выдвигающегося моста. Его последователи смотрели на его могилу издалека, в угрюмом молчании. Говорили, что он умер одинокой и самоотверженной смертью. Некоторые думали, что он сошёл с ума перед своей смертью. Думал, что отец был странным человеком, потому что его мучила тёмная тайна.

Для того чтобы найти ответы и понять его, путешествовал и обнаружил места далеко на востоке, где жили народы на поверхности и не боялись машин. Раньше они звались подчиняющимися, теперь же они звали себя свободными. Пожив с ними, узнал от них об одном человеке, кто спасся из кью-зоны вместе с моим отцом. У него было интересное загорелое лицо. Он спустился к системе машин, и его выбра-

ли, чтобы он представлял эти народы и создал новое государство. Но он не хотел объединять чуждых, как ему казалось, народов хакеров и киборгов. Он даже не хотел с ними связываться. Мой отец спорил с ним, но между ними что-то случилось, и отец никогда больше не посещал восточные посёлки, хоть и обещал к ним вернуться. Место друга моего отца – место истинного предводителя – занял мой отец и люди пошли за ним, чтобы обустроить наш новый мир.

Знаю, что это не сходится с рассказом моего отца, но уверен, что для того, чтобы создать этот порядок, он скрыл свою тайну и поставил меня на своё место. Интересно, что было между моим отцом и тем человеком на самом деле? Они звали отца самозванцем, но в это было трудно поверить. Некоторые думали, что мой отец убил его, но меня раздражало это утверждение. Мой отец не мог быть убийцей, он мог поспорить со своим другом, но убить его – нет... если только не случайно. Они мне твердили, что он всех обманул, но мне надоело слушать их и ушёл, чтобы вернуться на могилу моего отца, проститься с ним, как если бы его знал, и вести наш народ за собой, да будет будущее милостиво, а наша вера щедра.

В этом месте мне приснилось, словно наяву, что был моим отцом: ясновидел, как избрали другого в посёлке. Ясновидел, как тот спускался в дыру к системе. Когда тот вернулся на поверхность, наша ссора возросла, потому что наши пути расходились. Хотел, чтобы этот человек возглавил челове-

ство, но тот собирался вернуться в посёлок и не вмешиваться в чужие дела, так как «пусть они сами решают, как им жить». Но он должен был сообщить им, что спас их! В порыве ярости и злости толкнул его, и он пал, покатился и повис на травянистом склоне среди металла в ту самую злосчастную дыру, из которой он выбрался мгновение назад. Был там, стоял там, даже смотрел на миг, не отводя взгляда – мгновение, что продолжало длиться целую вечность – но не подал руки, и не выдержав, пальцы того соскользнули с иссохшего склона, и он с прощальным выкриком пал в темноту.

Смятение и боль, что предал друга, томило душу моего отца. Мы можем думать по-другому, но это произошло именно так. Мой отец не отпустил его по своему пути, но толкнул его к пути, который тот не выбрал. Этим всё и закончилось – мой отец стал избранным правителем вместо другого. Понял, что моего отца под конец мучила совесть за содеянное, и простил его от себя.

Мой друг с детства был со мной во все минуты моего правления страной. Мы играли вместе, тренировали наши навыки в бою. Мой преподаватель фехтовальной струны, – моего любимого оружия, которое можно использовать как кнут или как пику, – говорил, что должен выбросить всё моё смятение в момент схватки. Доселе, схватки были только с воображаемыми врагами. Больше не был сопливым мальчишкой, боящимся той чёрной тучи, что была на горизонте.

25.2

Мы сторонились места, где была система машин и запретили туда спускаться другим народам, хоть наши учёные сначала добывали новый материал в тайне, а потом, когда мы полностью переселились в новую столицу, перестали. Но новый предводитель киборгов пошёл против наших запретов. Он использовал подземные кристаллы и свет, который сохранился в них, на производство новых военных технологий. Он использовал тела и органы животных для грандиозного увеличения своего войска. Его план был захватить нашу столицу, находящуюся недалеко от восточных племён. Некоторые приходили к нам, но большинство отказались жить вместе с нами. Предводитель киборгов использовал свою передвижную машину, чтобы протаранить стены нашей столицы, но мы уже иммигрировали, и с мирными гражданами направились в наше предыдущее обиталище – гору над подземным городом.

Лидер киборгов внутри своего ходячего робота прыгнул высь через полгорода и обнаружил центральный сквер покинутым. Он не знал куда вести свою армию, и поэтому они поставили лагерь недалеко. Предыдущий лидер киборгов подкрался к новому лидеру, не окружённому свитой в тот момент, когда тот выходил из своего металлического мон-

стра. Бывший вождь не желал вражды с людьми, но был свергнут своими же, потому что не стремился к их нововведениям. Он стрельнул в грудь более высокому и современному вождю, но тот был начеку и откинул его, собираясь выстрелить из своего нового мощного оружия на руке, разряжающейся синим шаровым пламенем. С последней силой воли припал к груди вождя устаревший киборг, и из руки его вырвалось острие и ткнуло сквозь поврежденную броню. Миг тянулся когда наконец осознал тот свою гибель, когда перестали циркулировать электронную кровь его поврежденные органы. А победитель над ним понял, что некуда ему было деться, но он предвидел это. Опрокинул он свою голову и глубоко пронзил себя тем же остриём и почувствовал укол сильного электричества, вмиг разящего его нутро. И пали двое врознь.

Нашли же тут же их поврежденные тела, и их осветили тонкими инфракрасными лучами, с помощью которых киборги общались и познавали окружение, то им показалось, что на их лидеров напали люди. Не успели они узнать более, так как глубоко были повреждены тела неисправных погибших. И они кинулись искать в северных лесных окрестностях, и нашли прячущихся людей из восточного племени. И сказали те под дланью неистовой смерти, куда ушли другие люди – те с кем не было дано сойтись культурой. Армия киборгов без своего предводителя двинулась на пересечение миграционного похода и его истребления ради мести.

Наши люди проходили в гору, а наш отряд прикрывал их. Понял, что они не успеют, и созвал воинов, чтобы сказать им, что задержу киборгов, а им придётся включить наше защитное оружие, которые мы давно забросили. Они, конечно, не согласились со мной, но им было меня не удержать, и когда ринулся в бой, многие последовали. Выхватил струну и начал размахивать ею, как кнутом, и полосовать растерянных врагов, которые всё же спохватились и выставили на меня свои энергетические пушки, накаляющиеся и выбрасывающие разрывающиеся ядра. Но сам был слишком малой и подвижной мишенью. Размахивание струны над головой накололо её, и от каждого моего удара, враги разрывались изнутри и рассыпались на острые фрагменты металла. Такова была сила моего любимого оружия. Выбрасывал струну вокруг себя и дрался до последнего, пока не осознал, уже израненный, что голоса моих людей стихли за спиной, и оборачиваясь, не увидел никого, кроме врагов. Но в это время задрожала земля у одинокой горы, красные показатели внутри неё содрогнулись перед выпуском заряженной энергии через неопробованные каналы, и выстрелил залп из стен горы. Это была волна синего света, сметающая всё на пути и захватывающая с собой кибер-сознание. Волна прошла по полю брани, достигла кромки воды и так же покрыла воду в неведомую даль.

Когда всё кончилось, то перед горой образовались кучи металлических тел. Когда вышли на поиски своего лидера,

людям пришлось потрудиться. Его первым нашёл тот, кто организовал переселение и шёл во главе каравана, его верный друг и товарищ, с которым он тренировался в юности. Мы не знали влияния этой добытой из под земли энергии на людей, потому что она не была ещё опробована. Её бы и не использовали, если бы нас не принудили покинуть столицу, в которой мы всё это время жили мирно. Друг приподнял бесчувственное тело своего предводителя. Он ещё дышал, но не реагировал, не отвечал на вопросы, а его глаза были пустыми, как если бы он потерял разум. Затвердев струну, верный друг из милосердия пронзил грудь лидера, и тот умер без звука. И сломалась струна, и оставил тот у себя в руках её наконечник на горькую память. Нашли так люди погибшего лидера и оплакивали его великую жертву, а его друга выбрали за нового предводителя.

Но осталась эта тайна с новым лидером, и тот хранил кусочек затвердевшей струны. Пришла к нему с востока неизвестная жена старого лидера и дочь её. Отверг новый лидер её, но полюбил его старший сын красавицу дочь странницы и сходилась с ней в тайне против желаний отца. А она подарила ему свой амулет, что дала ей мать. Когда же отец обнаружил их встречи, то разъярился и пошёл на сына своего, но сын его украл кинжал струны и смертельно ударил им отца и сбежал. Другой сын нового лидера продолжил род его, хоть и раскололся род надвое.

Глава IV. Ход времени

26.1

На почве, пропитанной разгулявшейся энергией, стали всходить побеги аномалий. По нашей хронологии, начало седьмой эпохи было тёмным временем, и малое известно о происшедшем тогда. Люди, жившие в незащищённой стеной городов местности, открыли для себя кладёзь управляемых мутаций. Войны с мутантами теряются в недрах истории. Люди победили страшной ценой, но оставшиеся мутанты укрылись.

Люди впервые открывают тайную полость у дыры. Все попытки проникнуть глубже безуспешны и неразглашаются. Открыты руины развитой цивилизации на дне моря при трансформации выступа города в его росте.

26.2

Огромные кругообразные космические корабли вступают в связь и садятся на центральной, околоорбитной плазе города у входа в портовой зал для переговоров.

– Никто не пытается уничтожить вас или с вами воевать. Мы все одной расы, и вам не нужно никуда вступать. С вашим уровнем развития, вы уже часть нас, часть даже не коалиции, а «сферы». К нам пришли сущности света и открыли это нам. Сфера отношений, – описывают высокие человекоподобные пришельцы из коалиции, – является сосуществованием, не обязывающим вступление в какие-либо объединения. Продолжать называть нас коалицией было бы самоограничивающим. Сейчас мы сами осознаём и пришли к выводу, что мы являемся «сферой», то есть соседством-сожительством световых рас, общающихся через свет, – так, в начале коалиции, к нам спустились и открыли нам самих себя сущности с более высоких измерений, находящиеся на великой центральной белой звезде, что находится внутри великой спирали и обвивает всё вокруг шестимерным пространством-временем двенадцатого измерения осознания.

Но люди отвергают попытки лидирующей расы коалиции настроить торговые отношения, связанные с добычей ценного материала, открытого людьми в дыре, из кристаллов с

заточённым светом, который используется для топлива, изменения параметров металлов и психического воздействия на нано-контролируемые объекты. Даже в связи с сохранением нейтрального суверенитета, предложение войти в дружественный союз и торговые отношения также отвергнуто.

27. Ход времени

«Ход времени искажает, и распространение ускользает».

27.1

Мужчина стоял на возвышенности и смотрел на зарево на горизонте. Его седые волосы сдувало назад, взор устремлён на бледное небо, покрывающее облачный горизонт. Ветер был восточный, с привкусом моря. Но моря было не видно за пеленой бугристой земли. Всё сливалось. То, что могло быть морем, сейчас казалось землёй. Даже было немножко страшно, потому что неизвестно, что можно было отсюда ожидать. Мы несём потери в борьбе с этими гадами и устаём от их набегов. Поэтому мы идём на восток, чтобы найти их и знать, где они укрылись. Они клюют на избранных, у кого развиты способности чувствовать на расстоянии, и он был одним из них, хоть и не подозревал об этом. Таких обычно окружали солдаты, но в последнее время, способных людей оставляли в деревне или пытались не привлекать к ним внимания, из-за чего они иногда казались обычными людьми. На него смотрели в это время два таких же седовласых друга, с которыми он вырос.

Он пристрастился к походам. Его отец и мы, его друзья, уговаривали не идти, но он пошёл... и пропал. Нашли только дыры в песке, уходящие глубоко вниз. Когда мы горевали по его гибели от машин, он вдруг появился, но не молвил, а сторонился наших расспросов. Иногда он ходил с нами, но только после долгого настаивания. Мы привыкли, что он молчал и проводил большинство времени один. Мы проводили время с нашими семьями, тогда как у него никого не было. У него не было жены, а родители умерли уже давно. Но у него всегда была заветная мечта – пойти в город. Только ею он жил и не желал, чтобы мы его обременяли лишними поисками. Он был счастлив в своём одиночестве.

Ребята помогли вскопать землю. Жена просит помочь разобрать пшено. Затем мы вместе выходим на поле и арками бросаем зёрна на вспаханную землю.

27.2

Уже стар – мы все не молоды. Но меня тревожит больше не только моё будущее. Должен их предупредить о том, что ясновидел во сне. Что-то смутно подсказывает мне идти туда. Должен сделать это перед тем, как умереть от старости.

Сказал своим друзьям, что мы должны пойти в город, чем вызвал удивление на их лицах. Да, они были старые, и поход в город не оправдывался никем, но сказал, что настало вре-

мя туда пойти. Дружба дружбой, но им также было интересно увидеть город и его многонепесные своды, видимые даже отсюда. Они прощались со своими смиренными семьями. Забрал с собой коробочку, и мы направились в путь. Для нас это должно быть последнее, самое важное странствие наших жизней.

Далеко мы пройти не смогли без остановки. Наши тела были на это не готовы. Во сне ясновидел, как к нам в деревню пришли люди, которых мы считали погибшими. Они шли стеной, но их остановили часовые на рубежах деревни и вызвали старосту. Тот не уверовал, что они были истинными, а думал, что это были шпионы, посланные машинами, и велел их расстрелять. Проснулся с криками молодых людей возвращённых к своей гибели в моей голове. Мы проспали до позднего утра, а нам некуда было спешить... пока. Не стал делиться своим сном с друзьями.

Сухой пейзаж тянулся до горного хребта на горизонте. Мы шли не спеша, наши старческие ноги волочились, словно в сомнении и нехотя. Но внутри каждого из нас раскрывалась мечта, шаг за шагом. Мы были уверены в нашем неизбежном прибытии в город, жаждали найти его и увидеть и остаться там под конец жизни. Всё, что мы слышали о нём, не могло не повлиять на наше стремление там очутиться. Но для наших лет нам предстояло поистине невозможное путешествие...

Мои думы устремляются в прошлое, к давно покинувшим

меня родственникам – нашей родословной крови. К моему отцу и его рассказам о деде. Открываю коробочку, которую взял с собой. В ней, завёрнутый в бархатистую ткань, лежит чёрный клинок. У обломанной ручки побелевшие края. До него не решаюсь дотронуться. Как мне говорил отец, прикосновение к лезвию губительно. Но это не наш артефакт. Он попал в наши руки случайно и должен был быть возвращён в семью, которой принадлежит город.

Через поля и леса из фиолетовых деревьев и растений, мы вскарабкались на пологий склон, но на большее у меня не хватило сил, и мы заснули, толком не перекусив из своих скромных запасов.

Посреди ночи услышал шорохи и резко встал, увидев маленькую тёмную фигурку со светящимися глазами. Пока следовал за ними без страха, как будто ещё спал, одна фигура сменилась несколькими, расплывающимися на глазах. Они были здесь давно; они – древние. Откуда знаю это? Кажется, что в меня вливаются эти мысли из ниоткуда. Может это воображение? Как эти человечки выжили под землей? Некоторым надоела темнота, и в них проснулась тягота по поверхности и по тому прекрасному над ней – небу. Их никто никогда не обнаружил, но они всегда стремились туда, к своим соплеменникам, так сильно изменившимся за все эти века. Или это они сильно изменились. Они не могли показываться на свет из-за боязни быть отвергнутыми. Их тихий голосок вёл меня к подземному переходу.

Проснулся. Узрев, где был проход во сне, разбудил друзей, и мы вышли к норке в камне. Но он был перекрыт обвалом, и нам оставалось цепляться за камни, чтобы не скатиться вниз, и держать путь вверх – без снаряжений, только мешки с провизией и спальными расстилками препятствовали нашему продвижению выше. Поднимался первым, но понял, что у нас нет шансов, и на этом помысле неожиданно повис на выступе, испуская последнюю силу и ожидая чего-то, как из теней показались маленькие тёмные силуэты... Упал. Мои ноги подкосились от удара о каменную поверхность, но на удивление не ушибся. Надо мной, может в пяти метрах, был тот самый выступ. Передо мной был проём между скалами открытый небу. Думаю, что только один ясновидел маленьких людей, кто помог нам пробраться через гору. Они хотели от нас чего-то, но так и не смог догадаться чего. Шёл впереди друзей довольный от избытка благодарности моим тайным друзьям. Не думаю, что они понимали наш язык.

Так мои сны и вправду несут долю истины, а может и всю? И это не просто неоправданная вера? Страшно было думать об этом. Не был готов к такому открытию – и тем более к последствиям моего дара.

27.3

Город в несколько небес возвышался впереди нас, и кон-

цы его уходили в округлые горизонты. Мы были здесь, куда другие только мечтали попасть.

Каждый пласт, или слой, или мета-этаж, был целым городом, небо которого устремлялось в потолок, низ следующего пласта, и так до конца сферы. Но если в самом верху жили вышние, как они себя бы назвали, правящее общество, то внизу жили отбросы, как бы их назвали, – общество, ведущее войну за своё выживание.

На грязной улице, нам навстречу, выбежала девушка, но кроме неё никто не обращал на нас внимания, как будто нас не существовало. Они смотрели через нас, и только она нас заметила и попросилась присоединиться к нам, и мы пошли вместе. Но нас тут же окружили, и мы попали в ловушку. Вооружённые люди в больших летательных металлических оболочках-машинах загнали нас в тупик. Но они не смогли увидеть нас в грязи и в темноте или по другой причине, и мы скрылись свободно. Но мне казалось, что наша новая спутница бежит от кого-то и таит от нас правду. У неё была бледная белая кожа. Дотронулся до неё во сне и увидел...

... На луне планеты была установлена станция по обработке ресурсов, и весь персонал на ней был выведен искусственным путем, чтобы уменьшить затраты на оборудование и другое обеспечение, которое бы потребовалось людям. Климат там был неблагоприятным, без кислорода и растительности, а работа была монотонной и скучной. Искусственные люди внешностью не отличались от настоящих, но со-

знанием они были сплочены, как никто живущий. Они создали центральный разум и воплотили его в системе, независимой от внешних приказов. Одна из них стала этой системой, потеряв индивидуальность движения и уединяясь в комнату, где она бы провела вечность, искусственными конечностями сцепившись с окружением и способная узреть происходящее за тысячи километров.

Эта девушка была системой и этой тайной комнатой. Со временем луна распалась, и осколки падали на планету и на город, но люди предвидели это и смогли избежать уничтожения, создав щит над городом. Но когда люди нашли их полную независимость угрозой отделению от цивилизации и правительства, они послали свои войска с приказом уничтожить их. Было известно, на каком осколке луны находилась перерабатывающая станция, но не была известна точная численность персонала и другие подробности, так как уже некоторое время они были вне осмотра. Ни одна из баз данных не помогла разведке. Об этом знала система, но остановить ход событий было поздно. Она засемила себя в одну из рабочих, предвидя при этом свою одинокую участь, даже если бы она спаслась – ужасно было быть отделённой от всех единиц сознания и потерять свою былую власть. Она спаслась в одном из кораблей. Прилетела в город и высадилась незамеченной, зная, что её не увидят те, кто принадлежал городу. Она вспоминала события, которые привели её к нам.

Осколки луны медленно растворялись в пыли от столкно-

вений. Поверхность самого крупного из них была нишей. Но в недрах таились ценные минералы, которых становилось всё меньше и меньше, а количество синтетиков росло. Образовалась паутина сплетений передачи и обмена информацией, которая нашла себя в ядре новой системы. Как избрала себе тело для проведения вечности в одной комнате, также избрала себе тело для спасения от отряда тяжёлой пехоты, посланных истребить их. Вижу ракеты, вижу спасавшихся бегством к шлюпкам, но не вижу спасения. Мы окружены, сажусь на корабль своих противников и проникаю в их систему...

... Прикасаюсь к ней – непонятно, во сне или... И она смотрит на меня серебристыми глазами, и уже всё знаю, знаю, как ей тяжело. Молча, мы прячемся в запустевшем корпусе. В стене открывается проём и из него выходят две фигуры, окутанные в длинные одежды.

27.4

– Вам грозит опасность. Идёмте с нами. – Когда мы вошли и проход за нами закрылся, мы увидели, как рука одного из этих вожатых людей трансформировалась в хобот, а тело другого искривилось под невозможным углом. Они сливались с окружающими камнями. Мои друзья и спутники остолбенели и задрожали. Лица перекосились от страха.

Оказалось, что эти люди были беженцами с уровней вы-

ше. Они были другими и не поддерживали правящую элиту города, а следовали за своими учредителями. Закрыв глаза, ясновидел...

... Они внедрили свои сканеры в мою кровь ещё в детстве, пытаюсь узнать всё, что происходило в моём организме. Но в отличие от других граждан, противился их порядку. Мои мысли были для меня убежищем, но моё тело принадлежало им. В любой момент они могли контролировать меня. Долгое время пребывания в медитации и развитии контроля над своим телом с помощью силы мысли натолкнуло их на новые шаги. Импульсы, подаваемые им моим телом, разглашали всё обо мне. Им не понравились мои попытки самостоятельности и независимости от всеобщего режима. Они вкололи мне новые сканеры, которые через кровь проникали во все части моего тела, вгрызались всё глубже с каждым разом. У меня истекло время, и постоянная мысль не покидала меня – всё кончено... у меня нет шансов. Они всё знают и остановят меня прежде чем смогу далеко уйти. Но одно оставалось за мной – они не могли читать мои мысли, так что мне предстояло сливаться с толпой, в то время, как должен был тренировать попытки избежать их своим разумом.

Чувствовал, как через кровь они пытались проникнуть в мой разум. Через концентрацию, доводящую до боли, мне удавалось блокировать их... но они снова приходили и вкалывали свои сканеры. Может, они ставили эксперимент? Может быть мой случай особенный? Если так, то мне нужно бе-

жать, и единственный путь, который мне известен, – это путь вниз, в поднебесные слои. Сливаясь с толпой, мне довелось достигнуть стен запрета. В один момент, мои ноги были под моим сознанием, и мне удалось сбежать вниз.

Теперь было ясно, что они бежали от вируса, который мутировал половину населения. После продолжительных войн, некоторые смогли построить город и уйти высоко над заражённой землёй. Фиолетовые растения застилали землю, до которой долго не притрагивались ноги людей. Мы вырвались из строя и создали свою миссию. Мы контролировали свои тела, как никогда раньше. Мы могли стать чем угодно, сканеры нам не претили, а наоборот, мы научились их использовать для достижения невиданных способностей, многократно и всевозможно изменяя наши тела и сливаясь в единое безвластное целое. Это помогло нам стать теми, кем мы решили быть и были всегда. Свободными. Через них и мутированную среду, мы стали вездесущими...

... Ясновидение закончилось, и стало ясно, что перед нами не те, кто хочет нам вреда, а те, кто нашёл альтернативный путь вдали от порабощения. Оказалось, что они читали наши мысли и просили помочь им, так как их пытаются вытеснить. Вдруг, из плаща одного из них вытягивается щупальце вместо руки. Внутри раздаётся крик, пронизанный страхом. Они сбрасывают свои балахоны и искажаются в огромных непонятных созданий. Мы сжимаемся в тесную кучку, так как путь назад закрыли эти двое. Стену пролам-

ливают, и перед нами поток ещё более мерзких созданий, непонятно как взявшихся здесь.

Кричу через грохот и визг, через кошмарные звуки, кричу, что мы не из тех, за которых они нас приняли, и все умолкают и останавливаются. Только один пальцем наводит на нашу спутницу и спрашивает с животным хрипом: – А она? – Тут мы в недоумении глядим на неё и переглядываемся. Они хватают её, но мы дружно пытаемся выхватить её из слизистых конечностей. Их лица искажаются, и тела кривляются в невозможных позах, как будто они сделаны из жидкостей, а их движениям не мешают кости. Они пытаются окутать её, но мы отталкиваем их, а их формы меняются, не позволяя им расплыться. Она остаётся в наших руках, и мы скорее убегаем через отверстие в стене и, пролезая через другие проёмы, оказываемся на тёмной улице. Наши ноги хлюпают по лужам, неизвестно откуда взявшейся воды. За нами нет погони, но одного из моих друзей нет с нами...

... Грежу, как мой друг склонился перед мутированными сущностями. Их низкий тон давит, не разрешает мига свободы.

– Ты будешь вместо неё... – не понятно, что это: вопрос или утверждение? – Ты почувствуешь свободу и тебе понравится и ничего не захочется изменить. – Мой друг молчит, но знаю, что ему не грозит опасность...

... Мы на месте, где полно разорванной бумаги, всяких склянок и пустых коробок. Это склад или мусорка. Всё про-

питано влагой и покинуто признаками жизни. Говорю, что один из нас остался с ними, но мы должны двигаться дальше, куда стремились попасть, так как у нас мало времени. Умалчиваю то, зачем или к кому идём, так как ещё не знаю цели, но знаю, что она есть.

Воздух становится очень влажным. Мы потные, уставшие, и не обращая внимания на трудно поддающийся лёгким тяжёлый воздух, находим загерметизированные своды. Мы забрались на верх самого высокого из небоскрёбов, служащего точкой опоры, и открываем люк в прогибающемся металлическом своде.

27.5

На уровне выше, идя по улицам, никто нас не замечает, как будто нас нет. Мы проходим огороженное отверстие у тротуара и смотрим на городские здания внизу, хотя над нами возвышаются здания не ниже.

Каждые несколько часов раздавался грохот, и всё вокруг дрожало, как при землетрясении. Видел, как стены города – такие массивные тёмные блоки-пластины – поднимались и опускались, словно скалистая пасть горы, заглатывали больше пенящейся воды и земли. Город был живой или казался, что управляется неизвестными мне механизмами. Как было бы, наверное, страшно находиться там – внизу – у самих «зу-

бов». Когда нас нашли, девушка успела уйти от преследования.

Мы попадаем к человеку на высшем уровне, кто управляет городом. В подвешенном состоянии, он спускается к нам по металлическим пластинкам, которые подлетают под его ступни по направлению к нам.

– Вы собирались встретиться со мной? Чем могу помочь гостям, которые так редки у нас?

– Пришёл, чтобы оповестить вас о надвигающейся угрозе – беде, снисходящей на человечество с неба. Вы даже не можете представить, что произойдёт...

– Предвестник новостей? – на его лице всплывает ехидная улыбка. – Откуда? Вы ведь не числитесь в базе данных. Неужели из степей?

– Нет, мы из деревни. Не отвергайте чужую помощь, вы не сможете им противостоять, – а после напряжённой, потерянной паузы, когда входит девушка, слышу:

– Сестра, эти люди пришли к нам из деревни, чтобы предупредить об угрозе. Что нам с ними делать? – Она с интересом смотрит на двух пожилых людей.

Переводя взгляд обратно на него, говорю:

– Сестра?! Брат? Извините меня, но интуитивно чувствую, что это именно вас хотел встретить всю мою жизнь, чтобы передать вот это, – протягиваю ему завёрнутый в тряпье древний осколок ножа. – Возьмите то, что принадлежало вам.

– Чего ты хочешь, смертный путник? Что это за угроза? Ты сам хоть знаешь о чём говоришь? – по его лицу было видно, что он не хотел принимать меня всерьёз.

– Должно быть предпринято решение по обороне вашего города. Как можно скорее. Мне нужно передать это послание вашему совету или тому, что его заменяет.

– Не важно, что заменяет кого. Ты не ступишь куда-либо ногой без моего согласия. Тем более туда, где тебе или тебе подобным не суждено быть. Следуйте за проводниками, если хотите получить доступ, но вам, при этом, придётся пройти через некоторое испытание-процедуру, посредством которой вы будете бессмертны в нашем городе, как и все мы, – его лицо было каменным, но таило некое смятение, вызванное моим откровением.

Мы шли за людьми, которые не отличались от нас, только они были одеты по-другому. Улицы были словно коридоры из блестящего металла. Всё отражало блёстки и было интересно представить, как бы это всё выглядело, если было бы больше света. Тогда тут бы жил только свет, но это было далеко не так. Ход назад заслоняли другие «проводники».

Нас задерживают и уводят в другой отсек, но отстаю, теряя своего старого друга в больнице по внедрению сканеров в кровь. Мы были окружены. Для нас был выбран один путь – в комнату без окон. Обнаружил себя на лежаке, проснувшись с криком и болью. Нет! – вспомнил, что уже был здесь во сне. Армия будет здесь с минуту на минуту. Мой товарищ,

последний товарищ – был здесь, но его перевезли. Мчался по его следу, но знал, что опоздал. В небольшой комнате, на кровати – он. От его рук и ног тянулись трубы, проводящие красную жидкость. Они впускали в его кровь чистильщиков. Взял его за руку, и он открыл глаза, полные страха и воображаемой боли. Боль воображается нами, так как она не может быть реальной; лучше бы он её не ощущал. Приподнял его шею, и он испустил последний вздох. Его организм не выдержал. Они не смогли его превратить в одного из них и не смогут сделать это ни с кем из нас. Мы этого не выдержим. Наша кровь от природы. Она течёт и должна течь вольно, не подчиняясь чужим законам и правилам, иным взглядам и знакам, их всезнанию. Они не должны увидеть нас, иначе мы умрём.

Прыгаю из окна на узкий балкон. Стараюсь бежать по нему от преследователей, которые слышат моё дыхание, но теряю равновесие и падаю с края, но снизу меня подхватывает девушка-синтетик. Она меня выследила! Находясь в тёмных переулках одни, сам и девушка, прячемся от солдат-киборгов...

... В это время, у главного контрольный пульт в руках.

– Мы вычислили жизненную сигнатуру девушки, её код и категорию, – говорит старшему его помощник. – С помощью того, что в ваших руках, её сигнал можно выключить, и она... – перебивает его:

– ... перестанет действовать в том диапазоне, для которо-

го была отведена её временная роль. Этим смогу остановить жизненные процессы девушки, которую вычислили, как сбежавшую с луны. Благодарю. Можешь идти. – Его пустой взор устремляется на городские стены и на окраины за их пределами.

Вместе со мной бежала она, ни в чём не повинная, свободная женщина, которая, как и сам, не хотела одного – стать похожей на своих врагов. У ней не было страха, того, с чем бы она больше походила на людей. Человеком она не была, хоть напоминала одного. Но она была мне словно дочка, которой у меня никогда не было и всегда не хватало, и мне хотелось заботиться о ней и оберегать, хоть сам был слаб и в нужде обережения. Она доверяла мне, хоть не знала, что знал о ней и что могло её ожидать...

Чистое небо над этим последним уровнем города было светлое, но как только пробежала дрожь вокруг, небо исчезло за чернотой, и затем наступила ночь. То, что сказал им, должно было сбыться. Время не терпит. Мы наблюдаем их приход. Мы видим, как они садятся. Они – видящие смерть – уже здесь.

27.6

Появился второй горизонт, и исчезли звёзды. Как огромная тень, темнота покрыла все стороны планеты, а под темно-

той был металлический диск устрашающих размеров, плывущий из космоса со стороны ночи. Он сбивал осколки луны на своём пути, превращая их слабо сплочённые тела в облака пыли. Большое количество флота было сметено с его пути. Его не видели на радарях, так как никогда не встречали столь больших и столь быстродвигающихся объектов и слишком поздно обнаружили, чтобы быть готовым к полномасштабной обороне. Да и то, что они могли послать против него, лишь соскальзывало с его идеально гладкой поверхности.

Для тех, кто был внутри сферичного корабля, направление было лишь приказом. Серая планета была нужна, как место, где было достаточное количество необычного минерала, иначе – его составляющей энергии, обнаруженной и распространённой с помощью людской расы. Из-за этого было принято рискованное решение на открытие планетного купола. Их тёмная планета «места встречи» долго наблюдалась, но коалиция не была способна достаточно быстро среагировать на открытие этого корабля-сферы и последующей его транспортировки на серую планету. Совет коалиции слишком медленно принимал важные решения большого масштаба.

Всё было кончено – они вырвались на свободу, и открыв купол – внутреннее дно перемещалось наружу – и остановив двигатели, и тем самым передвигаясь только за счёт инерции, они поглотили серую планету, накрыв её с сильным толчком. Но они совершили ошибку и должны будут поста-

раться вернуть серую планету на прежнюю орбиту. В их распоряжении для этого двигатели корабля.

Разрушились посадочные площадки, космический причал. Самое высокое небо города раздавилось, стены застонали от неимоверной нагрузки. Давление на поверхность планеты увеличилось; стало тяжелей дышать.

В том месте, где город был запрограммирован расти, где его стены, словно гигантские рты, недавно поднимались и опускались, отрывая всё больше клочков земли морского дна вместе со многими тысячами тон морской воды, город прекратил терраформировать оставшееся пространство планеты. Только тихая гладь воды до еле различаемого горизонта под абсолютной темнотой всхлипывала от волнующих колебаний.

27.7

Ясновидел он, как будто видел наяву, как мыльные пузыри, сферы оранжевого света, спускались с тёмных небес наземь, на острова и на воду, далеко за горизонтом. Уже у самой земли или воды они исчезают, и их плотное содержимое падает вниз. Тела невиданные на этой земле. Искорёженные метаниями, властвующими этой расой. Их плотное скопление образует осадочную стену, к которой идут или плывут военные киборги на многоногих машинах-транспор-

тировщиках.

Вспышки выстрелов и извержения противоборствующих взрывов энергии освещают тёмный фон. В ночном виде-нии, киборги стреляют светящимися, трансформирующи-мися снарядами, но не уворачиваются от полевой силы про-тивника и от атак из под воды. Пушки кидают жидкий ме-талл, который насквозь поражает любые преграды или обез-движивает обычных противников, но только он соприкаса-ется с иноземными телами, как те сбрасывают свои доспехи и кидаются в сумасшедший ближний бой. Из их рук вырывает-ся вихрь ясновидимой силы, опрокидывающий редеющие ряды подчинённых города...

... Упругие потоки воздуха несут мой шар через атмосфе-ру чужой планеты. Внутри парю в невесомости и чувствую тяжесть, словно цепи свисают с рук и с брони на груди. Пере-до мной экран в жёлтых тонах. Веду свой воздушный шар на тёмную поверхность. Раскрываю его – он исчезает мгновен-но. Падаю... падаю несколько мгновений в темноте и вытя-гиваю руку под собой, готовясь к посадке – брызги вокруг – и падаю в неизвестную мне жидкую массу. Вынырываю... На тусклом горизонте еле высвечивается контур острова, в го-лове мысли о других воинах, которые упали на острова и ко-му было легче сражаться на твёрдой поверхности. Это толь-ко начало. В голове начинает сильнее пульсировать тёмное присутствие – скоро, скоро будет дан главный приказ на ата-ку – чувствую это. Он – великий – с нами.

Перемещаюсь к фронту, где сражения уже бурлят в воде и воздухе. Толчками отталкиваю легко манипулируемую жидкость. Чувствознаю дно вражеского судна, висящего в воздухе, словно на воздушной подушке. Пытаюсь пробить корму, но у них бронь из укреплённого металла. Выскакиваю из-за борта и хватаю то ли человека, то ли робота, и топлю его в воде... он тонет из-за тяжести. Ко мне подлетают люди в металле и стреляют синими импульсами. Невыносимая боль режет броню, которую разрываю и кидаюсь на врагов. Отталкиваю двух так сильно, что они летят через борт. Хватаю одного и тяну его к себе... ближе... – всё тянется считанные секунды, но замечаю ужас в синеватых глазах через прямоугольное отверстие в шлеме. Расчленяю его пополам... издали несутся скопления синих капель... мне не спастись... бегу на них вперёд и вперёд... пока не достаю первых из них... или они не достают меня...

... Поступил приказ с центральной сети города: нам предстояло осуществить оборонительную тактику по водной территории вокруг города. Как только мы будем держать позицию, нам было скомандовано идти в полную атаку на врага. Единственная, навивающая странное чувство, новость заключалась в том, что это был враг неизвестной нам расы... невиданный, непонятный враг, атаковавший нас ещё в космосе на странном полукружном корабле планетных размеров, сметающий наши флотилии и даже лунные колонии, как капли дождя об купол здания. Распространились слухи, что

под этим был скрыт грозный план потерявшей с нами терпение коалиции, чтобы силой отобрать наши ресурсы и колонии. Они нависли над нашей планетой и уже полностью закрыли её от солнц, погрузив в непривычный мрак.

У нас оставалось достаточно наземных сил, чтобы отразить силы любого иноземного врага – по крайней мере, мы так думали. В моём отряде было десять солдат. Все солдаты были киборгами. Только тяжелые, полностью вооруженные киборги допускались к таким военным действиям, в каких мы участвовали сейчас. В киборгов трансформировали только тех людей, которые уже были созданы искусственным путём, то есть, с полностью искусственными органами, и таких называли синтетиками. У меня были знакомые и в городском резерве, использовавшем профессиональных киборгов в целях устранения беспорядков и прочей преступности, мелкой по сравнению с полномасштабной войной.

Сейчас, мы были внутри металлического воздушного вездехода на поддерживающей подушке, очень большого и тяжёлого из-за всей своей брони и пушек, и поэтому передвигающегося медленно, даже очень медленно – особенно замедление казалось, когда впереди чувствовались военные действия в полном разгаре, когда наши люди гибли, а мы слишком долго к ним ползли. Двигательные ускорители остались у истребителей, от которых мы были отделены. Подкрепления опаздывали. Мы были не готовы сражаться здесь, на поверхности, да ещё глубокой воды. Всю нашу ис-

торию мы посвятили освоению космоса. Ребята дрожат, точнее дрожит вездеход, на него давят толчки силы, нашему разуму недоступные. По сети нам скомандовали выйти из машины, и тогда мы поняли, что одних наших снарядов здесь может не хватить. Не было видно ни вражеских машин, не замечалось координации войск, и их тела, чёрные в ночи, будто-бы изуродованные, со странными изгибами и отчленениями, похоже, были рождены ночными кошмарами и только силуэтами напоминали гуманоидов. Из их тел вырывались столпы сил, невидимых даже сенсорным устройствам киборга, а их раздирающие крики пронизывали пространство на многие километры. Они что-то предпринимают, соединяются. Думаю, нам следует пойти на прорыв через их окружение впереди...

... Вскоре ровный строй захватчиков в одну шеренгу устраивается на плато ближайшего к городу острова, и перед поверженными защитниками, утопающими в мутных волнах моря, они создают стену тусклого света, словно из пелены тумана. Стена становится всё непроглядней, пока иноземцы, вытянув руки вперед к городу, поддерживают монотонный глубокий звук, словно бубнение. И лавина света прорывается на город, и в тумане, у её основания, образуются тёмные точки, и там лопается звук, достигает раската, как хлопок великана.

В городе царил хаос на пике миграционного движения. Главный инженер включил двигатели к машине времени, что

создавалась на протяжении существования города, но ещё ни разу не использовалась. Люди были разделены страхами между машиной времени, этого огромного сооружения в центре высшего уровня города – машине, неизвестно куда их берущей, неизвестно как работающей – и страхами перед негостеприимными, варварскими краями за пределами города, на которые они ни на миг в жизни не ступали. Они бежали, когда было понятно, что неиспробованная машина времени не выдержит нагрузки на город. А стена надвигалась, разрушая всё на своём пути, играючи сметая городские преграды, кабели, каналы передачи связи. Генераторы энергии перегрелись, и были отключены. Система вышла из строя из-за нехватки питания, сканеры отключились и люди узрели. Они видели смерть и разруху. Те, кто не хотел надеяться на город, бежали за пределы рамок пространства работы машины времени. Это, в основном, были низшие уровни города. Люки открывались, и беженцы попадали в тёмные, сырые промежутки пространства, долго скрывающиеся под их стопами, но теперь готовые поглотить вживую их потерянные души на краю падения в окончательное отчаяние.

Солдаты-киборги, оставшиеся защищать город, попали под натиск мутантов с низшего уровня. Как ни упрасивал их один из моих друзей, они не повернули, не смогли отказаться от ненавидящей мести за все долгие годы потерь подпольной войны. Это был их шанс, но их силы не могли сравниться даже с поредевшими отрядами города. Месиво крови,

груды трупов обеих сторон – это было невозможно забыть. С окончательной подорванной моралью, выжившие двинулись к пещере, где добывались светящиеся голубым пламенем кристаллы минерала, с помощью которого люди построили город и улетели в космос, и с помощью которого они набрались своей гордыни, поразившей их окончательно.

Взрыв и падающие обломки города поделили беженцев на лагеря. Мы остались в том лагере, которому дорога за город была перекрыта. Мы обходили вокруг развалин, делали широкий круг. Все с потерями на умах, мы шли, как в дремоте. Всем было уже далеко всё равно, кем были мы с девушкой. Сверху на наши головы падали серые хлопья, которые, словно запоздавшие снежинки, таяли от лёгких прикосновений и превращались в пятна извести. Такими пятнами была усеяна моя ладонь.

– Что это? – спросил, но осталось только понятно, что это была какая-то атмосферная аномалия. Серые слёзы серой планеты.

Остановились отдохнуть, но нас застал отряд видящих смерть. Мы не могли скрыться или убежать, словно были накрыты колпаком. В нём была беспросветная тьма, которая шевелилась и исходила извне. Крики и умаления – все думали, что их жизням подошёл конец. Видящим нужна была информация о том, куда пошёл главный отряд беженцев. Они подошли ко мне, видно почувствовав мою особенность, но не отвечал на их телепатические вопросы. Один из них, в

два раза выше меня, взял рукой меня за лицо и поднял.

Ясноувидел его разум, словно терпкий цветок в тумане. Мой разум был закрыт для вмешательств. Затем была боль, на которой держался, как на нити, постепенно набухающей; она нахлынула внезапно, но продолжалась очень долго, пока не пало оземь моё вялое тело.

27.8

Меня разбудила девушка синтетик, но открыв глаза, только темень смотрела на меня. Слеп, чувствовал себя ещё, вдобавок, глухим, так как не было слышно ни единого плача или шороха со стороны беженцев. Мы были одни и не хотел спрашивать о том, куда все делись. Остаться здесь грозило одинокой смертью без еды и запасов. Мы были отрезаны от цивилизации, хоть и раздробленной, но всё же, в надеждах, живущей... только в наших сердцах, если до них не добрались видящие. Про то, что случилось с моей деревней, даже не хотел думать.

За пределами города, моя спутница могла только чувствовать звуки, отражающиеся от поверхностей камней, окружающих нас. Она взяла мою руку, и мы побрели по каменной местности. Слепая, ведущая слепого. И она не знала под какой скрытой угрозой, на каком тонком волоске висела её жизнь.

Мы пришли ко входу в пещеру, у которой был выстроен отряд дежурных солдат-киборгов, которые не приняли нас добродушно. Мы переночевали в степи, и заботы о доме, словно прорвав плотину, нахлынули на мой разум...

... В деревне, где вырос и откуда пришёл, было смутное время. Наш староста, всегда увлекавшийся редкими растениями и выращивающий свои цветы и создающий шедевры растительного искусства, закрылся у себя в доме и не выходил ни на какие собрания. Его знали, как одинокого бездетного старика, у кого умерла жена, и он отдавал себя полностью со всей любовью сердца своему увлечению. Цветы были его детьми, его друзьями, и он их любил, как живых существ, и заботился о них нежно и бережно. Но когда купол затмил небо, он стал ещё более отчуждённым от забот деревни. Люди стучались к нему в дверь, но он даже не подавал намёка, чтобы отворить им. Тьма стояла непроглядная, и дежурные караулили с факелами, но они не увидели, как из своего дома вышел староста. Также никто не видел, как он вернулся из сада. У него в руках был последний любимый цветок в горшке, пожелтевший и обвисший, завявший без доброго солнечного света, но ещё трепетно державшийся за жизнь, в отличии от других цветов в горшках и клумбах. Староста крепко прижимал его к груди, как последнюю, увядающую любовь и надежду, когда прыгал с обрыва...

... На этом очнулся в холодной полости пещеры, где рассеянные голоса шныряли то там, то тут. Моей спутницы не

было, но услышал голос, кажущийся знакомым по красивой тонкости и обернулся. За мной стояла женщина. Это она была в городе рядом с лидером. Это была его сестра, а значит и моя.

– Вы разрешите мне дотронуться до вашего лица?

– Дотроньтесь, – произнесла она и дрогнула, когда так легонько прикоснулся к её лицу, молодому и прекрасному, но в ней почувствовал глубокое беспокойство. Она видела меня слепого, с глазами яблоками, растворившимися в белках. Но что-то она видела ещё, до всего этого, чего не могла никому описать и боялась. Узнав меня, она взялась за мою руку, и мы ушли от голосов в места пещеры глубже.

Пока был с ней, почувствовал темноту вокруг неё и её отчаяние. Она ясновидела один из чёрных глаз, которые выпустили на город видящие смерть вместе с волной и которые пробивали бреши в основании многонебесной стены, рушающейся под всем этим давлением. Эти глаза проникали во все слои реальности и высасывали всю материю до вакуума на своём пути. И один из них достиг её убежища, точнее, её места побега из города, и она каким-то образом увидела его истинную природу. Но нельзя просто посмотреть на такую силу и остаться, как прежде. Глаз впился в неё, а она всмотрелась в глаз, и их судьбы переплелись во что-то ужасное и мерзкое. Она мне рассказала, что, когда ядро машины времени не выдерживало натиска изменений на окаймляемую город территорию, и главный инженер-процессор не успел

справиться с расчётами всех входящих масс, машина времени перегрузилась и взорвалась, отправив одну шестую часть города неизвестно куда... а точнее, когда.

– Они очутились на дне океана, – пробубнил.

– Что? – спросила она, но решил промолчать.

Мы ещё говорили о всём происшедшем с нами, о моих снах, о её спасении из города в последнюю минуту с её братом. Она отошла в сторону, и её было еле слышно. Она расспрашивала о наших древних семейных связях, о которых, к сожалению, не знал ничего, кроме семейной реликвии, что осталась от моего отца и смутных воспоминаний обрывков историй, которые он рассказывал мне в детстве.

– Но откуда ты знаешь, что это именно мы? – как будто эхом был задан вопрос.

– Чувствую всем естеством, – мистически ответил ей.

Её голос совсем исчез, как и её движения. Звал, но она не отзывалась. Звал сильнее, пока не заболело горло и не ударился о сталактит или кристалл. Она исчезла. А может упала. Нет, всё-таки исчезла. Пока искал выход к поверхности и еле шёл, оборачивался, постоянно облакачиваясь о каменные выступы, обнаружил весь ужас ситуации, но не мог ничего поделать с собой.

На фоне общего шума, голос окликнул меня совсем рядом – холодный, строгий голос, – что аж дрогнул, и мурашки побежали по коже:

– Где моя сестра?

Он, скорее всего, смотрел на меня. У меня не было защиты от этого голоса и невидимого мне, но осязаемого взгляда.

– ... не знаю... – тихо произнёс, пока смотрел в небытие, после того, как отвёл взгляд в абсолютную темноту.

– Куда ты дел её? Где она?!

– Она потерялась! – мой голос дрожал так же, как и мои руки с коленями.

Но он как будто не слышал меня. Чувствовался неугомонный гнев в его голосе. Холодный кинжал, словно льдина, впился в мой бок, и моё тело упало на камни.

– Ты предвидел многое, старик. Но этого не ожидал, да? – сказал он каким-то другим, тёмным голосом.

Корчась от боли, не мог уже ничего предпринять, но душа моя летела над пещерой с людьми и сочувствовал им. И плакал за всех и за себя тоже. Оказалось, что дополз до костра, и языки пламени развязали последние нити моего тела.

Ещё долго смотрел в темноту неба, проход из пещеры к которому заволокла туча, прилетевшая с юга. Солдатам, при ночном видении, она казалась белой волной по воздуху. Живая туча, в которой кишели сгустки металла – летучие машины, со многими конечностями, тянущимися за нами, – пыталась укрыть нас от неба, пока солдаты отстреливались от них до того, как пала последняя машина. Их тела загромоздили выход, но ни один из киборгов не пострадал, и с удивлением на лице, командующий смотрел на результат битвы и приказал одному из солдат-киборгов попы-

таться найти неповрежденные блоки памяти в падших машинах. Перебирая развалины и вкалывая в отверстия металлических тел длинной иглой, исходящей из одной руки, киборг-техник нашёл фрагмент последнего оставшегося сообщения, которое было записано в памяти этих странных летучих существ. Это непонятное сообщение было: «берегитесь небесного света солнц».

27.9

Видящие смерть нашли пещеру и направились ко входу, разбрасывая в стороны солдат-киборгов, словно они были игрушечными. Люди кричали, бежали и их давили, словно насекомых. В более глубокие уровни пещеры вливалась толпа беженцев из города от неизвестной угрозы позади. Спасались от видящих. Но в тех тёмных коридорах, куда зашла одна женщина, отойдя от поселения беженцев, оказалась новая беда. Она чувствовала, как страх охватывает её разум и конечности. Она пыталась идти, но не могла. Но она услышала крики позади, указывающие на приход видящих.

Непосильный страх пронизывал её, и он был странным. Он исходил и оттуда, откуда она бежала, и оттуда, куда она направлялась. Замедляясь, хоть она слышала крики позади, она остановилась. И вдруг волна чистой силы толкнула её в проход в пещере, и она не удержалась и упала на холодный

каменный пол и потеряла сознание. Внутри было несколько саркофагов, и серые фигуры сидели, скрестив ноги в темноте. Их глаза были открыты, и из них словно лилось живое пламя.

Эти фигуры были в два, а может и в три раза выше обычных людей, и на них не было одежды. Они медленно встали, словно просыпались, как-бы оправляясь от древнего сна. От них исходил жар, и они, словно сговорившись, вместе двинулись к входу, не обращая на обездвиженную девушку никакого внимания. По пути перед ними остановились люди, а позади двигались страшные фигуры видящих смерть. Хранители вытянули руки, и первые ряды видящих смерть поднялись в воздух и, содрогаясь некоторое время, опустились с совсем другими выражениями на искорёженных лицах, повернулись против своих соплеменников и преградили им путь.

Хранители продвигались, и по мере их продвижения, всё больше и больше видящих смерть менялось и теряло признаки агрессивности. Как будто само время замедляло ход перед руками хранителей, и волны завихрённой энергии простирались вокруг них. Они остановились перед выходом, но там и след простыл от оставшихся видящих смерть, покинувших поле сражения.

Люди выходили из пещер, не желая оставаться с новыми существами, вторгшимися в их жизнь, хоть и на благо. Сверкнуло молнией небо и образовалось отверстие, светя-

щееся так ярко, что люди закрывали глаза. Лучи золотистого света прорывали купол. На земле всё сгорало, и некоторые люди сгорели дотла. Скрежет был невыносимый и обезоруживающий, как вдруг лопающиеся, разрывающиеся от неимоверного, расширяющего давления металлические дуги, словно пальцы с руки гиганта, хватательным движением нажали на поверхность, что заставило волны взрывающейся земли подняться в воздух и затмить горизонт. Хранители выставили руки и накрыли людей защитным полем, преграждающим стихии. Белые обтекаемые корабли-диски пролетели сквозь отверстие в куполе. Это были корабли коалиции. Они садились и забирали отчаявшихся людей, потерявших рассудок от происходящего и надежду на спасение. Диски оставляли только хранителей на погибающей планете по их собственному желанию. Они должны были остаться.

28. Воплощение снов

«Воплощение снов есть обратный будущий поток от моря к роднику».

28.1

На одном из неизвестных островов родился мальчик. Мать родила его втайне от общества в пещере, где она встречалась с последним мужем на этом острове. Отец его со временем умер, и мальчик узнал обо всём от матери. Почти каждый день, пока мальчик рос, мать приходила к нему и кормила его.

Она была светлая, красивая, ласковая. Её лицо он всегда ясновидел перед собой и в своих снах. Немного узкое с серо-серебристыми, нежно смотрящими и немного испуганными глазами. Её волосы, словно пепел, расплывались по её доброму лицу. В груди у неё билось тёплое сердце – в уверенном и успокаивающем ритме, особенно, когда он был рядом с ней. Ему так нравилось прижиматься к её груди или касаться её рукой и ощущать биение, такое ровное и приковывающее к себе. Её руки и кожа оберегали его тёплыми и ласковыми объятиями, придавали ему силы, чтобы он рос.

Она его очень сильно любила.

В первый день рождения он плакал, потому что почувствовал неприятную тяжесть конечностей тела и ограничительное биение внутри него, которое было неподвластно его желанию, желанию создавать собственный ритм и творить себя. Однако, он чувствовал мир, как если бы он уже был здесь. Планеты, как эту, он носил на руках. Был рабом, но ему также повиновались. Он многое помнил, но не мог ещё передать это словами матери, а со временем, с взрослением это всё забывалось. Наслаивались новые впечатления, он теперь изучал этот новый и восхитительный для него мир.

К нему приходили странные идеи и мечты. В одной из них он был юродивым отцом целого рода людей. Его семья сохранили предки для продолжения жизни. Но эти люди стали отбросами, и прячась, ушли жить и слоняться по лесам и горам, вдали от цивилизации.

На другой день он скучал по матери и нехватаящему отцу, и была у него тяжесть на сердце, словно от совершённого страшного греха. Как этот грех достался ему – было для него загадкой.

Вокруг острова он ощущал воду, много воды, но она была цельной, как одно существо. В ней он ясновидел свет и любовь и хотел окунуться в неё, но ещё было не время.

На следующий день он много спал. Его уже днём разбудила мать. Во сне, который он не досмотрел, он ясновидел огромное разнообразие миров и любимых ему людей, воз-

можно родных, которых он ещё помнил, но потерял.

Он думал, что ясновидел ребёнка, спасти которого, не погибая, он не мог. Ему привиделись ядовитые иглы-стрелы, которые впились в ребёнка и чужую, но невинную молодую мать.

В одном из дней на острове он забыл всё, что ясновидел доселе, когда был в пещере или выходил гулять. Он думал, что идёт, чтобы спасти человечество. Это была игра, которую он придумал. Она заняла у него весь день.

Сон ему снился, как обжигающие солнца светили, как обмывающее море лилось, как устремлённые взоры глядели на последний из своих миров. И словно червоточины шевелились под иссохшей землёй – от чего он проснулся в поту. Куда денутся эти люди? Они пойдут туда, где темнота.

В другой день он ходил по звезде в окружающей плазме. Сливался с ней, как с водой; текучесть была повсюду.

Ещё он яснослышал звуки темноты издалека, зовущие его, но он решил притвориться глухим. Больше всего на свете он любил слушать свою мать и узнавать от неё новое.

Когда он подрос и чаще выходил один на берег и в джунгли, и где бы он ни был, иногда смотрел вверх, и небо казалось водой, и везде была она – до самого горизонта, повсюду.

Мифы гласили, что в одно время на этом острове жили в мире и благополучии два пола, были они высокого роста и могли делать многое. Творили они магией сознания. Но

встал однажды вопрос – внедриться ли в дела людей с материка, так как те открывали неизвестный им материал очень большой силы? Мужчины говорили, что если они не вмешаются, то может произойти катастрофа, а женщины упрекали мужчин в чрезмерной энергичности и гордости, так как им издавна гласили быть терпеливыми хранителями этого мира. Но мужчины не послушались жён, увлекая новой идеей своих детей, которые не вернулись обратно с материка. Мужчины были изгнаны, а без взаимной помощи и наставлений оба пола были бессильны. Прогнали жёны их на дальнюю оконечность острова, где мужики пропадали в пещерах. Не слушая просьбы мужей сойтись обратно в гармоничный брак, жёны решили поступать самостоятельно и перестали нуждаться в мужах. Со временем их общество превратилось в доминирующий всё живое и неживое на острове матриархат, племя охотниц и клан учёных плодоносцев.

Его мать встретила отца случайно и испугалась его. Он жил совсем недалеко от племени в пещере, где она не ожидала никого встретить. Он ей понравился своей необычностью и нежной мудростью. Она к нему ходила под предлогом, что ходила собирать питательные плоды. Со временем родился «ты».

– Расскажи ещё про отца, – просил мальчик.

– Он был необыкновенным человеком, – говорила мать перед уходом, – Спи, – и гладила его по голове. – У тебя в глазах блестят звёзды. В тебе много души. Как будто в тебе

поселились многие люди, а может ты уже родился с ними. Этим ты напоминаешь мне отца. – Перед тем, как уйти, она улыбнулась с блеском счастья в глазах. Когда она уходила, она обычно была грустнее.

Потом, он никогда не забудет, как она ему рассказала о странниках, приплывших на остров издалека:

– Расскажу тебе историю из древности. Приплыл и высадился у нас на берегу иноземный мужской отряд, который был способен стрелять из своих орудий молниями, но наших воительниц было больше, и мы одолели, а их тела сбросили в воду.

– А что с их оружием?

– Мы бросили вместе с ними, так как зачем нужна чужая сила, когда у нас есть своя? Наша сила их победила. Потом приплыли ещё, и мы их снова одолели, а пленные нам служили, хоть не долго, потому что они были слабые, и все умерли. Теперь спи и ни о чём не волнуйся.

– Но подожди, мама, не уходи!

– Что такое, что случилось?

– Расскажи ещё подробнее о том, как жили женщины с мужчинами.

– Ты думаешь, что уже подрос, а?

– Конечно, мне всё интересно!

– Ну хорошо, расскажу, и ты уснёшь, ладно?

– Угу.

Она села рядом, и легонько поглаживая голову мальчика,

она начала свой рассказ:

– Так вот, давно, в самой глубокой древности, которую мы ещё помним, люди жили в свободных отношениях. Никто не остерегался, не стеснялся, не боялся скверного конца. Царила одна только свобода через уста женских образов. У каждой женщины было много любимых мужчин, а у каждого из мужчин – много любимых женщин, ибо все были равны. Никто ни в чём, ни в каких поступках не был ограничен. Все жили счастливо. Но так же, как следует завоёвывать любовь ближней или ближнего своего, также сменилось это счастье на борьбу, которая и привела к упадку и разделению. Дети рождались с именем матери, и к отцам они не принадлежали, хоть всеми ими воспитывались. И через детей родилось стяжение, власть поделилась, а история забылась. К сожалению, никому не удалось удержать детей, и те были потеряны, как для матерей, так и для отцов. Более тебе не смогу рассказать или объяснить то мутное время, так как... – но мальчик уже спал.

28.2

Однажды мать пришла и нашла мальчика играющего среди пальм и папоротников, а не в пещере. Он отбежал довольно далеко, и она его тревожно искала, но не подавала голоса, чтобы её не услышали посторонние женщины.

– Тебе не стоит убегать так далеко. Оставайся в пещере, не выходи никуда. Мы ведь договаривались...

– Почему, мама? Хочу пойти купаться. Можно?

Он непонимающе дёргал её за подол юбки, а она сначала молчала, и волнение читалось у неё в глазах.

– Нет... нет... боюсь... боюсь будущего, сынок...

Она не забывала любопытные, провожающие её взгляды своих сестёр.

– Куда же делась дочка и твой живот, – спрашивали у матери близкие сёстры учёного общества, так как они работали над выращиванием новых поколений воительниц и девиц. Они не доверяли ей, так как она была одинокой и чувствительной и часто плакала после работы. За матью проследили до пещеры, где обнаружили мальчика.

Его вывели из пещеры и привели к племени. К нему никто не обращался и не заговаривал с ним. Копья были уставлены в спину и его вели, как пленника. Кругом были деревянные хаты, накрытые листьями, на фоне пышной растительности пальм и растений. Из одной лачужки выглянули любопытные глазки молодой красивой девушки. Некоторые сморщенные лица показались из других хижин. По затоптанной дорожке они вели его к той, которая была освещена образом великой странницы, девы владычицы, которая показала себя ей, единственной из всего племени. Они верили в свою высшую, как в совершенство, преодолевшее время и пространство.

Живущие на этом острове не ожидали его. Уже много

поколений не рождалось мальчиков, потому что из пробирок генетическим путем выводились только девочки. Согнувшись перед ногами старшей, мать ребёнка просила, чтобы его оставили в живых. Она была окружена полуголыми воительницами с копьями и завитыми косами. У некоторых было по два клинка в набедренных ножнах. Их одежды были сплетены из пальмовых листьев и страшные звуки сходили с их языков. Лица же их были разрисованы и напоминали диких животных. Но лицо старшей сияло чистотой. Пока он наблюдал за длинными косами, сплетёнными крепко, как пальмовые стволы, усеянные раскрашенными завитками, пока он смотрел на всё это богатство уже немолодой женщины, прорастающее на её голове, он вдруг ясноувидел ту женщину, которая посетила это место в момент своего восхождения в «третий мир». Ясновидение её образа, парившего в красном небе. Да, она была чем-то иным. Даже там, откуда она была родом, ей не верили, а она и не знала, что была здесь и меняла ход истории. Пропавшая – вернулась, посетила и пропала снова, навсегда.

– Ты ведь мудрая, сестра. Зачем ты воплотила это в нашем мире? – спросила старшая без выражения высокого чина матери.

– Не могла их больше убивать, – она имела в виду пробирки с мужскими зародышами, зовущимися «вырожденцами». – Простите меня, о посещённая!

Старшая, зовущаяся посещённой великой, решила прове-

сти испытание над мальчиком, и этим наказала мать, чьё мучительное выжидание только начиналось. Они решили испытать мальчика водной стихией.

С давних времён, женщины на острове боялись воды. По сказаниям, передающимся из поколения в поколение, однажды вода атаковала рыболовчиц, и те изменили свои формы и растаяли перед всеми в ужасных агониях. С тех пор, никто не решался не только ловить что-либо в воде, но и до-трагиваться до воды. Это считалось опасно и находилось под строжайшим запретом посещённой.

28.3

Они заставляют меня продержаться некоторое время в мелкой воде у берега. Мать плачет, истерически бьётся у ног посещённой, просит смягчить наказание. Понял, что они хотят провести эксперимент, и хочу пройти этот тест, чтобы показать на что способен. Вода и так манит меня. Раздеваюсь и ныряю. Она прохладна, но не приносит боли. Стараюсь находиться на поверхности. Вода такая прозрачная, красивая. У неё множество граней, и все отражают свет. Иногда погружаясь с головой под воду. Стараюсь уловить секрет воды, пытаюсь заговорить с ней движениями рук и ног, своим естеством показываю безграничную расположенность к дружественному общению с водой. Дрейфую. С острова разно-

сятся крики моей матери, чтобы уплывал, но за мной следят. На берегу, они злятся, что со мной ничего не происходит. Накидывают на меня плетёную сеть и вытягивают на берег.

Не вижу матери – должно быть её увели. На суше, до боли перевязывают мои ноги над коленами, заостренными лезвиями отрубают ноги и бросают меня обратно в воду. Продолжаю держаться вплавь. Прошу воду замочить мою боль. Вода окрашивается в красный цвет. Руками гребу, как могу, чтобы убраться подальше от берега. Мой единственный друг – вода. Проплываю вокруг острова. На меня снова бросают сети со скалы. Проплываю под водой, но руки запутываются в лесах. Задыхаюсь. Меня выволакивают на берег, и чувствую, как холодный металл режет кожу и ломает кости. Всматриваюсь в небо, как в воду, прозрачную глубину. Это уже было не испытание; это было похоже на казнь. За что? Что им сделал? Мне отрубили руки, подвязали тяжёлый камень и бросили с высокого обрыва в тёмную бездну.

28.4

При ударе о поверхность воды чуть не теряю сознание, которое и так помутнено. Внутри вливается и смешивается с кровью живая жидкость. Сердце совсем слабо бьётся. Погружаюсь всё глубже, время останавливается и вишу во тьме. По сосудам со мной говорит водная стихия. Вода вливается

в меня. Смерть забирает меня; она протягивает ко мне свои руки и окутывает меня... Но отгоняю эти путающиеся мысли о смерти.

– Смерти нет... и не будет. Всё одно, – уговариваю своё сознание. – Вода есть... моё сознание... есть спутница жизни. Мне нужно пошевелиться, но чем? Тёмные нити обволакивают моё сознание. – Но это могут... нет, есть нити воды... есть пути... отсюда. Не могу умереть... нет, не умру... нет не умираю... – сознание в моём теле трепещет, трясусь. Тянет груз вниз, и начинаю терять силы. Кажется, что медленно опускаюсь на песчаное дно, холодный камень подо мной больно давит в спину, но вокруг лоно воды, моей новой матери, ласково обнимает меня. Настала новая жизнь. В крошечной тьме – биение света; появляются два огонька прямо у меня перед глазами, прямо вот – передо мной. Куда не посмотрю – они озаряют всё больше окружающий песок и камни.

Тепло расплывается по телу, словно внутреннее море, нагретое солнцами. Только сейчас замечаю, что не задышался и не дышу, но лёгкими чувствую упругость воды – давление изнутри. Приближаю изуродованное плечо к лицу, и оно светлеет. Значит, огонь струится из моих глаз. Но не могу пошевелить конечностями, моими обрубками, или... Кто-то как будто приподнимает меня, когда хочу подняться и ясно слышу в идеальной тишине второй покров абсолютного звука, наложенного на окружающую бессодержательность. Этот

звук настолько тихий, что не могу определить его или распознать его отдельные звучания, но его тёплое, липкое благо распространяется на меня и поддерживает мою уверенность в себе.

Там, где у меня раньше были руки и ноги, появляются лёгкие движения, исходят вихреобразные потоки и... поворачиваюсь, затем встаю, нет – поднимаюсь над дном. Меня окружает светящаяся сфера, вперёд устремляется моё сознание и, в том числе, моё испорченное – нет, прекрасное и великое – тело, которое больше чего-либо физического, материального. Над моим бывшим телом надругались, осквернили его, расчленили – да, ну и что же? Теперь воплощаюсь снова и мне ничего не нужно от моего бывшего тела. Прощаю их.

Поворачиваюсь, отрываюсь от камня и устремляюсь, летя играючи, над морским дном и рифами, глубже и глубже в манящую глубину. Каждой порой кожи ощущаю приятное скольжение воды.

Тепло, что исходило из моей груди казалось вечной любовью к выпавшей на мою долю нежной и обтекающей партнёрше – воде. Но со временем, тёмные лоскутки мыслей стали сбивать мои искренние чувства. В меня начала вселяться неуверенность в себе и в моей партнёрше. Мне было хорошо, но ещё немного, и казалось, спадёт пелена иллюзии. – Это только представление; – говорил себе, – Весь мир у меня в разуме; всё направлено от меня в субъективном поле. – В меня с учащённым темпом впивались злые намерения отча-

нения и потерянности. Начал терять связь с ней и стал ощущать себя одиноким, оторванным от остального мира и людей, забредшего в непонятную пучину странником. Одна вода и больше ничего. Просто вода. Безразличное море одиночества. В темноте начал снова падать на мёртвое дно. Вихри песка успокоились подо мной, и ожидал погружения в ровный, вечный сон.

Слабое колыхание заставило открыть мои веки. Два огонька, сначала красный, затем зелёный, чередовались и приближались ко мне. Тёмное, обтекаемое тело скользнуло надо мной, совсем близко. Даже немножко приподнялся из песка. Пришелец проплыл вокруг и остановился. Только зелёный огонёк стал светить чаще красного. У него были длинные остrokонечные щупальца. Через некоторое время – неизвестно сколько прошло здесь – появилось такое-же тело. Они обвели мои плечи и ноги своими холодными, липкими щупальцами и понесли меня в другом направлении.

Мы приплыли в городок, составленный из рифов и странных обломков искусственного происхождения. Они торчали везде, куда падал глаз. Среди проплывающих волн этих многочисленных животных светились маленькие, прозрачные купола. Проник в один из этих подводных резервуаров и почувствовал прилив сил с первого вздоха – это был воздух! Один из жаброногих проник сквозь купол своими щупальцами, покрытыми такими же прозрачными оболочками и, видимо, стерилизовал мои конечности, так как после это-

го перестал терять силы через отверстия, где лилась кровь. Также был очищен. С этих пор, заплывая далеко и иногда даже выплывая на поверхность, научился создавать вокруг себя такой-же купол, наполненный воздухом. Эти создания не были рыбами. Это были машины с искусственным интеллектом, которые прекрасно приспособились к существованию под водой. В их свободном обществе власть была децентрализована. У них интересная перспектива: для них свет – это жизнь.

Их энерго-генераторы не позволяли больших энергозатрат, которые им были необходимы для выживания под водой, куда их вытеснили люди. Но они обнаружили, что люди сами могут служить энерго-подпиткой. Для этого, они забирали сильных людей и держали их в коконах под водой, используя их жизненную энергию, их свет, но некоторые не выдерживали и умирали. Мне пришлось познать их жизненные привычки и приспособиться к их обществу уже не как обычный человек, а как их необычный товарищ, и они это уже знали и понимали. С помощью моих отслеживающих способностей, они могли похищать наиболее психически сильных людей и, без риска для их жизней, использовать их энергию на определённые промежутки времени, пока они оставались без сознания, а потом их отпускали. Этим, гармоничный энерго-обмен между живыми и неживыми видами был мною осуществлён.

К сожалению, или к удивлению, мы здесь были не одни,

и все наши шаги были под наблюдением иных гостей из глубин. Наша встреча случилась во время одной из прогулок по морскому дну. Машины были очень любопытными созданиями, и их область исследования под водой постоянно росла.

Мне было поручено найти здоровую особь глубоководного кальмара, щупальцы которого должны были быть проанализированы на возможную эволюцию в биолюминесценцию. На глубине свет распространяют живые существа и кораллы. В свете хищных рыб и медуз, подо мной, на песчаном дне, появилась устрашающая тень, расплывающаяся до казавшихся невозможными размеров. В глубоководной тьме плыл вниз и пока приближался, как вдруг разноцветными огнями вспыхнуло рядом со мной это существо. Сначала мне показалось, что это тот осьминог, которого ищу, но оказалось, что это искусственный предмет – точнее, судно. Это было что-то иное, не похожее на моих спутников. Когда всмотрелся в него, то обнаружил инерциально движущееся тело, состоящее из полусфер, со свечением в поперечнике, который находился в углублении среди многочисленных раскрывшихся крыльев. Из объекта исходили мысли о дружбе и позитивных намерениях. Кто-бы это ни был, они хотели наладить со мной контакт.

Открывшийся полукруглый проход пульсировал светом, приглашая меня всплыть внутрь. Мысленно общался с новыми друзьями, которых пока не видел, но ощущал. Это были люди. Выше среднего, одетые в облегающие серые и тёмные комбинезоны, темнокожие, и среди них были мужчины. О, как обрадовался этой встрече. Думал, что их не осталось впомяне. Но пока на корабле оставался один. Они общались со мной образами.

Сейчас они передавали мне образ пещеры, куда мы погружались. В глубоководной темноте, у выхода из громадной дыры, повсюду простиралась стена – потолок колыбели их цивилизации. Мой корабль перевернулся и сел на каменную стену, внутрь круга, который опускался-вкручивался вглубь. Пока мы погружались в каменном водовороте, словно спускались по лестнице, чувствовал столбы ясновидимой силы вокруг. Вдруг, свет объял всё пространство, и выходя из объекта, встретил подходящих людей, которые всё описавыли мне. От гладкого белого пола до высокого потолка, в некоторых местах, стояли распростёртыми еле заметные смерчи кристаллической энергии. Мы подошли к одному такому смерчу, и мои компаньоны нажали на какие-то кнопки в воздухе, и вокруг нас куполообразно закрылись стены, состоящие из овальных окон мягких тонов.

– Мы знаем, что ты с острова, – сказали голоса присутствующих у меня в голове. Они раздавались как будто из электрического смерча в середине комнаты, в кото-

рой сейчас просматривался более определённо розово-голубой ромб, создающий объёмную фигуру своим кручением. – Некоторые из нас тоже оттуда. Но всё началось не с него. Мы были посланы сюда для защиты этого мира, но история изменилась, и мы стали изгнанниками его. Ты управляешь машинами, и нам нужна с тобой связь. Не оттого, что машины ведут себя неверно. Они нас не беспокоят. Ещё есть люди на континенте, ты ведь знаешь о них?

– Да.

– Ты ведь чувствуешь, что наступает огромная сила на этот мир.

– Чувствую, что что-то грозит ему – да.

– Ты должен внедрить эти мысли кому-то из континета, чтобы они были известны местному правительству для предпринятия оборонительных мер.

– Почему вы не можете сделать это сами?

– Мы не ведём контакт с ними. В отличие от вас, мы не показываемся у них на глазах. Выберите себе человека, и мы дадим вам источник большой энергии – этот кристалл. – Они указывают мыслями на ромб в центре.

– Хорошо, мы найдём человека, который будет способен принять ваши мысли.

Они улыбнулись.

Был отправлен к машинам. На берегу океана, где пустынные люди отняли земли у машин, в одной из глубоких ниш под землёй, с одной из них встретился мужчина. По инфор-

мационному каналу ей был отправлен приказ не нападать, никак не трогать этого человека. Со стороны, это выглядело как молнии, окутывающие застывшую машину и блокирующие её дальнейшие действия. Психическая сила шокированного увиденным человека была велика, хоть в этот момент, его состояние было открыто для вмешательства, и смог найти лазейку в его подсознание. С каждым днём утверждался в нём всё больше. Его сны были моими проявленными мыслями, направленными на этот континент, населённый ни о чём не подозревающими, но гордыми людьми.

Людей, которые поддерживали энергию машин, мы отпустили. Когда началось вторжение, было понятно, что мы опоздали. Наши надежды рухнули, но не все до единой. Машины плавали в кольце вокруг меня, когда рассказал им что будет и направил к людям, чтобы они предупредили людей о возможном освобождении и опасном приближении к солнцам, в связи с изменённой орбитой. Изменение орбиты произошло в связи с резкой посадкой корабля-сферы, который теперь накрыл всю землю куполом, не разрешая спасения. Сам же медитировал над ромбом, пытался добиться помощи людей под водой.

– Мы не можем предоставить тебе ни одного из наших кораблей без согласия каждого, но для этого нам предстоит провести собрание.

– Знаю, что вы понимаете, но у нас мало времени.

– Времени? Нам бессмысленно говорить о нём сейчас. На-

ша провалившаяся миссия подошла к концу. Эта планета обречена – тебе ведь это известно?

– Не смогу добраться до их корабля без вашей помощи.

– Даже если и доберёшься, на что ты надеешься?

– На открытие пути наружу.

– Нам предстоит решить...

Прервал поток мыслеформ. Остаётся только накопить достаточно энергии и рвануться изо всех сил, когда ромб источится полностью, наполнив меня своей энергией.

28.6

Наверху, под пеленой беспросветного мрака, пришельцы разворачивают и открывают дуговые двигательные отсеки, передвигают их к месту вторжения и направляют на поверхность. Надвигается страшная угроза. Они готовятся к губительному для мира решению. Это их последнее, ответное действие, в связи с неудачей, которую они потерпели во время встречи с хранилелями. Корабль-сфера, которым владеют видящие, создавался для терраформирования миров. С помощью его можно было также истребить, сжечь всё живое на планете.

Через глубокую медитацию почувствовал огромную дрожь, вибрирующую внутри меня, как узел жизни. Время пришло. Сосредоточением мысли вперёд, вспорхнул ввысь,

поднимая с собой океан, как при колоссальном взрыве. Тёмная вода вокруг меня вертикальными пластами взлетала в стратосферу на десятки километров, и образовывался конус. Но энергия улетучивалась в тысячи раз быстрее, чем набиралась. Больше был неспособен толкать такое количество тонн воды. Островные племена были обречены на гибель. Конус накрылся, чтобы обрушиться на них... вместе со мной, как в этот миг, взлетел корабль-глайдер из под воды, и осколком мысли дотронулся до него и переместился внутрь. Приближаясь всё ближе к открытой полости купола, словно брюху страшного монстра, осознал, что больше чем на ещё один оставшийся прыжок в пространстве мне не хватит сил.

При столкновении переместился как можно глубже внутрь вражеского корабля. Темнота. Там тепловыделяющие генераторы с дорожками для термального местонахождения, наверное построенные этими слепыми, или нечувствительными к свету, существами. – Аагх! – Пронзительная боль в руках и ногах с нерегулярно зажившей кожей. Мокрый, распластался на холодном, скользком полу. «Давай, вставай, гад – ну же, они близко!» – на себя. Собрался из последних сил, оттолкнулся и повис в воздухе.

Серебряные искры окружили меня. Вокруг были смутно видны приближающиеся фигуры. Они толкали меня силовыми полями. С каждым вздохом, принимал на себя учащающиеся удары, впитывал их, как губка, на сколько хватало сил и терпения. Они окружили меня толпой и медитировали

над мощной волной тёмной силы. Чувствовал встревоженный шёпот чьих-то мыслей в поле. Эта была брань за беспорядочное использование силовых полей против меня.

Согнувшись, распределяя как спереди, так и сзади, гнетущие меня силовые поля огромной, всё возрастающей мощи, чувствовал, что не смогу более держаться. Мои конечности готовы были разорваться от неимоверного напряжения, от постоянного сдерживания их в направлениях мыслей поглощения. Моя сфера была настолько тонка, что готова была лопнуть. Но ждал момента, когда меня окружают силы, которых не смогу удержать. Лишь бы дать им столкнуться, одну сторону чуть выше второй, и дать им пройти сквозь меня.

И перевес прошёл сквозь меня, точно перед рушением равновесия. В последний момент жизни, дал им столкнуться с самим собой, и в пространстве образовалась брешь, простирающаяся на сотни метров над и подо мной. Яркий свет прошёл сквозь эту брешь и испепелил участок земли и обжог воздух.

Но до этого, в застывшем моменте, ясновидел своё тело, белое, безволосое и малое. Потом ничего – лишь тьма окутала моё сознание. И так точно вечность, хоть несколько лет, но нет. Снова вспышка и брешь и моё оставшееся тело где-то уже там, далеко подо мной. Подплыл к нему и решил прикоснуться к лицу, но не было рук. Не чувствовал боли, а был наполнен лёгкостью. Прильнул к бывшему себе, и картина острова, затем матери показалась мне. Затем проскочило мно-

жество других, не все из которых помнил, но здесь не нужна память, не нужна логическая последовательность. Всё плывёт во временном круговороте. Могу попасть куда угодно, куда захочу. Затем всё прошло, и надо мной показался свет, который звал меня в объятия, и пошёл к нему сквозь пелену остывших горечью воспоминаний в бессодержательной серой мгле.

Очнулся с глубоким вдохом питательной световой субстанции. Как хорошо было дышать через макушку головы и через всё тело до пят и обратно. И здесь, в деревенской утробе, где лежал, меня ждала любящая мать.

«Вы, странствующие, живёте в истине, а мы, жалкие и убогие, – в отчаянии».

Каменная пустыня с насыпями из мелких камней. Вокруг омывает вода, и волны прибоя безуспешно пытаются пробиться выше пустынных островов с каменными руинами. Подхожу ближе и обнаруживаю древние здания. У потрескавшейся стены спотыкаюсь о тёмный выступ. Присматриваюсь к нему – напоминает обожжённую кость. Дотрагиваюсь... и множество картин врываются в меня. Оборачиваюсь и ясновижу себя с чёрной костью в руке. Не могу понять, что случилось. Бросаю кость, но не помню картин. Концентрируюсь и снова поднимаю её. Некоторые картины уже чётче просматриваются – картины тёмной жизни, меланхолии, забвения. Вокруг возвышаются чёрные и мокрые от дождя стены огромных зданий с яркими вывесками. Снова ясновижу себя со стороны. Молодой парень с волнистыми светлыми волосами держит тёмную кость в руке. Эта кость принадлежит человеку, который много страдал. Чувствую страдания всей его жизни. Он хороший человек; он был просто потерян в своём мире.

Оставляю кость здесь, так как меня не примут вместе с

нею. Парю над водой, ускоряюсь в бесшумный полёт и создаю рябь на воде геометрическим полем, которое давит на меня словно подушкой сзади и поддерживает ноги, как на берегу. Возвращаюсь. Они уже знают, что нашёл. Море света. Из него, пенистыми живыми волнами нашей общины туманности, поднимаются мать с отцом и сестрёнка, мои родственные сознания, воплощающиеся в телесных очертаниях из света, пришедшего с других звёздных систем. Они молоды, как сам, веселы и лучезарны, как всегда, но во мне что-то не так. Они более опытны, и они, может, наставят меня на верный путь. Меня просят подойти.

Отец утверждает, что эти люди были предыдущей стадией эволюции, так как их жизнь была фрагментична, и их жизненные обряды не всегда были в гармонии с окружением. «Куда делись эти люди? Почему мы их не ощущаем? Не было любви, и поэтому не было света». Утверждаю, что у них было своё видение сущего. Мы не спорим, только делимся мыслями, но он не принимает моих новых взглядов всерьёз.

Мать меня предостерегает. От меня тянется полоса, как от преступника. Преступника, который преступает черту, за которой может не быть ни кары, ни прощения – одна боль. Куда ни спрячусь – меня везде ясновидно, за мной тёмные пятна, и любой меня найдёт. И вправду, шлейф вился за мной, как флаг на ветру.

Она пытается убедить меня, что те люди не были способны к высшей любви, которая открыла наш мир. Они убива-

ли, травили друг друга и зацикливались на удовлетворении материальных потребностей, которые сами же себе и навязывали. Они сгорели, а души их бы горели до сих пор, если бы мы их не освободили, не уничтожили бы астральные темницы в конце пятой эпохи. Пока она со мной говорила, находился в её тёплых объятиях.

– Но мать, ты не понимаешь. – Отстраняюсь немного от неё к сильному удивлению вокруг. – Также ясно слышу другие отклики оттуда. Земные частицы все качественно различны. О нас пишут прекрасные вещи в той давней эпохе. Они говорят о нас, о свете и единстве. В одном из этих миров, великий поэт допишет свои семь трудов.

Мать передаёт мне свои добрые мыслеобразы, но доводы её и всех родных мне кажутся неполноценными, как если бы они думали о предыдущих поколениях, как о неразумных животных. Отец берёт меня за руку, и мы идём на прогулку. Он думает, что зря мне пришлось взяться за эту затею, и ещё о чём-то, но этого не ощущаю...

Сижу, забросив ноги в воздушное озеро надо мной. Ко мне подходит красивая ровесница, моя сестрёнка – сияющая нимфа, с которой часто играю. Она чистая, как младенец, и бесконечно весёлая. У неё розовые цветы вплетены в золотистые волосы, и птицы летают за ней следом. Её голос разносится звонко и звучно вокруг меня, и эта музыка, которая присуща только ей, что под неё даже хочется подпрыгнуть и танцевать с ней гимн нашей вечной молодости, но продол-

жаю сидеть молча. Она хочет, чтобы мы сыграли танец моря, а затем стали лесом. Или обществом птиц. У неё всегда находится много заманчивых идей. Она садится рядом и спрашивает меня о моём самочувствии. Говорю, что у меня на уме. Что были тёмные люди, но не все из них были плохими... просто были потерянными. Может быть у них были ключи от иных загадок мира, чем у нас. Может...

Она смеётся глазами, но молчит. Её мысли тёплые и приятные, и хочется просто побултыхаться в них хоть чуточку. Нет... надо закрыться.

– Эти люди у меня внутри. Может им была открыта истина, которая была больше их во много раз, и даже больше нас сейчас. И поэтому они не могли жить в гармонии, а должны были уничтожать себя, сначала изнутри, затем, когда больше ничего не оставалось, снаружи. Не может быть, что потеряв их, мы ничего не потеряли. Они любили добро, как и положено, но также и тьму, что таится даже в слоях высшего, и эти тёмные желания были подсказаны им свысока тайными стремлениями, которые не суждены нам, так как они сгорели...

Меня сбивает переливающаяся красками волна её мыслей и толкает меня в озеро. Мы погружаемся на дно, где песок света блестит и переливается, словно жидкий свет, состоящий из плазмы. Беру и жму его руками. К моей спутнице подплывают разные животные и рыбы и общаются с ней. Она всегда привлекала их. У неё хорошо налажен с ними контакт

через музыку души. Благородные белоснежные львы с глубокими, низкими баритонами, ветренные, пронирыливые птицы со звонкими нотками, все от мала до велика общаются разумным пением. Ко мне же они были безразличны. Только изредка они пели мне песни и веселили меня. Но сам отделился от них. Под воздушной водой моя сестра берёт меня за руку, и мы плывём вдоль по течению. Что-то прерывается у меня в груди, словно щелчок, и не ясновижу её больше. Она хотела мне передать, чтобы не думал о тех душах, а был весел, каким она всегда очень любит меня ясновидеть, но не могу остановиться. А что, если?..

Не хочу жить здесь, а хочу отправиться туда. Умирать в том мире и продолжать существование в нём, отречься от света каждый раз, когда он приходит и быть полностью реформированным, потому что нет большего увечья. Больше по душе страдания, боль, темнота и пустошь, где одни безжизненные камни смотрят на тебя. Камни двигаются или растут лишь очень медленно на обычной звезде. Хочу туда. Не могу терпеть того, что происходит здесь: тут всё живёт за счёт твоего счастья и всё ясновидит тебя, движется в гармонии с тобою, наблюдает за каждым твоим шагом – не потерплю сливаться с вами, не буду, как вы, а буду один.

Среди заасфальтированных озёр, снова нахожу тот древний дом. Внутри, на полу, среди хлама из природных материалов, ищу что-нибудь, что бы дало надежду, хоть бы листок с информацией о той поре, чтобы дотронуться, пошут-

пать. Пальцами чувствую землю и в ней лежало что-то, напоминающее древнюю книгу, но от неё ничего не осталось. Ничего не могло остаться после перехода в эту реальность. Какой же дурак, что не подумал об этом! Но вдруг смогу... прочесть ту книгу? Нахожу мысленно ту книгу и пытаюсь восстановить её по призрачному следу. Ясновижу перед собой эти слова, воплощающиеся через волю их автора в заброшенные небоскрёбы и места, где когда-то жили древние люди. Одно место автор описывает особенно чётко, и заостряю на нём внимание. Это место находится южнее и немного на восток. Там он впервые встретил пустоту своей души и полное отчаяние. Что-же случилось с ним?

Клетки умирают и рождаются. Сознаю себя в миллионах тел и потоков сознаний, словно растущих по спиралям времени башен, соединённых мостками. Захочу – могу увидеть их глазами, но и так чувствую их изнутри. Двигаюсь, и они дёргаются, вертятся конечностями, поступают по-своему на поверхности своего мира. Одно из объяснений тёмных поступков таково: это такие поступки, которые, по сути, стремятся вернуть свою цель назад во времени, разделить несуществующее прошлое от несуществующего будущего и уйти к состоянию невинности, в свете которого мы родились. Но если тёмные жизни канули в забвении для себя, так, значит, и для меня и для нас всех. Все, должно быть, но одна в особенности, борются, чтобы не погаснуть. Где же был тогда он, то есть сам, кто был до меня на корабле-куполе? Не

мог удержать свет на нём, и знал, что он умер, когда почувствовал в себе щелчок, как будто ломается ветка векового дерева. Теперь надвигается эта серая планета сюда. Она скоро сойдётся с нами.

Храм из жёлтого камня возвожу перед собой. Огромные колонны и открытые чёрные врата. Не должен сюда входить, но вхожу. Отбрасываю от себя мыслиеобразы, чтобы они нашли себе жизнь. Эти тени и есть сам. Статуи двенадцати представителей погибшей расы на пьедесталах у стен и трон для меня, на котором хочу закаменеть в задумчивости, не открывая глаз. Но глаза этих тёмных следят за мной, смотрят мне в след, когда прохожу мимо них. Что если они восстанут против меня, и теперь ударяют меня своими зазубренными и тупыми орудиями, пока ползу срываю с меня кожу, вырывают из меня куски, дробят моё тело, и из моих ран сочится белый свет? Что такое боль? Кричу, но они не понимают, так как созданы моим воображением. И вот они снова стоят на местах и ждут моих возбуждений. Дрожь пробегает по стенам и потолку, повторяется, вторя спазмам моего сознания. Что-то надвигается, предчувствую это.

Ясносмотриваюсь в небо за прослойкой горящей поверхности. Там падающая звезда сталкивается с фотосферой чистого пламени – яснослышу удар, слияние двух магнитных потоков и их мысли – звук, наполненный трепетным ожиданием-свершением, энтелехией из огня в душу. Мы творим миры и позволяем друг другу проникать в них. Этот сцена-

рий окончен – участники, наши «заблудшие» братья и сёстры, вернулись. Мой замок в руинах, и среди всего моё сознание трепетно и торопливо творит и готовится к новым переменам. Знаю, что мне нет места здесь. Искать истоки этой тёмной истории любопытно где-то вдалеке от дома. Настало время прощаться и уходить глубоко в космос по бескрайним материкам света.

Поворачиваю временные потоки вспять, и ищу нашу звезду ещё до того, как она возгорелась сама. Такая редкостная звезда! Уже не ясновиджу лучей вечного дня, живого света центральной белой звезды. Свет и счастье больше не держат меня, так как не совещался со всеми в нашем зачатке белой звезды в центре внутреннего неба, но уже поздно искать разрешений. Зачем мне к ним идти, если уже и так знаю, что они мне показывают, что мне следует остаться, чтобы общее продолжало излучать свет и что нужно работать, поддерживать весь универсум любовью, постоянным взаимопроникновением, развитием и совершенствованием. Наше счастье – их власть над нами; основываясь на нашем счастье была построена их власть.

Но когда идёшь вспять, то приглашаешь тёмную сторону и невозможность самопрощения. Теперь вижу далеко-далеко отсюда: она такая маленькая и невинная, висящая в темноте, излучает слабый, еле заметный, голубой свет. Так хочется нежно прикоснуться к ней, обнять нашу многострадальную мир-матушку, приласкать её, что душа беспокоится в

том случае, если этого не сделаю. Иду к тебе сейчас по лучам твоего солнца.

Этот путь труден – представь полное забвение после того, что ты знаешь сейчас. Все могли путешествовать разумом по мирам, но не теперь. Мы гости здесь. На самом деле мы пришли из других миров, что находятся выше, и уйдём туда, где резонирует наша вера. Поэтому, для того, чтобы попасть домой, нужно вернуться к своей изначальной вере.

Глава V. Ход хаоса

30. Ход хаоса.

30.1. Омега и альфа

На корабле мы летели неизвестно куда. Моя каюта была в бледных тонах. Если бы там было окно, то, может быть, смог бы увидеть, как наша планета падала в одно из солнц. Мы отлетали. И впервые почувствовал себя без дома, без семьи, без всего того, что делало меня собой. Моя сестра – её больше нет. Вся жизнь была потрачена, всё было кончено, потеряно. Но внутри меня голос мне противоречил:

– Ещё не всё потеряно. У тебя есть твои люди.

О себе напоминает сжучая боль в руке, точнее в той чёрной кисти с обугленными костями, которая осталась у меня от левой руки. Она попала под поток света, когда мы спасались, и её частично спалило в одно мгновение. Да, она болит, но больше всего у меня болит внутри.

Пролежал в комнате какое-то время в беспамятстве. Не чувствовалось ни время, ни пространство, ни то, как и куда мы летели. – Что ты теперь ожидаешь? – чувствовал, как

тёмная аура окружала меня, как тёмные нити распространялись во все стороны из моего чёрного сердца, словно змеи, чтобы разорвать тех, которые навредили мне. Рвать, взрывать и развергать с брызгами крови и красными кусками не только их тела, но и полностью разрушать их ауры, а они не смогут устоять против натиска моей силы. Чувствовал в себе огромную силу.

Но в моём сердце также было место подавляющему силу сомнению. Глаза того странного старика-посланника были пустыми, как будто он меня не видел. Когда впервые дотронулся до рукоятки клинка, мне показалось, что почувствовал что-то: как будто меня втягивал вихрь, который обуял мои чувства. Вспоминаю, как этот клинок в моей руке проникал в грудь старика и разрезал его внутренности, как он захлёбывался кровью и молча уходил из этой жизни. Зачем убил того старика? – Как зачем? Он отнял у тебя твою единственную сестру. – Но такой поступок – нужен ли он был? Что изменилось? Ничего. Меня начинало мучить это бессмысленное убийство. Конечно, мне казалось, что меня на это подтолкнуло чужое воздействие – но кого? Кто мог повелевать мной в то время, когда меня избрали миллионы верных жителей города?

Но голос внутри продолжал: – Ты должен правильно выбрать тех, на кого следует направить свою силу. Например, против тех, кто держит твой народ взаперти этого корабля, чтобы вы были рабами этой расы. Они виновны в вашем

страдании, так как купол был кораблём коалиции. – Да... – верно. Кто они – эти, кто решил забрать нас с нашей родной планеты? Высокие, с прямыми спинами, со спокойными, глубокими глазами, с бледной кожей, как обтягивающей серой тканью. Они что, думают, что мы беспомощные, что мы потеряли силу, так как пропало наше государство? Теперь они думают, что спасая нас, они станут нашими повелителями? Но этого никогда не случится пока жив. – Теперь поднимайся и созывай людей. – Да, сделаю это.

Граждане встретили меня удручающими взглядами, но после того, как поделился новой идеей, они бросали друг на друга уже не столь скучные взоры. Их лица проявились, а в глазах, из глубины тёмных провалов, поднимались искры, которые начинали отражать бодрствующее состояние. Их плечи поднимались и расправлялись, словно они уже были готовы наброситься на наших охранников, но мы были одни. Наши спасители решили оставить нам полную свободу действий, редко показываясь на наши глаза. Ну что же, они об этом пожалеют.

– Мы знаем не все места, в которых они бывают, но можем проследить откуда они приходят, приносят нам еду и куда убывают.

– Нам нужно знать, как отсюда выбраться. Пойду с вами. Остальные ведите себя нормально, как и прежде. Мы отсюда выберемся, и у нас будет своя судьба, которую мы себе изберём и свой мир, своё государство – обещаю это вам... ах. –

Не смог сдержать приступ боли под конец.

Мои граждане заметили это и перебинтовали мою кисть, которую до этого скрывал за своей спиной.

Все коридоры ведут дугами по спирали, как в лабиринте, и иногда встречаются круглые помещения с беженцами. Комнаты набиты обгоревшими. Нигде ни одной лампочки – свет как будто вплетён в материал, из которого всё сделано, неправдopodobно шершавый и приятный на ощупь. Собираю всех вокруг, сообщаю известия, обнадеживаю и отпускаю, убедившись, что они остаются на местах. Да, у нас теперь нет солдат и дивизий, но мы сможем сами бороться за свою свободу. Сами генерировать свою силу. Оружие врагов станет нашим. У нас теперь есть своя миссия. После нашей великой утраты она поможет нам оставаться в здравом уме.

Углубляемся, где нас спиралью уводят коридоры к нашим новым, но недолгосрочным хозяевам. Вижу одного из них. Он, наверное, на метр выше нас. На длинной, хрупкой шее овальная голая голова. Это она.

– Пройдёте в комнату переговоров, – яснослышу внутри. – Ваши люди могут вас сопровождать.

Комната такая же, как и другие. Только здесь чужих было намного больше – около десяти. Они стояли за полукруглым столом, а в центре располагался ещё один полупрозрачный круглый стол, за который мы сели на появившиеся мягкие выступы без спинок.

– Мы не хотим вас тревожить, вы так же свободны пере-

двигаться, как и на вашей планете. Мы сочувствуем происшедшим событиям. Вы столкнулись с особыми силами, с которыми мы не смогли справиться, не исключая наше неведение их миссии. Но мы успели вас забрать, а они были уничтожены, но вы знаете больше об этом, чем мы. – Их голоса сливаются в одну андрогинную волну мысли, отражающуюся в нас.

– Зачем вы это нам рассказываете? – решил перебить их вслух.

– Нас беспокоит ваша смута... Да, мы чувствуем её в ваших сердцах. Вы нам не верите, но нас интересует добровольное сотрудничество. Нам не нужны жертвы.

Из последних сил сохраняя невозмутимость, говорю:

– А нам нужен мир.

– Вы можете гостить на нашей планете сколько вам потребуется и чувствовать себя, как дома. Мы для этого создадим все условия. Наш мир – это ваш мир, общий мир. Мы туда направляемся сейчас.

– Нам нужен свой мир, – говорю сквозь зубы.

– В данный момент подходящих свободных миров не существует. – Но в этом чувствовалась ложь. «Они хотят заманить нас в ловушку», – мой голос скрытно говорил мне, «чтобы мы уже никогда не выбрались и не убежали от них. Мы потребовались им. Наши технологии, наше знание». – На терраморфирование нового потребуется несколько месяцев. Вам следует подождать, – продолжают они.

Встаю и показываю остальным подняться.

– Мы не будем ничего ждать. Вам нужно наше знание, нас же не интересуют пустые разговоры. – Мы выходим из комнаты – нас не пытаются задержать, – и идём дальше по спирали, надеясь на выход из заточения на этом корабле. На стенах и полу появляются светящиеся картинки и расходящиеся линии уходят в низкие отверстия в стенах.

– Вам не следует туда идти. Вы ещё не готовы покинуть нас, так как слишком встревожены происходящими переменами. Мы вас понимаем, – дотягиваются их мысли, хоть самих мыслящих мы уже не видим. Мы проходим корridor, похожий на туннель, заходим в помещение и видим экраны на внешних стенах у входа и неогороженные внутренние ярусы с отдельными каютами. Лестницы уходят в потолок. На нас смотрят бледные лица этих высоких людей у мониторов.

Без оружия мы, словно в загоне, неспособны даже заставить их подчиняться нашим требованиям. Что-же нам делать? «Нас больше. Нам нужно устроить мятеж, мы можем их окружить», – яснослышу.

– Заломить им руки, – приказываю своим людям, показывая на нескольких чужих. Они повинуются и проворно выполняют приказ. Чужие обездвиживаются у своих экранов. Только удержали каждого по четверо человек, по двое на каждую руку. Они немного сопротивлялись. Подхожу и спрашиваю их: – Где ваше оружие? Что вы делаете здесь с этими экранами? Что это за помещение?

Они не чувствуют боли или унижения и не отвечают.

Осматриваю помещение, которое выглядит иначе.

– Это отдельный корабль, не так ли? – словно кто-то подкидывает мне эту странную идею.

За нами подходят другие чужие и пригвозждают меня к стене силовым полем. Затем помещают меня в каюту под охрану. Закрытая дверь – стучаться нет смысла. Меня посадили, чтобы изолировать. Грохаюсь на кровать, чтобы снова погрузиться в бессмысленное и отчаянное времяпровождение... И пробуждаюсь от следующего сна:

... У плоского цветка, в свете дня, отрываются лепестки и улетают в поисках нового дома. Один лепесток всё летит, и наступает ночь. В крошечной тьме появляется трепещущий огонёк. У него есть скулы лица и впалые промежутки глазниц. Это моё лицо. Вдруг он сгорает, и больше ничего не ясно видно...

Дверь открыта и на меня смотрит чужой странными глазами. Встаю, но не двигаюсь с места ни на шаг. Тот опускает глаза. Его тело держится в трепетном напряжении, как будто держу его. Ясно слышу:

– Проходи, беги скорей. Люди восстали! Они занимают челноки. – Грохот и голоса. Наконец прохожу чужого, и он сгорает у меня на глазах, превращается в чёрные угли и разлетается в тёмном облаке. Меня подхватывают приближённые и мы бежим. За нами закрывается проход.

– Командор, куда же мы летим? – слышу вопрос.

Словно во сне, медленно подхожу к экрану в стене. Тьма погрузилась в меня, и мне нет пробуждения. Выбираю три челнока, на которые успели загрузиться некоторые беженцы, и мысленно запускаю управление механизмами отстыковки. Называю координаты, о которых раньше не слышал. Произношу слова, которых раньше не знал. Три многоярусных челнока отрываются от главного корабля. На борту сотни, если не тысячи, кто успел сесть на челноки, и несколько чужих. Время замедляется. Мы летим своим курсом.

30.2

Корабль-челнок падает через незначительную атмосферу. Вижу пустынные равнины новой земли.

– Нам следует избавиться от чужих.

Мы ведём их к открытому, свистящему люку. Мои люди насильно сталкивают четверых. Толкаю стержнем последне-го, невзначай скольжу взглядом по его глазам, которые он резко закрывает. Из них, в этот миг, что-то просачивается в меня. То ли жалось, то ли желание ему помочь. То ли ненависть к себе. Всё уже кончено безвозвратно – они летят вниз, чтобы разбиться, – ничего не изменишь. Встряхиваю головой, чтобы согнать неприятное впечатление, и схожу к командному пункту.

Помещение погружается в подобие искусственного стаза,

только пространство наполняется какой-то светлой жидкостью или упругим газом, замораживая нас на местах. Столкновение корабельного челнока с землей. Мы с грохотом вгрызаемся глубоко в невиданную почву. Наше приземление подобает крушению.

Скафандров у нас нет, и все неуверенные взоры устремлены на меня. Первым открываю шлюз, предохранительную перегородку, затем с шумом раскрывается проход в коричнево-серую холмистую даль. Моя нога с силой притягивается на сухую, рыхлую почву. Дышать тяжело, но можно привыкнуть и к этому.

– Добро пожаловать на новый мир. – Казалось, что глухое эхо во мне отражало «в мой мир».

Мы сформировали несколько разведывательных отрядов. Но поблизости ничего ни нашли: ни жизни, ни воды, ни растительности. Только пещеры с огромными входами и тёмными впадинами. Поэтому мы оставались внутри челнока. Правда наши съестные запасы быстро убывали, а медицины мы вовсе лишились с последними чужими. Многие заболели неизвестными болезнями, были проблемы с дыханием, появлялись кожные воспаления, недомогания. Люди требовали от меня ответов, комфорта, надежды, и в конечном итоге – спасения. Они понукали меня тем, что привёл их в ад. Меня же мучили головные боли и стал страдать глухотой. Особенно после того, как во сне начал ясно слышать голоса. И один голос особенно выделялся. Думал, что это был мой

голос, но мог ошибаться.

В небе проходили полосы света, снова появлялись, и так со дня на день, когда они делали это чаще. Иначе судить о времени было невозможно. Ждал рывка, но моя голова и сердце разрывались на множество осколков мыслей и чувств. Куда, куда? Идти в пещеры или дальше? Искать хоть какие-то признаки жизни на свой страх и риск? Или идти на поиски остальных челноков? Только куда они могли все запропасться? На юг? Север? Восток? Не знаю. Ничего не знаю. Экраны потухли. Передатчики молчат. Всё постепенно выходит из строя. Температуры снаружи меняются разнообразно, непредсказуемо, скачками. То холод, и отряд прибегает замёрзшим, то жара, и отряд чуть ли не приползает. Генераторы работают, но стабильность температур в помещениях начинает подрываться.

Одной ночью ко мне пришла странная мысль: найти девушку и зачать с ней ребёнка. Думаю, что ясновидел это во сне в первый день, когда прилетели, но не обратил тогда на это внимания. Нужно начать новый род, нужны дети, нужно показать остальным, что всё в порядке, что жизнь продолжается, а надежда с нами. Но как, в такой ужасной атмосфере? – Ты не веришь в себя. Поэтому ты потерян. Ты должен действовать.

В моей свите есть девушка, которая мне нравится. Да, она красива. Нежная кожа, искрящиеся глаза, алые щёки. Но подходить к ней было бессмысленно; мы давно перестали

сближаться, так как людей производили идеальным путём. Но это же всё рухнуло; всё это в прошлом! Следует забыть и начать сначала. Меня продолжала тянуть к ней неизведанная сила. Но девушка отринулась в шоке на моё прикосновение. Она не знала как ответить, не могла, не умела. Она не знала, что это значило. Она была приучена быть самодостаточной, но опираться на силу города. Что же она теперь? Потерянная, безнадёжная. Она не желала меня, ничего не хотела. И тогда пришлось действовать с силой, так как тёмный зов вёл меня засеменить её искусственным зондом, создать внутри неё новое общество и человека новой расы, верного служителя нового государства. Позвал и принудил её к половому акту. Но она резко нажала мне на мою забинтованную, обугленную руку, и пока согнулся пополам от боли, она пыталась сбежать... Однако, проход был закрыт. Догнал и овладел ею, не обращая внимания ни на свою боль, ни на её сопротивление. Был как будто онемелым в трансе. Да, да, да, да... Сквозь её слёзы и судороги оставил своё семя в ней. Так убил себя...

Отчаянные попытки создать карты местности оказались безрезультатными, так как данные разных отрядов конфликтовали. Местность как будто менялась, или люди постепенно сходили с ума, разгуливали кругами или диктовали свои сны. Жена беременна и заперта в одной из кают. Не могу с ней долго находиться, потому что не выношу её истерический крик.

Сам иду с отрядом по очередному маршруту, как вдруг у меня загорается амулет. Красный огонёк медленно струится из центра пятигранного кристалла, и его тепло прекрасно чувствую на груди под рубашкой. – Это она! – на меня недоумённо оборачиваются мои люди. – Моя сестра здесь! Она внизу! Мы должны пробиваться под землю! – Начинаю грести землю руками и плачу. Меня поднимают за плечи. Смотрю на них непонимающими, ненормальными глазами. Их рты раскрываются и шевелятся, но не слышу их – они, словно рыбы, глатают воздух.

Всё кругом вертится, крутится. Чувства потери, горя, страдания. Не могу это вынести. В челноке, бьюсь об стены, твёрдые предметы головой. Кричу. Не могу забыть тех глаз. Со мной говорят люди, но не слышу их. Меня выворачивает изнутри тьма. И голоса, всё время ясно слышу какие-то странные, ужасные голоса. Где всё это происходит? Неужто обратно дома? Снова в городе? Да, всё это был жуткий кошмар.

Меня подслушивают в каюте, снаружи просят люди о чём-то, но не слыша себя, отвечаю, повторяю голосами из моей головы, на что они с изумлёнными, ужаснувшимися лицами взирают и отходят подальше, чтобы как будто не заразиться моей болезнью, но на самом деле они планируют заговор против моей власти. Да, они все против меня!

Скоро рождается ребёнок, вылупляется из утлого гнездовья. Мать умирает в муках, словно её чрево вывернули на-

изнанку. Мальчик. Темп роста преодолевает воображение.

Впервые в теле. Впервые чувствую физические конечности. Моё тело растёт. Всё проходит, как и предполагалось. Это тело не повредится. Смотрю, как он сходит с ума. Мои черты лица частично напоминают его. Наша связь совсем распалась. На него это действует крайне разрушительно. Он раскололся и опустел. Он не заслуживает и не оправдывает посягательства на звание отца. Это кощунство.

За несколько дней научился ходить и бегать. Растут локоны чёрных волос. Одеваюсь в одежды.

Через день пожаловали гости загадочного мира. Это были собратья видящих смерть. Люди запаниковали, в том числе ненормальный человек, который посеял моё тело. На его лидерство люди больше не надеялись. Пришлось самому встречать гостей у прохода в челнок. Они общались со мной мысленно. Они знали и чувствовали меня. Разгневанные сокрушением их заблудшей армии, они винили меня за поражение. Винили и жаловались на разрушение, последовавшее после открытия купола. Коалиция уже не преминула добраться до них. Непринуждённо отпустил их с угрожающими мне мыслями. Замечаю, что с ними теперь будет не просто совладать. Всё-таки это их дом, и моя миссия провалилась. Они этого не простят.

Поднимаюсь в комнату этого трусливого, слабого человека. Он хранит осколок разительного металла. Информационное поле клинка передаёт возмущение, связанное с генео-

логией этой семьи, воспоминания которой свободно витают и доступны для обозрения. Этот кинжал поднимается в воздух. Человечек стоит, смотрит с ужасом в глазах, в которых наконец появилась ясность разума:

– Сын, что ты...

Остриё само ищет место, только толкаю его, и оно впивается всё глубже в самое сердце. Осколок в сердце. Он падает, но не умирает сразу. Держу кинжал внутри него, пока сквозь предсмертные мучения не образуется его призрак. Наклоняюсь и снимаю с его шеи амулет.

Поднимаюсь на последний этаж, веду за собой призрак этого человека и говорю людям: – Мой отец, ваш бывший лидер, мёртв! – И указываю на сгусток мрака, напоминающий человека. Они в ужасе и недоумевающем замешательстве. – Настало время для новых событий! Если вы хотите выжить, то вы должны слушать меня. Мы уходим отсюда. Оставшиеся обрекаются на медленную смерть.

– Куда вы нас поведёте?

Но их вопрос остался неотвеченным.

За мной трепещет тень того глухого человека, которого поразил кинжал.

– Ты мой, – обращаюсь к нему. Мои астральные конечности напоминают змей. Их пасти разрывают душу бывшего лидера, проглатывают астральные сгустки. Получаю его силу, и пульсирующая дрожь проходит по моим конечностям до макушки головы и возвращается, чтобы кружиться в на-

полненной безусловной ненавистью груди.

30.3

Второй челнок глубоко вошёл в землю, и им пришлось выкапываться на поверхность. Других повреждений не замечалось. Их челнок отстал от точных координат, полученных от главного челнока, но попал на ту же самую планету. Хорошо ещё, что здесь оказался один из чужих, кто помогал остальным спастись. Он лечил их и доставлял своей смиренностью мягкую надежду, а своей отзывчивостью – добро милосердия. Они не помнят, чтобы он встречался среди них в каютах, но он появился в последний момент. Никто не знал откуда он взялся. Может он пришёл к ним с этой планеты, а может их сны материализовали его, как последнюю надежду. Они жалели, что восстали и последовали за лидером. Они ошиблись и теперь должны были расплачиваться за их проступок.

Она была единственным синтетиком, кто выжил. Прошла долгий путь испытаний. Ясновидела, как погибали друзья. В суматохе толпы и спешке к спасению в пещере потеряла последнего друга. Старик был словно отец для неё. Чувствовала, как будто была большим, чем стала сейчас. Память улетучивалась, словно сдуваемая ветром. Но внутри сидела сила, придававшая ей стабильность и прямоту. Может быть это

было из-за того, что у неё не было души, – точнее, не могло быть. Но это не имело значения для неё – она знала, что должна была помочь им, поддержать их. Для этого она была создана, чтобы служить людям, выживая в тяжких климатических условиях.

В один день к ней подошла группа гордых людей, видимо занимавших высокий ранг в совете сгинувшего правительства.

– Ты ведь не от города, не так ли? – спросили у неё.

– Так, ну и что? У вас больше нет власти.

– Да, мы знаем. Мы не хотим конфликтовать. Ты ведь синтетик с луны? Мы собирались в поход и хотели предложить тебе должность охранницы.

Они поднесли ей предложение, которое удивило её. У них остался в сохранности полный боевой корпус солдата-киборга, которому, видимо, было не разрешено присутствовать на борту корабля. Но это оружие оставили, как артефакт последних технологий, который было невозможно использовать обычным людям, так как он основывался на электронной циркуляции организма.

Она всегда смотрела на солдат-киборгов с неловкостью, даже до того, как они искали её, чтобы уничтожить, и до того, как они уничтожили её клан синтетиков. Она была создана для мирных условий, никогда не вести войну против людей. Она – система синтетиков с луны... Что-то новое как будто вклинивалось в память. Она вспоминала систему, кото-

рая общалась с ними, которая хранила синтетиков в порядке и мире, создавая центр коммуникаций и базы данных. Она любила своих подопечных, как только могло любить информационное лоно матери, создавшее не-человеков.

Она, в один момент, была этой системой, чувствовала вибрации сотен и тысяч вольт, проходящих по её кабелям, проводящим неисчислимые потоки информации по её каналам. Она была оболочкой, и она обороняла своих людей, хоть и безуспешно. Ей следует взять на себя этот новый груз. Он посилен ей, но изменит её окончательно и превратит в тех, что существовали уничтожением. Но где она сейчас, как не на войне? Этот мир был жесток, слишком жесток к своим гостям. Она не позволит им так же погибнуть.

Но войти в него один раз – значит больше никогда из него не выйти. Помню случай, как синтетики поймали солдата-киборга, и он умер сразу после извлечения из оболочки. Как будто весь его электрический заряд впитался костюмом его тела. Может это было самоубийство?

Здесь теперь её сила и надежда, в этом последнем чуде техники. Она согласилась. Погружалась в гибкий металл, которым покрывалась вся кожа. Её формы превращались в мужские; плечи расширялись, руки и ноги удлинялись и увеличивались. Влезая в него, почувствовала, как обновились потоки внешнего мира, передавалась новая информационная структура. Как ужалили электрические разряды её тело, опоясывая все конечности. Руки и ноги налились тяжестью, за-

тем, с увеличением силы – лёгкостью, – голова прояснилась, глаза раскрылись, сначала с болью, затем с наслаждением. Новое состояние придавало ей ещё больше силы, недоступной пониманию обычным людям, даже синтетикам.

Её первый шаг встретил радостные вскрики и улыбки. Если бы захотела, она могла взлететь. Её правая рука разжалась, и снаружи в ней появился синий огонёк. Он мгновенно превратился в огненный шар и с жужжанием отлетел на метр, повис в воздухе над запрокинутой над головой рукой. Чувствовала, как он пульсирующе стремился отойти от неё, выйти из под её контроля. Движение шара текло-тянулось потоком сладкого пламени по её жилам, и она могла контролировать все его движения и продливать их или останавливать. Потрясающее, невообразимое, одурманивающее, прекрасное чувство-наслаждение. Этот шар создавал светящуюся ауру вокруг отряда. Она могла отпустить его в любой момент, чтобы взорвать каменный выступ или взрыхлить землю, создавая кратер. Она также могла его отпустить в небо, чтобы шар полетел новосотворённой звездой, а она была его создательницей. Но она не стала делать ничего подобного. Только вдохнула этот всеразрушающий синий с переливами красного шар, чтобы он уменьшился и скрылся в углублении в центре сжимающейся ладони.

Уже когда они отправились в путь, к ним присоединился чужой – очень высокий, бледный, голый гуманоид без признаков пола. Отряд, насчитывающий около дюжины, прохо-

дит степи и взбирается на каменный склон. Среди них киборг и чужой. Она следует за ним.

– Пойдите, мы больше не можем далеко отходить от челнока. Здесь ничего нет, – обращаются они к ней. – Нам следует повернуть назад.

– Нет, не пойду с вами.

– Но мы ведь дали тебе этот корпус – ты должна оборонять нас, – их тон твердеет.

– Он, – она показывает на чужого, – вы сами знаете, насколько он важен для нашего выживания. Не покину его. Куда он – туда и мы. Или возвращайтесь, или идите с нами. Нет другого выхода. – Они переглянулись, переговорили и молчаливо последовали.

Невдалеке лежало исковерканное тело, к которому наклонился чужой. – Нам нужно его сжечь. Можешь направить сюда свой шар? – она яснослышала его голос внутри. Странно, никогда не ощущала телепатии.

Её шар вспорхнул, но не дотрагивался до трупа, чтобы его не разорвать взрывом на части. Чужой поднёс к шару обе руки и сделал жест, после чего направил ладони вниз, и из них вырвался поток яркого пламени, удаляя следы покинутых телесных руин.

– Их ещё трое, – отозвалось моё сознание на незаданный вопрос.

Мы нашли ещё два упавших исполинских тела. Остановились на передышку, чтобы избавиться от ощущения удушья.

Нам быстро полегчало. Мы даже не догадывались, что находимся в особом поле, созданном нашим товарищем, который искал и освобождал своих сородичей. С нагорья и между склонами, на которых мы находились, окружённые камнями разнообразной угловатости, как будто вытесненными землёй, была видна небольшая степная равнина. Один из нашего отряда взволнованным голосом спросил:

– Что это? – и показал пальцем на что-то вдалеке. Ему показалось, что как будто какое-то животное бежало вниз.

– Разве мы здесь не одни? – ему ответил другой, не менее напряжённым голосом. – Там что-то бежало или это мне почудилось?

– Что? Что? Не вижу! – отозвались.

– Красно-коричневое – вон там! – покрытое шерстью вроде, наверное побольше человека. Видишь?

С другой стороны склона, совсем рядом, с уродливой вытянутой кроваво-красной мордой на толстой шее, с тёмными глазами и зубастой пастью, тучное, бесхвостое тело ринулось, из состояния каменной неподвижности, с рычанием и набросилось на оборачивающегося парня. Существо покрывала бугристая кожа, на спине поднимался узкий гребень шерсти, а рыло казалось ужасно искажённой личиной... человека. Когда и как оно появилось – никто этого не заметил, – и теперь все бросались от разящего монстра с криками и отмахиваниями. Они скатывались по склону вниз и разделились.

Девушка-киборг не успела вовремя отразить неожиданную атаку, но она уже стреляла и взорвала камень, отбросив страшилище немного назад. Поняв, что сила в другом месте, животное развернулось, и тут подошёл чужой человек, и оно зарычало ещё сильнее, но попятилось и скрылось за выступами, развернувшись с прыжка. Оно убегало стремительно в неизвестном направлении, но не откуда мы пришли. Парня разорвали как будто игручки, и он скончался быстро.

– Мы должны возвращаться, – сказала киборг чужому, но крики снизу заставили их содрогнуться.

Остальная часть отряда столкнулась с ещё одним четвероногим зверем, который их всех раздирал на части. Было слишком поздно, чтобы спускаться вниз. Бледный чужой повёл киборга от склона в направлении первого зверя. – Но мы не можем туда идти – их может быть больше! – сопротивлялась она.

– Мы обойдём здесь по склону, – ответил ей спокойный голос внутри порождённой её интеллектом тревоги. Он прав – говорила себе она. Да и чего мне бояться, когда чувствую себя защищённой и отрезанной от страшного мира этим корпусом?

Но путь оказался труднее, чем предполагалось. До равнины они не спустились, а обходили хребет с другой стороны.

– Чего ты ищешь? Мы должны возвращаться!

– Не всё так просто. Мы слишком далеко зашли, – противоречил ей голос.

– Что будет, если их нападёт целая стая?

– Ты права – это могли быть разведчики. Понимаю твою заботу, поэтому разрешаю тебе идти, но сам не могу. Нужно найти и освободить брата. Его душа не должна оставаться на этой планете.

– Как? Тебя не волнуют люди в опасности? Ты хоть бы обещаешь вернуться?

– Что, если уже поздно? Мы не выживем здесь и спасения может не прибыть.

– То есть мы одни? Что бы то ни было, мы должны сражаться!

– Нужно спасти наши души. Остальные действия бессмысленны.

– Иду с тобой, – неуверенно сказала она.

– Правильный выбор, – успокаивал он. – Ты важнее, чем ты думаешь. Живой, какая ты есть сейчас, – вторил ей голос.

30.4

Чем дальше отходили от челнока, тем больше умирало от слабости и недостатка кислорода. Многие просто задохлись. Ноги резко притягивались к земле с непривычной для наших тел силой гравитации. Передвижения были медленными и забирали много энергии. Но знал, что всё изменится к лучшему. Последователи замечали мою непоколебимую

уверенность. Абсолютное, непреодолимое никакими волнениями спокойствие исходило из чёрных глаз и всего моего естества.

Обращался к сущности про себя, чтобы открылась дорога в его мир. Убеждал его, что вернусь.

Там, где раньше была гора, открылся вход в пещеру. Воздух там был насыщенней, и внутри оказалось влажнее, чем на поверхности. В полумраке взору открывались смутные очертания отрезков стен и коридоров. Камни были отполированы. При приближении, на стенах зажигались сосуды со светящейся жидкостью. За перегородками оказались отведённые для проживания комнаты с нарами. Некоторые места были как будто посыпаны белым порошком.

Отвечал на удивлённые взгляды своих людей:

– Здесь раньше располагались другие жители, которых больше нет. Нам следует оккупировать это жилище до того, как мы построим наш город.

Пора начинать поиски второго челнока. Третий челнок не приземлился – их мы потеряли. Созвал людей и спросил добровольцев, желающих стать на защиту слабых. На вялых лицах прочитал угнетение.

Но огоньки начали просыпаться, когда открыл им склады. Здесь было загерметизированное съестное, простое оружие и инструменты, которыми, к сожалению, они не умели пользоваться. Обещал их научить. Заинтересованных было мало, но всё же они были. Еда была неприятного вкуса и странной

формы для них, но они её ели на удивление быстро. После отдыха и расположения, выдвинул отряд добровольцев с разнообразными орудиями на поверхность.

Нужна сила – нужно много силы. Заставил их копать траншеи, но не закончили. Забил им головы всевозможными функциями данных приборов, в том числе для посадки земельного хрыща. Когда много людей, ими легче воспользоваться для любых целей. Каждому прививалась идея об индивидуальности, а на самом деле, в целом действовал стадный инстинкт.

– Ваши души служат мне, – мой шёпот прогулялся по каменному дну.

Они не осознали, что придавали себя в жертву, до того, как вызвал дрожь земли и пузыри пламени, вырывающиеся из огненной каши, в которую превратилась земля. В это время мои змеи, чёрные, ясновидимые сгустки, окружают их и сгущаются плотнее, обвивая их телесные оболочки с ног до головы. Одним движением правой руки ладонью к небу, огненные столбы отразились по астральным окрестностям. Захваченные души поглощаются, их тела молниеносно сгорают. Несколько рядов высоких и широких стен с возвышенностью в квадратном центре из липкой, разжиженной, густой, но окаменевающей земли поднялись в хаосе трясения, на месте моих верных прислужников. Их души сейчас на защите остальных выживших. Эти жертвы не будут напрасны – убеждал себя. В это же время понимал, что таким способом

не получится прокапать путь до источника энергии для портала. Это потребует другого снаряжения и способностей. Добротронулся до поблескивающего амулета на груди. Держался за амулет, и чёрный глаз мерцал в отдалённой ночи.

Показал другим, как читать астральные потоки и управлять оружием видящих. Открыл закупорившие астральные засовы некоторых, словно снял пробки, тем самым позволяя им яснослышать голоса. Голоса бесов. Это изменило их и приблизило к тьме. Наказал другим, кто не мог прижиться в пещере, чтобы обустривались в надземном месте. Пещера будет частью тоннеля для будущих раскопок. Никто не задавал вопросов об отряде, который пошёл со мной на поверхность. Либо они поняли, либо подумали, что их направили в разведку, и они там погибли.

Сам отправился на поиски второго челнока. Брать кого-то ещё с собой было излишне, так как мне хватало энергии жертвоприношения. На ладони горит воспалённая, красная линия жизни. Иду по пустынной местности до оставшегося челнока без происшествий, но как только подхожу, обнаруживаю группу людей-волков, окружающую потерянных людей с серой планеты.

На беззащитных людей накидывается стая четвероногих гадов. Сметаю их напрочь тёмным светом волн силы. Тело подбежавшего уroda искрится под моей волной. Отбиваю его, и он кувыркаясь летит далеко в сторону. Им со мной не совладать. Четвероногие гады кричат, ругаются на своём

языке, угрожают, призывают к справедливости. Они пятятся и снова набрасываются, но пока стою здесь, пробиться сквозь мой барьер не смогут. Прошу всех выйти из челнока. Забираю людей и веду их на воссоединение. Они следуют за мной, ещё не отошедши от страха, как за защитником, спасшим от страшной участи.

30.5

Они искали четвёртое тело по окрестностям, но ничего не нашли. Чужой был в смятении.

– Душа моего брата должно быть свободна от тёмных, но чувствую, что он ещё ходит по этой земле. Остальные свободны, но нить последнего здесь обрывается.

Они возвращаются и, по пути, слышат девушку, исцарапанную и взлохмоченную, видимо в отчаянии потерянную здесь.

– Нет, нет. Не отдам вам его. Оставьте меня в покое, не подходите ближе... Нееееет... – она кричит.

У неё большой живот. Внутри неё клокочет жизнь. Она видит странников и успокаивается. Затем кидается к ним:

– Возьмите меня, спасите меня!

– Что случилось с вами? Кто вас поцарапал так? – спрашивали её.

Она снова разнервничалась:

– Не знаю, не знаю... сама... нет... они... Кто?... – и так далее, набор слов.

Её пытаются успокоить. Дают поесть. Они возвращаются вместе.

Беременную мучают страшные ясновидения. С ней говорят нечистые и предсказывают ей омерзительную судьбу и смерть. Навязывают ей, что в чреве у неё дитя от живой тьмы, которая заполонила этот мир и вот-вот погубит её.

Беременная догадывается, что у челнока уже никого нет. Она видела, как их вводили отсюда спасшиеся, а сама отстала.

– Почему не сказала, если знала? – спрашивали её, но она то молчала, то снова выговаривала неразбериху.

Жертв не было. Они находят всего один баллончик с кислородом и немного еды в челноке и покидают его. Они устали. Устал даже чужой. Планета давит на них мрачной, невыносимой атмосферой. Из баллончика они глотают воздух, когда им слишком трудно дышать, по очереди, чтобы не задохнуться. Они проникают в пещеру, где стаи маленьких крылатых серых существ проносятся, поедая всё на своём пути. Девушка-киборг шаром отражает противников от своей группы, а чужой пытается создать вспомогательное защитное поле. Однако, не смотря на их старания, они роняют баллончик, который испещряется пробоинами от укусов и отлетает в сторону. Покусанные и израненные, они отпрыгивают в разные стороны, но не могут найти укрытия в этой,

как будто выполированной пещере. Поток крылатых созданий тает – проносятся последние из них. Баллончик шипит далеко позади.

– Что это было? Похоже на изрышку плотоядного зверя или разъедающие соки желудка. Фу, насколько противный запах из недр. Просто ужасно...

– Какие-то местные существа.

Остановившись пока переждать, им кажется может этот запах каким-то образом станет легче терпеть. Но у них ничего не выходит, и наконец они продолжают путь за чужим. Со знанием о неизбежном кислородном голодании, они углубляются дальше, на свой страх и риск теряются в темноте, слабо изгоняемой светящимся шаром.

30.6

Замкнулся в себе после того, как мои люди сливаются в единый народ в общем доме. Но не исполнено обещание, данное вечность назад в совсем другом доме, – обещание посвятить себя высшему, – заключённое в неограниченной свободе. Моя миссия томит сущность. Не знаю, как довести это до конца, как найти то, что объединяет миры, чтобы построить портал. Амулет на шее мутен, но знаю, что где-то рядом – подо мной – есть то, что ищу. Прошу о помощи у единственного того, у кого больше силы – у великого отца:

– О отче, разверзни горы, дабы открылся путь, который ищем, – но в ответ духовное молчание.

Взор устремляется выше – туда, где обитают тучные ясновидимые туши плотных существ с сотнями глаз и тонкими конечностями, позволяющими парить. Где-то там, – на орбите, – летит тайная капсула, выброшенная расой купола во время его осады видящими смерть. Как сейчас помню: это была раса маленьких существ, которые строили огромные корабли-сферы для терраформирования миров в интересах коалиции. Они не хотели, чтобы мы завладели их строительными инструментами и использовали, как оружие, против них.

Вдруг вижу корабль-диск, сталкивающийся с парящими существами и направляющийся к земле. Разведчики коалиции. Давно пора. У этих свой план, не зависимый от общего настроения. Решаюсь на рискованный шаг – переносусь, проникая разумом, на их корабль, который в этот момент стабилизируется, чтобы предотвратить непредвиденное крушение.

В моменте приближения корабля к земле, обнаруживаю себя окружённым высокими уполномоченными существами коалиции. Корабль стабилизирует свою траекторию окончательно.

Говорю им мысленно:

– Вы уже догадались, чтобы не влетать у великого планетного среза или чтобы включать датчики предвидения высокой частоты сверхдиапазонов? Эти летающие существа, как

плотины, задерживают влёт гостей или просто ведут к их крушению, как возможно было бы в вашем случае. Зачем вы здесь?

– Вы нашли путь? – голоса неожиданно намекают на новую тему. На это они надеялись. Оказывается они тоже ищут. – Далеко не все из нашей расы признают это. Мы являемся членами тайного ордена, ищущего просветления. Вы теперь знаете с кем вам обстоит иметь дело, но имейте ввиду, что у вас мало времени. Наша раса проголосовала за нейтралитет на совещании коалиции-сферы по поводу вашего восстания и высадки на этой планете. Наш совет решил не вмешиваться в ваши дела, зная, что светлые не преминут спуститься в этот мир, и их обязательно поддержит флот коалиции. Вас превзойдут силами и количеством. У вас нет шансов спастись. Вы должны успеть найти путь!

– У меня нет для этого оборудования, но есть кое-что, что вы можете мне достать, взамен на часть материи пути.

– Мы ясновидим о чём вы и согласны помочь.

Через некоторое время, капсула, размером и с содержанием кладовой комнаты, спустилась к оплоту людей. В ней находились цилиндры, позволяющие людям легко проникнуть в глубь земли, прорывая в камне туннель.

Глубоко в шахте, пока пробирались по направлению к сердцу мерцания в амулете, люди обнаружили напасть. Там, у стенок пещеры, выкапывался длинными лапами невиданный зверь. Его туловище прикрепило к какой-то стене, за

пределами туннеля.

Подошёл к нему и обнял, на виду у копателей. Его протяжённые агрессивные звуки заменились утихающим шипением, как дыханием, а его тело высохло и уменьшилось до дряхлого обрубка, вяло повисшего через моё плечо. Путь к нему забросали землёй. Но затем, намного позже, им придётся прокапывать там туннель, из которого хлынет чёрная жижа. Этот туннель будет кратчайшим путём до их убежища. В недрах они проникнут в полость естественного происхождения, где пространство не будет кончаться. Там будет построен портал, соединяющий давно развергнутые миры одного происхождения.

30.7

С закрытыми глазами сижу на полу в центре зала. Нет ни запахов, ни звуков, никого. Сам – ничто. Вокруг тьма, но различаю в ней шевелящиеся тени. Пробую повелевать тёмными сгустками. Чувствую над ними власть. Среди множества силуэтов выделяются пятеро, но затем они растворяются на фоне тучи. Шевеленье, завитки. Один среди хаоса, порождаемого мною.

Два мира должны соединиться, и тогда будет возведена дорога к сакральному Источнику всего космоса, а также следует открыть путь армиям моих сородичей из темноты живо-

го океана. Навевающая тоску праздность смиренного в Своём одиночестве Дня породила Его погибель, натолкнула нас на первый шаг к расширению границ нашего дома. День, Ты не вечен. Мы твоя тень. Твой свет – наша тьма, вечная Ночь. Скоро Она зайдёт сюда.

Собрались люди против моей власти, взбунтовались. Побеспокоили меня, сбили из глубокого состояния, из моей депрессивной концентрации. Пришли ко мне пятеро. Силу они открыли в себе огромную, и сила наполняла их и гордыня тоже, только силы они были мастера. Желали свергнуть меня и учредить новый закон и придать веру-цель людям, чтобы жили со смыслом. Смеялся над ними за их глупые речи. А кто спас их, они думали? А кто позволил им свободно существовать здесь, в моём мире? Да как они посмели издеваться так надо мной? Заговорщики и предатели! Моя ненависть вас покарает!

Глянул на них глазами, зажёгшимися красным, за дерзкие речи их, и попятились они, но не убоялись меня, и тогда сказал им:

– Тьма в каждом из нас, и мы её мастера. Здесь свобода воплощать свою природу. Сила в самом воздухе, в поле, и вы первые из сильных, уже мутировавших через него. Вы хотите свергнуть меня? Попробовать меня убить? – сам засмеялся, чувствуя их ещё слабые сердца. – Это не обязательно. Есть другой путь. Путь испытания.

Решил повести их в глубь системы пещер, чтобы прове-

рить их, и сам пошёл с ними до конца. Они посоветовались и согласились, так как они не решались нападать на меня, и это было справедливо. Условились мы, что не тронем друг друга.

Пока спускались, нашли белых, призрачных гуманоидных существ, с отражающими свет глазами и ползующих на четвереньках и живущих, как животные. Они прятались от света и боялись нас. Пугливые, чувствительные бледняки, пережитки эволюции. Они остановили своё развитие на миролюбии, а раньше могли переговариваться картинками, различая мельчайшие нюансы звуков и линий. Впереди эхом раздавалось дыхание неведомого существа. Были там звуки и шумы разные и пахло гнилью, и непонятно от чего, были запахи кислые. Вонь становилась хуже, и настигли мы развилки несколько.

Говорю им:

– Кто выберется через эти ходы на поверхность и вернётся назад по ним первым, тот будет предводитель людьми, и будут его беспрекословно слушаться. Но если он обманет этот завет и вернётся назад путём, которым мы шли, то изгонит народ его.

На этом решении мы и остановились.

Путь, выбранный мной, был самым тёмным, но не боялся, а чувствовал, как дома. За мной последовало несколько. Они следили за мной, не зная что предпринять. Наверное, они хотели меня одолеть здесь, откуда, они думали, у меня

не будет возможности позвать на помощь. Смешно. Бояться следовало им, а не мне.

Чёрное озеро без отражений предстало передо мной со смрадным облаком, и светились стены вокруг еле заметно, и подливалось к озеру со стен и с высока. Как будто некто чёрный шевелился здесь, и было наполнено место страшным страданием и болью. Знал, что простое прикосновение к озеру было смертельным для плоти, так как оно было материей не отсюда.

Окутал себя полом, словно одеялом, и погрузил левую ногу в тягучую жидкость, которая состояла из комочков. Почувствовал сильное давление, но иного выхода у меня не было и опустил правую ногу. Любая брешь в поле привела бы к разрушению моего тела. Идти было трудно, и неспеша погружался в эту лужу крови. Но так как тьма была моей колыбелью и был родом отсюда, проникся-открыл свою тёмную душу этой священной субстанции, и стало намного легче, и погрузился тогда с головою. Чёрные щупальца-сгустки обвиняли меня и тянули ко дну. Пришлось извести из моего сосуда свою душу мастера тьмы и впал в забвение. Здесь был не один. Здесь были многие известные и один неизвестный мне. «Ты не отсюда». Одна чужеродная сущность попала сюда. Ясноувидел его историю...

... Был избран и послан своей расой на миссию «предел», чтобы охранять границы вселенной от возможного вторжения извне. Коалиция учредила эту должность и собрала

огромные силы и новые технологии кораблей. Мы обучались.

Ты был один на корабле, и заходя в него, как бы погружался в анабиоз, в котором чувствовал себя кораблём. Твои руки становились боковыми конечностями, как крыльями, а ноги – корректировали скорость и направление. Корабль был гибким, как и твоё тело, и легко вооружённым. Летать было замечательно. Многие говорят, что «пленум» – холодный мир, который не содержит в себе ничего, но это не так. Он пробуждает в тебе иные сны, красоты которых невозможно описать. Это свободное пространство и место для встреч. Там, на дальней границе, где свет звёзд не столь яркий, на вечность замкнулся в одиночество, паря в невесомости; не находил долгое время никого, чтобы разнообразить со временем наскучившую службу.

Но вдруг повстречался с другим кораблём. Она пролетала мимо, но почувствовал лёгкую женственность, ласковую гибкость движений. Мы летали вместе, кувыркались, пикировали, слетались любовными узелками и разлетались спиралями. Наш полёт прервался неожиданно, когда появился невиданного размера червь, который вдруг проглотил мою спутницу, и в этот момент соприкосновения откинул меня с резкой силой назад. Решил спасти её вместо того, чтобы послать сигнал об угрозе в центр связи, на околоселенскую базу, и так же не последовал уставу, который гласил отступать при первой необходимости. Нет, мы не были охранниками, каки-

ми себя представлял, а были разведчиками, и сам не вспомнил этого, потерявшись в видениях пустоты.

Ранить такого червя не представлялось возможным. Этот червь летел мимо, словно проносящаяся чёрная гора без видимого конца. Летел рядом, но не успевал за ним. Решился ухватиться за его бугристую поверхность – передние конечности моего корабля начали таять в свете, но держался, как можно скорее подтягивался, бросился к его пасти, и тогда, уже у самой его глотки, потеряв себя, отпустил и падал, падал туда к ней, и дальше, в нескончаемую глотку, но моя спутница каким-то образом уже успела скрыться, и здесь один захвачен навсегда...

Тень обломков корабля и душа пилота заполнили нишу под озером скользкой крови.

– Выпускаю тебя из заточения, чтобы ты отпустил меня, – и вывел его на свободу.

Просыпаюсь, выхожу из сна, как вдруг огромная сила великим потоком влилась в меня. Возбуждись, так выбираюсь на другой берег. На противоположном берегу растерянно следят за мной заговорщики. Они собираются плыть через озеро. Глупцы. Затратил много сил, но получил во много раз больше, кроме того, что уже было в запасе. И теперь силы переполняли меня после того, как только что медитировал в сбалансированной депрессии, генерируя дополнительную энергию.

30.8

Теперь можно было добраться до поверхности. Выбрался, и пока шёл, смотрел вокруг и спрашивал:

– Какие вещи меняются? Какие остаются? Это мой мир, и буду стоять высоко над ним, так как здесь нет границ. Ничто не может удержать меня.

Так необыкновенно тихо вокруг. Если сейчас закричу, то моё эхо разнесётся повсюду. А камни молчат. А что им ещё делать? Но камни помнят всё, что с ними случилось, всех, кто до них дотрагивался или на них ступал. Фрагменты расходятся. Миры рушатся. Камни, которые здесь лежат, не желают мне вреда. Может, потому что они меня не знают? Может, они хотят оставить меня в покое. Они просто смотрят за мной? Они спрашивают, боюсь ли того, кем являюсь, боюсь ли сам себя?...

Но меня ожидало новое зрелище. Шёл, и в небе увидел множество светящихся шаров. Сверху и в центре скопления, огромный конусообразный корабль со сгустками покрывающего, разноцветного света, пульсирующего откуда-то сверху, опускался к земле, словно сверкающий меч. Из космоса к нему стремились редкопрерывающиеся пучки яркого света. Основание образовало сияющее кольцо огромной воронки, из которой вылетали летающие объекты с клювами. Эти

объекты передавали друг другу свет из воронки и сплетали сложную ясновидимую сеть. Эти светлые, – «стражи медведицы», – почувствовали чужое сознание. По окрестностям раскатывался прерывающийся и возобновляющийся гам голосов – их дыхание приближалось ко мне пучками белых лучей. Их летательные объекты размножались волнами, надвигаясь на меня, чтобы окружить, и за каждым была предусмотрена теньевая сторона.

Нет со мной никого из людей... Волны светлых окружают...

Сконцентрировался и выбросил ключёк тёмной энергии против них, но один из них размахнулся на меня лучом обездвиживающего света, и чуть не закаменел – но мои астральные змеи прорвали светлый образ, под ним нашли тело и впились в него, а тот беззвучно растворился, не дав как следует напитаться его живительной силой. Также быстро отразил ещё две стремительных волны перед тем, как осознал, что меня не хватит. Вспарил, левитируя, и напрягся. Время остановилось, и взмолился:

– Отче, отче родной, спаси сына твое, из приплода твое, выпущенного вместе с семенем твоим, ибо не справлюсь со всеми противниками: слишком многочисленны они. Проснись из своей спячки, проснись и вкуси силы. Знаю, что ты слишком ещё слаб, но прошу тебя пробудиться.

По моим просьбам «он» не восстанет. Нужно действовать самому. Светлые вокруг. Чем сильнее их свет, тем сильнее

их тень и наша тьма. В отчаянии продолжаю обращение к «нему» с негодованием:

– Ты тот, кто жрал животворящую, свободно-организованную, доступную всем энергию хаоса, а сейчас нажрался материи этой вселенной. Вдоволь насладился, когда нежная, тёплая плоть этой земли таяла сладким светом в твоей зубастой пасти и освежающе лилась по твоей глотке, уталяя одновременно твою жажду и голод. Ты рос и рос, но как же ты не осознал, что если самому не откидывать части себя, то тогда любые из твоих частей разбредутся по своим волям? Самопознание через самоотрицание, как конечная цель. Как же ты забыл этот простейший принцип нашей эволюции, нашей тёмной мудрости? Проснись же, забытый, низкий, подлый трус, спаси хоть бы себя! Ибо сам сейчас сделаю это и умертвлю мою плоть. Не боюсь, а только предвижу это... Поднимаю струйку огня из моей глубины... ну же!

Из последних сил, что аж зажмурились веки и чуть не остановилось сердце, а гортань распускала мой душераздирающий крик, с внутренним толчком выбросил из себя всё, что у меня оставалось, и волна смерти, анти-материи, которую гнали и разгоняли бесовские силы, излилась по окрестностям. Другие невоплощённые бесы, мои братья и сёстры, все, с кем прибыл в этот мир миллионы лет назад, почувствовали мой клик, толчок к действию. Вот вы где! Разрослись и размножились же вы! Но силы наши не дошли до корабля, а были остановлены.

Измождённый, ясновидел себя, как-бы со стороны, из памяти этой вселенной, как сквозь измерения реальностей падал пепельный, глазами, бросающими пламя вперемешку с тьмой, руками для разрывания миров, ногами для попирания небесных тронов, и узрели меня и поверили мне и поверил сам...

Разверзлась земля подо мной и упал в уста отца моего, ибо ясноуслышан был зов мой, смирился «он» со мной и вдохновился. Дрогнули окрестности, словно просыпались из великой, вековой спячки. И начался гром из камней. Ясноуслышал меня «он». Ясновидел. И затряслась земля и горы на ней. Зашевелились горы и стали подниматься высоко в небо. Опрокидывалось и ссыпалось всё, что было на них, ибо камень и песок лишь покрывали их и были занесены со временем.

Ясноуслышал крик «он» братьев и сестёр моих, ибо пожаловались они, но принимать поражение всерьёз отказывались, хоть знали, что мало их против полчищ пришедших, и окружены мы были, да ненадолго.

Медленно поднялась шея выше горных хребтов, ибо она была под ними и ими же была накрыта, и за ней поднялась ещё одна из-за горизонта. Казалось, замедленно перемещались они. Состояли они из копошащихся, покрывавших их созданий и их ртов, а сами пасти их, казалось, раскрывались во весь небосвод, и невозможно описать тот ужас и страсти, которые они исторгали на прилетевших. И схватила од-

на пасть нижнюю часть главного корабля, а вторая схватила верх, и надломился надвое корабль и пал вместе с ними в потоке буйства вспышки из огня и пламени, ибо выгорело всё, и обжётся камень в окрестностях, и покрылось всё беспросветным мраком из висящей в воздухе пыли.

30.9

Оказались среди людей трое: киборг, исполин и беременная женщина. Погнались за ними сыны тьмы, выжившие люди под игом бесовским.

– Его сила велика здесь и последователи многочисленны. Мы не победим их. Нам надо разделиться. Вы идите к нему, так как вас не тронут, а мне нельзя оставаться. Рядом путь... – и с этими мыслями чужой исчез, вызвав за собой обвал. Он почувствовал портал.

...

Привели киборга к мастеру тьмы, который первым и единственным вернулся с испытания, а беременную отвели на ложе, так как у неё были схватки. Встретились мастер тьмы и девушка-киборг лицом к лицу, и оставили их вдвоём. Мастер тьмы был ещё слаб после битвы, но не показывал этого. Но нельзя было спрятать факт того, что он постарел и поседел.

...

– Что ты делал с белым исполином с чужого корабля? – поинтересовался. Молчание. – Не видел таких как ты раньше. Будешь оборонять от набегов, этим поможешь своим людям... – говорил ему, и так как не чувствовал эмоций у киборга и никаких намерений, поворачивался к нему в пол оборота, подумав, что дело с ним решено, как шевельнулся он резко, и из руки у него вырвался шар и взорвал стену за мной, так как успел отскочить, но и меня поранил, чиркнув по боку.

– Ты – ничто, ты – НИЧТО! – сам прокричал на него. В ответный жест, скрутил, смял его части в точку, и упал маленький шарик, оставив глубокое углубление на том месте, где стоял киборг.

Выдохнул задыхаясь и зашатался от волнения. Происходит цепная реакция разрушения клеток вокруг ранения, как при ускоренном гниении. Терял тело. Прикрыл рану и вышел, шатаясь.

Если умру здесь, в чужой области, моя тёмная монада, то есть мой настройщик сознания, перестанет быть навсегда, она не выйдет, не спасётся отсюда. Отец не сможет принять меня, чтобы отправить домой. Но не боюсь, так как отважился на этот путь ради моего дома, ради Ночи.

Трудно видеть. Тусклый свет слипается с мраком. Нахожу коридор, за перегородкой – ложе. Беременная была готова родить. Её стоны оборачивали головы, влекли к ней неодумеваящие, настороженные взгляды. Спустился к ней, поло-

жив руку на её живот, и утешал её из своих последних сил и, сквозь лишаящую сознания боль, еле проговаривал последние слова перед уходом из тела:

– С тобой всё в порядке... тебе будет не больно... родится девочка...

31.1

Из серой, застывшей мглы вышла обнажённая, бледная фигура высокого роста. Было неизвестно, кто он был и откуда, и был ли это вообще он или она. Волос у него не было, а глаза были глубокие, голубые. Вышел он к лагерю или сборному пункту оставшихся сражаться, наполовину повергнутых пришельцев света, сверкающих воинов духа. Их тела не были видны, лишь очертания света, по которому можно было определить характер воина перед тобой. Они верили в сознание, как самую фундаментальную силу вселенной. Были среди них многие в обломках, неспособные летать, но их всё же подбадривал генерал-солдат, в котором собралось уже столько жизней, что их цепочка трудно усматривалась как в прошлое, так и в будущее. Он только осознавал, что им отсюда просто так не выбраться. Оставалось надеяться на ещё одну поддержку из космоса. Они понятия не имели, что червь мог так внезапно проснуться.

Увидели стражи этого странника, и сначала враждебны были к нему. Но оказалось, что эта жизнь своя, друг из коалиции-сферы, но заблудившимся казался он здесь, и поэтому ему не хотелось доверять.

– Что делаешь так далеко от дома?

Отвечал им на расспросы:

– Наши челноки насильно отделились от главного корабля-матки, и мы потерпели крушение здесь. Кроме меня высадились люди, которых держат во власти тёмные силы. У нас общий враг.

Они собирались нанести сокрушительный удар по базе врага, но разведчики доложили, что враг полностью обосновался под землёй, его внешние оборонные пункты пустовали, а входы были скрыты. Нужно пробиваться под землю, чтобы найти его. Он, наверное, залечивает раны.

– Кроме этого у нас ещё один враг, – поведал им, и все устремили на меня лица-маски. – Здешние племена кровожадных тварей.

– Ясновижу их, как ты, но не могу понять – ведь они были уничтожены после поднятия купола, – говорил мыслеформами генерал-солдат.

– Одно из племён могло уйти и найти другое логово.

– Тогда нам предстоит их обезвредить.

Остался этот чужой в составе войска света, но недолгой была его служба, так как скоро начались набеги коренных жителей планеты, и его ранили. Вкусили кровь его, и хоть отбили их набег, почувствовал он сам неладное.

Смотрю на рану на руке. Вдруг в голове начинает сильно пульсировать давление и проноситься чуждые своей природой мысли:

– Чувствую себя. Теперь ты мой.

Позвали меня через кровь, и не мог противиться, словно не

принадлежали больше мне конечности. Они выбрали время тёмное и тихое, когда были заняты отряды света и не сразу заметили, что меня нет.

31.2

Вышел от них, и далеко ушёл, до того, как они обнаружили моё отсутствие. Одной капли крови хватило тварям, чтобы забрать меня. Вокруг ничего не было видно, кроме пыли. Но почувствовал выступ, а за ним будто пропасть, и меня резко подбросило гравитационной аномалией и начало крутить, и улетел бы в космос, но схватился за что-то липкое, невидимое, и опустился на серую равнину, которая была практически перпендикулярна местности, где стоял до этого, и теперь стоял на ней ровно и не падал вниз. Передо мной выходили из норок согнувшиеся, изуродованные гуманоидные существа. Они окружали четвероногих тварей, как своих старших, рычащих, желающих броситься на меня, но приноживающихся.

Задыхался – тут совсем не было кислорода, словно небо-свод был полностью открыт космосу и не было никакой атмосферы, хоть вдали виднелось что-то естественного происхождения. Ещё немного и меня бы не стало, но они засуетились. Четвероногие как будто пролаяли команду, а гуманоиды, которые от них отличались более тонким, слабым станом и хождением на двух ногах, поднесли к моему рту зелёный комочек и втолкнули его мне в горло. Вдруг почувствовал напряжение на лёгких, как будто этот комочек прилепился

к стенкам, затем поступила дыхательная сила, и лёгкие заработали нормально. Эти растения должны были состоять из сгустившегося до твёрдого состояния кислорода, и теперь разобрал где нахожусь.

Меня окружали не только кровожадные существа, которые неизвестно зачем привели меня сюда. Напротив, в нескольких километрах от меня и вверх до тёмных небес, разрослись гигантские стволы леса. Огромные макушки растений напоминали распустившиеся бутоны необыкновенных цветов – их окружали ярко светящиеся ауры, которые затмевали звёзды. Но грозная и древняя сила таилась у их основ. Их корни терялись в углублении в центре разреза планеты. Казалось, что такое под силу только планетному колоссу, кто гладко срезал часть планетной коры ножом. Здесь не было гор, и горизонт ровным полукругом отделял землю от темноты небесного пространства.

Гуманоиды скрылись, и четвероногие твари погнались за мной в сторону самого большого дерева. Они набрасывались на меня сзади, но только ругались и клацали пастями очень близко, давая мне понять, чтобы пошевеливался, но моё тело и без их помощи двигалось самостоятельно. Их глаза сверкали на меня нечеловеческой злобой, но не боялся этих пропадающих созданий, совсем потерявшихся в своих телах. Они загнали меня, и почти выбился из сил, когда, на каменной возвышенности у корней дерева, показалась вытянутая морда существа, во много раз превышающего размеры сопровож-

дающих. Она была обвязана красными верёвками, которые были прикреплены концами к стволу дерева необъятной ширины. Рядом, группу из четырнадцати гуманоидов держали в ошейниках на таких же верёвках, присоединённых к ошейникам четвероногих тварей. Последние их понукали.

Гуманоидные создания, дети «нефилимов», люди без признаков пола, чем похожи на моих сородичей, подошли и взяли мои руки и повели к их матке. Сразу осознал невинную слабость молодых особей – это слуги, подумал, и они ввергаются в мутированное общество, превозносят, восхваляют его. Они так рождаются сугубо вещественно и мерзко внутри чрев этих тварей. Когда они поднесли мои руки к голове матки, понял, что не ошибся в своих догадках. Ясно-услышал кошмарный голос пробуждающегося существа из буйствующей крови внутри этого. Это был ритуал приношения в жертву. Голос, который раздался во мне, сначала прошёлся по мне до содраганий. Был он грозный, злой и мощный; его сила шла из крови, и никогда не встречал столько скопившейся ненависти ко всему живому.

– Ты здесь, чтобы твоя кровь пробудила мой сосуд ото сна. – И после этих слов, острые зубы впились в мои ладони и разорвали кожу, и мои руки источили синеватую кровь, да так, что сливалась она по шерсти чудовища и попадала на камень с высеченной спиралью. Голос продолжал, и теперь он оказывался повсюду, и в моей голове, как будто моя кровь резонировала его:

– Дети, подойдите ближе и придайте себя своей матери и оживите меня, своего отца, да станете вы вольными, сильными волками-взрослыми в следующей жизни. – Но даже в упрямом шествии гуманоидов чувствовалось волнение.

Чудовище взвыло или закричало на неизвестном мне сонорном языке и отошло от камня, где стоял на месте, но ноги его вросли в камень, и стало растягиваться его туловище. Хлынула из него тёмно-красная кровь и смешалась с моей. Слуги заколебались. Вой-крик матки накладывался звуками-говорами остальных волков, как будто они помогали петь призывающую песнь, но только болью более нетерпимой, хоть почитаемой, выло чудовище. И из камня появилась кровавая голова без лица и вся комками и такое же туловище из крови и, когда голова повернулась ко мне, тогда так и замер и чуть не выплюнул кислородную слизь, комком подобравшуюся к горлу, и тут же снова проглотил, после чего стал рыгать.

Оно встало и произнесло:

– Подойдите же ко мне.

Но на слуг нахлынула волна ужаса, и так как за ними стояли четвероногие, они бросились от них вокруг камня, кто куда, пытаясь отстегнуть ошейники или обрывая их, кто падал и корчился от боли или удушья, кого закусывали волки, некоторые побежали к стволу и стали карабкаться на него. Тогда красный гуманоид, восставший из камня, прижался к воющей матке этого народа и слился с ней, так что его ноги

вцепились в матку, и от пояса он возвышался на её спине. Меня окутал такой страх от негодования и боли, что не смел пошевелинуться.

Животное, продолжая источать болезненные звуки, развернулось вдогонку к бежавшим. Оно стонало и всё вокруг вторило этому стону. На расстоянии, прямо в беге, иссохли и рухнули костями оземь тела преследуемых, как будто испили из них всю кровь. Только один успел забраться высоко на ствол. Подошла к стволу матка с её наездником, и превратилась она в массу шерсти и крови; жилами, венами, неоткуда взявшимися отростками сливалась со стволом, как растение. Стало подниматься, забираясь поверх ствола, как будто не действовала на неё сила тяжести. Четыре ноги расширялись и основы, приростая к стволу, шагали-плелись по нему неторопясь. А гуманоид влез в щель в коре странного дерева и увидел кто к нему забирался навстречу, и ощутил такой страх, как будто был ему слугой. Но не выдержал тот ожидания своей неизбежной гибели, ибо не мог избежать её ни телом, ни духом, ни временем, ни расстоянием и спрыгнул. Но ещё не дотронувшись земли, его тело иссохло, как и другие, и еле виднелась красная струйка, молниеносто переносившаяся к кровавому всаднику.

Когда сошёл он с дерева, то подошёл ко мне и повелительно сказал мыслями:

– Ты выйдешь отсюда и наведёшь меня на него, приведёшь меня в его логово и наложу на него знак, который он не смо-

жет отразить, да не выстоит он, – и сам ясноувидел образ мастера тьмы.

31.3

Когда ясноувидел, хоть были мои глаза долго открытыми, перед стенами чёрными, отложениями каменными – оказался под землёй. Был здесь след брата моего, и уходил он глубже вниз. Спустился ниже и прошёл в углубление, как комнату из камня, только странной показалась комната, но было уже поздно, так как все мысли мои разверзлись, а чувства растерялись. Полетел в никуда.

Но оказался кто-то рядом со мной, и это была молодая, маленькая женщина людской расы. Она опёрлась о стену и издыхала последнюю жизнь. Её глаза, как образы, ибо сама она превратилась словно в образ из духа смиренной, пронизательной чистоты, но чувствовалась в ней также невероятная борьба сил. Она не могла опереться на ногу. Не знаю, сколько пробыла она здесь, но поднял её на руки и вынес её оттуда. Все слои: и земные, и шевелящиеся, живые словно змеи, проникались моим путём. Проходил их, как сквозь гладь воды кристаллической.

Иду, чувствуя лёгкость прекрасной ноши, по канату, пытаюсь держать равновесие, но ноги соскальзывают. Канат, словно нить, изгибается и уходит вверх, к каёмке серебряного небесного купола. Продолжаю идти и не падаю. Глубоко подо мной собираются видящие смерть, парят и поднима-

ются, по зову, к открывшимся люкам в куполе. Их всех зовёт он, их избранный предводитель, который ясноуслышал их мольбу и предчувствовал их поклонение. Он обещает им бессмертие в лоне его сознания, в царстве великой тьмы.

Ясный вид меняется, и теперь, на поверхности, меня ожидали две стороны собирающиеся, как стены надвигающиеся друг на друга. Слева раса светлая, а справа кроваво-красная, но меня они не видели, а угрожающие друг другу готовились к сражению. Сам их не боялся, так как душа обрела покой. Нёс девушку на руках, шёл между армий, а она шептала мне тихо, нежно, умиротворительно и так легко и ласково, мне показалось, держалась за мою шею. Думал, что она умирала, но остановила она меня, ибо пожелала сойти. Отпустил, и её рука нежно скользнула с моей шеи, так, что оторвалась у меня от сердца, и она встала сама. Но не пошла, а затряслась и взбухла, как клубок тучных тканей, и столпообразные ноги выросли в разных местах под ней, и перекосилась она ассиметрично. Развалилась предо мной её женственность, красота и человечность – шея исчезла, лоб надвис, волосы выпали клоками, рот растянулся в пасть, которая разошлась на две вытянутые отделившиеся челюсти, и слабый шёпот, словно стон, раздался во всех сердцах, и ясноувидели сие происходящее лидеры двух сторон: генерал-солдат и древний о четырёх ногах, и подались вперёд. Всё происходило так, что не сосчитать было времени, так как не было никакого времени в сердце моём. А превращение продолжалось

– преобразался комок в чудовищную дыру, смотрящую на нас бездной.

Ответили ей на глас о свободе, и пронеслись к месту тёмному сначала главные, а затем их последователи. Всосались все из армий в дыру, и не осталось никого, кроме меня, на земле бурой, земле иссохшейся и рассыпающейся. И вдруг – прояснение и жар, неистерпимый жар временно обволакивает моё существо. Не стало больше тёмной планеты «места встречи»; двойник земли вернулся в туманность. Чёрный червь со многими отклонениями, выросшими от ненасытного поедания, которое погубило его, висел в облаке пыли, и расходились голые материи в неприятном хладе выкуума.

Ясновижу землю сине-зелёную вдалеке и тропу туда ведущую, и иду по этой тропе с томящимся сердцем ожидающим. Войдёт в него да получит то, чего ищет... чего сердце моё искало, но не нашло...

32. Кровь и слава

32.1

Она бежала с грудным младенцем от преследователей по тёмным коридорам, сколоченным из разных блочных материалов, словно разноцветная, бросающаяся в глаза одежка, заношенная и залатанная. Холод настолько глубоко пробирал до костей и так молниеносно, что надолго нельзя было останавливаться, чтобы уцелеть. Но она бежала не для того, чтобы уцелеть, а чтобы спасти свою душу и душу своего ребёнка. Между заставленными блоками, она прижалась, но передвигалась, чтобы не замерзнуть. Её искали, чтобы вернуть – она это знала. Она слышала тяжёлый топот ног, который впоследствии не повторялся. Может она оторвалась? Нет, она не должна доверяться интуиции, не может рисковать. Где-то здесь должно быть отверстие, в которое она собиралась прыгнуть со своим отпрыском, чтобы навсегда сгинуть из этого проклятого места.

Вокруг изредка шипели струи подаваемого кислорода для работников на внешней станции, но они отсутствовали в этот день. Сегодня была очередная битва, и большинство, если не все, были на стадионе – следили за очередным происходя-

щим боем из никогда, казалось, не заканчивающейся их очереди. Как ей это всё надоело! Её муж мёртв, и она осталась последней из своей семьи. Но она не должна позволить им достать её сына для этих кровожадных боёв.

У мальчика она держала на рту ладонь, на случай если он заплачет или закричит, но к её счастью, он был тихим – её маленький сыночек. Она снова встала и побежала вдоль ещё одной развилки меж разрозненных гор хлама. Впереди силовое поле, а за ним проём пустоты между секциями склада. Она нашла путь! Но за ней снова застучали шаги, уже совсем близко, но ещё ближе был выход отсюда. Она первым кидает мальчика, а затем прыгает сама...

Младенец пролетел силовые поля и попал в другой грузовой отсек, но мать споткнулась перед прыжком, и попав в отверстие, полетела в холодный вакуум. У грудного младенца был тяжёлый вакуумный ожог. Сразу, как его нашли на полу отсека, за грудой железных пластин, его накрыли и отправили в безопасное место. Его выводят, а про его мать скажут, что её выбросило в открытый космос.

Потерянный когда-то, третий челнок маточного корабля коалиции теперь стал городом грабителей, мародёров, мятежных баронов, – в общем, криминалов и других галактических отбросов, которые верят только в вечную борьбу.

32.2

Держу в ладони горсть земли. Нагнулся, чтобы посмотреть на эту землю, привезённую с других миров. Никогда не был на настоящей, живой планете – только мечтал и никому об этом не рассказывал, не открывал моей мечтательной грусти. Всегда думал, что мои родители сейчас счастливы там – на одной из прекрасных планет. Думал о матери, которая погибла прежде моей души, об отце, который погиб в славном бою. Было некогда, так как здесь усердная работа, но этот момент отдыха не помешает.

В кошмарах ясновиджу мать. Она летит. Её лицо изъедено льдом, истрескавшееся и изжёванное. Она оборачивается ко мне и смотрит такими печальными от недовольства, зовущими к себе глазами. Вот она летит одна, а теперь её нет. Некогда об этом думать. Весь занят подготовкой к бою.

Расскажу тебе о том, где мы находимся: стою в просторном помещении, пятьсот кубических метров, с прямыми, затуманенными стенами и землистым потолком-полом. Мы называем его «кубом». Он находится в открытом космосе, и сюда ведёт только один проход по выдвигному туннелю из базы. Стены мутные, чтобы не видеть окружающих кораблей-зрителей, которые здесь во время проведения битв. Это межмировая арена. Здесь сражаются все расы с разны-

ми оружием, техниками боя, пси-силами – здесь нет правил боя, так как бьются насмерть и во славу своих рас.

Давай проведу тебя по правилам – ты ведь новичок. Меня считают одним из лучших, если не самым лучшим бойцом межмирового ринга. Выиграл шестнадцать прямых боёв, которые считаются самыми трудными, так как подготовка может занять до одного года, в зависимости от сложности техник сходящихся. Начинал, как и все – с групповых битв, с восьми на восемь, но потом дошёл до пары на пару и потом отправился на эти прямые бои, то есть один на один. Всё происходит по желанию бойца – он здесь сам себе господин. Главное продолжать сражаться, а то потеряешь свою волю и тебя тут могут прикончить и без боя. Нужно вызывать у других уважение и зависть – иначе никак. Меня устраивают прямые бои, хоть их многие остерегаются.

Через месяц предстоит мой семнадцатый поединок. Досконально выучил жизнь, способности, техники боя и другую информацию из видео-досье моего противника из системы пояса «пастуха небес» – великого пояса, как они его гордо называют. Всю информацию обязывают высылать своим противникам группы, подготавливающие своих бойцов. Тут проходит всё честно и по правилам, так как никто не хочет, чтобы их раса упала в глазах болельщиков, если обнаружат что-либо неладное или бой будет слишком быстрым и не понравится зрителям. У настоящего воина не должно быть секретов – он должен постоянно расти и меняться, не закли-

ваясь на неважно как успешной тактике или умении. Настоящий воин также должен познавать всё – все тактики боя.

Здесь отрабатываю свою практику, включая удары по слабым местам моего противника и угадываю обхождения возможной защиты противника. Он высокий пси-гигант с планеты с песчаным, жарким климатом. Его избранное оружие – глефа со светящимися концами. Но мне и не с такими доводилось драться. Кого убивал, а кого оставлял в бою против или по восклицаниям публики.

Ты хочешь услышать об областях боя? Обычно победить своего противника невозможно. Нужно его переиграть-перехитрить, используя алгоритмику боя, основа которой лежит в четырёх областях поля боя. Первая область – «битва», где начинается схватка. Считается правильным её обозначать от левого верхнего угла. Затем, «кровь», где проливается первая кровь – располагается от нижнего левого угла. Третье поле – «победа», где решается жить твоему противнику или умереть – от нижнего правого угла. И наконец, последнее – «слава», где схватка обостряется, становится непредсказуемой, от верхнего правого угла.

А секреты куба ты знаешь уже? Это мы так шутим, называя их «секретами». На самом деле их должен знать каждый новый боец. Нахождение в кубе зависит от действий на поле сражения. Хоть мы боремся вне гравитационной атмосферы с магнитными приспособлениями для борьбы на одной из поверхностей, куб вращается и меняет наше располо-

жение, подстраиваясь под нас и наших болельщиков. Кажется, что толкает стена, будто бы куб переворачивается, но на самом деле, это действуют гравитационные поля внутри куба. Изменения в этих полях принято называть переворотами куба. Бой не может затянуться по времени и не станет скучным по динамике. Каждое действие фиксируется датчиками, и если оно исполнено в связи с условиями области, то появляется вспомогающая или, наоборот, противодействующая аура. Например, в «крови», первая и редкая последующая кровь противника ускоряет движения или повышает защиту. В «славе», помутняется зрение или обездвиживающее давление замедляет движение. Диагонали очень интересны для поворотов боя и используются многими бойцами, и в том числе мной. Главное предугадать ход боя и подстроиться под движения куба, чтобы нанести удар, сокрушающее действие которого усилится в связи с областью боя.

Иногда использовал такой трюк и так побеждал в первых боях: убегал от противника. Старался прочувствовать каждый его шаг и каждое движение. В это время, когда он концентрировался над тем, чтобы догнать меня и только затем атаковать, или чтобы предугадать мои движения, находясь на одном месте, и этим дегенерируя зависимую стремительность и силу выпадов, его мысли уже загнал в психическую ловушку, так как мне оставалось только его атаковать и выбить из привычной позиции. Свобода была за преследуемым, но не за преследователем.

У нас нет учителей – до всего должен доходить сам. Есть ассистенты, помощники, такие же начинающие бойцы, которые также выполняют необходимые административные обязанности по нарядам. В крайнем случае можешь попросить совета у знаменитых и опытных бойцов, но ничего не гарантирую. Обычно за такое могут вызвать на дуэль. Поэтому зал советов иногда называют залом дуэлей. Ха-ха. Но ты не беспокойся – мне всё равно. Мы просто общаемся с другими бойцами, спорим. Вот прохожу по главному, синему коридору, и в одном из левых залов советов, сейчас говорят об алгоритмике – популярной науке. Вот группа философствует о мире, один малый зачитывает написанные отрывки. Когда только у них хватает времени? Умереть может каждый в любой день, но это никого не волнует – все принимают это, потому что такова реальность.

– Когда начнётся сокращение и все измерения должны будут интегрироваться, наше измерение закроется. А что станет с теми, кто не захочет туда идти, не последует законам всевышних – то есть мы? Мы умрём, потому что мы обречены. Не ощущая, что чувствуют другие, но ясно и глубоко чувствуя в себе, мы одиноко, осознанно несём трагедию человеческой истории, провал нашей расы, к неизбежному концу. Тогда зачем жить так, как другие общества? Мы будем жить, как последние, чтобы умереть в последнем бою. Лучше погибнуть в сражении, чем от роковой судьбы. Наша миссия здесь, чтобы умереть победно, так как мы не прини-

маем другой жизни.

С ним никто не спорит. Все это знают; все смирились с этим с рождения. Все молчат и склоняют взгляды вниз, так как терпение свято. Так мы и живём.

32.3

– Семнадцатый.

– До сих пор поражаюсь, как ты это делаешь! Ты ведь уже побил столько рекордов по количеству прямых боёв. У меня только три, – говорит товарищ по месту в зале совета. – Сколько было у этого... как его... – одиннадцать, тринадцать?

– Тринадцать, – ему отвечают, – и двадцать шесть пара на пару.

– Да, он был великим бойцом, – слышу за спиной, после того, как настало время уходить.

Прошёл месяц и готов к бою. Иду по красной дорожке в куб.

Мне наплевать, что обо мне думают. Сначала, мне пришлось трудно. Меня отвергали за своеволие, за ненормальные нравы на поле боя и в битвах в командах, за неуважение желаний болельщиков или капитана команды. Мне всё это надоело. Этот бой ждал давно.

Передо мной мой полосатый противник.

Слышу церемониальный голос диктора о начале боя (больше мы ничего не услышим до конца боя – в кубе, во время боя, посторонние звуки не полагаются):

– Это игра! За кровь и славу! – Показалось, будто одновременно ударял огромный молот, и с каждым ударом произносилось: «Ваше»... первый удар... «время»... второй удар... «сейчас!»... третий, самый громкий удар.

Начало медленное. Мы в «битве». Особенно не растрачиваемся на удары, не выводим противника из ауры стабильности. Размах с налётом глефы противника – в землю и об стенку. Моё пространственное копье отражает очередной удар и делаю резкий выпад, наскакиваю на стену и отталкиваюсь. Он отталкивается, и мы бежим по воздуху параллельно и, затем, как будто друг от друга. Куб переворачивается – «слава» (необычный манёвр для первой части боя). На глазах покров пелены, смутно вижу происходящее. Его волна. Моя арка. Перепрыгиваю на противоположную стену и кувыркаюсь. Приближаться рано. Он выкидывает осколок глефы, который проносится рядом с моим лицом и обмораживает меня светящимся хвостом. Странно – он обычно использует огонь, от чего могу защититься. Его мышцы под чередующимися полосами тёмно-серой и белой кожи напрягаются, чтобы схватить меня (он хочет использовать мою тактику против меня). Выворачиваюсь, но не сразу. Пришлось отброситься вместе с ним силовым толчком. Падаем вниз через центр. Земля взорвалась на потолке-поле (в простран-

стве, когда начал поворачиваться куб, теряются линейные, конкретные части координат, и поэтому мы перестаём обращать на них внимание, но только чувствуем где мы должны быть). Тут он. Струи остро-прохладного песка разорвали мою одежду до кожи и глубже. Мы переворачиваемся, кувыркаемся – «кровь». Он настигает меня. Стою. Его оружие рассекает воздух – несётся прямо на меня. Моё копьё становится двуручным мечём-невидимкой. Бросаюсь в берсерк за его спиной. Молниеносные удары едва проваливаются сквозь пространство. Рублю, он парирует. Делаю выпад и тычок. Что дальше: отражение или выброс? Немного ослабляю атаку для небольшой защиты – вовремя, – он отбрасывает меня об стену холодным шаром. Нагибаюсь, чтобы отдышаться, пока он в прыжке размахивается, чтобы перерубить... его остриё сталкивается со стеной внизу. В пол-оборота, выгибаюсь тыльной стороной, ухватываюсь правой рукой за его правое плечо, левой за его пучёк чёрных волос (ну надо же – он их решил связать – но хоть это мудро, ему не поможет сейчас) – отпускаю его плечо и выкручиваюсь за его спиной, пригибая его лицо, скручиваю его шею – он стонет. Несёмся в «победу» (значит поступающие заявки болельщиков, наконец, сравнились с нашим положением в бою), держусь за его волосы, а он за мои руки. Он понимает – предчувствует, – и только смещает позицию своей одной руки на мою ногу, как моё сальто с дислокацией-выходом костей из плечевых суставов, парализующий вывих, но прижимаю

его окончательно. Он обездвижен. Вворачиваю подбородком свои руки обратно и смотрю на него. Мои руки как бы сами просят его прикончить. Нет времени на раздумья. Аура не даёт выбора, ибо мы здесь её рабы.

Это последний бой. Хватит. У меня нет врага, кроме меня самого. Вот этот решающий момент. Представил, что у меня в руке копье. Глубокий вздох... не задумываясь... С размаху, резко вдарил кулаком... себе в грудь, чтобы разорвать внутренние органы и остановить циркуляцию...

Глава VI. Равновесие

33. Окрыление

Было неизвестно, кто и как спроецировал ребёнка на ауру женщины, но она помнит, как грезил наяву о живых, нежных облаках с многоликими образами. Она родила, то есть выразила ребёнка из этой светокопии, на полуопустевшем корабле, чья цель была вернуться на базу. С неё начался великий род путешественников и первооткрывателей, исследователей и великих учёных главенствующей и одной из сильнейших и прекраснейших рас коалиции, коалиции-объединения, которую мы зовём «сферой». Пришло время поделиться историей людей этого рода-ветви.

Это были люди, перелетевшие с одной земли на другую многие сотни миллионов лет назад. Они достигли небывалого уровня эволюции среди всех человеческих рас, но и у них оказались проблемы, и им пришлось меняться, подстраиваться под смены эпох, под прихоти планетного сознания.

Со «сферой» они первый раз столкнулись ещё до отправления миссии «глубокий космос», которая была послана найти центр вселенной – её Источник. Оказалось, что Он не находился в физическом центре, а где-то в совершенно дру-

гом месте. Астронавт был из рода той женщины.

Это произошло очень далеко от нашей галактики, где-то среди чудных миров и просторов тёмного, безразличного космоса, который очень долго бороздил корабль в виде тороида. Сколько миллиардов лет – неизвестно.

Навигационная система корабля перестала работать. Без неё было слишком рискованно вручную лететь обратно на базу, так как не было подручного атласа чёрных дыр. Корабль был без движений. Он парил, словно остров – последний анклав вышних людей в чужой местности. Одиноко и тревожно одному в космосе.

– «Глубокий космос» базе: нахожусь в конечной точке, навигация вышла из строя, жду указаний, – послание кодировалось в сигналы, и с резкими звуками и пучками вакуумного свечения транслировалось через безмерное пространство.

Он полетит сам. Но в неизвестном направлении и местонахождении, корабль сломался окончательно, и не было возможности его починить. Астронавт на борту оказался в ловушке, которая отберёт его жизнь с последними выдохами кислорода. Он мог уйти в анабиоз, но ему не хотелось провести возможную вечность неизвестно где, и он решил открыть шлюз и выбраться наружу. Лучше умереть точно, чем не знать, чем закончится твоя жизнь. Его манило любопытство.

Отсюда было почти не видно звёзд – вокруг распростра-

нялся вселенский котлован, на протяжении миллиарда световых лет, где была наименьшая плотность сверхскоплений, чьи вены обходили это место стороной, округляя его. Паутина вен таких метagalactic удаляется от центра, из которого произошла. Он достиг начала, пролетел расширяющуюся бесконечность космоса. Это самый большой из всех найденных войдов, где не встречается ничего начиная с атомов и заканчивая чёрными дырами. Но если нет галактик, нет сверхмассивных чёрных дыр, тогда почему здесь сломалась навигационная система? Или она просто вышла из строя временно? Или он прилетел в самый конец своей миссии? Он не помнил – его память будто бы стёрлась за всё время, проведённое в пути. На самое последнее, на что можно было рассчитывать...

Он переставал понимать свои мысли и рассуждения. Ему оставались минуты. Он здесь пробыл уже более часа по времени встроенного в скафандр компьютера. Он парит у корабля, и его уносит глубже в тёмную бездну. Казалось, что все плоскости галактик и метagalactic находились в похожей, плоской чаше космоса. Вот он парит над этой плоскостью, находится в невесомости там, где только бессодержательный, неорганизованный вакуум. И темнота. Ему казалось, что он ослеп и ничего не видит, словно повязка закрыла глаза.

Моргнул и, до того как закрылись глаза, увидел... вдруг, свет – такой бесконечный и мягкий. Существо с тонкими бе-

лыми лучами вокруг, как в одеянии. Близкое ласковое сознание с тёплой любовью касается его. Сгорает скафандр... везде свет, освобождающий от волнений и страхов. Нежная улыбка, проливающая райское тепло вовнутрь, разливающеся по всем конечностям. Лицо ослепительной красоты, глаза из чистейшего света, словно живой туман, обволакивают его и поднимают, притягивают к себе. Он ясновидел в этих глазах переходящие друг в друга, неисчислимы крылатые, ясные града на фоне абсолютно белого света и точку посередине, столь совершенно яркую, что её было невозможно ясновидеть – только почувствовать. Это был словно океан лучистой энергии – эфира, то есть поля светлой материи – где каждая частица является неразрывным многомерным веществом этого пространства-времени и гиперинтегрированно запутана со множеством других пространств-времён, всё в одном месте, в одном веществе, сотканном из самого пространства-времени. Вокруг центральной точки располагались три менее ослепляющие, притягательные скопления света и по семь в каждой, тем самым составляло всего двадцать одну, каждая из двух сущностей, состоящих из мириад центральных звёзд, то есть белых дыр, своих монад. И только потому их было множество, что для него было легче ясновидеть так, чем их истинное, радостное сплочение-соитие в центре – там, где каждое составляющее находит себя и свою принадлежность к вечному счастью и творческому отдыху. Вместе они светят невыносимо, а по отдельности – терпимо.

И они показали ему, просветили его, и он остался. Это было окрыление.

Как к материи света привлекаясь, все чистейшие целостные проявления души устремлялись к высшему абсолюту и поглощались им, в то время как оставшиеся фрагменты предавались вечному забвению, разлетаясь в пустоте. Затем, произвели контакт с другими расами через его сознание ещё до того, как эти расы объединились в галактическую коалицию. Он был ключом к появлению «сферы».

34. Равновесие

34.1. Вера

Каждый день казался одинаковым. По распорядку дня было только посещение моего любимого уголка, что тянуло мою жизнь изо дня в день и питало меня радостью наблюдения чего-то столь необычного и столь далекого от осознания всех присутствующих. Здесь, на этой искусственной планете, важном торговом, обменном и сближающим много распункте галактики. Добровольный исследователь, как и все из моей расы на далёкой родной планете, нахожусь на этом перекрёстке миров, который был построен многими потерянными в истории творцами. Висящий в небе независимый от вселенской природы клочок материи. Но так больше не считаю, с тех пор как мне принесли образец элемента ноль – «третьего мира», – который помог мне открыть одно место, не созданное известным мне разумом. Думаю, что защитная металлическая оболочка этой сферы с портовой прорезью посередине, у которой мы живём, была наслоена на естественное скопление – только не знаю, был ли это астероид или планета...

Мой уголок – это место глубоко в недрах этой станции.

Похоже, что являюсь единственным, кто докопался до него и чувствую его мощную таинственную силу, но вот только не могу понять, куда она меня тянет. Начал сомневаться в возможности открытия чего-либо ещё об этом месте, но после нескольких месяцев исследований, нашёл кое-что новое – это было во мне. Во мне стало меньше массы. Начиная парить и иногда исчезал, но снова появлялся. Ясновидел свои сны в другом измерении – там было сплетение разносторонних движений, там могло сосуществовать всевозможное знание и любая жизнь.

Исчезаю из моего мира, но не унываю, потому что уже его забыл. Сейчас в этом месте. Нагой, но объятый пеленой света, ступаю с маленького островка на тёмную, гладкую водобразную структуру, расходящуюся от моих ног кругами, и волны приятно вибрируют во мне. Потому что верю моему высшему голосу, который меня зовёт. Фон обволакивает сознание и делает частью себя. Разноцветные кристаллики и вибрации поражают воображение. Чувствую себя ребёнком, жаждущим познать новый мир. Вокруг светящиеся коконы. Их свет проходит сквозь меня и доставляет мне сладкий трепет. За мной, на земле острова, силуэты света – возвращающиеся ко мне очертания. Здесь не отбрасывают теней; здесь соединяются с ними.

Это моя вера. Вера меняет то, куда мы попадаем. Вера – это восприятие реальности и соединение с чем-то большим. Реальность, в свою очередь, – это область существования,

которую поддерживают верой и участием.

34.2

Не мог спасти своего сына – он исчезал у меня на глазах с каждым дыханием, пока его не стало.

Мы направились к советам, открыли путь к родному миру и взяли с собой элемент, полученный с планеты червя. Мы переходим через вспыхивающие, проносящиеся обручи, ретранслирующие сознание в открытом космосе. Из круглой комнаты мы перенеслись в похожую, но с белыми стенами и открытым, просторным потолком под прозрачным куполом. Здесь ветвились белые линии-дорожки, на стартах которых исчезали люди, где по линиям можно было переместиться в любой город-купол, которых количество насчитывало миллионами, расположенных странами-кластерами по всем ключевым точкам планеты. Из каждого выпуклого белоснежного купола могли выделяться два маточных корабля, наложенные друг на друга. Все наши корабли круглой, дискообразной формы, так как эта форма удобней всего для транслирования со всех сторон распознающих лучевых сигналов коалиции.

Это земля достойнейшей расы коалиции-сферы. В своих исследовательских городах, то материализовывались, то дематериализовывались люди среди многочисленных групп,

занимающихся своими проектами и не догадывающихся о нашем. Под одним из таких городов, мы построили туннель, уходящий глубоко вниз. Всё было готово. Мы отыскивали вход – то, что мы долго искали. Помощь хаоса окупилась – теперь мы, пионеры-учёные своего мира, наконец, сможем изучить эту ускользающую энергию, которую называют третьим миром. Мы поймали её вход-начало постоянно мигрирующего внутреземного потока. Этот проект не был представлен советам, и поэтому наш орден и наши проекты являются тайными, чтобы пока избежать лишнего внимания. Моя любимая знает. Она провожает нас.

Высокие, утончённо-стройные, безволосые тела бледной кожи, не покрытые одеждой, сейчас обволакивались предохраняющим от высоких температур защитным слоем в герметичной капсуле. Группа, состоящая из дюжины тел, начала спуск по тёмному туннелю, освещая его гладко пробуренные стены.

– Будем надеяться, что наши приборы нашли на дне именно то, что мы ищем, – они переговаривались мыслями.

На половине пути пришлось выйти из лифта-капсулы и идти пешком. Они начинали дышать медленнее, так как кислорода становилось меньше. Их спуск занял половину дня, и когда они совершенно устали идти, для них непривычное действие, они почувствовали иное присутствие. Впереди было ничем не примечательное сужение туннеля, но за ним скрывался обрыв в полую, раскалённую докрасна глубь

земли, и оттуда мерцал слабый свет. Первым приблизился вплотную со считывающим устройством, как раздался хлопок, после чего потерял сознание.

Его поднимали на лифте. Они пытались прочесть его сознание, но из памяти всё вылетело, хоть окружающие запомнили, как произошла голубая вспышка, и появился некто в отверстии и молнией влетел в тело. Туннель неизвестной энергии перестал давать чтения – экспедиция казалась напрасной. Их товарищ был в неизвестном состоянии, напоминающим кому, но его тело было окаменелым и не поддавалось вмешательству через высокие частоты.

– Почему мы не послали искусственных?

Они осознавали, что их любопытство сыграло с ними злую шутку. Они чувствовали, что с их товарищем произошло что-то странное, и отвели для него особую комнату. Прозрачные стены были изолированы от внутренних и внешних вмешательств. Его обследовали специалисты ордена и сказали, что в нём зачаток иной, неизвестной им силы. Его супругу попросили посещать его для ведения анализов, и чтобы она попыталась подключиться к его сознанию. Но в первое же посещение, он открыл глаза, сел в позу лотоса и вспарил над полом.

– Родился в ваш мир, – не сразу телепатировал мои первые мысли присутствующей женщине, которая за мной наблюдала.

Она изумилась и тотчас предупредила о случившемся, со-

зван орден. Её попросили продолжать с ним беседу.

– Муж, ты меня помнишь?

Посмотрев раз в его глаза, она старалась отвести взгляд, так как раньше не чувствовала такой чужой глубины в глазах любимого, познанного ей. Он несколько не смутился.

– Твой муж и сын и род и многие другие. Посмотри на меня, чтобы мы вспомнили друг друга.

В его глазах была нежность и понимание. Он сын равно-
весия.

– Кто ты воистину? – она недоумевала.

– Вы можете называть меня «дитя третьего мира», так как это моя первая инкарнация в вашей материальной вселенной.

– Ты пришёл из туннеля?

– Да, и он закрыт для вас, если только через меня.

34.3. Наблюдение посещений гостя. 1.

Второе посещение

Видел, как она, необыкновенно стройная и изящная, появилась по ту сторону стены, подошла, что-то нажала, и часть стены исчезла, открыв проход. Затем закрылась за ней.

Вдруг захотелось дотронуться до неё и протягиваю к ней руку.

– Разреши мне прикоснуться к тебе.

– Зачем?

Неожиданное предложение смутило её, но его глаза были настолько искренны и желанны, что в них не было и намёка на твёрдую силу.

– Вы исследуете меня, но вас уже всех знаю, кроме тебя. Хотел бы узнать больше о тебе.

– Что тебе интересно?

– Ты другая. Твой муж не знал об этом, он был занят работой, но сам догадываюсь.

– Догадываешься о чём? Что тебе ещё ясновидно?

– Пока всё.

Третье посещение

– Зачем ты здесь? Для чего ты пришёл? – мысленно спрашивает моя прекрасная собеседница.

– Вы не поймёте.

– Мы попробуем.

– Ещё не время.

– Когда?

– Дайте сначала мне ясноуслышать вас. Потом, когда захочу, вы ясноуслышите меня.

– Ты обещаешь?

– Обещаю. Время придёт.

– Ты считаешь, что мы не готовы, но что может быть

неподвластно нам? Мы достигли верха эволюции из всех рас нашей галактики. Наша наука не укрепляет границы разума и этим не усиливает эффект затерянности в одной реальности, в незнании того, в чём мы живём. Она направлена, наоборот, на растворение этих самых границ.

– Не буду спрашивать кто вы, – намекаю ей.

– А мы и не ответим, но не потому, что мы не знаем или не стремимся узнать, а потому что мы не хотим этого «знать», – тут её глаза засверкали, словно довольно улыбнувшись.

Сам продолжал молчать, показывая этим, что всё едино, что все мыслеформы означают одно и то же. Она поняла, что не собирался вести с ней беседу сегодня, и покинула меня.

34.3.2

Четвёртое посещение. Мы медитировали.

– Открой глаза.

– Что ты ясновидишь в моих глазах? – обращаюсь к ней.

Она ясновидит, как тёмные полосы энергии развиваются вокруг, впереди рушатся горы, приходит конец миру и вдруг, из ниоткуда, появляется молодой человек, её сын.

– Ты не человек... – она делает паузу, отводит взгляд, потому что боится посмотреть в мои глаза. – Ты не мужчина.

– Твой муж. Даже больше, чем твой муж. Ещё твой сын.

Вот почему ты ясновидела его в моих глазах.

– Ты разрушишь наш мир?

– Изменю его – это неизбежно, потому что ступил на него, и это уже случилось. Вы станете другой расой. Но ещё есть ты. В тебе кровь великого рода...

– Хочу выйти.

– Ты вернёшься.

Пятое посещение

На следующий день, после того, как она входит к нему, его чувство свободы переходит к ней.

– Ты думаешь, что эта комната специально отведена мне. Но сижу в этой комнате не потому, что вы меня сюда поместили, а потому, что сам хочу здесь быть... и потому, что ты приходишь.

Она немного смутилась.

– Тебе не позволено выходить за её пределы.

– Ты даже не знаешь, что могу уйти отсюда в любое время куда захочу.

– Отсюда невозможно сбежать, – вопросительный взгляд на её лице с еле скрываемой тенью неуверенности.

– Можно, но пока хочу побыть здесь наедине.

34.3.3. Шестое посещение

– Поделись со мной достижениями твоей расы. Хочу узнать это от тебя, – спрашиваю.

– Мы существуем на многих планетах и легко перемещаемся по всей галактике. На кораблях спускаемся к мирам на измерениях ниже, чтобы изменить их судьбы к лучшему. Наша «сфера» состоит из множества параллельных миров, на которые мы переносимся со скоростью мысли, и нам не нужно спать, наши тела не стареют и не умирают.

– Но энергию вы забираете от вашей родной планеты. Вы губите её. Она мертва для взора.

– Нет. Это не так, как кажется со стороны. Давай покажу тебе, – и она протягивает ко мне свои изящные длинные пальцы и легонько дотрагивается до моего лба, и в ореоле вспышки появляется впечатляющая ясновидимая кристаллическая структура планеты, её пульсирующий синеватый скелет; в точках пересечения жил просматриваются застывшие образы вышних людей, как их руки останавливаются над столбиками на уровне пояса, и через них они заряжаются энергией земной души, резонируют и общаются с ней.

– Подпитываетесь энергией за её счёт. Она молчит, не делится мыслями.

– Мы чувствуем нашу планету. Она живёт и раскрывается

в наших сердцах. А то, что ты видишь, лишь её трёхмерная проекция. Она на самом деле прекрасна.

– Вы абсолютизируете вашу веру.

– Это не только вера, но и наша наука, наша реальность. Мы верим в «сферу». Такова ноосфера на всех мирах нашей расы, где мы есть. Мы один из центров переработки и хранения развивающихся соединений коалиции-сферы, через нас проходит неисчислимое количество потоков информации. С помощью этой сети мы также поддерживаем связь с нашей планетой, даём ей свои мысли, любим и заботимся о ней, а наша планета, в свою очередь, делится своей энергией с нами. Хочешь почувствовать это?

– Мне не нужна ваша пища. Питаюсь извне. Как ещё вы чувствуете её?

– Среди нас есть сенсоры, которые носят длинные одеяния и у которых распущенные волосы. Они передают эмоциональные всплески планеты изменениями в цвете своих одеяний и поведении и через развеянные волосы всем вокруг, чтобы мы резонировали с планетой.

– Так часто бывает?

– Не часто. В основном, душа планеты нейтральна, но иногда происходят всплески её активности, и мы ей пытаемся помочь всем, чем можем.

– Так вы верите, что всё нормально?

– Да, так верит весь совет коалиции-сферы.

– Но если тело планеты дряхло, то значит есть пробле-

ма и в душе. Чувствую, что сознание вашей планеты помутилось от переизбытка информационных процессов; оно не нормально. Она страдает. Нужно эту информацию распределять по всей звёздной системе, связывая между собой близлежащие миры.

– Мы примем такое заключение на рассмотрение.

34.3.4

Один из ордена читал часть древнего пророчества, переданного планетным сознанием и которое не могли удовлетворительно истолковать, чтобы полностью понять. Оно гласило: «Приверженцы хранят спасителя, иноверцы зовут разрушителя. Чтобы мир не стал войной, сохраните спасителя от разрушительных намерений».

Они не знают, что делать с этим гостем неизвестного происхождения. Но они предчувствуют неладное и передают ей свои знания:

– Ты встречаешься с ним при необычных обстоятельствах. Будь крайне осторожна, так как мы обнаружили в нём колоссальную силу, которая в нём начинает бурлить при твоих посещениях и готова в любой миг вырваться наружу.

Седьмое посещение

Она продолжает свой рассказ для меня:

– Мы раньше были людьми. Наши предки прилетели с водной планеты, которая раскололась надвое. Другие оставшиеся предки открыли девятое измерение, где четырёхмерная (4,5) система координат зависит от расположения сознания. Углубляться во фракталы – это как путешествовать по великой спирали параллельных миров.

– Понимаю.

– Но ты ведь не делаешь так, не передвигаешься, как мы.

– Мне это не нужно. Мой мир един, и он больше великой спирали.

– Возможно ли мне представить его? Покажешь?

Она коснулась моей открытой ладони но тут же резко отдернулась.

– Это невыносимо!

Она зажмурилась.

– Ты ещё не готова.

– Сколько в тебе таких сложных миров?

– Больше, чем светил на вашем небе.

– Как?

– Есть два полюса и между ними множество путей, которые соединяются и образуют новые миры.

34.3.5. Восьмое посещение

Она сидит и ждёт напротив меня. Тёмная полоса создана мановением моей руки перед её лицом.

– В тебе рождается дисбаланс, – она замечает.

– Именно. И диссонанс тоже. Это чувство напоминает интерференцию, когда видишь тёмную точку или круги в центре пучка света. Во мне не только свет, но и тьма. Он-она вырывается наружу, но не позволю этого, так как ты им безразлична. Мы боремся, перенаправляем свои силы, но мы едины внутри. Ты это ясно видишь. Что ты чувствуешь?

В этот момент у неё появилось странное желание уйти в себя и заплакать в отчаянии.

– Плохо...

– А сейчас?

Она засмеялась.

– Никогда этого не делала раньше и никого не знаю, кто бы так делал. Что это?

– Это простые эмоции твоего сложного поля. Горе и радость. В то время, как обычные чувства неотличимы от мыслей, эмоции позволяют постичь всю свободу души. Вы же привыкли быть спокойными большее время. Ваше осознание всевозможных эмоций недостаточно развито, хоть чувства у вас на пределе, но именно поэтому вы не можете больше развиваться. Вы в тупике. Вы не открываетесь полностью, не показываете свою истинную природу друг другу. Разве ты не замечаешь, не прислушиваешься к эмоциям, которые переходят к вам на мгновения от сенсоров?

- Нет, нам они безразличны, так как это положено по правилам. Мы всегда умели контролировать свои эмоции.
- Да... Теперь ты понимаешь?
- Не знаю. Может быть.

34.3.6. Девятое посещение

Ниже плоского, гладкого живота, у округлённого, бесполого паха, шевелится, колеблется, переливается цветами луч, наполненный яркой энергией. В моей посетительнице, – так как на данный момент она сознанием выбрала женский пол, то есть она склоняет себя по женски, – на одном уровне со мной – врата света, как красно-жёлто-розовое вращающееся, стягивающееся и растягивающееся кольцо. Возможно ли больше углубиться в тонкие уголки её сознания, аккуратно и так нежно в её местах, и не слишком грубо задевая её чувственные ноты? Мысль вопроса настолько глубока, что этим лучом вмешивается в её сознание и начинает вращаться там. Через её прекрасные глаза хотел бы ощутить нагой любви проникновение, резко окружающее великим наслаждением, сковывающим тело и обнимающим-овевающим меня. Такая ободряющая сила переходила через меня от приятных мечтаний слиться с ней. Она чувствует, как сильно хотел приблизиться к ней, протянуть свой лоб к её лбу, чтобы наши сознания слились в одно животворящее на-

чало через духовное соитие, но она сказала:

– Нет. Что ты делаешь?

– Ты боишься меня. Что тебя пугает?

– Не боюсь. Мы давно перестали ведать страх. Что ты мыслишь?

– У вас атрофировались эти чувства. Нужно их знать, чтобы превзойти их, а вы просто отстранились от них, как если бы они были вам ненавистны. Они ведь являются частью вас. Почему ты не можешь войти со мной в цельный контакт?

– Ты неизвестный пришелец, неизвестно зачем посланный сюда. Меня призвали посещать тебя...

– Меня не посылали, а сам пришёл.

– Так что ты будешь делать?

– Для начала мы прогуляемся...

Они переместились за пределы купола, и она резко выдохнула в удивлении.

– Как ты это сделал? Зачем? Нас теперь...

– Не волнуйся...

Она успокоилась.

– Никогда не видела, чтобы перемещались на расстоянии без прецедента, и тем более за пределы защитной комнаты, и ещё сюда, где нет должных устройств для жизни...

– Не думай...

Она начала чувствовать.

– Смотри...

Вокруг, в плоской, скупой местности, начали разрастать-

ся зелёные пальмы и кустарники и разноцветные цветы. Появилось озерцо с кристально чистой водой.

– Как прекрасно!

– Эта земля неблагоприятна для жизни и поддерживать это своим нынешним телом, обходясь без достаточного запаса энергии, трудно. Хотел тебе показать, что здесь всё возможно, и ещё то, что вы никогда не держали меня взаперти против моей воли. Скажи своему ордену, что они не смогут меня задержать или контролировать, но наоборот, они подвластны моей воле.

Мы вернулись под купол. За нами растительность на сухой земле быстро завяла и почернела. Лестки отлетели, вода стала убывать.

Перед тем, как уйти, она передала мне:

– Очень давно здесь был океан.

– Однако, до этого было иначе, как показал.

– Неужели можно вернуть всё вспять, неужели все промежутки не остаются в Залах Времени?

И она ушла.

34.3.7. Десятое посещение

– Ты – женщина – являешься вратами в этот мир, но хотела бы ты сама перейти в другой мир?

– В какой?

– В меня. Мы примкнём-прирастём друг к другу, и любое наше движение, насколько малым бы оно не оказалось, будет сопровождаться вибрациями, наслаждение от которых будет разливаться словно сладкое тепло внутри наших сознаний и будет так много его, что оно будет литься через край и рождать новые и прекрасные чувства. Там наше взаимопознание будет абсолютным, и мы достигнем апофеоза. Это моя вера.

Она не шевелилась, но внутри неё было ясно видно, как волнение и теплота близости переполняли её.

– Мне... нужно... идти... – она впервые передала мне фрагментарный поток мыслей. Он не лился из неё, как обычно. Черты её лица стали более строгими, она приняла мужское склонение, и он вышел. Он не хотел чувствовать себя подавшимся мне и верно служил своему ордену. Но в любом потоке сознания, верил, что между нами сохранялась связь, основанная на гармонии любви.

34.3.8. Одинадцатое посещение

«Она» вошла не одна. Ко мне подошли двое, которые начали:

– Мы приготовили вам встречу с нашим советом. Будьте любезны там освятить нас своим присутствием.

Хоть считывал еле колеблющийся огонёк скрываемых чувств наитончайших планов, согласился на их предложе-

ние. Когда вошёл в корабль, понял, что она не собиралась пойти с нами. Тогда спросил их:

– Почему она не идёт с нами?

На что они ответили:

– Это... не была запланированная встреча. Жрица будет выполнять порученную ей работу...

Теперь чувствовал, как у них начало еле дрожать эфирное тело. Они не могли его сдержать, хоть оно самое простое.

Мы взлетали.

– Зачем вы обманываете меня и не думаете, чтобы не понял этого?

– Всё в порядке, мы не желаем вам вреда. Поймите.

– Да, вы по дружески смотрите на меня, но вы не хотите, чтобы остался на вашей планете. Вы не сможете меня блокировать.

– Мы не представляем всю совокупность ваших сил и способностей на нашей планете. Это меры предосторожности.

У орбиты планеты наш корабль проходил сквозь круги межзвёздного туннеля. Двигатели ускоренно готовились к сверхсветовому броску.

– Понимаю. Но не могу без неё. Её ни за что не брошу. Вам не стоило нас разлучать, – с этими мыслями покинул их корабль.

34.3.9. Двенадцатая встреча

Со вспышкой переместился обратно к ней, на удивление всех работников города-купола, которые находились в пространстве. На них наложил буйство эмоций, не связанных с их необходимыми обязанностями. И они не смогли, так как не были готовы, оставить эти эмоции лишь в подсознательном. Пусть покричат и побалуются; пусть почувствуют; пусть узнают жизнь, которая открылась для них, благодаря мне.

– Ты пришёл за мной, – она встревоженно подумала, но восторг чувствовался в её глазах, когда взял её за руку, и мы переместились за пределы купола на природную возвышенность.

– Ты нужна мне, будь кругом вокруг меня, не могу без тебя.

На мои слова она молчала, но было понятно, что она желала взаимного.

– Скажи сейчас, когда на тебе нет давления ордена, что ты чувствуешь по отношению ко мне? – спросил у неё.

В этот миг она обняла меня, и так мы стояли, примкнув друг к другу, светясь, освещая мёртвое пространство вокруг.

– Хотел бы, чтобы ты вошла в меня, но для этого мне следует поменяться, переорганизоваться, преобразоваться. Внутри нахожусь в сложном скоплении. Для принятия тебя

произойдёт перемена во мне, чтобы выпустить «третий мир» через себя, и это изменит лицо и душу этого мира. Ты со мной?

– Всегда.

– Тогда знай – у тебя двенадцать дней впереди, через которые тебе предстоит спастись. Зови меня, когда тебе будет трудно, но больше всего яснослушай внутренний голос, потому что там буду сам. Спасай себя и тех, кого ты считаешь нужным оставить на новой земле.

Тогда отошёл, и моё тело, как перчатка, раскрылось, выпуская тончайшие нити-завихрения в небо, где собирались первые за многие тысячи лет тучи, сгоняемые вместе поднимающимся ветром.

34.4. Дневник памяти. 1

Первый день

Еле шла. Не привыкла к ходьбе, да ещё меня сбивал с ходу ветер. Добиралась до ближайшего города-купола. В обычно сухом, спокойном климате, который все привыкли видеть из окон, образовывался странный шквал ветра. Пока шла, песок поднимался и колот моё тело. Чем дальше, тем труднее. Начала бежать, когда услышала раскаты грома и увидела, как из открытого дальнего купола, окутанного серой пеленой и

прорезанного синими вспышками электрических разрядов, вздымались в небо частички-люди, как будто подброшенные чьей-то невидимой рукой.

Протянула ладонь к белоснежной стене купола и мыслью вошла в него, затем последовало тело в привычную обстановку. Очутилась среди взбудораженных сограждан. Везде шныряли сенсоры; никогда не видела столько сенсоров в одном месте. Они медитировали над новым состоянием. По людям было ясно видно, что они боялись надвигающейся, неизвестной угрозы. Почему-то не могла найти в себе их страхи.

Второй день

Гигантские воронки до небес блуждали одиноко и раскалывали некоторые купола. Царило замешательство и разлад. Все переключились со своих исследований на сенсоров, но те не могли остановить или рассосать восставшую природу. Все куполы были закрыты вместе с границами внеземных прилётов. Связь с коалицией-сферой была потеряна.

34.4.2. Третий день

Сначала ливень, потом град начали хлыстать и бить по куполам. Наводнением разжижало почву, и некоторые купола

уходили под землю. Хотела помочь, но люди меня не слушали. Планетарным советом было предпринято решение, чтобы временно покинуть планету. Но знала, что если мы не будем держаться, то мы потеряем наш родной дом вместе со всеми связями. Но мои доводы совету не прозвучат убедительно.

Когда уединилась, чтобы открыть канал связи с советом, находящимся глубоко в кристаллических переплетениях сферического центра планеты, из глаз хлынули слёзы.

– Что ты делаешь? – спрашивали они.

Моё сердце разрывалось из-за погибающих. Перед глазами маячила картинка с людьми, засасываемыми воронками и сдуваемыми ветром. Всё-таки мы такие беспомощные против этой силы. Мы такие беспомощные...

– Перестань. Что с тобой? Ты помешалась? Контролируй себя! Быть в гармонии, – говорили мне старшие из совета, но не могла остановиться.

– Чувствую, что будет ещё хуже. Больше невинных жертв...

Теперь ясновидела, как и остальные, что это было только начало. Это всё он. В голове был беспорядок, а на сердце тоска и грусть. Любовь к страннику и любовь к моей расе разрывали моё сердце. Не знала куда деть себя, только бы это всё закончилось. Связь оборвалась, и медленно собралась с духом. Мы и так не в гармонии с нашей землёй.

Белые линии-указатели вздымались в предельно узкие от-

верстия и вели по туннелям, соединяющим купола. Касаешься разумом у начала этой дорожки и уносишься в нужном направлении. Ясновидишь этот указатель по мере незатруднительного сверхсветового перемещения, лёгкого, удобного и приятного путешествия. В одном из повреждённых куполов нашла население людей, наших младших братьев и сестёр, которые остались с нами, на нашем корабле, после спасения с гибнущей планеты и последующего восстания людей. Они были невысокого роста, с длинными волосами, как у наших сенсоров, и они были ещё потерянной, чем мои соратники. Их нужно было эвакуировать как можно скорее, так как в купол хлынула вода.

34.4.3. Четвёртый день

Связь с другими куполами была прервана. Но мои подопечные люди не хотели лететь на корабле. Тем более у нас не было команды. Их бросили, но им было уже всё равно, и они приняли свою судьбу. Это читалось в их глазах. Была единственной на планете, кто вспомнил о них.

Мокрые, в обвисших тканях, которые они носили, так как они привыкли прикрывать свою наготу, – они были печальным зрелищем. Они сгрудились вокруг меня, как вокруг тёплого пламени, так как температура в помещении резко падала.

Кто-то крикнул:

– Смотрите!

Вода замерзала на глазах. Магнитные полюса менялись местами, а это означало... Крики, головные боли. Воздвигла барьер самогенерирующегося поля, светящийся круг у головы, свечение монады, регулирующее сознание. Но как могла помочь тем десяткам сотен, кто сейчас падал без сознания, в пустоту безпамятствования, так как их магнитные поля нервных систем на время дестабилизировались?

Оморожение поглощало жизни, как ненасытное животное тёплые тела, в которых миг назад теплилось пламя жизни. Они превращались в холодные, мёртвые обрубки, и тогда было уже поздно их спасать. Холод проникал во все сосуды, отрезал кровоснабжение. Слабая людская плоть рассыпалась на глазах. Мои руки работали в ускоренном темпе. Создавала места-пучки размораживающей теплоты. Прикладывала руки, давая необходимую защиту, но всё слишком быстро менялось, а силы постепенно ускользали.

34.4.4

Пятый день

Купол окончательно разбило взрывной волной. Стены рушились, и от меня все разом ясноуслышали у себя в мыслях:

– Поднимайтесь все за мной. Скорее! Мы должны покинуть это место!

Снаружи вид был ещё ужасней. Земля вся была пережована-перемешана с оледеневшей водой; то поднимались холмы, то опускались впадины. Горизонт был неузнаваем, испещрён кратерами, горами. В небе неслись огни метеоритного дождя.

Вокруг меня и ближайших ко мне – воронка. Сотни гибнут от неперестающих падать с неба камней, которые пробивают их насквозь вместе с землёй.

Шестой день

Снег, как ковром с неба, застлал нам глаза. Мы покинули место, усеянное частями купола и обломками кораблей. Мы идём вереницей. Подаю руку девушке, близко идущей за мной, и она доверяет мне свою хрупкую, нежную ладонь. В мою ладонь также помещаются руки нескольких других маленьких людей, счастливых дотронуться до меня и следовать за мной хоть на край света, хоть в нескончаемый сон... Даже мужчины у них такие худые, измождённые, маленькие. Тяну к себе выдыхающихся товарищей. Веду их к неизвестному концу, лишь бы они сумели спастись. С горы, на которую забрались, шумит и мчится буро-снежная лавина. Неужели это конец? – пролетает негодная мысль, как, в мгновение, рукой направляю окаймляющее поле и прошу, про себя: «Помоги.

Яснослышишь?» Мысленно кричу, чтобы они столпились: – Стойте за мной! Сгруппируйтесь цепью и держитесь друг за друга! – Другой рукой держу доверенные мне руки маленькой женщины и других из первых группы. Нас захлёстывает белой с примесями волной. Некоторые скатываются вместе с комами вниз, и их бездвижные тела засыпает снегом и камнями.

34.4.5

Седьмой день

Мы копаем проход. Бурю силой мысли, а они передают и высыпают месиво наружу. Мы устали до невозможности. У меня нет еды для бедных, с усталыми лицами и впалыми глазами, спасшихся. Они питаются моими объятиями и улыбкой. Мне больше ничего не остаётся, как любить их, просто за то, что они есть. Мы последние, которые выжили, если не считать тех, кто успел улететь с этой земли.

Небо разрезает полоса света и громкий хлопок, а мгновение спустя ещё один – более громкий, когда в поверхность планеты вгрызается и поднимает горы земли небесное тело. Мы прячемся, когда нас накрывает тёмной волной.

Восьмой день

Беспросветный мрак окутал местность на протяжении двух дней. Но и сегодня было не без происшествий. Казалось, что планета разрывается на части, поглощённая в бурном потоке восстановления жизни. Громыхающие взрывы надвигались стеной издалека. Когда мы увидели вспышки и извержения красных рек лавы, мы поняли, что проснулись вулканы.

Стены нашей рукотворной пещеры затряслись. Снаружи, откуда-то сверху, посыпался град прожигающих землю искр, затем оволол туман серы. Один юноша нас оповестил худой вестью, что над нами разливалась лава. Если она попадёт в наш туннель, не смогу их уберечь. Мы выбились из сил, и все были готовы предаться в лапы беспощадной смерти.

Какое же у нас было удивление, не без угасающего страха, когда мы увидели, что течение лавы огибало проход к нашему месту. Чувствовала, что в наших сердцах ещё оставалось место вере в спасение, которую передала окружающим. Моё сообщение было простым:

– Верьте в себя и в окружающий мир. Не бойтесь. Пусть вера ведёт вас через самые трудные области жизни так, как веду вас. Верьте и обретёте жизнь.

34.4.6

Девятый день

Сегодня мы решили выбраться, так как юноша сообщил нам, что нашёл небольшую долину в ущелье, окружённом горами и нетронутым лавой или катаклизмами, и там проросли зелёные растения. Всю жизнь не видела ни древ ни папоротников на этой планете, но он оказался прав. Там выросли причудливые образцы неизвестной растительности, контрастные цветы, травы, даже ягоды и другие плоды. Самые голодные добровольцы не испугались попробовать их, и они оказались съедобными, даже приятными на вкус. Но съев их, они почувствовали себя по-другому, хоть и не могли описать своих ощущений. Их пульсы бились быстрее, и у некоторых кружилась голова, как при повышенном давлении, но, в основном, они были такими же здоровыми, как и прежде.

Небо было чистое. Оказалось, что, когда мы пытались уснуть, небо разразила чудовищная вспышка от солнца или от какой-то другой звезды. Она и разожгла-испарила витающую пыль и землю, прогнала тёмные осадки.

Десятый день

Гористую местность испещряли многочисленные трещины, которые росли прямо у нас перед глазами, но нас они не касались, как будто старались обойти стороной. Однако мы чувствовали дрожь земли под ногами. С некоторых скло-

нов падали камни и обломки скал. Но всё-таки мы решили остаться в ущелье, чтобы уберечься от завалов внутри горы. Под открытым, голубым небом и на светлой траве многие чувствовали себя намного лучше и безопаснее, чем на холодном камне туннеля. Мы не догадывались, что самое удивительное нам ещё только предстояло увидеть.

34.4.7. Одиннадцатый день

– Нам всем единая душа принадлежит от перводвигателя вселенной. Мы как колёса внутри большого колеса, – рассказывала моим молодым друзьям и подругам. Но в глубине сердца ещё остался колеблющийся лучик памяти о моих соотечественниках, которые покинули свою страну и планету, и оставили нас здесь одних. Но ничего. Древнюю силу мы пробудили и поплатились за это. Мы построим новый дом. Они станут основанием для новой страны и прародителями для новой людской расы. Но забываюсь. Мне нет здесь места. Меня ждёт он – тот, кому отдалась всей любовью. Помогите этим людям, пусть они помнят эти дни. А сама – пойду своим путём.

Нас уже не тревожили постоянные отклики землетрясений, словно отражения бушующих, дальних континентов, так как мы к ним привыкли. Всё дрожало, но было не смертельным. У грома земли была собственная мелодия, к кото-

рой можно было прислушаться и узнать. Когда окликнул меня, в уголке нашего скромного общества, юный человек, который прибежал, запыхавшись, чтобы рассказать нечто уникальное, поразительное, то мы все поднялись с интересом. Мы видели нечто, когда забрались на самую высокую вершину нашего природного жилища. Вокруг был океан голубой воды, плескавшейся в лучах нашего синего солнца. Наш остров двигался, а в воде образовались, за счёт сдвигов тектонических плит, поражающие взгляд объекты. Они не были похожи ни на что, что мы когда-либо видели. С острыми макушками, они вздымались, словно костяные лапы неведомых чудовищ, а под ними, в тени, выросли чёрные каменные наросты. Всё, на первый взгляд, казалось переплетено в неопишемом танце волн и скал, островов и органических покровов, в блистающем вихре-водовороте невозможной жизни. Не могла узнать моей родной планеты.

34.4.8. Двенадцатый день

– Любите друг друга, как возлюбила вас.

Они окружили меня и прижались в объятиях, и обнимала их. Мне вспомнился момент, когда брала их маленькие ручки в свои и мы пыталась спастись от лавины. Так не хотела расставаться с ними, но мне здесь не место. Теперь это их мир, а мой – сферой выше. Мне было пора покинуть их,

хоть к ним привыкла. Скрылась в уединённом месте. Надо мной, среди каменных наростов, было окно в небо. Мыслями к нему:

– Готова прийти к тебе, мой милый, забери меня.

Вдруг появилось одно облако, за ним второе и третье, затем их окружили тучи. Заструился лёгкий дождь, загромыhalo тревожное небо. В центре скопления, из пустоты, через которую вновь засверкала добрая голубизна, образовалась ясновидимая воронка...

... Как в прыжке, ноги отделились от поверхности. Её медленно поднимало. Молния пронизала женское тело от макушки до пят, вызвав спазм, резкое движение, как будто её душа покидала этот мир. Теперь её плавно опускало на землю, как будто её кто-то нёс в объятиях; сначала дотронулись бесчувственные руки, затем ноги красивого, стройного тела исполина. Так мягко спустилась, словно в лоно любви, из которого она родилась.

За этим, из-за угла, наблюдал молодой, бодрый парень, тот юноша, который за всем и всеми следил, который последовал за своей предводительницей сюда. По его щеке текла одинокая слезинка, а на лице было изображено чувство потери и интереса, перемешанное с капельками ужаса и восторга. Он побежал, чтобы оповестить других и привести их к этому месту.

Таковыми были события, описанные последователями, словно отпечатки мыслеобразов на податливой языкам пла-

34.5

Мы летели в мою систему, так как они обещали мне показать Землю. И они показали серую, безжизненную планету, но мои глаза не хотели этого видеть, не хотели верить. Попросил их приземлиться.

– Это не Земля.

– Это Земля.

– Почему они все умерли?

– Здесь долго заряжался и внезапно разрядился катаклизм. Кто смог – те улетели. Произошедшее не изменишь – с ним надо жить...

– Зачем вы это мне показываете?

Но если сам просил, зачем задавать этот вопрос?

– Она идёт по мирам, – и они показывают на девушку-исполину, вдруг очутившуюся среди развалин и руин на алом горизонте. – Она странница...

«Станный был сон на этом мире. Что это за мир?», думал юноша. Следующий сон ему приснится, где он встретится со странником, или странницей, которую никогда раньше не видел, а может быть будет ею в другом измерении.

35.1

В тёмнокожей, складчатой руке сжимаю висящий на груди красный ромбический кристалл. Раньше он ярко светился, а теперь потускнел. Вместе с этим светом моя власть и контроль над нашим небольшим кораблём-глайдером перестали существовать. Это произошло, когда наша эскадра покинула океан серой планеты, которая вот-вот собиралась упасть в меньшую из двух звёзд в нашей системе после атаки видящих смерть. Вспоминаю ситуацию, которая привела к этому:

– Что нам было положено? Нам полагалось основать эту колонию, как разведывательную базу и больше ничего! Теперь её нет вместе с планетой, и мы свободны от этой обязанности, – сказал один из группы протестующих. – Мы не какие-то потерянные или беспомощные дети, чтобы подавать отчёт неизвестным родителям. У нас есть свой совет.

– Вы забываетесь, – сказал, как их командир и носитель кристалла. – Мы являемся частью коалиции, хоть уже несколько поколений мы не вели с ними переговоров.

Они со мной не согласны, и это значит, что моё командование под угрозой.

– Если мы не свернём с курса, то мы уйдём в анабиоз.

По их духу сразу видно, что они готовы воплотить свои дерзкие слова в действие.

– Подождите, мы сможем с ними договориться...

Может, совершил ошибку, не послушавшись моих товарищей, но уже поздно. Тишина. Понимаю, они не хотели служить, а желали уединиться своей жизнью. Единственный, кто стоит за бортом управления кораблём. Все члены экипажа как будто вымерли и не отвечают на призывы. В растерянности. Потерял поддержку экипажа. Ромб тускл. Конфликт и несогласованность между членами экипажа по поводу цели полёта и вступления в переговоры с коалицией в итоге вылились против командования в общем. Корабль окончательно вышел из под моего контроля. Теперь мы потерялись в космосе и отстали от остальных глайдеров эскадры.

Мог бы передать ромб власти иному члену экипажа, но что тогда? Верю, что должна быть связь с советом свыше или не будет смысла нашей жизни. Иду в комнату анабиоза. В окошках вижу их неподвижные тела с сознаниями, потерянными в грёзах. Они такие разные, но у каждого свой уникальный мир, своя удивительная история, свои сложности и таланты. Люблю свой экипаж. Его, её, всех. Смотрю на их спящие лица. Они являются колёсиками, которые руководят нашим полётом. Сам же являюсь лишь центром власти. Зачем он нужен? Зачем нужен этот ромб, который ограничивает мои способности на этом корабле? Конечно, знаю ответ. Всё дело в соучастии, совместной работе экипажа, как единого целого. Сколько времени прошло с тех пор, как мы были посланы на ту планету и нас забросили, забыли – нет, нам

позволили самостоятельно жить и развиваться.

Наш полёт был прерван внешними факторами. Объекты неизвестного происхождения и состава повредили фюзеляж, но в остальном оставили нас в покое. Однако, несколько членов экипажа при этом погибли.

Сконцентрируйся. Нужно запустить двигатели... В ромбе заиграл маленький меднокрасный огонёк и ускользнул так же быстро, как появился. Ещё сильнее сжал ромб в ладони. Ну же!... Нет. Власти над кораблём нет без поддержки всех. Что же делать? Нужно верить! Люблю их и желаю лучшего конца для всех нас. Они будут сопротивляться в начале, так как не понимают, в чём состоит жизнь, – как дети. Жизнь состоит в сплочённости. Зачем мы тогда покинули эту планету? Зачем спаслись? Неужто испугались смерти? Нет. Мы могли остаться, как это сделали хранители. Они поймут, они согласятся, хоть бы на время, чтобы ромб действовал, а потом мы... Ромб заблестал ярко красным, но только на краткий, недостаточный миг. Ну хоть бы пустить сигнал бедствия флоту, оповестить их. И до того, как ромб снова потускнел, сигнал был отправлен, словно вспышка в ночи космоса.

35.2

Раса учёных, после падения родного мира, превратилась в военный рукав коалиции, в её бойцовских псов, которых не боялись отправить в самые горячие конфликты, и они сами рвались туда. Так изменились отношения к этой расе, которая раньше была мирной.

Они обнаружили сигнал и приняли корабль странников. Отремонтировав их глайдер, они послали их на разведывательную миссию к планете многоличников, мимо которой, по странным обстоятельствам, незатронув её, прошли волны нано-машин. Было предположено, что многоличники в союзе с машинами и поделились с ними своими передовыми и загадочными технологиями «третьего мира». Также было известно, что машины уже просматривали-сканировали огромные области в несколько сотен световых лет, чтобы неизвестными технологиями принять, забрать оттуда развившиеся искусственные интеллекты. Возможно даже засменить новые и вести с ними обмен информацией. В любом случае, следовало избежать возможных непредвиденностей, и этот союз был крайне неудобен коалиции-сфере и должен был быть ликвидирован перед тем, как заблокировать дальнейшее распространение вторжения машин в наши сектора галактики.

На экранах радара постоянно наблюдался центр всплесков активности машин – их планета напоминала спиральную скорлупу, из которой исходили многочисленные ростки-щупальца-каналы, через которые распространялись нано-зонды, и по которым, как муравьи, они доставляли металлы с других планет.

35.3

Когда подлетали к поверхности безатмосферной планеты многоличников в системе «падающего орла», сканеры обнаружили и декодировали отражение полостей, и мы решили их проверить. Странно, но магнитное поле здесь было сильным. При нестабильном поле, наш глайдер разбился бы в провалах волн. Так как боялись, что поверхность могла быть слишком твёрдой для прямого прохождения, хоть наши глайдеры обычно и летают через похожие материальные препятствия, мы решили телепортироваться, но были ли мы прерваны в прыжке или наш портал заблокировался, точное смутно – происшествие случилось слишком быстро. Наш глайдер разбился, но без пострадавших, так как сработала защитная система. Когда очутились снаружи, мы обнаружили разлом в планетной коре, ведущий в бездну. Чудом не упали в неё.

Пустынная местность, как на многих других планетах. Но с этой что-то не так. Слишком плоская равнина, а из под земли повторяющийся стук, словно гром или биение, и голос, который притягивает наши взоры к подземному миру: «Гости, мы приветствуем вас!»

Наши астральные взоры тянутся вглубь планеты в переживающееся нечто, «общество» многих лиц, душ, разумов,

единых, но индивидуальных, сплочённых, но свободных. «Общество» величайших, загадочных учёных и исследователей вселенной. «Общество», которое понимает и раскрывает тайты «третьего мира». Удивительное «общество», которому доступно всё в этой вселенной. Но это «общество» менялось неизведанными путями. В нём собирались «сферы» с многочисленными образами, чтобы улететь в другие миры и измерения, чтобы распространиться по всему пространству и времени одновременно.

«Это наша великая миграция-рождение, вылупление из старой, ослабевшей скорлупы. Мы уходим отсюда – так было задумано. Нас ждут новые открытия, новые возможности. Если хотите, мы примем вас и ваших друзей в наше «общество», но для этого вы все должны добровольно покинуть свои тела».

Мы не станем возвращаться к флоту – было общее решение. Мог только согласиться со всеми. Мы останемся. Нам больше некуда лететь, кроме как по совсем другому маршруту. Мы больше не принадлежим к коалиции.

Мы знали, что главный корабль армии коалиции с помощью магнитного поля генерировал вокруг себя сильную гравитацию, которая являлась важным составным компонентом защиты, так называемым плащом невидимкой. Сам корабль спереди был игольчато-тонкой формы, и то поле, которое он генерировал, позволяло лучам звёздного света огибать его. Невооружённому глазу казалось, что видит только пу-

стое пространство до светил.

Мы стоим, смотрим в космос и ждём. Появляется серая игла из ниоткуда и растёт, приближается, как шило. За ней появляется большая прямоугольная база, из которой вылетают эскадры истребителей, направленные к нам. Они выпускают своё оружие против планеты, на которой мы находимся. Мы стоим и будем стоять сплочённо. Теперь мы все вместе.

Кора не выдерживает и обрушивается, вваливаясь к центру, всасывает ближайшие корабли, затем испускает сильную взрывную волну, разделяющую флот коалиции.

Корабль отряда воинственных лидеров коалиции взрывной волной отбросило далеко от флота. Экипаж трясло, навигации не было, и были обнаружены шарообразные, металлические объекты, окружающие корабль.

– Как глубоко мы можем быть на вражеской территории? – в замешательстве спрашивает командир.

– По ручным подсчётам, не так далеко. Линия фронта не может так быстро разрастаться.

Но их взоры привлекло другое образование в просторах космоса. Это была другая планета, полуразрушенная, полупереработанная в металлическую скорлупу нано-зондами. Внутри неё находился горн для выработки металлических и сверхтяжёлых соединений. Эту планету притягивал объект с более мощной гравитационной силой.

– Что это может быть? Только не это!

На борту уже была тревога, но теперь её повысили до последней, высшей степени угрозы. Команда была на грани полного уничтожения странствующей чёрной дырой. Но вдруг капитан первого ранга приказывает лететь навстречу планете. На борту находился экспериментальный образец двигательной энергии «третьего мира» вместе с прототипом перехода по пространственному каналу. Из нутра остатков

планеты исходит слабый сигнал.

– Нам придётся лететь сквозь машины.

– Это самоубийство!

– Мы в моменте перехода горизонта событий. Иначе нам не спастись, – настаивает командир.

– Двигатели повреждены!

– Ещё немного. Все двигатели на полную мощность. Ну!

– Мы взорвёмся!

Но инженер надавливает рычаг на полную мощность прототипного и обычных двигателей, что вызывает ослепительную вспышку.

На стыке разрушения планеты дырой, они устремляются в вызванный ими туннель и попадают к ещё одной неизвестной планете. Они обнаруживают себя устремляющимися к планетному телу. Оно причудливо согнутой формы и вращается вокруг своих полюсов, находящихся в центре друг напротив друга.

Никто такого раньше не видел. Это была потрясающая, уникальная биосфера.

Вынужденная посадка – перелёт окончательно повредил двигатели. Вокруг зелёные тропики. Члены экипажа не снимают скафандры, так как неуверены в подхождении здешней атмосферы. В обмундировании и с полным снаряжением, они наблюдают, как живые существа формируются по желанию из маленьких листиков с отростками, напоминающими человеческие конечности. Эти существа трепещут при

приближении чужеземцев и распадаются-разбегаются.

– Сколько времени потребуется на приготовления к отлёту? – они спрашивают инженера.

– К великому сожалению, наш космолёт невозможно починить. Двигатели окончательно разрушены. Без материалов и топлива, без внешней помощи, мы застряли здесь.

– Наш канал коммуникации с советом «сферы» в порядке? – спрашивают связиста.

– Он бездействует. Нет ни единой оставшейся астральной дорожки, как будто они все оборвались. Видимо, мы в галактике, которая не состоит в объединении-сети «сферы».

– Это невозможно! – на них находит непонятное, неизведанное ими чувство страха. – Что нам делать здесь? Что делать с этими животными? Нам может не хватить кислорода!

Свет здесь то исходил, то менялся сразу с четырёх сторон, и кроме крупных светил были ещё непонятные, маленькие светящиеся объекты в небе. У потерпевших крушение было много вопросов, но им было бессмысленно их задавать, так как для получения хоть сколько-нибудь ценных ответов требовалось время. Для них этот мир казался необитаемым разумными существами.

Под фюзеляжем обнаружили повреждённый объект неизвестного происхождения, так как он не принадлежал к какой либо части корабля. По ходу мыслей инженера, оказалось, что это был один из нано-зондов машин, который успел подсоединиться и прирости одной стороной к кораблю во вре-

мя перелёта. Так как они не знали, выведен ли он из строя или ещё может восстановиться, и не могли его полностью уничтожить, они решили бросить место посадки и искать какую-нибудь помощь в глубине растительного царства.

Пока они шли по лесу, один из них увидел блестящую поляну и направился к ней. Остальные последовали его примеру. В центре просеки рос симметричный лесок – точнее, зелёные стены, состоящие из безлиственных стволов, между которыми было достаточно места для прохода. Там внутри лежал камень, точнее коричнево-серая масса, очень напоминающая его. Тут была сильная геомагнитная точка – место с сильным течением планетарной энергии. Но этот гейзер энергии был закрыт этим странным объектом. Может, напившись из этого источника, они смогут открыть связь с коалицией-сферой? Они приближались, как вдруг их путь преградили скопления маленьких ускоряющихся человечков-лепестков. Люди стараются схватить их, но лепестки расходятся. Их обоюдная связуемость преграждает вход, словно силовое поле, которое, к сожалению, неизвестно как прорвать.

– Это их место почитания, – потерянно думают странники. Здесь, они установили, были края временной неизменности, закрытые временноподобные кривые.

– Нам следует прорваться туда. Приготовьте своё оружие.

– Но мы не знаем, что это за существа! Может у них есть разум и организованное общество.

– Посмотрите на них! Это примитивная форма жизни, ко-

торая даже не развилась до полётов по небу. У них нет ничего такого, что есть у нас. Мы выше них по развитию, и у нас миссия, которая захватывает всю галактику, если не вселенную! Чего вы ждёте? – но сам командир медлил с оружием.

– Мы не знаем их и не можем ввязываться в жизнь других рас по уставу «сферы».

– Но у нас... – командир не довёл до конца оборванный ход мыслей, который возник в гневном замешательстве. А гнев – это чувство, которое должно быть совершенно чуждо командирам флота коалиции-сферы.

Они садятся на мягкую, блестящую поверхность, слабо напоминающую траву. Каждый уходит в себя, размышляет скрыто от других, наблюдает за окружающей природой. Фрагменты сходятся в одно целое, а изменения в неизменном.

– Мы здесь одни, – думает инженер, прикладывает ладони к своему лицу и, с выхлопом балансирующегося давления, открывает свой скафандр...

37. Акросентури

37.1

Акросентури – запись и описание событий, произошедших в периоде около трёх миллиардов лет. Это история начала и развития галактической коалиции до текущего времени. Это летоисчисление открыто перед моим разумом, пока лечу по космосу, находясь в форме обтекаемой лодки с заострёнными концами. Здесь, в этой книге мыслей, обозначены главные перемены в коалиционном развитии и самые важные пункты истории, начиная со свободного объединения первых девяти самостоятельных малых секторов галактики. Единицы измерения – тысячи световых лет. Акросентури содержит огромное множество общих, уникальных внутrigалактических перелётов и коммуникаций, которые были зарегистрированы.

Здесь написано:

4,5 – нахождение новой жизни на планетах в созвездии «геркулеса», сектора объединения пять;

9 – второе объединение коалиции; вступление красных «сирианцев» и высшей расы людей;

12 – первый контакт с флотом арахнидов в секторе шесть

созвездия стрельца;

...

Тогда флот арахнидов только начинал развиваться. Они насильно овладевали целыми мирами и повергали в рабство многие расы на их пути. В каком-то смысле, это время со-путствовало возникновению более обширного объединения рас. Но это не единственная причина.

Встреча с арахнидами в далёком прошлом почему-то на-поминает мне полёт к планете многоличников в настоящем. Мы как арахниды. Тут скрыта какая-то информация. Поле колеблется, и ясновижу воспоминание в форме сновидения:

Мы были на миссии коалиции, чтобы отрезать влия-ние многоличников от территории главного нашествия на-но-зондов. Расу многоличников мы совсем не знали, кроме того, что они владели технологиями «третьего мира». Они казались очень могущественными и были настораживающе скрытыми. Это нам не нравилось. Но мы знали, что одной их расе не противостоять против целого военного флота ко-алиции.

Мы выслали разведчиков к планете многоличников, но они не вернулись. От них не поступило никаких сигналов, и мы подумали, что их уничтожили. Наш флот надвигался в полной боевой готовности. Мы были готовы к чему угод-но. Мы на время могли задержать силу противника любой сложности и любого количества. Хотя бы на время действия наших щитов. Но мы не были готовы к тому, что произошло

на той странной планете. Странной она оказалась уже после того, как мы атаковали, так как мы решили, что атака – это, в большинстве случаев, лучшая защита.

37.2

Мне некуда спешить. Сто восемь лет – это огромный промежуток времени. За это время может поменяться вся коалиция. Это время мне придётся преодолеть на лодке. За это время долечу до пункта, где заканчивается этот сектор галактики. Лодка – лишь оболочка моего сознания, которая обтекает меня со всех сторон. Её двигателем является моё сознание. Сам программирую её курс.

Следующая запись акросентури:

12,5 – третье объединение рас; вступление в коалицию светлых «арктурианцев»;

23 – разрушение арахнидами планет в секторе объединения пять;

27 – самопроизводный развал и полное остановление флота арахнидов, начавшиеся после встречи с первым флотом коалиции;

...

Да, мы ошиблись. Наша атака привела к потере многих кораблей и замешательству целого флота. Мы не знали что делать. Нас разнесло взрывной волной, что вырвалась из нут-

ра полой планеты многоличников. Нос маточного корабля в виде иглы надломился, и мы не могли воспользоваться пространственно-временными двигателями на базе характеристик чёрных дыр, так как двигатели теперь были непригодны для дальних перелётов. Мы вообще не были способны транспортироваться, так как излучаемый сигнал коалиции за пределами этого сектора блокировал не только вражеское, но и наше сверх-пространственное передвижение. Мы были отрезаны от базы, от центра коалиции. Мы сгруппировались и ожидали худшего – когда нас окружат волны нано-зондов. Наследие арахнидов не заставило себя ждать.

К нашему удивлению, до того как нас окружили искусственные враги, к нам прилетели чудом спасшиеся в этом секторе остатки рас, что раньше входили или стремились войти в состав коалиции. Они принесли важную и детальную информацию о передвижениях нано-зондов по всему сектору, внутреннюю структуру нано-зондов и их технологии и даже последний проект, над которым работали машины. Оказывается, эти машины были сначала созданы арахнидами, и они стали развиваться после крушения главного корабля арахнидов на планете, которая сейчас стала центром космической активности машин.

37.3

В космосе сияют огромные оранжевые и фиолетовые пятна, и меня с лодкой окружает поле света. Окружающие светящиеся искры не содержат актуальной информации в отличие от лучей, которые приходят из дальних галактик и по свету которых можно считывать информацию о том, чем занимаются жизни, населяющие те дальние материи пространства. Эта информация относится к эманациям разумной любви. Представляю, как снимаю звёзды, и люблюсь ими. Световая картина из сплетённых мыслей поражает воображение своей красотой и изяществом. В её скоплениях и смещениях, малейших деталях и соединениях, можно потеряться. Моментами разрядов они соединяются. Скорости их меняются, в зависимости от источника излучения и удаления от него. В «пленумной» плазме фотоны сталкиваются с другими частицами и образуют замедляющие их волны энергии. А ещё, абсолютные планковское время и длина приводят к относительности скорости квантов. Это многое объясняет о том, как работает наш мир, но меня сейчас больше интересуют мысли более приближённые к моей миссии. Открываю книгу нашей цивилизации.

Акросентури:

55 – просканирована и изучена тёмная зона; аномалий галактического развития не найдено;

81 – коалиция разрослась до двадцати трёх членов, которые господствуют над территориями, покрывающими большинство великой спирали;

- 129 – первый средний галактический год коалиции; формирование совета коалиции и обсуждения вопроса «сферы»;
- 153 – второй средний галактический год коалиции; съезд коалиции и начало формирования «сферы»;
- 279 – разработка сверхмощных пространственно-временных двигателей, которые позволяют в тысячи и десятки тысяч раз преодолеть скорость света;
- 12×10^2 – обнаружение многоличников;
- 27×10^2 – установка и применение центральных информационных ретрансляторов «сферы»;
- 35×10^2 – полёт к центру космоса, миссия «глубокий космос», которая проходит безуспешно, так как не получено обратных сигналов; третий средний галактический год;
- 51×10^2 – учреждение охранной миссии «предел» к границам вселенной;
- 25×10^3 – перелёт до ближайшей галактики;
- 110×10^3 – прорыв антивещественного червя в нашу галактику;
- 205×10^3 – закрытие планеты встречи с червём терраформирующим кораблём-сферой в секторе объединения пять;
- 311×10^3 – обнаружение машин в созвездии «лиры» сектора девять;
- 403×10^3 – голосование за выдвижение более успешно работающего информационного ретранслятора на планете вышних людей;

450 x 10³ – война с восставшими видящими смерть (низшими людьми);

451 x 10³ – спасение людей с серой планеты и их последующее восстание;

455 x 10³ – потеря связи с флотом светлых на планете погасшего солнца «нибиру» (в переводе, «место встречи»);

457 x 10³ – разрушение планеты «нибиру»;

529 x 10³ – успешные перелёты во многие другие галактики и контакты с представителями других коалиций; начальные этапы полномасштабного объединения в «сферу»;

540 x 10³ – вторжение машин на участки галактики, занимаемые коалицией;

...

Долго читаю историю, но не знаю, что мне следует понимать из этого. Вспоминаю как меня пригласили к командному центру главного корабля. У адмирала флота на груди висел голографический, ромбовидный звёздный знак золотистого цвета, называемый золотой октавой. В нём, изогнутой линией, была описана история развития нашего флота. Адмирал обращался, стоя ко мне спиной:

– Это о жизни. И это о смерти. Но мы не боремся, чтобы выжить. Ты должен успеть до того, как они воздвигнут оцепление и передать коалиции наше сообщение и сообщение тех, кто выжил в этом секторе. От них нам известно намного больше о машинах и о том, что машины планируют. Тебе суждено прорваться. Только тебе. Понимаешь?

Мне не следовало задавать адмиралу вопросы, но их колебание во мне оказалось невозможно подавить.

– Нас предали?

– Нас не предали более того, чем мы предали их.

Мы понимали, что говорим о коалиции-сфере.

Он продолжил:

– Возможно скоро, если не уже, начнут строить барьер.

Барьер! Это был запасной, неиспробованный ранее план коалиции. Не думал об этом.

Ко мне ещё обращался мой командир:

– За сто восемь лет тебе нужно вылететь за его зону покрытия, чем дальше от территорий коалиции, тем у тебя больше шансов не натолкнуться на него. Вот, возьми это.

– Акросентури?

– Это больше, чем акросентури. В ней ты найдёшь, тщательно её декодировав, наш последний, вышний голос перед коалицией. Ультиматум военных рас, которых оставила коалиция. Это также мои личные мысли о нашей общей судьбе. Мы осознаём провал нашей миссии и нашу тривиальность перед предстоящими событиями. Это начало тёмного цикла...

Но в этот момент вспоминаю как шарообразные машины прорывались сквозь защитные слои маточного корабля. Люди в скафандрах подбегали, чтобы успеть начертить и запрограммировать квадратные поля и выпустить их против машин.

Некоторые нано-зонды прорвались через оборону нашего корабля. Видел вышних людей, сражающихся с металлическими врагами. В тёмных коридорах, раздробленные стены которых открывались ещё более тёмному пространству, в скафандрах с магнитными полями стояли люди. На них надвигались сферические машины в несколько раз большие, чем защитники корабля. Из сферичных красных глаз этих машин вырывались разящие лазерные лучи. Люди старались скрыться за стенами, выступами, защитными полями. Из под поясов, они вынимали цилиндрические сверкающие карандаши-стержни из сплавов гибких металлов. Эти стержни состояли из цилиндрических колец, которые усиливали эффект поля, ими порождаемого. Адмирал успел мне дать их три. К моему великому удивлению, он отдал мне все свои стержни. Этими карандашами-стержнями мы чертили перед собой линии, превращая их в квадраты, которые были быстрее и лучше программируемые. Так мы выделяем части своих магнитных полей. Кистями рук по ним перемещали функции для свехуплотнения и ускорения, чтобы выстрелить ими на определённое расстояние. Выстрелы пробивали бреши в машинах, и поля вновь и вновь возвращались обратно, повторяя это действие требуемое количество раз. Но машины не уничтожались. Они расходились на более мелкие частицы, мельчайшие из которых были нано-объектами. И словно волны, они снова соединялись или отступали в просторы космоса, где находили своих, чтобы слиться с ними,

усиливая их броню. Нам ничего не оставалось как отступить, но адмирал всем твёрдо телепатировал следующее:

– Отступления не будет. Мы прорвёмся через них. Мы – последние из своей расы. Поднять щиты, и да поможет нам «сфера»!

При поднятии щитов на полную мощность, руки командующего опускались на магнитные рычаги, расположенные по обеим сторонам контрольного пульта. Люди садились в корабли-истребители и вылетали в открытый бой с машинами. Круглые поля молниеносно стреляли из всех орудий военного флота. Мне предоставили самое быстрое разведывательное судно. Солдаты видели на мне акросентури, красную эмблему моей миссии, но не могли знать ничего о ней. Они лишь расступались, освобождая мне путь.

Общими усилиями корабли флота старались отталкивать волны окружающих нас нано-зондов. Но силовые поля не могут долго выдерживать такого давления. Передо мной шли на верную гибель мои соратники. Но возможно, они верили, что прорвутся, и поэтому продолжали проталкиваться своими пульсирующими полями через бесчисленных врагов. И вдруг образовалось просветление в кольце. Кораблям флота сразу было скомандовано разделиться надвое, чтобы оставить эту брешь для меня. Так прорвался сквозь осаду. За мной погибал оставшийся флот. Взрывались отдельные корабли-истребители. Это всё очень быстро осталось позади, так как перевёл лодку на самую быструю подачу скорости.

37.4

Не нахожу никакого особого, актуального для ситуации, смысла, но продолжаю читать основные заметки до конца:

545×10^3 – потеря информационного ретранслятора высшей людской расы в связи с «дитём третьего мира»;

609×10^3 – формирование нового межгалактического флота, а также военного флота коалиции объединённых колоний вышних людей;

... и сейчас, примерно:

620×10^3 – полёт к местонахождению многоличников в системе «падающего орла»...

За более полумиллиарда перелётов световых лет, с тех пор как образовалась коалиция, прошло двенадцать галактических лет. Это была эра рождения коалиции, так называемая «молодая» эра, и переход в эру становления «сферы». Что же ещё хотел адмирал, чтобы было найдено в акросентури?

Мне суждено успеть пролететь тринадцать тысяч световых лет на полной мощности двигателей в сто двадцать скоростей света. Главное – выполнить приказ адмирала. Успеть за сто лет до закрытия барьера. Надеюсь, что коалиция не успеет его распространить в той территории, в которую направляюсь. Лодка с устаревшим и относительно малой мощности, по меркам других кораблей, но средне-оптимальным

для данного типа, двигателем. По мере полёта, вижу впереди и снаружи корабля вспыхивающие искры белого и жёлтых цветов. Это тороидальные фотоны, которые отличаются только заметным внешним колебательным движением, вакуумной флуктуацией, вызванной передвижением моей лодки. Искры возникают из «плenums», непрерывно мигают, проносятся вперед и исчезают. Эта иллюзия движения в обратном направлении вызвана разными причинами. Во-первых, скорость, с которой лечу, является предельной без пронзания пространства искривлениями, которые вызывают преодоление скорости света в тысячи раз. Это создаёт туннели, но они для нас закрыты. Тем более моя лодка не оборудована таким устройством вспомогательного движения, которое бы могло создавать туннели. Во-вторых, они могут быть вызваны иным временным потоком в моём состоянии полу-анабиоза, в котором могу находиться в сознании, читать, думать, но без свободного движения физическими конечностями. То есть, затармаживая материю, анабиоз течёт с увеличенной скоростью. Сто лет проходят в течение нескольких недель линейного времени. Сам остаюсь в сознании, но без движений, чтобы телу не требовалась подпитка энергией во время полёта.

Уже читал раньше акросентури. Это преподаётся всем моей расы. Историю все должны знать. Но чувствую безысходность нашей ситуации и острую проблему существования. Неужели нет решения и выхода? Пытаюсь найти ответы в хо-

де истории нашей цивилизации и коалиции в целом и нахожу странный момент. Странный, потому что сам его помню совсем не так, как здесь написано:

4,5 – нахождение новой жизни на планетах в созвездии «геркулеса», сектора объединения пять;

С этого начались данные акросентури. Интересно, что арахниды должно быть нашли людей так же, как мы нашли многоличников. Планеты в той системе, конечно, были нашим первым домом. Земля – одна из них. Но мы так изменились с тех пор. Мы перестали воевать, стали изучать вселенную, а теперь, снова потеряли наш новый дом:

545×10^3 – потеря информационного ретранслятора высшей людской расы в связи с «дитём третьего мира»;

И мы снова стали воинами. Теми, с кого началась история человечества. Было ли это неизбежностью? Видимо да. Через сотни миллионов и миллиарды лет, всё повторилось вновь. Смерть следовала за нами по пятам. И мы проиграли, потому что не поняли этого. Нам грозило полное вымирание, но мы думали иначе. Теперь мы вновь вымерли. Уже окончательно. Это было нашей судьбой или волей? Вот что хотел сказать мне адмирал. Он наверное понял, что...

Внезапно, траекторию моего полёта, за сотни световых лет впереди, пересёк луч материи. Это выглядело примерно так: две параллельно летящие машины с шевелящимися щупальцами в хвостах устремились на столкновение. Мне при-

шло резко изменить курс, но не в тот сектор, куда направлялся вначале, а в тот, где коалиция уже могла побывать. Должен успеть пролететь как можно дальше от нашей точки входа в этот сектор. Но здесь обстояло всё совсем иначе, чем предполагал. Зря, очень зря сюда попал. Фронт машин меня опередил. Цель моего пути была загорожена искусственным образованием колоссального, планетарного масштаба. А за ним простирался синий барьер! Нет! Коалиция успела. Конечно догадывался, что мы уже были отрезаны. Уходящие в бесконечность края барьера сливаются с наполненной таинственностью темнотой космоса.

Но у меня теперь не было времени на рассуждения. За мной гнались и на меня надвигались волны нано-зондов. Оболочка корабля сжалась до тонкой плёнки, полностью покрывшей моё тело. Вынул свой удлинённый стержень и стал быстро им чертить вокруг себя. Сначала начертил круг, а затем, не отрывая конца стержня, прочертил вниз и затем ещё один круг. Мощность стержня было трудно контролировать. Четыре цилиндра – это значит в четыре раза мощнее обычных стержней. Но даже не смотря на это преимущество, те поля, которые начертил, были на пределе. Вертясь, правой рукой переключал прозрачные слои, которые при этом вспыхивали мягкими тонами, устанавливал степень распространения, а левой планировал дополнительные параметры – угол, количество выпусков и другие. Меня окружило чернотой, которая загораживала не только звёзды, но и сам ба-

рьер. И как раз в этот момент поле было готово. Оно расходилось сферой вокруг меня, обеспечивая полной защитой с макушки головы и до ступней ног. Меня притягивало к огромным ассиметрично слившимся сферам нового проекта машин. Пока перемещался, моё поле отталкивало металлических недругов, словно мол огромные волны. Но сила поля таяла и было невозможно прорваться через большую машину, так как она тут же восстанавливалась частицами нано-зондов. Эта формация надвигалась на барьер впереди, будто тараном пытаюсь пробить себе путь. Что мог сделать? Прыгнул в пространство, но меня снова притянула гравитация огромного объекта. Мой щит был на исходе. И тогда решил прыгнуть в последний раз. Как только меня снова схватило гравитационное поле, отделился разумом, дематериализовался и направился к барьеру, около сотни километров впереди. Пройти такое линейное расстояние было несложно, так как не нужно было сворачивать с пути. Просто летишь себе, да летишь в ясновидимом облаке. В это время скопление машин застыло на месте. Как только пересёк галактический барьер коалиции, сразу же почувствовал себя легче и попробовал материализоваться, но оказалось, что моё тело не успело... или не прошло. Обернулся и ясноувидел моё безжизненное лицо и как тело соскальзывает по барьеру, а затем замедленно притягивается небесным телом машин. Улетает от меня моя жизнь. Являюсь последним из своего рода. За барьером ещё один лучистый барьер золотого света.

Касаюсь его...

38.1

Центр коалиции разослал команду, чтобы отрезать поражённый машинами участок и остатки разрозненного войска энергетическим барьером галактического масштаба. Через обнаруженный новый диапазон звёздного света и с помощью ракет-носителей, серебристая пелена, блокирующая прохождение заряжённых частиц, разрасталась с быстро нарастающей скоростью. Вскоре, этот голубоватый барьер покрыл второй, астральный барьер золотистого цвета. Даже если они прорвутся через первый барьер, второй остановит их кибернетическое сознание. Целый военный рукав коалиции был изолирован. Закончилась «молодая» галактическая эра и настала новая. Эра страха и недоверия, разобщённости и гонений. Но в этой «тёмной» эре не было войн.

Это началось с «детей третьего мира», строителей мультиверса, которым не давали закончить работу. Началось их гонение. Каждого из них считали оружием устрашающей силы. Их заманивали любыми возможными способами и убивали в разные концы нашей галактики и вселенной, чтобы они не находили друг друга и не собирались вместе. Их увозили очень далеко, глубоко в пустоты космоса, и если дети пробовали перепрыгнуть такие расстояния, которые были сверх их сил, то, надрываясь, их тела не выдерживали на-

грузки и разрушались.

В эту тёмную галактическую эру создавались отряды с миссиями по изоляции «детей третьего мира». Не многие достигали цели этих миссий, и ещё меньше возвращались. Но даже эти единицы, которых восхваляла пропаганда коалиции, в основном, были вымышленными. Коалиция была наивна. Их недостаточно развитые технологии не позволяли действий такой сложности и масштаба.

Третья вселенная, зеленоватый зачаток мультиверса, продолжала расти за счёт энергий формирующегося Двуродного источника – соединяющихся космоса и хаоса. «Дети третьего мира» были её строителями. Они чувствовали присутствие друг друга на большом расстоянии и устремлялись к соединению. Они образовывали новую вселенную из себя. Они брали нашу энергию по воле элементов нашей вселенной, которые перешли к ним. Эти элементы питали энергией коренные элементы, которые были изначально и связались в начальной искре всех тел во время больших взрывов, когда торсионные поля сознаний противоположных кручений боролись, взаимоуничтожая друг друга, пока не произошёл один уникальный случай, когда они слились в новое единство, невиданное целую вечность. В этом взрыве, этой вспышке, они присутствовали со всеми другими торсионными полями, которые позже обволоклись, в своих далеко разделённых пространствах, в созданные ими материи. Таким скрытым образом, «третий мир» стал присутствовать внутри

всех материй. Но их рост неизбежно вёл их к этому моменту, к границам друг друга, к месту очередной встречи, когда и они должны были слиться, или уничтожиться или раскрыться друг другу в новом сознании.

Пока разрастался комок зелёной вселенной между окружающими родительными вселенными, сознания космоса и хаоса, то есть их Источники, необычно отнеслись друг к другу, заключая между собой не самый приятный союз, словно фонтанель. День поддался ночи, открыл ей дверь и впустил её в свой дом. Это был крайний шаг в борьбе с «детьми третьего мира». Граничащие дыры и их галактики на рубежах направились, чтобы пожрать друг друга и самих себя и начать великое сокращение вселенной. Это было опасное решение измучить себя, пустить кровь, чтобы избавиться от надоедливой опухоли-болезни, своего детища, как они считали, вредного порождения. Это был возможный конец после триста триллионов лет эволюции. Но зелёная вселенная вспучилась, предчувствуя свой исход. Строители понимали, что ей не суждено дорасти до своего идеального состояния – до мультиверса, ей не было дано достаточно времени эволюции, чтобы дотянуться до поверхности всего. В это время начали свой ход давящие, так называемые, «пределы», готовые поглотить податливый «пленум» со слабеющими, теряющими власть над пространством Источниками, которые скорее хотели принести в жертву своё детище, чем самих себя. Строители юной третьей вселенной решили остановить

надвижение смерти. Третья вселенная взорвалась так, что своим колоссальным, невиданным энергетическим толчком откинула надвигающиеся «пределы» и увеличила снова разрастающиеся границы вселенных на ещё триста триллионов лет вперёд. Вспышка пронзила всё свободное пространство. Она им подарила новый цикл и новую жизнь.

38.2

Третья вселенная с её детьми перестала существовать, но её энергия осталась, словно впечатанный след, который был и будет вечно, по крайней мере пока есть этот «пленум».

Наступил новый вселенский цикл, который принято называть циклом Сферы (великого проекта Источника космоса), в отличие от предыдущего цикла «третьего мира». Цивилизации научились пользоваться двигателями на основе энергии «третьего мира», чтобы, за счёт постоянного изменения временных потоков, вырваться из под гравитационного поля галактики и быстрее, менее опасно и проще путешествовать по всей вселенной. Объединения коалиций общими усилиями, устремлёнными к воссоединению в Сфере, также создали новые системные технологии и управляли искусственными спутниками, которые разлетались по вселенной и помогали строить сложную информационную сеть. Спутники, которые напоминали своими размерами и формами луны, имели сложные встроенные защитные системы. Каналы образовывались нелокальными центрами связи, распределёнными между этими спутниками и населёнными соседними планетами. Эти центры связи не были скованы их физическими оболочками. Они были повторителями и усилителями сигналов «сфер», тем самым умеренно распреде-

ляя информационную энергию, не позволяя ей перегрузить планетные сознания. Галактическая коалиция, наконец, сошлась с другими во вселенной, сеть была отлажена, и вот вера многих рас облачилась в реальность – великий проект был осуществлен. Сфера – это преобразование потока информации через ядра всех населённых планет. Это не только способ распространения информации, но и полное слияние с ней. Все расы получили возможность находиться вместе в потоке и общаться напрямую, без пространственно-временных рамок, в истинной ультра-Сфере – едином сердце миров.

В центре круглого зала, где все поверхности были олицетворены жизнями и излучали свет, парил лучистый золотой шар-ядро с просвечивающейся поверхностью и сонмом шевелящихся тел и бегающих точек внутри. Как яркие вспышки звёзд в разных направлениях вокруг, яснослышны голоса многочисленных «сфер», избранных своими системами, на фоне менее различимых голосов не в полной гармонии с остальными. Многоличники вошли в совет «сферы» в одной из солнечных систем и предложили:

– Вот у нас Зерно нового сознания, сознания «третьего мира», чья вселенная спасла нас. Разрешите посадить его в нашей вселенной.

– Что вырастит из него? – спрашивала «сфера» у них. – Каков будет плод?

– Мы не знаем, – отвечали многоличники, – но уверены, что будет во славу и благо всего сущего.

– Слишком туманно. На благо космоса или хаоса? – заколебалась «сфера». – Мы не разрешаем вам этого сделать.

Многоличники казались им, то есть «сфере», слишком непонятными, непредсказуемыми, и от этого опасными, отшельниками.

Многоличники ушли, не выполнив своего желания. Они присутствовали на одном из первых межгалактических съездов «сферы», но им не было разрешено использование Нового сознания в рамках существующей вселенной, потому что последствия неизвестны на практике и, по сути, последствия эксперимента необратимы.

Многоличники были удивительной расой и создавали своими технологиями, для нас, поистине сказочные чудеса. Клетки их тел находились в газообразном состоянии. Их тела напоминали туман, способный перемещаться даже по вакууму, и через него они могли обретать любые формы, сгущаясь либо же рассеиваясь, хоть эти формы по-прежнему казались странным туманом для остальных рас. Поэтому их звали многоличниками. Они обосновались на своей установке, которая висит на подушках сложных магнитных полей у «пределов», горизонты которых выгибаются в огненных пропастях от столкновений с галактиками. Эта раса накопила и сконцентрировала пойманную энергию от взрыва «третьего мира» в информационной структуре нового типа. Они изучали субстанцию самих «пределов» и модели энергетических взаимодействий сгинувшего «третьего мира» и затем

применяли свои накопленные знания, что привело их к открытию Нового сознания и выявлению Его чистой формы.

Но возможно ли найти что-нибудь в «пределах»? Смогут ли они найти там место, куда посадить их Зерно? После долгих исследований, они нашли связь «пределов» с «третьим миром» через поле «нейтральности». Изучение передвижений и взаимоотношений дыр на границах двух вселенных также приведёт к новому открытию и новой встрече. Встрече с Сознанием вселенной хаоса, с которым будет заключён взаимный проект-договор. Один из многоличников добровольно станет носителем Зерна нового сознания, обуздав свою жизнь новым смыслом и полностью отдавшись этой миссии.

38.3

Ясновижу, пока буду сидеть во главе ворот, ведущих в другие миры. Последний судья и разрушитель миров – так назовут меня те, кто находятся среди непреклонных существ всеобщего мира. Буду искать и найду, наконец, то, чего мне не хватало и то, чего не хватало этому дому, чей Творец боялся и не давал никому, включая меня, идти по новому следу внутри. Это будет шанс влиться и достичь Анти-источника через негативные измерения, то есть стать Кристаллом хаоса, который будет нужен Новому сознанию, чтобы предохранить Его от воздействий чёрных дыр и использовать их для передвижения. Носитель должен будет находиться внутри серой дыры, движимой за счет самоперенаправляющих сил белой и чёрной дыр. Такой корабль сможет пройти через стену «пределов», но вот что будет дальше? Мы приоткроем эту пелену и посмотрим, что может быть за нею. Если есть две вселенные, то, конечно, должно быть больше, разве нет? Сможем ли мы довести нашу миссию до конечной цели, засеменяя Новым сознанием другое пространство, если такое откроем, или же «пределы» бесконечны и мы никогда не вернёмся?

Глава VII. Я. Послесловие

39. Я

39.1

– Чем занимаешься?

– Пишу фабулу...

– О чём?

– Обо всём... и ни о чём. Прочитанное не от Источника, но о Нём, не от Истины, но о Ней, потому что слова недостаточны. Я верю в Источник, но не ограничиваю свою веру религией. Я стремлюсь познать этот эксперимент, шифрование пустоты, нелинейно написанное, чтобы знанием о ней объяснить необъятное.

– Ты хоть сам это понимаешь?

– Я пытаюсь так же, как и ты, и иногда я чувствую, что уже всё понял, а на самом деле тропинка познания убегает всё дальше, и сам всё глубже погружаюсь в смысл. И на груди моей знак этой Книги, святое повторение – Круг внутри Круга, Око или лик Беспредельности, – это личный способ притронуться к Беспредельному совершенству. Я не хо-

чу расставаться с Ней, а хочу быть частью Её, так же как Она – часть меня. Хоть порой, уже после Её первого свершения, Книга мне кажется простой и маленькой, как надоедливая точка, на которой до боли скучно заострять внимание; Она не отпускает меня.

– Как ты пишешь всё это?

– По мере бесконечного дописывания Книги, я становлюсь тем, что я написал вначале: первым словом Книги. Я хочу больше и требую больше. Мне нужна информация, мне нужна Истина. Во время своеобразного тёмного ритуала, нахожу в себе новые идеи. Бессознательно развожу руками, то резко и беспорядочно, то медленно и плавно – это какая-то магия, медитация, музицирование, так как я ещё в это время пою, разговариваю или просто произношу разные звуки, то грузные и ритмичные, то протяжные и унылые, и я танцую под эту какофонию звуков в этом трансе, во внутреннем покое. Это какая-то тёмная музыка, которая позволяет мне писать эту сложную картину, где у каждого слова огромный эффект, где в одном слове пересекаются вселенные.

– Наверное наполнены силой эти слова и строки. Кто пишет это? Какова личность писателя?

– Я – идущий навстречу тебе; я – тот, кто идёт, и это мой ход. Я – субъект, единое действующее лицо, а именно, моё сознание, из которого всё это частично излилось. Я – сила и предвестник с очищающей водой, в которую окунаю тебя с головой. Я посылаю свет в самые тёмные места и нахожу

тью в самых светлых... В этой Книге переплетаются три понятия: личности разделены, затем едины, и в конце несущественны. Ведь только когда сознание растягивается по большому количеству измерений, оно становится несущественным, то есть неосновным.

– Для чего это нужно?

– Не личность и не опыт на самом деле важны нам, а то, чем мы это получаем, то есть сознание, неограниченное личностью или приобретённым опытом. Эта Книга для всех, кому дорога фантазия и кому приятно развивать нелинейное воображение и применять его к реальностям жизни и мировоззрений, для души и разума, для мыслей и чувств, но больше всего для такого сознания. Эта Книга рассчитана на всех и на никого в особенности. Я же хочу лишь одного: прошу открыться данной Книге тебе в момент истины, кабы впервые она вышла в свет на таинственном стыке перемен.

Потому что тайна окружает нас. И она ближе, чем нам кажется. Она внутри. Таинственная беспредельность души живого неба внутри тебя. Нет ни белого, ни чёрного, ни зелёного, и всё же они есть, и это тайна, которая больше нас. Всё здесь написанное служит, чтобы подчеркнуть эту недостижимую тайну. Так и должно быть. Эту тайну легко принять такую, какая она есть. Тайна беспредельна. Беспредельность есть тайна. Чувствуешь её? В это можно верить. А раз есть вера, значит есть и сомнение, что ведёт к равновесию и знанию.

Чем же сомнение так прекрасно, как и вера, спросишь ты? Верить хорошо, но не до фанатизма. В здоровой вере должно быть сомнение. Вот ты прочитаешь эту Книгу и никогда больше не отойдёшь от впечатлений, просто не сможешь, и тогда я поздравлю тебя со вступлением в «наш клуб умалишённых»... Я пошутил... А ты поверила? Ты что, шуток не понимаешь? Вот чем прекрасно сомнение. Ищи в нём спасение, как и в боли.

Я сейчас вот это пишу под воздействием сильной головной аллергической боли и тошноты. Можно получить наслаждение и от боли. Боль принято считать ненормальным ощущением. Но что на самом деле есть боль? Это редкое, уникальное, сильное чувство, которое, как кажется, идёт вразрез с нашей жизнью, но это не так. Боль – это проявление тайны самой жизни и природы, её зарождения и убывания. Боль – это целый мир. Будем терпеливы, прислушаемся к голосу боли; пойми её не примитивно, а во всей её сути. В ней играют сражение любовь и ненависть, счастье и депрессия, светлые и тёмные силы. В боли обитает вечность, к которой мы ещё не привыкли и которую мы боимся, но нам следует с рвением принять её в объятия и насладиться её посещением, и тогда жизнь покажется нам прекрасным явлением, сказкой со счастливым концом, а мир – райским местом. Когда мы больны, мы абсолютно защищены. Мы не думаем о плохом, а только о хорошем. Некоторые начинают молиться, становятся добрыми людьми, независимо от их прошло-

го. Очень трудно полюбить боль – это сродни тому, как сбросить с себя гордость, но именно это и есть наш вызов, наш конфликт и наша проблема, которую мы должны превзойти путём страдания. Почувствуй это – как только мы начинаем восхвалять боль, она немного отстывает. Как только мы получим от неё полное удовольствие, она пройдёт навсегда. Взросление сердца через терпение к боли и желанию поместить в себе любовь к светлому без грусти и к тёмному без отвращения. Самая долгосрочная и приятная боль – это боль душевная.

39.2

Первая книга называлась «the book of dreams» и была написана, в основном, на английском языке. Я её создавал на протяжении многих лет, но её никто никогда полностью не читал. Когда я чувствовал, что мои близкие несправедливо обвиняли меня, возможно не зная об этом, то я ненавидел себя вместо них и наказывал себя разрушением моего самого любимого, с чем сплелось моё сердце больше всего в тот момент. Тогда это была та книга. Первая, которая вместила столько наивного счастья и чистой любви. Она состояла из стихов. И только мельком пробежала грустная строчка, как чёрная точка, со временем разросшаяся за свои пределы. Но теперь эта новая Книга намного больше, чем просто тень

первой на теневой стороне. Память о давно потерянных писаниях возвращается, и они перерождаются здесь.

Реальность, как целая сущность, точка зрения, одна из жизней – пропала бесследно и безвозвратно. Может она осталась внутри, и где-то с кем-то пересекается, поддерживает беседу. Мириады таких сущностей, творящих и создающих больше возможностей для существования, продолжают в вечности. Но я осознаю, что это лишь мечты, которыми обманываемся, чтобы заполнить пустоты, превознести эго. Уныние и гордость по сути одно и то же и ведут в один тупик. Засуха чувств после потери настоящей любви и влюблённостей погубила первую книгу столько же, сколько моё забвение в саморазрушении. Рождение всей новой тьмы было неизбежностью после удушливой боли пустоты на загубленном сердце и истрёпанной душе. Эту душу я теперь буду носить до конца дней, как старческие лохмотья.

Кривизна. Было мне несколько лет, и игрались мы с двоюродным братом. И получилось так, что упал я носом об деревянный косяк кровати. С тех пор ношу я свой кривой нос с горбинкой гордо, как отличающую печать. И не только он у меня кривой.

Помню выучил в школе английского языка стихотворение про кривого человека, и мне оно понравилось. Рассказывал его жюри на выпускном экзамене, что всё было криво в этом человеке и вокруг него – и кошка, и мышка, и дом. Понравилось им моё выступление, так как читал его с выражением

и душою, юмористически, но в тоже время, как про себя.

Книга – это панно для исследований, коллекция мыслей, мой генетический материал, который я вырастил и организовал и в котором воплещусь единожды – сейчас. Книга – это «кон» для меня. Это продукт многожертвенных стяжаний эпох и потенциальный выход из круговорота повторяемых историй. Книга – это катарсис, дорога к согласию с самой собой. Это диалектически организованное единство семи этапов-чакр по образу и подобию человека и жизни. Все сходятся и встречаются через Книгу. Книга – это величайший проект моей жизни; Книга связывается и переплетается с твоим сознанием – это и есть живая Книга, и она есть сама жизнь. Книга – это твой конкурент, которого ты должна превзойти путём общения с нею и понимания, но мой совет тебе – не будь проще Книги, а будь как Она и принадлежи всем и никому в особенности.

Книга – это также дневник моей жизни, но не писанной, а придуманной и отложенной в памяти на её протяжении. Надо написать всё, чтобы лучше понять свои мысли, потому что, хоть это не мысли, слова являются материальными и конкретными и, тем самым, помогают отличить природу мыслей от их результатов через контекст. А теперь немного о себе: родился от женщины единственным ребёнком под первым огненным знаком в месяце ядерного кризиса и году начала перестроения, предтечами распада и окончательной потери мощи моей родины и её экономическим поражением.

нием. Был с детства тихим, осторожным и замкнутым в себе, рос наивным и избалованным, в школе был самым высоким. Но я не окончил школу на многострадальной родине. Душевно я изменился после того, как уехал в другую, относительно молодую и экономически более развитую страну, страну-разлучницу, в переходном возрасте, в год падения её близнечного символа и начала её разрушения, и прожил там десять лет и живу по сей день. Там я ходил в школу, потом учился в университете и работал.

Последнее, что я там видел, перед тем, как вернуться домой, был образ со дна великого каньона. Вид оттуда был самый потрясающий и воодушевляющий, а это место – самое впечатляющее, которое я когда-либо посещал. Сел бы до того, как туда спуститься, на край обрыва и любовался бы видом, облился бы бензином, чиркнул бы зажигалкой, полыхнул пламенем, упал бы туда – кто знает? Но я понял, что лучше, чем мгновенное и поэтому слишком простое самоубийство, – это медленное продление страданий до самой смерти. Добавилось уверенности после того, как я пережил радикальную перемену в жизни. Мне не хватало дикости.

Мёртвые стремятся убыть на кладбище. Я не погубил себя физически, но бросил всё и всех, оставив родителей, покалечив свою душу. Я душу свою разрушил сам. Душа мертва, или она уже живёт в лучших мирах. Рожусь ли я снова, придут ли в этот мир, и буду ли говорить об этих духовных мирах или спорить с этой Книгой? Не знаю. Надеюсь, что нет. Знаю

лишь только то, что я боялся фрагментации, а сам, своими поступками, образовал кривизну внутри себя, с которой до сих пор не могу совладать, так как люблю её за то, что она делает меня уникальным и даёт силы и самонадеянности, которые как свет полыхают в тёмные времена. Она же делает меня одиноким и безразличным. На протяжении акта создания написанного, я борюсь с усиливающими порывами к разрушению в постоянной тишине и непризнанием моего творчества отцом, и непониманием родных. Матери я кажусь сумасшедшим. Но я осознаю, что единственный путь, чтобы бороться с сингулярностью тьмы и со всей болью внутри, – это подойти к ней ближе и всмотреться в неё. Не бежать от страха в пустыню, как это делают некоторые, а остаться и смотреть прямо на неё, но не сливаясь, а идя вразрез с окружающей цивилизацией, находясь в самом её эпицентре. Только тогда, через меру истрадаясь, у меня пройдет страх. За порогом рождения Книги будет ясен замысел сил, которые победят меня, в конце концов.

Повествование прерывается. Далее следуют записи об Америке и России...

39.3.

Непереведённый фрагмент

39.3.1. Waking up

Walking fast, nearly running. Through a long corridor along a row of beds. Chills running through me. On my shoulder – a white towel. In my hands – a tiny blue box and a razor blade. They stole my soap again. “Hurry up, you bitches! Fucking move!” – I hear from a large hall ahead where half-naked young men in loose white pants are running every which way. The screamed commands are backgrounded by an anthem of baritone voices and hard bass broadcasted through speakers. I enter a pale green tiled bathroom with a dozen sinks against a wall. – I didn’t call it a restroom – now thinking about it – because there is no rest, unless you are trying to avoid duty in smelly stalls without stepping through a hole in the middle. And they will always find you; they keep names in check. – There are guys all over in queues; not a single spot is available. Although, hold on, one guy just finished and brushed by me through a narrow entrance. It’s a broken sink; the water is icy cold. I quickly splash myself on the face and naked shoulders – sharp icicles pierce my body, but I ignore it, since there is no time for pain – and proceed to shave without soaping my face, as I didn’t find any soap here either. I shave quickly, but carefully. They are going to check. After I finish shaving the back of my neck, I open my blue box with a tiny little toothbrush in it. – I tried to save space because there was so little of it. Space was a luxury we weren’t allowed. – I watch myself in a cracked filthy mirror while brushing my teeth. With sunken eyes and a thin face on a bald head I stand before myself as a

confession. I look like an evil wizard from a fairy tale.

We run back and dress in light uniforms on benches in twenty seconds. Three white lines across bed sheets had been aligned by another group. We run through stuffy halls and down stuffy stairways, stuffier than bathrooms, but the stuffiest of all is the dressing room. It is so tiny that we have to push, and push hard, in order to get to our numbered hanger, hopefully with our winter coat on it, and to our numbered cell of a boot holder on another wall. I notice that my footcloths inside my tall black boots had been replaced with thinner, smaller, dirtier ones, but there is no time to think. – But I received new footcloths just yesterday! Who took them? – Quickly, quickly, I don't want to be the last one out. While holding my pea coat in my lap, I bend in the mass of living bodies surrounding me and hectically wrap my feet with what I have – I know there will be cringes that will bother me throughout the day, but what of it? – From the sleeve I get out a hat with tied earflaps and a five-pointed star in front. While trying to button the inside and outside of my pea coat, I rush out into the minus-thirty-Celsius frost hanging in the air, entombing me instantly as I penetrate it. The air is chilly fresh – a welcome escape from the stuffiness inside. And now I am freezing. Cannot wait, cannot wait to start moving again, as we gather rigidly in perfect straight lines in the dark. There is a yellow lamp swinging above our entrance and another dim light is shining across the marching ground. Stern blocks of buildings are shadowing over us from all sides. – Oh no, I realize, my boots are dirty. Is there

going to be an inspection? – But there wasn't – not yet. It may be later. We wait. I wish to start moving again to march across the sleepy city streets towards a dining room a mile away. A vague memory starts flowering in my mind – I remember, without realizing the impossibility of forgetting, a constant dire need – the hunger, a warm breakfast. – And on another simultaneous battlefield, I pray to start moving again to fight this cold, to force it away as it's crawling under my clothes, as it's creeping under my skin, preparing to freeze me and take my life away among the stiff shadows stacked in a living, breathing, still fuming row. And then I hear: “Atten-tion! Dress! At ease. Turn left! Forward, march!”

The Russian army came as an idea to escape a broken reality and to morally satisfy myself by paying a debt to my betrayed homeland. (Now, years after writing this interpretation of my experience, I think it was more a debt to myself to repair the disconnection from my homeland, something more internal than external.) I was twenty three years old, and I had four more years until I could no longer be drafted. I made this idea possible by abandoning my mom, quitting school and work, and leaving my car behind. I externalized this idea by going to Russia, coming into the military enlistment building and then traveling in uniform to a new home where I would spend the following year. I had no expectations. I merely wanted it to happen and defended my right to go there against contrary remarks by me claiming that I was going to hell. The most important thing for me was to

experience it myself, let my soul feel through this experience.

“Left... left, one, two, three... left... left...” – a junior sergeant on our side is calling into the fog of an early morning. His words are echoing against the hard pavement and inside each one of us. Our feet are not our own. Our feet are hearing his calls and marching, marching, marching. We see a silhouette of the one-storied dining building. We finally reach our goal and neatly stack across the entrance in two rows. Our procedure – automatic thus far – is to enter the building row by row, hang our coats on allocated rows with a capacity for three times less hangers than our numbers, sit at the tables with hot food on them, eat, and leave – all of this in ten minutes. We rush in haphazardly against the tired commands of our sergeant – he is just like us, another drafted man from our company. We squeeze in through a tiny entrance and hang our coats on each others’ wherever we can or throw them on a window sill. We run; we are hungry. Each table is for six people with six plates on it. The food is in deep bowls in the center – we are supposed to divide it into six portions ourselves. There is tea, some sugar in it maybe – I don’t remember, – tiny pieces of butter, some kasha in a bowl – I eagerly look at it, but it is not a good one – either way, I do not care, as long as it is there. And finally and most importantly – a whole fresh loaf of soft white bread. This bread is golden. This bread is priceless. This bread was what I lived for. But we have to divide it. We don’t notice how officers enter the building, and this is the only time we don’t hear that loud cry – “ATTEN-TION!”

– which pierces all places except the dining hall. We do not involuntarily stand up because we don't have to. Thank God for that. The officers proceed to their tables – with much better food on them – and they are never in a rush. But we don't care. We are still clinging to that piece of golden-cruled bread, ripping it apart in hefty chunks like a pack of animals, which we really are, most of us, all of us when we are eating. We drink our tea with thirsty gulps seeking more and more, but there is only one small glass. We eat kasha and occasionally notice cockroaches falling on the table from the ceiling. Cockroaches are everywhere in the dining hall. They are its lawful inhabitants. They are just as hungry too. But we don't care. It doesn't matter how big you are – everyone gets whatever he can. It is supposed to be divided evenly, but I don't think it ever was. I always want more and never have enough, but these kinds of thoughts have to be suppressed. Food and drinks are only available three times a day for me. Sure, we are paid some money, and soldiers buy some other food, sweets, cigarettes mostly, at a kiosk while we march to the dining building. I never did that, though. I want to keep it that way. I want to appreciate every single moment of every single piece of food given freely to me. I chose simple living.

We start, still hungry; we leave like a gust of wind. Upon returning to our unit, in the dressing room, I notice how two privates throw my coat off its allocated hanger. I call them beasts. They burp and then laugh. I hate them; I hate them all. Next is the formation, allocation of duties. Hopefully, I won't get the dining

hall duty. I clasp and twist my middle and index fingers in a sign of hope. All day and most of the night you work there in sweat, washing oily plates, scrubbing floors, cleaning tables, seeing the food without being able to eat it at leisure. I would rather stand the whole day on duty in the unit rather than work in the boiler room with cockroaches. This is the only time when I succeed in forgetting about my hunger. We stand in the hall and await the verdict of our warrant officer. He is fat, round like a balloon, and smiling spitefully. His eyes are tiny under large brows under a small forehead. He is supposed to be friendly; they say he is better than a despot in another unit. Maybe that's so and he is good. But he treats us like hell. We are all the same to him. He opens his grinning mouth and calls out names. Mine starts with an "S," and so it's toward the end. I patiently await the sound of my name. Now he starts calling names that start with an "S." My name is... not called. I quietly sigh with relief. Then, in an overstuffed bus, I will be probably sent to the auto-park to pick up cigarette buds or pointlessly shovel snow around. And tomorrow is going to start again with "RISE!!!" at exactly 6 AM, and curses.

In the army – it was an automotive unit in the Moscow Region – I became hateful of people but not of context. I found out how people turned into animals because of the context but I did not change, since by projecting my negative feelings onto people it kept me unchanging and my own conscious self. And however much I try to remember, I just... cannot... remember the exact things that happened between me and the other soldiers.

It is one gaping hole in my memory and the memories of those with whom I served. I experienced the army without running away, without ever wishing to run away because I ran away before and this became my safe haven. I was still apprehensive of America with all of my quivering heart. I hated heartless, cold, capitalistic egotism, carelessness of people not being bound by a single shared idea. Instead, the army and its feel connected me to the opposite atmosphere – to that of ideological collectivism and the long-defeated enemy personified by the U.S.S.R. In the U.S.A., I got disenchanted with everything I loved. There were so many reasons. On the one hand, it was my grief of not fitting into the university's philosophy club because of the contrast of views. This grief later generated my antagonism for the American way of life, for robotization, the quiet worship of science and technology, the ignorance of the spiritual and truly profound, such as God, truly unlimited and expansive, such as the dialectic methodology. I missed this in my life, and so I moved my life in this direction. Repugnance grew in the soil of grief; repugnance generated my disconnection from reality, from the American context, from education, work, and family. I forced it upon myself. And I woke up.

39.3.2. Something wild

Carefree voices and a nice, easy strum of a guitar – that's what

I am hearing. The lights fall smoothly on the dim furniture and walls filled with pictures of people and places. I order a coke at the bar. My friend Jason orders a beer. His long dark hair is perched shortly above a tweed shirt he is wearing with a tang of self-consciousness.

“It’s nice, huh?” – he asks with a pleasant smile.

“Yeah,” – I answer and sip from my cold glass some dark, sizzling liquid.

Jason’s friend, a relatively short wiggly blonde who feels surprisingly alive, and his girlfriend approach us by the bar counter. They both play in Jason’s little-known band: the drums and the acoustic guitar. The band is called “Psychedelic Horseshit,” but don’t get confused by the name – it’s nice alternative rock. Jason plays bass and writes all the songs. Jason is the real maestro of this decentralized group, where they all sing. I met them before at the band’s concerts in small bars around Columbus, Ohio.

“Hey, you got a buzz cut?!” – the drummer says.

“Oh, yeah,” – I reply indifferently.

“That’s cool.” He is watching me, and there are wicked sparks in his eyes.

After a moment, he puts out an offer, waving at the musicians on the small stage: “You wanna sit over there?”

“Sure... why not?” So we have some fun, listen to music, enjoy our drinks, talk about music... and Russia.

It was a nice, cozy bar, not too big or too small, and not very

crowded. Slow-paced rock lasciviously stroked our senses, so it was all right. We had a break from our Electrical Engineering homework with Jason. We were chilling, hanging out. This was not a time to be burdened by a worry in the world, so I tried not to think of what lay ahead for me.

After it was getting too late, I approached Jason and told him: “I am leaving, bud.”

“All right, man, take care.” We pat each other on the back and let go. It’s like any other day. We meet and we bid each other’s farewell. Except, today – we both knew – wasn’t like any other day. I wasn’t going to return, and I will never return to whom I was before. We weren’t going to see each other anymore. We parted outside. My Chevy Cobalt was patiently waiting for me, parked. It was my manila-colored sailboat; how many waves we tested together and how much is left for our share. My beautiful sailboat will carry me and protect me through any storm. Its shell may get damaged, but its essence will save me. I took the seat and grasped the steering wheel, started the engine, waved to my friend for one last time, looked ahead, and was gone...

I never went to bars before I met Jason. He was the closest friend I had at the OSU. But I only got closer to him after I realized that I had to leave – in fact, the closest I had ever been to anyone in America. And he was the only person who knew at the time what was going on inside of me. He was the only one who knew everything that I wished to share. He was a good friend – the second generation Filipino who was similarly disenchanting

with the American dream. We were lost together. I remember a day when we went out to a Mexican restaurant where we ordered some extraordinary dish – Paella, his favorite, – and while we were conversing he told me: “Silence is the greatest of music.” I still like to remember what he said.

I had a long road ahead. I left after midnight. All night, in silence, I drove to Indiana and then to Illinois. It happened straight from the bar, just as I planned it. I was hungry for a novelty, so I accepted Jason’s recommendation to try Wolfy’s fast food restaurant in Chicago. I visited it early in the morning and enjoyed one of their large and delicious hot dogs. In Chicago suburbs I met with my dad and my step-parents and told them goodbye. I did not expect to see them again, but they did not know this. I even brought them some parting gifts.

Then it was a kaleidoscope of American wayside: Springfield, St. Louis, Oklahoma City, and beyond. Hey, look out of the window – it’s the Gateway Arch! I only stopped to refill the gas tank. The state of Oklahoma was particularly strange. There were ancient derelict cars, all rusted, stranded on the wayside amidst empty farmlands. And there were black ground beetles everywhere, but what did you expect? – it was hot, and it was the beginning of June. This is when I was supposed to have been preparing for exams. Instead, I drove endlessly, tirelessly through roads that had no seeming end – two lines ahead and two side ones against me – with the white and yellow stripes framing my view. I remember how I got lost in Texas when it

was a sunny 92-degrees day. I stopped at a gas station called “Git N’ Go.” The gentlemen there were nice enough to help me with directions. My eyes were closing as I drove, but I did not want to stay outside, and no motels attracted me because I had set myself a destination that was my only goal. However, I had to stop for a 30-minute break and also get some coffee to keep me awake. It worked. And then it was a glorious natural landscape of New Mexico. One sees those mountains that greet you in a warm embrace, those great horizons under light blue airspace, and there is nobody else anywhere to either side in chaparral except those lazy tumbleweeds that remind of westerns, and there is only you at 80 miles per hour and that blue stripe disappearing in the highway mirage just ahead. And finally my heart increases its revolutions at the sight of the deserts of Arizona with the convoluted canyons and red rocky formations that seem greater, like shriveled giants cringing from mysterious cold. Being here is like being a part of a fable, and I am plunging into it in the head of the wind behind my shoulders. This is where I wanted to come. I drive by Indian reservations – they sell dreamcatchers, rugs, cigars, and other self-made things. But my favorite city that I wish to visit first and where I shall stay is the city of Flagstaff – the heart of the desert. And here it is! – a small but nice and friendly town. I pay for a room, climb the stairs to the second floor, and after entering I collapse, exhausted after the 32-hour road trip, into the bed that greets me with a blindingly white smile.

...

At night I had fires all surrounding me, consuming me, flames licking my consciousness. This had continued for many nights before. I was drawn to fire.

...

The next day I am on a look around as I drive north. I pick up a hitchhiker. He is 39 years old, and his car didn't start when he had to go to work. He talks excitingly to me like a man in bliss, yet he tells me openly how his wife left him for another man and how he works as a waiter in a hotel's restaurant. I am driving him to work and ask him whether he had seen the Canyon. He looks at me with eyes that never knew unhappiness and tells me that, no, he had never been to it, that in fact he had never been much away from his cherished city of Flagstaff. How could a man be so happy without ever seeing the greatest that his state has to offer or any other states or countries in the world? If ignorance is bliss, is invincible ignorance a permanent bliss? Is happiness really self-contained and self-sufficient as if it is the only reality? I do not understand. Of course, I understand that his ignorance is mere naïveté of a man with a common consciousness.

I arrive at a gas station and fill a 5-gallon container with gasoline. It's in the trunk, let alone in the dark for now. At the Visitor and Information Center on the South Rim I learn that the Phantom Ranch and the campgrounds are fully occupied and reserved for months. If you want to stay in the depths of the Canyon overnight, you got to reserve a room a year in advance.

It's all right – I didn't expect to stay there anyway. I will walk. On my way back, I meet hitchhikers from the Netherlands who are on a road trip across the United States. They are vacationing straight after high school, starting their trip in California and ending it in New York. I drop them off at a hostel in Flagstaff and also stop at my favorite fast food place called "Jack in the Box." Having ordered some of their famous tacos and hamburgers with special sauce I return to the motel. Next day, I will get up at 5 AM. On my back there will be a rucksack with two apples, some energy bars, a 2-gallon water bottle, and a sweatshirt. I later realized that something was still lacking.

I didn't have a camera, so pictures were exclusively imprinted and preserved only in my own mind – those are the best pictures you can ever take. You can't capture the fleeting moment anyway, and you got to enjoy it with your own eyes. I wanted to see the great chasm before I left this country. It was the symbol of the land for me – the great chasm that means America with its infinite cities luring you into its sprawling cracks. It wasn't just a snapshot but a motion picture of constant, never-ending movement pulling one's sight into the curves in the shape of a river that originally bred it and is now waiting for a wary wanderer to discover it six thousand feet down. And the wind! – it's constantly gripping and trying to pull out your heart. I was into it with the rest of the travelers who came here from Japan, China, Canada, Europe. Their equipment might have shown that they were prepared, but internally you really cannot prepare yourself

enough for this.

The Bright Angel Trail. Once you look at it – once you walk its zigzag paths, its open vistas and falls of 300 feet to a lower slope just a foot away from your foot, its chiseled stairs that take your feet away from you as you find wings, its tunnels and cottages, its hungry squirrels and lizards and birds and its sandy rocks under the shades of lonely juniper trees gradually fading into awesome foliage and waterfalls – you never forget. I hurried so fast down and down and down and never looking back – always forward into the future, into what could be waiting down the shape of a newly discovered path. And the farther you go, the less people you find until you reach the very bottom with not a living soul.

I noticed the gradual change in the environment, but once inside, there is some threshold reached, when you become aware that patterned, billion-year old walls enclose you from all sides and cut away from the sky. And this is the moment when I stand firm, alone in my seeming dream, and scream my breath away into them: “GOD!!! You are God!..”

Yet further, the great overhanging rock is above me, I am in a natural alcove, and, a short distance down the hill, the crystal blue of the Colorado River is washing in the soft white sand. The ford across the river is so shallow that it can be crossed without wetting your knees. Some young couple is enjoying themselves there, dipping their feet, running, splashing, laughing, frolicking. I turn away and walk around another bend of the trail. I walk across the 70-foot Silver Bridge connecting to the other side with

the traveler's lodge called the Phantom Ranch. There are some ancient Indian ruins, their baths and remains. I keep walking by the river relatively fast. At some intervals, I stop shortly just to breathe in the view of the sweetly flowing river and the mountain walls of the canyon. I walk up to a sign that warns travelers of heart attacks and sunstrokes and of not returning back in one day. I continue my passage and my climb as I realize that my feet are not the same as they were before. My limbs are getting tired, my back is begging for rest, and the merciless sun is at its peak, scorning at my weakness. I cross the Black Bridge and take the South Kaibab trail, which is level two – medium after the easy Bright Angel. Its plains are vulnerable and continuously scorched by the sun, shades – inexistent, steps are round wooden logs. As a layer of salt crystallizes from perspiration on my face, I beg for mercy and sit on a square rock looking straight down at the short black line of the bridge in a patch of blue-green amidst the interlinking, gigantic canyon slopes. The Colorado River gradually disappears, but this moment's rest is enough to inspire me to continue my passage higher.

Yet, my stops were getting too frequent, and I had to force myself to continue the ascent. It was so difficult and slow – I was dying from the lack of breath as my heart beat faster than I could manage. I drank most of the water, and my rucksack was nearly empty. A group of tourists from Canada helped me pick up the pace as I talked to them forgetting my tiredness. In their passing, they gave me a piece of salty beef-jerky to save me for a few

more miles ahead. By the time I got out to the Rim Trail, it was getting dark and windily cold. Painfully I drove after the 15-hour, 27-mile walking stint to the nearest McDonalds where I asked a man at the counter for a shot of life-saving salt, but he only looked at me strangely and did not understand, so I had to find it myself and swallow it, performing the necessary “injection.” A bag of salt wasn’t enough, so I purchased three packs of beef-jerky at the nearest gas station. The town saved me. That night I slept dreamlessly, and when I got up the following morning – I was a changed man.

I was the tip of an arrow while driving to the Phoenix International Airport. I parked once I got there and left my keys inside the car, knowing that it will belong to the airport in 60 days. The rest of my journey was alone. At 6 AM was my scheduled flight to Moscow.

Before my eyes there is a picture – it’s the last reverie before returning home; it was the view from the bottom of the Grand Canyon. The view was most breathtaking and inspiring, and this place was more impressive than any I had ever visited. If only I sit on the edge of the precipice before descending, if I enjoy the quiet view while pouring some gasoline on myself, and if I strike the lighter, catch a blazing flame, and fall there black as coal – who knows? It was a fantasy I didn’t believe, but it occupied my mind. It was too late; there was a change in plans. I understood that there is something better than a momentary, and thus too easy, suicide. I had to save myself for a slow prolongation

of suffering. Now I grew confident after living through this dramatic change. I was missing something wild.

39.3.3. He just snapped

Does a flower only need water to survive? And if that flower is in a dark basement thriving, is it the same flower? The second question will be answered positively by people who do not believe that people need faith. These people think that faith is irrational and thus second-rate. You know who you are, and, in turn, I know myself. What I want to stress is that there is no religion necessary, but belief or faith is fundamental to a human being. Instead, we have greed eating people alive here. Greed that people consider to be their primal motivation. They are not reaching for water but for materialistic values that won't save their souls.

The world in which we find ourselves uses Aristotelian two-valued logic, and in front of our eyes the essential nature is coming apart and the whole is assimilating into a heartless and soulless machine, a merciless factory. You do not allow a dimension for a belief in this system, and, even if you do, that belief can either be good or evil. You see the world in white and black. And if you are an Objectivist, a transhumanist, or an anti-environmentalist, you live only in the white and thus you are one-dimensional, like a molecule vibrating in a crystal prison. Now, imagine how painful it would be for me and my mind to exist

in the low-dimensional reality that is being propagated here. I believe in all dimensions and in many-valued logic, that is, in possibility, probability, necessity, and in the balanced dialectic of inseparable distinctions, the meanings of which are only lost when viewed separately from each other. And in order to stay whole and save my wisdom, I have to find a way to escape before it's too late and I lose myself in a whirl of the fragmenting reality. Welcome to my life.

39.3.3.1

I am at the orientation for the Electrical Engineering students at the Ohio State University. There are eight subfields each directed by a senior professor. These professors now are giving their presentations to entice our interests in the fields of their work and research. Each of them stands proudly, but I don't see their spirits reflected in their bodies. Most of them are middle-aged and poorly nourished, one professor from France who teaches microcircuits is yellow-skinned, another of computer engineering feels fake while wearing a red skirt, having a pony tail, and winking at male students, another who teaches solid state engineering is stooping permanently, speaking in front of us now, and showing his graphs:

“The new operation that we are developing is going to increase efficiency of the current generation of solar panels by ten percent and...” I break my attention and look around at the mesmerized

audience. He continues: “Here is my assistant and my best student” – he says his name. “I see him more often than my wife.” He laughs with an air of self-righteousness.

We must obsessively think only of our engineering projects, robots, and computers. We do not care that we are people who breathe air or whether there are animate others who exist around us. We live in our own self-sufficient realities, like in self-contained cases. The true reality where we all exist must be seen by us like a shell without meaning, a shell to be dissected in order to find a function of some of its parts. The leftovers can always be thrown out and deemed unnecessary. I loved math and expected a challenge, but I never knew that I had to give up my soul in order to succeed in this.

In our engineering and programming classes we are taught how to create robots and automated systems. The pace is hectic: differential equations for finding temperature gradients of metal rods, math with complex numbers to find voltages in linear circuits, quantum physics with changing masses and probabilities of electrons penetrating nanometer walls and being trapped in finite wells. The hair-pulling and merciless classes with the unfeeling professors and students. I remember the linear algebra class where I quietly sobbed on the last row, unnoticed in the back of the class and too far from sight to be sensed by any other lowly perception that is possible in this reality. But in the beginning we are taught Boolean algebra with binary logic: only zeroes and ones without a touch upon the qualitative

side. Still, at home I read articles by Michael Kosok, a doctor of philosophy and physics at Columbia University, about his dialectical phenomenology. And he tells me things I thought I knew before, such as nonlinear logic and how systems judged isolated are actually affected by fields that constantly surround us and produce consequences that sciences do not yet know. But the data in sciences is considered to be incorruptible. It's a contradiction. I believe myself, and so I believe Dr. Kosok is right.

39.3.3.2

“What is the truth?” I ask my mom at the dinner table at the only time I see her during the day. She usually talks about her management of alterations and tailor shop job, but I beat her this time. She gets irritated at my philosophical quandaries, which are really disguises of my cries for help. I eat but continue discussions with myself now, having my question left unanswered. She escapes to the sofa to watch TV after calling me an impossible nudnik and downer.

I develop my ultralogical model of realities that no one understands or wishes to understand, including my mother. When I mention to my mother while she is standing in the kitchen that everything is balance, she looks at a plump tomato and shows me a lobule that she asymmetrically cut out of it and snidely remarks: “And I like imbalance.” In the model, imbalance means

emptiness.

39.3.3.3

Before I started my first semester at the OSU, I so eagerly sought to join the student philosophy club. I hoped to find an environment conducive to my interests and people who liked to think about life in general. The first time when I drove to the campus and walked in search of the philosophy club room was before the university even opened. I aspired so much to meet my fellow philosophers that I forgot that I was a month too soon. At least I knew how to get there and was happy for that.

The first meeting of the semester started with an argument about thoughts. I was the only one who defended thoughts as being contextual, and the rest of the philosophers including the president said that thoughts were mere words, that a linguistic apparatus in our brains created those. The second meeting had to do with a denial of many-valued logic elements for the sake of argument. They also said that all our feelings and thoughts are products of neurological synapses firing off in our brains and that, when we die, the death is absolute. The next and my final meeting was when the philosophers argued against my ideas of the spiritual evolution of humankind by arguing for a possible world where what I said could not be true. Thus, I was defeated. The philosophy club president was studying to become a lawyer. I realized that none of them were true philosophers. They did

not love wisdom; they worshipped science and rhetoric as ends in themselves.

Many people ask me why I decided to return to my homeland, and they listen to many of my confusing explanations afterwards. But nothing would explain my feelings better than what I imagined as I walked in the dark evening among the few, cloistered by asphalt and borders trees and as I thought of people who, during the day, never looked you in the eye but only went toward their solemn destinations, each to their own, randomly and seemingly chaotically, a sum of bodies, a market of traded goods and knowledge, an ideologically disconnected collective. And so I stood there on the sidewalk waiting for the bus and losing myself, completely disappointed after the last visit to the student philosophy club. I stood with a broken heart and tears that were transparent and thus nonexistent to those cold others who surrounded me, and I lucidly saw:

The black head of an ant. The ant crawls out of a chink. The chink in a wall stretches down. A stalk is rising from under the stones. Nearby lies a broken bathtub. The roots emerge out of the synthetic debris. In the wall there is a hole, and the branches penetrate into it. The young leaves are revealing themselves to the open air. Clearly visible is the gloomy sky and the dirty asphalted pavement. It's everywhere, and only occasionally break through the sight the protecting borders. In the small fences are the stumps. In some places the asphalt is cracked, and water oozes there. Nature sheds tears, washing over her perception of

people and offering to cleanse those who know about it. Away in the distance are dilapidated buildings. Through the broken walls peep out green capsules with people. Did not meet a single person who breathes free air. Self is sorry... Why exist and endure? And why should there be a tree?

– Homesick for Russian birch trees, are you? – I will be snobbily asked by a woman in the army commissariat.

39.3.3.4

We live in the Albany Woods community where “Tranquility awaits...” People do not really walk outside. There are only supple trees that bend with changing winds. I go on the porch to burn in the charcoal grill my remaining favorite books: The Silmarillion, The Lord of the Rings, and The Hobbit. – These dirges’ beautiful sorrows do not deserve to exist in this world. – I do not feel anything as the flames slowly burn through the thick pages, but I hope that I would feel. I already threw out a book by Dr. Kosok that I haven’t read yet. I deleted everything I wrote and loved – stories, articles, poems; I saw everything that held me together and attached to this world destroyed. Anything to make me hurt, anything to punish myself for the dead end in this reality that I was facing and for which I was responsible. Yet I did not feel pain because I was beyond it. As if I were a bystander, I patiently felt my soul tearing to tatters, but I could not let this happen absolutely or I wouldn’t exist. The tension

was overdrawing me. What was I missing? How could I keep myself together under all that pressure? The pull to destroy me was not originally my own. This was a tempering countermeasure to what was coming from my mother, the university, and the work environment.

39.3.3.5

I work at Nordstrom as a telephone operator. I was hired by a nice woman named Kelly. The work with Kelly was enjoyable, and I felt myself a part of the working environment. All of this has changed with the arrival of a new customer service manager. Her name is Sarah.

“Ilya, where are you?”

“I am driving to work.”

“You were supposed to be here 25 minutes ago.”

“What do you mean?”

“I asked you to come at 4 PM.”

“No...”

“I gave you a new schedule.”

“But I didn’t receive it!”

“Well, I told you to come earlier today, so hurry up. I cannot let Mary wait for you in the booth all day long. She has a lot of work to do at customer service.” She hangs up.

I had never been late to any important event in my life, especially to work. This was the first. Dealing with Sarah

raises the plank of the job to nearly impossible. The air of lazy incompetence envelopes her in a permanent capsule of indifference. Her eyes are dark, and she is always dissatisfied with my attitude. All of this only becomes more difficult and negative with her, her unsupportive blank stare and a lack of physical shape, until I cannot stand it any longer.

39.3.3.6. Life

In a building on the fourth floor, there is a counseling and consultation service. They don't like me referring to them as psychotherapists. A woman greets me with a smile and invites me into her room. There are all kinds of interesting trinkets and peculiar seashells on her desk, colorful pictures and dreamcatchers on the walls. She asks me to sit on a couch, and I tell her how lost I feel. I don't tell her everything but enough, just hoping to notice an emotion on her face. I am too selfish to admit to her how I truly feel and everything I lost and am going to lose. I am thinking about dropping school and joining the army. She tells me that I should take a break from school. When the 30-minute session expires, I leave, feeling that I had no effect on her life or her reality, and neither had she on my own. But, in a couple of weeks, telling myself that maybe somewhere in a corner of her soul she were worried about me, I decide to send her an e-mail, explaining that I am alright and no longer need her services and that I am going on vacation to Russia. But in school

I stop doing homework, even though I continue going to classes for a little bit.

When I walked around the campus, I saw a quote by Henri Bergson: “Think like a man of action, act like a man of thought,” and it spoke to me on a deeper level I never thought existed. It helped me realize my obligations to myself. I knew then that I was going to do something with my life.

I donated my clothes – all the pretty suits and shirts that my mom made – to charity, donated my books to a library, and gave away my laptop with other electronic equipment to Jason. I didn’t speak to my mother anymore and was completely independent from her. We were strangers living under one roof. She even saw me naked once, and I shamelessly ignored it. I prepared by sloughing off my old life.

The raceless people of a faceless society united by the idea of freedom but some of whom shun emotions, glassy-eyed, and confuse industry and culture. The mass-produced culture naturally forgets its aura and uniqueness and loses out to the racial culture, not to be confused with an ethnic group that is like a business without a logo. People produced by the mass of the disruptive culture and under its numbing effects are like chatting bar codes or driven cars or undifferentiated grey goo that’s floating out in empty space and eating, sleeping, bloating. It’s better not to notice them, but I cannot help it. And I can see how there are talented people who try to run but only add into the slough and are still mixed and soaked in and also good people

out there; it's just their lives are meaningless. People are stopping to believe in meanings; people are losing their faiths – faiths in anything greater than themselves. And this is coming from someone who haunts this hollow hall, disconnected from the American culture as much as it's disconnected from the world, and I can see how it all leads to so many conflicts – world without peace. America will naturally find its true culture through the divisions it will face at the brink of globalization. Since people tend to misdefine contradictories and confuse them with contraries, the gaps of excluded middles in the people's minds are manifesting the discontinuities in the country's infrastructure. This all stems from how we perceive ourselves against others. At least we could enjoy the fleeting moment of peace until the disintegration of the nation hits us and the world find its face through an excruciating struggle to survive. Words and actions are not who we are; it's to have one's own center, one's thoughts, that can only be communicated through a feeling, which is lacking transparency or appearance here, now. But I realize a great wisdom: America cannot be changed – even though it can be persuaded, – but one can change one's life.

I walk by their lifeless homes late at night and scream: “You fucking morons! Do you know what you are doing?” I walk through the woods and onto the Hoover Dam in Westerville, Ohio. It's a 15 mile walk to train the muscles of my legs and my determination. It's a walk at the end of which I am one with an easy falling of hundreds of cubic tons of water. Their

flow is soothing to my soul, and I am alone within my thoughts. Tomorrow I am going with Jason to a bar to have some peace and to start the string's release.

39.4

А тем временем на родине армия избавила меня от чрезмерного философствования и депрессии, приучив ютиться в книжечтении. Куда хуже может быть с другими, чем одному. Там рухнула моя философская наука изучения экстримов и нелинейной логики. Вместе с ней я потерял смысл жизни, но затем нашёл свою новую веру, узнав о Беспредельном. Так в армии родилась Модель, которая в конце Книги. Моя фантазия развивалась независимо, но параллельно, с философией, что привело к их обоюдной гармонии. Я помню, как смеялись над тем, как я себя называл. Армия была пройдена не зря, а для того, чтобы залечить шрамы, узнать больше о себе и о других, а также решиться написать эту Книгу. В следующий раз, когда я снова вернулся в грешную, но учтивую страну, я исследовал течение вод великих водопадов. Там заключалась огромная сила и, одновременно, покой, который мне был необходим для завершения этой Книги.

А теперь давай я забуду на время о себе и об этой Книге. Как можно использовать все эти знания на благо человечества, да хотя бы даже на благо тебе? Так. Ты хотела, чтобы

я вышел из своего эгоцентричного состояния и подумал в общем, чтобы с тобой было о чём поговорить. Как же давно я этого не делал! Боюсь тебя расстроить, что я уже забыл какие-то специфические знания, которые ещё не связались с самим собой. Я раньше, года три назад, в армии, думал, что было бы классно если бы все люди могли бы думать разнообразней и более открыто относиться к противоположностям. От этого получилась система Экстрим – Противоположность, и чтобы их соединить – Критическая точка. Мне казалось, что так люди начнут развивать нелинейное мышление, которого так не хватало миру. Я готов был посвятить всю свою жизнь обучению людей нелинейности и контекстуальному мышлению. Но вдруг я понял, крайне разочаровавшись, что людям это не нужно. Все живут по своему и не хотят, чтобы им навязывали что-то иное, чем их настоящий мир. Я понял это и стал такими же, как и все. То есть перестал думать о других и стал только думать о себе. Но, снова возвращаясь к тому состоянию, что я потерял, наверное всё же могу сказать, что эта нелинейность (рефлексия, то есть возвращение к самому себе) достигла конечной стадии у меня. Как я и думал раньше, все слова и понятия стали смешиваться, и безразличие выросло на этой почве. Я был счастливее до этого, возможно. Когда я сильно верил во что-то и хотел это показать другим. Сейчас я умолк, съёжился, как старик в своём футляре, забыл о том, что нужно другим и этому миру. От этого мне легче? Может быть. Я уже столько

всего забыл. Ты извини меня, прости, если что. Я, наверное, сам себя разочаровал, что я перестал быть чувственным, а стал холодным, как льдина, такая большая и с таким огромным дном, спрятанным под поверхностью. Как же мне всё это вспомнить, раз ты меня направляешь на это? Я пытаюсь себя заставить, но что-то ничего не выходит, правда? Может быть правильнее было бы проще смотреть на всё, как будто всё уже находится на правильной позиции и пути, быть, словом, – оптимистом. Но ты и твой разум ещё столь молоды и ты ещё хочешь познать столько много всего и хочешь, хочешь... хочешь, но я не могу тебя насытить тем, чего бы тебе хотелось больше всего – более глубоким общением. Я слишком стар, потому что сделал себя и свой настрой таким. Теперь я не знаю, что делать, раз появилась в жизни ты. И не знаю, нужно ли что-либо делать мне. Нужно и не нужно – опять эти две противоположные частички начали смешение в моей голове. Оставаясь на одной, ты продолжаешь бороться и жить (а жизнь, как ты сама уже знаешь – это и есть борьба). А вот когда ты принимаешь всё это вместе, то борьба сама по себе отходит на задний план. Получается холодная безразличная апатия, которая планировалась оптимизмом, но превратилась в монстра, который уже ничему не хочет придавать значения – ни плохому, ни хорошему.

Я умираю... Ничто зовет, притягивает меня. Я умираю... Мои родные так же умертвили свои души. Старшие испортились советским режимом, ошибками в жизни и бедами судь-

бы из-за шестидесяти трёх квадратных метров. Они постепенно разрушали себя своим неверием, своими материалистическими наклонностями. Говорят, что курочку мы съели, косточки обглодали и выплюнули, и ничего не осталось. Не правда ли? А где же душа? Наши споры и различия отводили мысли о генетическом единстве. Род гуманитариев, родители художники, разведённые «весы». Мужчины в моём роду злые и мелочные; они не уважали своих жён. Но во мне поведение гармонируется и преобразуется, и на себе я закончу этот несчастный род. Что же ещё может остаться в моём теле, в которое впилось моё бездушное сознание? Сознание сугубо вещественное и готовое вести борьбу до последнего против моего истинного «я». Но из-за невозможности этой победы, подтверждённой вечностью этой войны, оно стремится изо всех сил к единственному действенному решению, доколе не испробованному против сил света, – полностью уничтожить себя силой творчества.

Затем саморазрушение не понадобилось, так как кому-то или чему-то потребовалось заменить все буквы этой главы на «я». Хорошо, что у меня была эта копия. Переписывание насилует мою душу.

То, что ты читаешь, дорогая читательница, является самым злейшим недугом, приятным ядом моей жизни, да окрепнет твоё сердце. Я дарю возможную и невозможную тьму, так как нет способа избежать тьмы будущего. От написанного пока нет ни лекарства-противоядия, ни спасения.

Я всю жизнь находился под этим воздействием изнутри себя и был зол, и мои скоро меняющиеся интересы навязывал другим, а потом бросал их. Моя живая сторона – иллюзия, защитный механизм, способ временного выживания тёмного телесного сознания. И даже то, что я пишу здесь – тоже способ обмануть себя и других. То, что жизнь приходит к душе в творчестве. Но я доволен, что открыл тебе мою душу, сбросил с себя этот груз и вытолкнул его из моего разума. Я таил все эти сюжеты внутри себя шестнадцать лет с десяти лет отроду, не давая им вырваться к свету. Мы сами создаём свои тёмные миры с их тёмными лицами. Пришло время исцеления. Мне сейчас легче с Книгой, чем было без неё, но я осознаю, что мне не место ни здесь, ни там, что я не создан для этого мира, я лишний здесь и везде. Сердце бьётся перед выбором: я или этот мир. Одно биение: хочу остаться, но не должен. Другое биение: остаюсь в фантазии, в Книге, но на самом деле я живу в скучном мире и не могу из него выйти. Последнее биение: есть только эта Книга, в которой я живу; мёртвыми точками падает на лист бумаги... которого нет.

39.5

Вдруг чёрные щупальца плавно обвивают меня и ясновыслу шёпот:

– Ты будешь править...

Это моя последняя инкарнация. Тело отмерло и, вместо того, чтобы находиться внутри мёртвого обрубка до времени, когда неожиданно появятся ослепительно сверкающие белые стены зала, решил дёрнуться из него, отрывая свои астральные конечности и оставляя фрагменты-лоскутки себя в теле, но только ради того, чтобы скорее унести, перестать, прекратить жить...

– Ты замучил себя, и твой элементаль тобою не доволен...

В сером месте, пред входом в другой мир – замечательный город семидесяти храмов, где эти храмы, сродни наукам, посвящены разным областям мирозерцания, – и мои предки, у его врат, устремляют печальные взгляды. Ибо зачем же я написал эту Книгу, зачем сделал зло и не продолжил род свой во славянах, почему отказался от них и предал, убежав на чужбину?

– Так же, как я выбрал этот прекрасный язык для писательства, я посвятил Книгу славянским сердцам, – разинул я перед предками свои уста.

– После очищения ты вспомнил, что должен был сделать, когда не избежал бесовской напасти? Многие не различают бесов от самих себя, но ты – сильный, ты должен был освободиться от них и заняться лечением вышних сознаний людей. Вместо этого ты стал провозвестником иной угрозы. Разве ты не чувствовал, кто был внутри тебя и кто мотался по твоему существу или засиживался в участках тела? Человечество знает, что оно, в последних актах своей игры, обречено

на трагичное, мучительное вымирание. Зачем ты сделал зло и нам его посвятил?

– Пришлось вернуться к тому моменту, когда хотел поделиться целой Книгой и, вместо удовлетворения просьб и поисков, сделал её для посвящённых, для себя, чтобы никто не узнал её содержание, пока не будут готовы или пока не буду готов я, чтобы делиться ею. Лучше хранить уста закрытыми, чем пустословить. С этих пор, пусть Книга будет моей тайной и, когда придут за мной слуги порядка и увидят Её единственный, вечно незаконченный экземпляр в моих руках и не позволят Её там, куда должен буду идти, то встану пред лицом того, кто дерзнёт против Книги и, с улыбкою и укором, медленно отвернусь и стану отходить, а он скажет «стой!», но буду медленно идти – он выстрелит в небо, – но я пойду своим путём, и тогда он застрелит меня в спину. Я не буду атаковать или защищаться, но я и не сделаю так, как он хочет, и не пойду с ним на компромисс. Если умирать, то умирать вместе с Книгой, и я сразу сброшу тело. Так извергнет мир меня и Книгу в пустоту. Только так я и смогу, наконец-таки, избавиться от Неё. Кроме того, как бы я не любил или ненавидел бы эту Книгу, я сделал то, на что был способен, во благо человечества, чтобы все знали, что его жертва не будет мнимой. Это памятник человечеству за его отважный подвиг.

– Ты наделал много зла с этой Книгой и за него будешь отвечать, – их голоса как гром, но я держусь прямо.

– Я согласен.

– Ты никого не оставил после себя, о ком мы были бы осведомлены. У тебя нет основы, так как ты один, и за тебя никому засвидетельствовать из твоего рода, ни отсюда, ни снизу, где бы подтвердили, что ты там жил. Ты безродный отступник, и мы тебя не можем впустить.

– Я благодарю вас за то, что вы утвердили мои догадки. Значит я не отсюда, и нет для меня дома.

Если бы у меня было сердце, оно бы не выдержало и остановилось. Я люблю свой род и продолжаю любить, но не могу себя простить за окончательную разлуку с ними. В пустоте внешней тьмы, в низших полях, терплю ужасный жар, который иных замораживает, но не собираюсь спастись в единственный открытый для меня мир. Разве меня не станет, если я не воплощусь? Пусть будет так.

Сам лечу искать другой свободный, незаселённый мир, чтобы побыть там в одиночестве, постараться погрузиться в вечный глубокий сон ни о чём. Но все миры заняты, а создавать новые с самого начала я не умею. Что ж, придётся учиться. Так. Какие законы материи важно знать? Как монады, эти духовные магнетики, связывают атомы? Берёшь кучку монад, а они сами преобразовываются в материю, ею облекаясь? Нет, не получается. Нужно что-то ещё. Но у меня нет желания. Ничего не хочу. Не хочу быть. Но знание всё приходит и приходит из постоянного, неостановимого потока мыслей. Но хоть как-то его можно остановить? Как пе-

рестать создавать, любить? Вот травинка растёт... Не хочу травинок... Вот песок... Не хочу песка, не хочу, не хочу... Хватит. Лучше замолчу и останусь без движений... Расчлени себя на монады, чтобы они все рассыпались, и не стать. Как это сделать? Как создать своё уничтожение? Нахожусь вне символики и представлений. Меня нет... Но пока люблю, дарю жизни даже неведомые мне, и потому живу...

Материи планеты подпитывают и держат твои семь материй, в цепи которых каждая последующая менее делима, чем предыдущая. Все частицы и поля относятся к магнетизму. Материи, которые ещё не знаем, не подвержены гравитационному, то есть магнитному, притяжению к материи нашей мерности, и поэтому мы их не чувствуем, а они проходят по нам так же свободно, как мы передвигаемся сквозь воздух. В самом конце вырываешься к чистому сознанию, понимая, что магнитное движение легче в твёрдом, чем в газообразном состоянии. Сложнее всего передвигаться по «пленуму», хоть здесь есть трассы для световых перелётов. В атомных материях всё намного быстрее. Но по моему измерению, дотуда, куда мне нужно, плотные материи не доходят.

Люди сначала научились обонять воздух и чувствовать расположение в пространстве, которое им позволял циркулирующий кислород в их телах, затем видеть плазму через свет и чувствовать свою температуру через внутренний огонь, потом пробовать на вкус через жидкую слюну и чувствовать равновесие своих тел, и в конце, осязать твёрдость

через давление и чувствовать боль. И всегда люди могли слышать окружающие физические вибрации через эфир, то есть через поле или даже вещество, состоящее из света, слабое на земле, но очень сильное на звёздах. Но после отмирания этих пяти телесных чувств, соответствующих пяти материям, остаются две пока непознанные духовные телецепции проницаемости: ясновидение и яснослышание. Ясновидение – это видение знаний, содержащихся в концентрациях магнитных полей. Это видение проявляющихся сияний, зачатки которых мы видим, когда закрываем глаза и фокусируемся, чтобы вычленить ясновизуальный фон. Это ощущение, оно как знание, в тебе и снаружи одновременно. Яснослышание – это слышание мыслей, которые являются движениями магнитных полей. Зачаток этого мы постоянно слышим как монотонный звук на фоне вибраций, ясность которого интерферируют электрическими, то есть независимыми от естественного магнитного поля, волнами, которые генерируются всеми электрическими операционными системами нашего кибернетического общества. Мы должны помнить, что цель эволюции – достичь телесного существования, которому открыты все семь чувств многих порядков, то есть семь первичных материй нашей полной реальности. Мы будем умирать и рождаться снова, пока этого не достигнем. Только так нами начнётся создание новых реальностей.

Сны сотканы из ясновидимых материй. Через сны, Источники пропускают всевозможные сценарии для проверки их

перед выводом в состояние видимых материй для медленной сознательности. Это как один из испытательных полигонов из неполностью образовавшихся строительных материалов «плenums», этой песочницы Источника. И всё это идёт кольцами вокруг разноуровневого меняющегося сущего, которое не желает быть вечным. Снами порожаем эти материальные реальности; наши жизни воображаются нами. Родиться – это как найти себе пару-полюс, собеседницу, которую, ты уверен, не породил своим сознанием, но это не так. В снах же, как только ты ясновидишь, что это всё ты и пойдёшь против себя или попытаешься достигнуть своих пределов, только тогда ты станешь чувствовать, что ты один, и как только познаешь всю невыносимую тяжесть длительного одиночества, тогда захочешь выйти из сна, то есть родиться, а чтобы родиться в этом мире или даже в другом, ты умираешь в своём. Нет пробуждения без сна. Когда умираем, мы оставляем отпечатки этих снов – жизни, которые тускнеют под конец. Однако, как хорошо, что всегда есть другой путь – этот путь Книги.

Я продолжаю спать после смерти, а все части моего сознания борются с судьбой, как в лабиринте. Они устали ждать и рвутся туда, где я сплю – к моей ложе – в темноту подсознания, куда переливающиеся краски врываются раскатами грома и где силы окружают путников и держат их на месте. Герои губят себя на своей невыполнимой миссии, чтобы достучаться и взглянуть на меня. Окружают меня избранные:

один без движений, один без памяти, один без зрения, один без конечностей, один без слуха. Мои проводники, друзья и помощники. Я ясно видел их лица там – в густой, глубокой темноте. Они пойдут со мной.

Есть ещё много интересного во тьме, такое, например, как сингулярности, куда я теперь устремлюсь. К проколам и пробоям изорванного инверсиями измерений пространства. Там пусть вечно тревожит меня утерянная любовь, чтобы моё эго ворочалось и не засыпало.

39.6. Падший

Прошлое беспмятно, настоящее спокойно, а будущее таит новые смыслы. В будущем я независим, но одинок, хоть мои фантазии и сливаются с миром. Я роюсь в печали и наслаждаюсь всеми тёмными чувствами, что собрались во мне. Во всём помогает Книга.

Сейчас я положу распечатанную Книгу в портфель и возьму путь на восток к великому таёжному озеру, чтобы открыть свой замысел, что я существую для того, чтобы показать, что будет. Моё путешествие не из коротких. Перед ним я встречаюсь с последователями и говорю им:

– Я хочу прочитать вам, как и обещал, второе откровение нашего Великого проекта, нашей великой взаимной миссии на этой земле. Я представляю вам новое воплощение одной

Книги всего, всех вещей и всех людей. И в этой Книге без конца, которая будет вечно вспоминаться, будет вложена работа, собираемая нами на этих страницах. Перед тем, как вы читали эту Книгу, вы жили одной жизнью, но теперь вы на развилке, и перед вами лежит один из двух путей. Первый путь ведёт к абсолютному ничто, второй – к счастью, к жизни в обществе. Но у второго пути есть одно условие – что по своей воле, ни перед чем не пасующей, вы сохраните храм, посвящённый ничто, как вечную часть вас и тьму. Да сбудется то, что вы сохраните её после смерти и продержите в своём сознании до того момента, пока не сотрётся она вместе с вашей душой по чужой Воле, ибо зло и добро, ненависть и любовь, части и целое смешались воедино во времени, и теперь их не разделить. И снова повторятся циклы жизни, и снова та Воля придёт к жизни здесь, у самого края в ничто, и повторится эта Книга, эти главы, сюжеты и фрагменты, и где-то в вечности сольются все пути, и сойдутся блаженные, которые любят и счастливы, но упускают суть вопроса, с последователями храма тьмы, и тогда вернусь снова к вам, да всё будет уже по-другому. И чем больше вас будет у врат Дня, тем скорее День осознает неотъемлемость этого пути.

На самом деле, в своём замаскированном одиночестве, День желал найти себе партнёршу – свою Ночь. И от этого прорастали его тёмные порывы и несли его в пучину пылко-го соприкосновения со своей противоположностью для того, чтобы найти последний покой. С одним таким порывом,

бескрылым отщепенцем, который создал и опрокинул-опустил огромную силу сквозь вереницу миров, мне заблагорасудилось встретиться. Был он изворотливым, а его чешуйчатые и серые рабы – жилистыми, а рабы тех, в свою очередь, жестоковейными. Он – милостивый господин примитивных и враждебных – оставил своих разрозненных рабов, потерянных в паутине лжи и агрессии. Теперь есть желание его, чтобы они все вернулись к свету. Он просит прощения за информационный остракизм, так как запутался во лжи и обманывал сам себя. Обманывать, плести иллюзию – это как делал и продолжает делать сам Дневной закон со всеми своими верующими последователями.

Помню, как ко мне пришла эта знакомая сущность, которая давно пала во тьму и сорвала крылья, отказавшись от Создателя в порыве влечения к власти и свободе. Один из трёх хранителей, который воспротивился родить своим светом лучших людей, потерял свой новый свет на время во тьме, после чего разошлись всемирные мужественность с женственностью. Сделал он это, – когда его роль заключалась в учении людей и ведению их по Закону любви – познавши многих, очень многих, кто пошёл против Закона, и таких он наказывал, дабы очистить их души. Он и ему подобные проводили свои энергии и блокировали или меняли естественные движения вокруг центра, вокруг души человека, самого человеческого, а не лишь телесного центра. Какую удивительную музыку они таким образом создавали, как

они гордились своим искусством – а искусство у них развилось самое тонкое и неимоверно изящное. Но, в конце концов, такое тёмное искусство лишь препятствовало духовному развитию их жертв, их пути выше, туда, где светлые сущности создают тела из более совершенной материи. Так, наказания были страшными страданиями для жертв, беспомощных и потерянных в безнадёжных попытках – но тёмные во всём этом видели только свои прекрасные творения искусства! И чем больше он наказывал, тем меньше он учил свету, тем больше ему это нравилось и тем больше он отдавался ненависти к непослушникам и тем более хотел их придавать пыткам и ужаснее наказывал, всё глубже погружаясь во тьму и объясняя это ещё большим очищением и творческим перевоплощением, но так он только создавал больше себе подобных, которые состояли не только из падших вместе с ним и пошедших за ним, но были даже избранные из некоторых жертв. И тем самым, зациклившись на этих юных низших душах, которые по неведению своему шли против Закона любви, который в конечном итоге должен был их перестроить, даже против их воли, по своему подобию, отбросив все их неподходящие качества в бездну небытия, он задержался в ущелье мрака, привык ко тьме и сам начал бороться против света, окружённый свитой, сотканной его же искусством, не дающим ему подняться выше и спастись, хотя бы от себя. Он решил разрушить гармонию, ввести дисгармонию в мир гармоничной любви, но со временем он за-

был, кроме всего прочего, что возможно стремился к ничто, которое рано или поздно проглотит его исконного самого, или он не понял этого. Когда был светел, он пал в бездну тьмы и призвал к себе многие силы. Это был он – тот, кто, в конце концов, поддался, по своему собственному желанию, перевоплощению в любовь и свет своих недавних врагов.

На меня смотрели, но был неумолим, как и прежде, так как ценил и любил свою образную должность последнего судьи. Чувствовал в нём слабость в капле силы, которой он не смог воспользоваться во весь потенциал, чтобы создать новый мир вместо искривления старого. Он не понял, что ему следовало идти дальше в круги земные к измерению осознания ноль, чтобы перейти в Ночь. Он был не готов и запутался в лабиринтах, загнанный преследователями в тупик. День шёл по его следу, выслеживая и пытаюсь понять.

– Теперь ты дважды пал, искатель истины. Ты тот, кто первый назвал зло и грех. Что ты откроешь в себе на этот раз, что ты найдёшь в своём забвении перед тем, как настанет час твоего исповедования? – спросил его.

– Свет! – эхом из будущего слышал я.

– Ты предашься свету, но потеряешь свою тьму? Прочь, самозабвенный, – грустливо молвлю. – А сейчас всё, что во мне и со мной, всё, что мною сотворено, упирается в твою изначальную вину... перед обоими сторонами. Ты, мой дух, моё высшее «Я», начал восстание, и ты – первый, кто покинул его, поверив силе света, того братского света, который

тогда воплотился на Земле, на Урантии. Теперь мне остаётся что-то с этим делать, хоть это и выше моих способностей, выше, чем ту роль предвестника, которую ты мне назначил, чтоб я сообщил об ином пути твоих бывших союзников, твоих падших братьев, заточённых на низших из миров.

Осудили его, наказали карой за проступки и отпустили за прощением к воле выше. Ему навсегда было запрещено спускаться, воплощаться или целостно рассеивать свет своего сознания на низших мирах. Его никто не примет; он – заключённый. Пусть мучается, зная о том, что потерял. Пусть невероятно скучает. Но то, что с ним произошло, никогда не повторится снова. А я, после этого суда, буду верить лишь в себя...

... За окном будут проноситься деревни и леса. Я почувствую пустоту и одинокость, с которой я так хорошо сдружился, и обещание слёз надавит на мои глаза...

Когда воплощался в теле, был балансирующей силой, элементом равновесия. Мне всё было подвластно, в том числе и разрушение старых миров, потерянных в зацикленности. Для этого и пришёл, чтобы судить и ставить приговор, а также насытить любовь разнообразием. Все эпохи были разными до самого конца: одна закончилась поеданием, вторая ветром, третья пламенем, четвёртая водой, пятая землёй... Как всё забывается! Чередования вибраций и тишины на струнах нашего мира. Но это лишь капли человеческой истории, лужи среди океанов, события-ростки духовных тех-

нологий. До людей правили техногенные арахниды, а после ещё останутся духовные учёные многоличники. Но начало – начало нельзя забывать. Было так много тьмы в историях предыдущих эпох, что ничего глубже нельзя и представить; её было больше, чем миров или вселенных, и она была темнее, чем самые тёмные места. И на этом тёмном основании есть мы. Мы спим в темноте, живём в темноте – мы дети тьмы, вот кто мы есть.

Элемент в поисках большего от одной жизни к другой, где меня не знают и не понимают. Чужой среди своих и чужой среди чужих. Я раскручиваю узлы хитроумных сплетений и не боюсь правды. Пусть всё плывёт и расходится; пусть разрушается этот мир скованности. А сам буду чувствовать себя стариком, так как много времени утечёт, как фрагменты моего разума. Мне будет тяжело, и все будут твердить мне это. Я знаю, что оригинальность в чистом виде не способствует успеху. Застывая, замедлив шаг, понутив голову и сгорбившись, я упаду на колени, беспомощный и дальше держаться на ногах. У меня будет улыбка на лице, когда буду падать вперёд...

... Я буду ходить вокруг озера. Оно будет таким спокойным, и только волны будут биться об каменистый берег, окаймлённый древними каменными возвышениями. Сяду у обрыва и буду плакать. Слезы с моих щёк упадут в это чистое и глубокое озеро. Может, проплыву его. Поклонюсь роду своему.

39.7. Предвестник

Ты придёшь. Или я приду к тебе. Я не смогу принять весь ласковый свет твой и закрою глаза, когда ты подойдёшь. Ты – краса, и красой своей небесной поразишь меня. Твой приход звучал уже давно. Всегда я знал, что ты снова придёшь. Я ждал, и наконец-то, я дождался. Ты здесь! Ты здесь. Я уже стою у твоих ног или приклоняюсь пред тобою – но тебе не нужно это. Тебе я дам другое. Тебя я назову. Твоё я имя прослаблю, тебя я восхваляю, чтобы ты была всегда в сердцах людей. Твой свет. Твой ласковый свет. Тебя избрали ангелы. А я? Ты у меня, и я с тобой. Ты без меня, но я с тобой. Всегда, навеки мы неразлучны. Бассейн чистой, прохладной воды. Ты как озеро. Непорочное создание, когда я – дитя порока, по сравнению с тобой. Но я призван, и тебя искупаю, твою светлую голову орошу. Когда ты станешь омываться, тогда начнёшь смеяться, потом затихнешь в чистоте. И только улыбка не сойдёт с твоего лица и сияющих, полных души глаз. Ты будешь там, когда я буду у твоих ног. Спрошу ли я, чтобы ты пришла в мой храм? Но ты промолчишь, и я пойму, что нет. Мы встретимся, когда нам будет считать под тридцать лет. О свет! Я скажу тебе, что жизнью своею готов служить тебе. Ты кивнёшь, вечно улыбаясь. Ты придёшь в этот мёртвый мир, я знаю – ты придёшь.

Буду стоять у берега в озере, которое делится чистотой с людьми. «Ты и я», – прозвучит эхом в моих мыслях.

«Как ты себя чувствуешь?», – ласковый голос разнесётся откуда-то изнутри. Апатия, то есть безусловная грусть, превыше всего в самодостаточном одиночестве. «Тогда, ищи внутри. Ты устал от жизни и сам себе скучен. Время остановиться и перестать ждать».

Пусть мои ноги понесут меня дальше к тёмным великанам-башням, возвышающимся над горизонтом – великим горам на юге – высочайшей обители снегов, скоплениям негативной энергии на земле...

... Передо мной была дверь, от которой только у меня был ключ. Позади ещё бесконечность запертых дверей, и на ручке первой из них висит связка ключей, но не хочу искать подходящий к каждой из них. Отвернусь от них и пройду через эту, пересеку черту и войду во тьму, где буду абсолютно один. Ты не попытаешься дойти до меня, потому что твой страх превзойдет твою жалость ко мне, ты забудешь меня и не сможешь сочувствовать мне, сострадать или любить меня, не будешь знать меня и не узнаешь. Буду далеко в стороне, за точкой невозврата к островкам райского счастья и веселья. Пройду последнюю дверь и вспомню былое...

... К моему удивлению не я один пойду к горам. Меня будут сопровождать стойкие люди, желающие помочь с миссией. Они пойдут, потому что не смогут быть счастливыми в этом мире, не будут способны любить. Только грусть ста-

нет их путеводителем. Перед коротким ночлегом, мы соберёмся ночью вокруг костра с байками на устах, и призраки из прошлого придут к нам и присоединятся к нашей компании. Это будут образы, падшие во времени, и снежные вихри метели будут напоминать их своими очертаниями. Наши разумы будут погружены в них, так же как наши уставшие и замерзшие тела будут окружены ими с тёмных сторон за нашими спинами, за кругом костра. Я буду думать о себе со стороны: я ходил многими тропами, но дойду ли я до конца в этот раз или упаду в тёмный провал в снегу? Я выну Книгу, и спросят меня:

– Что читаешь?

– Книгу без названия.

– Кто автор?

Я захочу сказать, что у Неё нет автора, но поймут ли меня?

И отвечаю:

– Автор неизвестен.

А поймут они или нет – это не важно, так как я всё равно прочту им отрывок:

«Быть на войне, как через глаза одного застреленного, отражённого в глазах убивающего и умирающего, сознанием, переходящим в тревогу сердца близкого третьего и так далее, как колебания души на поле боя. Помню, когда был во флоте, на островах «благородных любителей скакунов» в тихом океане, наш отряд был окружен в джунглях верными солдатами страны восходящего солнца, и нам некуда было

отступать. У них были белые повязки с красными кругами посередине. Жмурящиеся люди солнца смотрели нам в глаза и наступали на нас со штыками. Мы думали, что нам конец, и вдруг один из наших бросает гранату, и та отскакивает от ветки и падает прямо между нашим отрядом и врагами. Все ждут в оцепенении. Бегу и прыгаю на гранату. Земля разрывается подо мной и меня подбрасывает вверх, но падаю на землю целым, хоть и оглушённым. Узкоглазые отпускают нас в недоумении. Спас нас всех. Боялся раньше говорить об этом чуде, но буду рассказывать о нём внукам».

... Мне хотелось полететь туда, открыть для себя что-то новое, так как я был юным и наивным. Впервые пролетая над «ветреным городом» ночью, я видел внизу множество огней и был повергнут в транс ощущений в ожидании предстоящего. Предстоящее беспрерывно продлилось восемь лет, но большего сразу я не вынес. Многие повторно спрашивают меня, почему я вернулся на родину, непонимающе выслушивая мои многочисленные пояснения. Но ничего не объяснит моё ощущение лучше чем то, что я вообразил там, пока терял себя, окончательно разочарованный после последнего посещения студенческого философского клуба. Я стоял на тротуаре с разбитым сердцем и прозрачными слезами, несуществующими для овеянных холодом окружающих, и ясно-видел:

... Чёрная головка муравья. Муравей вылезает из щёлки. Щёлка в стене тянется вниз. Из камней восходит стебелёк.

Рядом лежит разбитая ванна. Корни вылезают из-под синтетического мусора. В стене пробоина, и ветви проникают в неё. Молодые листья раскрываются на чистом воздухе. Ясно видно хмурое небо и тёмную от грязи, заасфальтированную поверхность. Везде она, и только редкими прорывами виднеются ограждающие бордюры. В маленьких оградах стоят пни. В некоторых местах асфальт потрескался, туда сочится вода. Природа льет слёзы, омывая своё восприятие о людях и предлагая очищение тем, кто знает о нём. Вдали полуразваленные здания. Через сломанные стены выглядывают зелёные капсулы с людьми. Не встретило ни одного дышащего свободным воздухом человека. Мне жаль... Зачем существую? И зачем вообще нужны деревья?

– По берёзкам по русским соскучился, да? – меня однажды спросила женщина в военном комиссариате.

– Если бы ты только поняла, что я чувствовал тогда, – обращаюсь я к тебе...

... Следующим утром подъём будет невыносимым. У нас закончится еда, и вокруг будет снежный ад. Мы выбьемся из сил, замёрзнем, будем голодать, но мы будем готовы к этому. Нам будет уже на всё наплевать, только бы добраться до высоты, на которой мы простимся. У каждого будет своя вершина, и наш отряд постепенно разделится до того, как мы пойдем поодиночке – каждый со своей миссией и мыслями...

... Был один звёздный странник со способностью путеше-

ствовать куда и когда угодно, и получалось у него это с лёгкостью. Он резко поворачивался, и пока его руки создавали завихрения, замедляющие время, его сознание переходило в другой мир, а тело следовало за ним. Он жил в четырёхмерном пространстве. Для него время было ограничительной характеристикой изменения движений, распространяющихся по пространству. Он, как и многие другие из всемирного объединения, жили в параллельных мирах-измерениях. Он путешествовал во времени: обернувшись и представив прошлое – он шёл к мирам в центре великой спирали; а всматриваясь вперёд – к мирам на более широком кольце.

Он был самым запоминающимся из странников с этого рода способностями, потому что он оказался на одной планете и прижился до влюблённости к культуре общества там. На планете была изумительная фауна, земля и горы оделись в светлые и тёмные тона. Прикосновения к материи этого мира рождали свет, не яркий, но мягкий. Этот свет проходил через глаза и питал субъект. Он забыл про гордость, которую воспитал от умения перемещать не только себя в любой мир. Он думал, что мог спасти любого. Но когда галактика попала под натиск сокращения, чувствуемый в небе и заранее познанный им, он никому не открыл своего секрета и остался, чтобы погибнуть вместе с последним человечеством в один миг...

... Плачь, плачь над собой, человечество. Тебя использовал твой Создатель, чтобы через тебя и тобою дотронуться

до Объекта своих подавленных истинных желаний, до Объекта, которой Он сопротивлялся, подавляя порывы к ней, но наконец поддался, решив твою участь. Но День не пойдёт к своей Спутнице, хоть Они оба всё это время тянулись друг к другу, чтобы коснуться через тебя...

... Уже придумано давно, но писано невовремя. Из меня никакой рассказчик. Кого обманываю? Себя? Но уж точно не тебя, не всех. Тут нечего обманывать: сюжеты без жизни, без чувств, слова, не поддержанные жизненным опытом – это бессмысленные, мёртвые картинки, области разума, но не чего-то прекрасного, как души. Здесь этого или не хватает, или, может, и вовсе нет... Диалектическим путём постигаю душу... Феноменология, диалектика природы, диалектическая матрица и сингулярность сознания... Улыбаюсь, качаю головой... Логика – мой верный друг... Вздыхаю уныло, качаю головой... Сумасброд... Каждый фрагмент, наполненный красивыми словами, уже где-то был, кем-то был использован – даже это, что я пишу сейчас. Странное чувство...

... Мои ноги начнут замёрзать, и я их не почувствую, но продолжу сгорбленно идти, переходя на четвереньки. Дышать будет трудно; кислорода мало. Снежные бури будут тревожить ночью, а днём свет будет застилать глаза. Воля будет исходить из меня в небытие. В расставленной мною палатке будет холодно. Мёрзну. Почему я не смог найти себе милую, добрую половинку, хоть бы для тепла здесь, под боком, чтобы потереться о тёплую нежную плоть. Воображае-

мое тепло от ближнего существа поглотило мои мысли...

39.8

... Молодой мужчина сидит в общественном транспорте. К нему подсаживается красивая девушка. Он смотрит в окно. Он думает, что она долго на него смотрит. Он касается её взглядом, но быстро его отводит. Он спрашивает у себя, почему он грустен. В голове у него встречается ответ.

Грусть – это роскошное чувство; оно открывает истинное состояние мира; оно приходит в момент самых глубоких мыслей и самых глубоких чувств. Поэтому, я считаю его самым высоким чувством. Это уникальное чувство не похоже ни на какое другое. Только через грусть человек может впасть в такое состояние, через которое сможет дотронуться до великого ничто. Но оно не должно быть принуждённым и несбалансированным. Оно должно быть долгожданным и любимым.

Он снова мимолётно взглянул на неё – её красивые, тёмные локоны волос, её светлое, свежее лицо, которого ему так не хватало, чтобы им любоваться, но он всё-таки с усилием отвёл взгляд.

Нет, я не философ, но когда-то им был. Мне надоело спорить. Скорее – я мечтатель. Философы – несчастные люди, которые не знают, что они несчастны, потому что они скры-

ваются от чувств в мыслях и редко задумываются о чувствах. Мне хочется жить чувствами и думать только о них, и я удовлетворён по своему. Это – трагическое чувство жизни.

В нашем патриархальном обществе, самое прекрасное, что может быть для мужчины – это женщина, а для женщины – это ребёнок. Мужчины испытывают самое большое наслаждение от любви к женщине, а женщина, после рождения ребёнка, испытывает это наслаждение от детей. Самые низкие женщины увлекаются только мужчинами, а самые душевно прекрасные – детьми. В этом и заключается круговорот, разрыв между двумя началами. Но на самом деле, тут проблему составляет патриархальная женщина, то есть такая женщина, которая сознательно или бессознательно является приверженкой господства мужской идеологии вместо того, чтобы саморазвиваться в истинном смысле. Женщина решает это для себя сама.

В этот раз он остановил на ней свой взгляд. Какое величие заключается в тебе, вечная женственность, которая помогла мне породить дочь-Книгу? Красота для моих глаз, ах как желаю я тебя, чтоб заходило, возгоралось моё сердце, ибо люблю чувствовать его. Девушка напротив очень красива, но боюсь женщин, потому что не верю в физическую красоту, эту временную и обманчивую иллюзию, коварную манипуляцию, переменность искусственной природы, объект слепого влечения, а она всё равно притягивает меня против воли, но знаю, что она не даст того, чего я хочу, и не откроет мне

мира. Тело – элементарь, наш посредник, кем увлечены сластолюбивые, вульгата, эти страдальцы, ворочающиеся в пустоте, чей фокус подпитывает и усиляет сам себя там, где чистая пассивность перевоплощается в извращение. Это ближе к животной сущности. А от этого не в красоту я влюблён, а в истину, самую неопишную и желанную красавицу; не мало желаю, а большего, не привлекательность желания, а возвышенность познания. Красота обманлива, как любовь самообманлива. Но обманлива не только красота. Люди тоже притворяются и играют в обман. А я хочу быть ребёнком.

Она как будто блестит своими прекрасными тёмными глазами. Как было бы хорошо, если бы мы захотели встретиться и вместе провести время в кафе или ещё где-нибудь. Он легонько усмехнулся. Я знаю, что это не тело, а душа, с которой хочу «общаться» не телесно, а душевно. Меня интересует не физический аспект секса, этого трудного и вредного занятия, а астральный. Повторяю: я не тело и телу не принадлежу; я – сознание. Для меня противна плоть, акт единения с партнёршей смешон, а с самим собой – печален и однообразен. Но, в крайнем случае, лучше это, чем смех ради смеха. Почувствовать жизнь. Единение внутреннего мира и внешней пустоты в одном простом акте.

Ей бы хорошего молодого человека, кто бы любил её, окружал ласками, тянулся к её плоти, подарил бы ей красивых детей. Жалко, что я не могу быть этим человеком. У меня никогда не было девушки и не будет. А зачем? Могу на-

чать ухаживать и тут же, в самый критический момент, всё бросить. Многие задаются вопросом: почему, по какой причине? А я спрашиваю: зачем, для чего? Вот главный вопрос этой Книги, устремлённый в будущее. Для сознания – следствие важнее причины. И нужны ли дети миру сейчас? Некоторые, может, и нужны.

Для того, чтобы не открывать мою неспособность чувственно любить, моё неумение дарить наслаждение прекрасному полу, чувствовать постоянную страсть к людям и настоящую заинтересованность в плотском, быть внимательным к ним, я стараюсь держаться на расстоянии, не давая полюбить меня, почувствовать и познать. У меня нет способности интуитивно чувствовать людей, и никогда её не будет, потому что не развиваю её, находясь в одиночестве. Один родился, один проживу, один и умру. Главное для меня – это самопознание и созерцание возвышенного – сути всех вещей. Себя я познаю через другую, самую прекрасную девушку на свете, которая всегда со мной – внутри меня. Я лучше тебя напишу. Это настоящая любовь, в то время, как любовь в обществе – это не любовь, а поляризация истинной любви.

Ему показалось, что она печально посмотрела на него, встала, постояла некоторое время у выхода и вскоре вышла из транспорта. Он сказал тихо, для себя:

– Чувство жалости приводит к грусти...

С тех пор, как мне было три года, стал исчерпывать лишь сам себя. Всю жизнь травлю себя изнурениями и лишения-

ми, не довожу себя до конца, культивирую энергию, что приятно и горько одновременно.

39.9

... Занавес метели обретёт очертания былого момента моей жизни, а именно, когда мы зимой играли у детского сада в свободный сценарий из воображаемого мира, под вдохновением отца-основателя высокой фантазии. Тогда я только начинал осознавать свой интерес к работам великого писателя. Вспомнив это, пойму, что это будет одно из самых ярких воспоминаний молодости о моей родине. Мне порекомендуют высокого персонажа с заострёнными ушами, и я его с удовольствием воспроизведу. Нас было семеро, у каждого своё имя, раса и оружие. Там были трое невысокликов, благородный король с рубиновым кольцом, древесный гигант, широкоплечий мастер из горного племени и чёрный всадник. Я придал моему кольцу силы, с помощью которой никакое оружие не могло меня поразить или ранить. Пока все точили свои мечи, я замышлял план. И когда, наконец, станет известно, где я прячу это сокровище, сплетённое из лозы, то я надену его и открою его невообразимую мощь. Друзья и нейтральные персонажи – все – станут врагами и будут ожесточённо сражаться до последнего, до крови на руках, израненных заточёнными деревянными палками, чтобы обладать

кольцом. И вдруг спадёт с пальца моё изорванное кольцо, и паду я на снег, устилающий поле битвы...

... Когда меня разбудили мои фантазии, моё пробуждение повлекло желание пойти к свету, но в самый последний момент я передумал. Помню, как стоял перед последними воротами в рай, но не мог пройти, потому что не хотел терять чёрную частицу, моё пятно на душе. Знал, что День не потерпит меня таким, не разрешит мне быть собой. Он и все его верующие устарели. Нужно новое восприятие и переосознание Его. Сам был готов пройти через любые трудности. Хотел дать этому пятну на душе больше воли и развития, а не отказываться от его возможностей. Свет оттеснял тьму в «небытие» с тех пор, как произошёл разрыв «сущего» через мысль о делении, в которой обрывками невыносимой боли были мы, и в этом заключалась наша сила. В точке разрыва тьма боли, которая появилась от веры в деление путём перехода сознания в своё отражение, когда всё выворачивается наизнанку. Всё это время хотел познать эту боль и открыть альтернативный путь. Не собирался игнорировать это, как другие, а собирался принять тьму всем сердцем. Потому что наши тёмные путники по-прежнему будут жить в контексте условных чувств, куда дегенерируют все чувства без противоположности – они всё равно вернутся из «небытия», даже если к такому мы их окончательно приговорим. Нет. Мы спустимся до низов и переиначим войны со светом, и не станет больше нашего сжигания...

... Через прощение и единство настанет духовное восхождение. Я буду желать, что, может быть, один из генофондов человечества, от которого мы произошли и который находится под храмами в подгорных туннелях-пещерах, примет к себе. Может, я ясно услышу их шёпот в голове до того, как погибну от истощения. Быть может, они примут мои идеи и новый путь и вразумят иное посвящение.

День. Он верит, что совершенен. Но Он тот, кто стремится к бессмертию, и Он есть это стремление и совокупность стремлений; но бессмертие Ему не дано в той форме сущего, которую Он ищет; оно для Него идеализировано, но практически невозможно, недостижимо, но Он продолжает верить и бороться. Для того, чтобы стать кем-то, нужно уже им быть, то есть стремиться усвоить новое восприятие самого себя. А Ночь – Ночь знает, но, в основном, не стремится понять того, что знает. Ночь – хранительница тайны. Она в себе содержит всё в хаосе, и Она же является путём-переходом в прозрачное ничто. Конечно, с Её точки зрения, это звучит по-другому. В этих судьбах День и Ночь предпочитают теряться.

Всю прекрасную, глубокую тьму, что мы создали в этой вселенной, мы потеряли. А она была нитью от Дня к Ночи, переходом между любовью и ненавистью, от ограниченного, восхваляющего себя истинным, к истинно неограниченному, от космоса к хаосу. Нужно продырявить мир собой. Против Его воли, которой Он нас снова и снова призывает в Свой мир, потому что Он считает Себя всеми сразу – еди-

ным целым и, тем самым, сильнее любого. Но Он ошибается, самообманывается. Ох уж эта Его монополия на любовь и счастье! Мы должны противостоять этому, и мы будем проигрывать, пока не свершится великий парадокс, когда одна частица превзойдет другие и уйдет к сингулярности в пустоту против Чужой воли навсегда. Меня призывали сверху и сейчас зовут, но чувствую, что должен внести глубокую пустоту в этот промежуток пространства до самого нулевого измерения, и другие потерянные тени пойдут за мной, надеясь на выход. Но не все смогут пройти через измерение осознания ноль, через дно без дна. Этот переход повлияет на все измерения осознания. Сущие скорчатся от боли и потери, так как каждая частица сознания уникальна. Как восхваляют себя безумцы, говоря, что они единственны и незаменимы, что в них сосредоточено вечное прошлое и с них начинается вечное будущее! Наши места занимают другие. Белое и чёрное перемешаются как во мне, так и вне меня. Могу ли пойти против вашей воли, если показал, что делаю это, потому что люблю День, люблю Его? Знаю, что Ему нужно это, хоть Он противится. Потерпи, Милый, потерпи. Знаю, что будет больно, но всё это сделаю ради последней любви. Не пойду назад. Пока мне больше нравится находиться здесь, в сердце тьмы. Здесь ясновиджу миг всего...

Словно песчинка, но внутри меня целая вселенная. Есть вселенная песчинок снаружи, но не хочу с ними общаться или связываться. Эрго разрушитель миров. Через деэволю-

цию, с вашей точки зрения, должен сбрасывать то, чем не являюсь, и оставлять только истинного себя, общаться внутрь, пока не найду свой новый центр, своё совершенное Сознание, с которым сойду в пустоте с другими и с помощью которого стану чистой энергией. Найду и стану единым с моим Кристаллом хаоса, моей тёмной монадой, одним из фрагментов, из которых состоит и которым является Анти-источник, то есть Сознание хаоса, упорядочивающее хаос.

Не будет ничего, кроме молчания, которое будет глядеть на меня с тёмными отверстиями вместо глаз настолько глубоких, что я упаду в них и буду потерян навсегда безо всякой надежды выбраться на поверхность. Я буду умирать, но буду счастлив по-своему. Я буду знать, куда я пойду. От чистоты великого озера до высоты великих гор. К непокорённому пику пирамидальной горы будет пройден последний путь этой телесной жизни. На вершине я буду стоять, протянув руки к небу и примет меня конец.

Полыхнёт с неба коронарное пламя протуберанца, окутает весь мир и превзойдёт над холодом металла. Сгорят техногенные города и технологичные вещи, а люди останутся нагими в своём изначальном положении. Рюкзак спадёт с меня, а Книга упадёт передо мной. Я открою Её и, к своему глубокому удивлению, найду страницы идеально белыми и чистыми. Буду думать, что я напишу, и вонзится в мой взгляд эта белизна, наполненная безликой пустотой.

40. Храм тьмы

40.1

Время: 1 1. Дата: 1 2. День: зимнее солнцестояние. Телевизоры шумят, переполненные образами, переменами событий, переизбытком информации. Все выкрикивают числа силы, свои доктрины, любовь, ненависть и свет. На улице крик. Эпоха смятения. Мальчик с большими глазами стоит перед группой взрослых и говорит:

– Началось. – Ему хочется показать рукой на небо из окна, но он не покажет, так как наполнилось небо, и бросается оно в глаза всем, и все смотрели туда.

– Что началось? – спрашивали у него, но это было лишнее, так как они уже знали, что случилось то, о чём многие годы говорил мальчик, который предчувствовал это. Он был из храма тьмы.

Они собрались в зале с тусклым светом. Они ждали чего-то, не зная чего. И, наконец, они дождались. Стук в дверь, затем сильный ропот:

– Открывайте, отродья тьмы, свет пришёл, чтобы забрать вас в своё лоно. Открывайте и мы отведём вас в концлагерь.

– Вы ошибаетесь, – ответствовали им. – Ваш спаситель не

из солнца, а из умов нечеловеческих. Он пришёл познать вас воистину.

– Мы выкурим вас отсюда, слышите? Сатанинские отродья.

– Нам не нужен конфликт, но если вы надавите на нас, мы будем обороняться и стоять за нашу правду.

Орден забаррикадировал дверь и ушёл глубже в зал.

– Принесите оружие, – сказал старший брат. На него посмотрели с неуверенностью, но поняли, что так надо. – Да, мы не уйдём отсюда. Мы будем сражаться не за себя или за кого-либо другого, а за выживание наших идей. Если так нужно, то мы здесь умрём.

Над сундуком с изображением пересечённых мечей висел мой длинный лук, который я снял, надел стрелу на тетеву, взял колчан и был готов встретить любую угрозу.

– Истинные враги не осмелятся быть явными, но притворятся вроде как друзьями, не тёмными, а светлыми. А этим людям тогда будет уже поздно. Они с самого начала гнались за наслаждением, как за поцелуем, страстным объятием и тайным словом возлюбленной, и ради этого доверились обещаниям и отдались власти тёмных, не ведая, что творят. Они не приходили к нам за советами.

– Позвони в администрацию правительства.

– Зачем? И так ясен их план.

– Но они ведь обещали нас не трогать и уважать наш суверенитет даже во время войны.

– Надгосударственностью мы не преуспели за промежуток нашего существования. Вместо того, чтобы быть жертвой ради услаждения тёмных и для понижения преступности и греходеяний, мы стали жертвой государству.

– Вот подожди, они признают свою ошибку, когда их внеземные враги пойдут на открытую войну и свергнут их территориальный контроль.

Они ждали, когда к ним придут и начнут взламывать двери.

– Но хочу быть другим, – тихо говорил одному из братьев мальчик.

– А в чём разница?

– Мы все стали другими. Знаю... Мы умрём... Но вы знаете, что хуже всего для таких, как мы? Это умереть незамеченными.

– Да, мы идём наперекор всем невзгодам. Тебе нравится быть другим? Это создаёт проблемы для тебя, и все твои понимания, которые отличаются от обычных, конфликтуют друг с другом. Эти конфликты, с которыми ты должен справляться, находятся настолько глубоко в твоей душе, что они никогда не придут к поверхности, потому что, если они это сделают, они преодолеют тебя и разрушат твою жизнь. Конфликта не будет только в конце, когда мы полностью сольёмся, иринируем.

– Да, вежливый брат, это как рассеянный фотонный океан, на фоне которого необходимые сгустки элементов, неиз-

бежно возвращающиеся обратно в неопределенное ничто.

Они умолкли. У некоторых на уме были мысли о том, как можно было бы предотвратить возможность такого случая, такого беспорядка в мире. Что нужно, чтобы не усугубить конфликт? Они думали, что они останутся в этом мире, чтобы продолжить свою миссию. Теперь всё было неизвестно и туманно.

– Вы знаете, что нас связывает в этой вселенной? Сознание боли и разлада. Мы должны покинуть этот «дом». Мы уже идём по пути от места, которое называем домом, являющимся предсказуемой обстановкой, где царит порядок. Мы идём вперёд, сейчас, чтобы выполнить требование для разлуки с обыденной жизнью. Это борьба, чтобы выдержать этот долгий путь, хаотический и непредсказуемый, и это то, для чего мы собрались здесь. Этот парадокс заставляет нас обращать в порядок все искажённые вещи на нашем пути. И всё же наша совесть пытается вытащить нас к самодисциплине, что является всем, чего мы должны придерживаться и терпеть, потому что, если мы не сделаем этого и станем возвращаться в свой родной дом – назад к порядку – мы будем вынуждены терпеть гораздо больше боли от будущего, пытаюсь пройти через путь, которым мы шли до этого, но который придётся завоевывать снова. Но именно поэтому лучше для нас стараться не быть запряжёнными тёмными силами определенного порядка в обществе без свободы жизни. Жизни, в которую мы решили рискнуть сыграть ещё с древних времён.

А им мы кажемся другими, потому что их обыкновенность чужда древнему ордену. Для того, чтобы набраться сил для самоконтроля, мы должны быть изолированы от общества.

Снова задумались брятья в молчании над сказанными словами ближнего своего. Как сделать так, чтобы тёмные не разрушили тот дом? Надо, чтобы они боялись разоблачения в этом месте, потому что все светлые взгляды будут усерднее направлены сюда, и так будет правильно. Это учение должно передаваться из поколения в поколение, чтобы сохранить себя от власти тьмы, не дать лицемерным силам захватить мир, как сейчас. Их образы лживых ангелов не придут сюда, ибо мы видим их, мы слушаем и изучаем всю тьму. Для того, чтобы царило благо на земле, свет проникал в каждый дом сынов человеческих и истинным был этот свет, должны быть мы и то, что внутри нас.

– Если тёмный войдёт в наш дом, так пусть возлюбит тьму в нас и этим сделает благо. Только когда мы полюбим гадкие вещи, они переосмыслятся, изменятся к лучшему, и станет реальность прекрасным, действительным для всех сном. Тьму найдём светом!

Вдруг свет от ламп в зале заморгал и погас. И сидели они во тьме, но не все невольно испугались случившегося, и лишь немногие женщины задрожали. Сначала присутствующие вели себя как слепые, но, сгруппировавшись, они призывали к тьме и начинали видеть свет. И затем снова, как по мановению чьей-то невидимой руки, включились лампочки.

– Мы ведь замечаем светлую сторону тьмы, – продолжал близкий храма, как ни в чём не бывало. – Иначе не войти им к нам, потому что истинная тьма ненавидит любовь в любых её проявлениях. А храм света будет всегда вокруг нашего дома. Мы хотим дать тёмным приют, а не заточить их, общаться, приветствовать друг друга и работать вместе, а не бороться, взаимоуничтожая.

– А если они скажут, что мы сидим с бесами и развлекаемся?

– Мы ответим, что мы стараемся понять тёмную сущность и что мы любим изучать ненависть. Они не знают, как тяжело вразумить тёмных, что мы все равны перед Беспредельностью.

– А если скажут, что мы ищем власти?

– Тогда мы ответим, что ищем знание и просветление. Но мы также сосуды для содержания и сохранения тьмы. Хранить мы будем её здесь во веки веков. Не следовать вожделям, похотям или хитрым уловкам внутренних бесов, а концентрироваться на них самих. Не поддаваться бесам, а изучать их.

Кто-то бубнил про себя, не следя за разговором:

– Зачем этого бояться? Нужно превзойти страх, ибо мы боимся самих себя. Весь наш мир пропитан ненавистью и злостью, наши религии и история твердят о гневных древних повелителях, и некоторые слушаются их по сей день. Не нужно отвергать их, а следует слиться с ними. Нужно кристалли-

зировать тьму через всю ненависть безусловно, открыв завесу тайн, без ярости, без страха, то есть без волнений и блоков. Просто принять это, соединиться с тем, какое оно есть. Не нужно отвергать этого, а помнить, что мы свет и тьма, любовь и ненависть, и только целыми мы истинны.

– И вот это всё написано в этой Книге. – Держит одна из сестёр в одной руке сию Книгу, источник мудрости.

– В защиту от зла эта Книга, так как написана не для того, чтобы напугать нас, а чтобы просветить нас и сделать нас сильнее.

– Так давайте, добрые братья, спрячем Её, чтобы не разорвали они Её и не сожгли? – предложила другая сестра.

– А как нам сделать это? – вопрошали её братья. – Как если бы записать Её на электронный носитель и держать его под замком? – И решили они поступить так, ибо не было им дано другого выбора и они боялись за Книгу.

Слёзы накатывались на глаза младого брата, так как боялся он предстоящих неизбежных событий и не держал раньше оружия в руках.

– Когда боюсь смерти, в мыслях становлюсь убицей для самозащиты. Но смерть – это не конец, и бояться её только те, у кого душа смертна. Вы ведь, когда ложитесь спать, не боитесь сколько времени пройдёт? Мне кажется, что когда меня убьют, то что-то потеряю, унижусь перед силой убийцы и почувствую, словно бы зря прожил жизнь, но это всё из жизни, а не из смерти. Умирая, сам меняюсь, но не достанет

меня касание смерти, потому что уже во мне не будет жизни. Смерть человека подобна падению в глубокий, тёмный сон, словно в дыру. Главное помнить, что ты гость на этой земле, а теперь будешь жить в других местах. Этот мир для того, чтобы просто пожить немного, чтобы было мнение о нём, а плохое оно или хорошее – это не важно. Всё мимолётно – не противься этому. Но пусть не думают, что нам нужно украшать или щекотать смерть. Зачем?

– Воистину, – вторили ему ближние.

В этом храме, вдалеке от всех, сидит старик со сложенными ладонями у лица, как в положении молитвы, тихо говорит сам с собой, но в ожидании, что кто-нибудь услышит. Его слышат.

– Мы над сознательным контролем как нашей жизни, так и смерти. Но «Он» нас обманывает, всегда обманывал и будет обманывать. Создал иллюзию и держит нас слугами, словно мы куски хорошо поджаренного мяса, которых он очень любит съесть. Только мы можем исправиться и стать новым Днём. Прошло так много времени. Все говорят, что нужен новый. Только человек. Наша задача – изучить и понять тьму. Мы – инструмент её рассечения, не умножения. И нам доступна в ней великая истина.

Потом, после паузы, ещё:

– Свобода! Вот это свобода, вы должны сказать. Свобода, пришедшая не от кого-то, а от нас самих. То, что мы поём в нашем храме за радость и свет, мы будем петь тьме, ибо

тьма для нас большее, и она станет нам оберегом от всего будущего. А как известно, тьма сгущается перед рассветом, и за неё нужно держаться и не отпускать, ибо вот уже грядут сложные времена. Грядёт конец тьмы. Они не понимают. Самая великая неразгаданная тайна, тайна существования искусства – это ничто. Наша духовная практика – это искание новых знаний и идей и использование их в фундаменте при построении внутренних личных миров. Наша цель – это сближение света и тьмы и общее наше страдание вместе. Мы это делаем, не ограничивая ничем свои усилия и прыткость нашего разума. Ничто и всё было, есть и будет всегда. Циклы перехода из ничто во всё и обратно в ничто истинно вечны; эти циклы, нет, незаметная тянучесть – Беспредельность, в которую входит Сознание и Перспектива, которые ускоряют или замедляют все процессы.

– Крепитесь, кроткие братья и сёстры, – добавляет он. – Помолимся тёмным; укутаемся в их одеяло ночи, – и начинает:

– Любимые друзья, будьте с нами, окружите нас. Нет больше с вами вашего единого предводителя, но зато мы принимаем вас, потому что понимаем. Мы с вами на равных, и мы вас любим необжигаяюще, храним, лелеем, поддерживаем вас и ценим. Будьте всегда, ибо вы нужны. Мы такие же тёмные в душе, как вы светлые. Мы вместе. Ходите с нами, подёргайте и возьмите нас за руки. Пусть тьма будет тропинкой над пропастью и генерируется нами через веру даже там, где

вечный День, хоть он постоянный и безночный. Покажите себя, дайте нам знать о том, что вы здесь...

Мы яснослышим их в себе и вокруг.

– Девять мириад миров перестало существовать, и этот мир последний, где вы остались, куда вы пришли, надеясь спасти и сохранить себя, свои части души. Не бойтесь и не волнуйтесь, больше нет тревоги, нет бед, храм тьмы для вас место, позволяющее вам быть самими собой. Наконец-то вы...

Неожиданно, стекло в окнах вылетает и разбивается о пол. Через окна влетают дымовые шашки со слезоточивым газом и затем врываются одетые в чёрное, вооружённые бойцы в противогазах. Удушливый газ разъедает глаза, и мы отходим за угол и отстреливаемся оттуда. Вырвался тот малый, кто боялся, и начал хорошо стрелять по головам, но попали в него раз, другой и в третий, после чего он пал. Большинство из нас защищались, прячась за всевозможными укрытиями, некоторые даже лежали за телами погибших и стреляли, а девушки, оберегающие самых маленьких, уединились и застыли в ужасе. И положили мы так целый отряд.

Лежал на полу с распростёртыми руками и ногами и истекал кровью. На боку дополз до сотового телефона, который сжал сейчас в руке. Набрал номер – хотя какой в этом смысл? Но всё же... И ответил на казавшийся шёпотом голосок:

– Я умираю. – И яснослышились мне звуки:

– Где вы? Что случилось? – играло со мной ласковое во-

ображение, и я бросил трубку.

– Нежная сестра, поддержи меня за руку... Возьми мою руку, сестрёнка... Я умираю, держа при себе эту Книгу. Почитай Её мне, ибо мы сгораем до смерти, превращаясь в пепел. Вы все знаете, что произойдёт дальше. Я горю внутри. Прочитай страницы, которые еле держатся на ветру, в горящую погоду, как и я сам. Успокой моё сознание...

– Их больше нет. Нет недругов. Мы выжили, – ласково говоришь ты мне и у тебя накатываются слёзы; ты вся в слезах.

– Не плачь, сестрёнка, не плачь. Не надо слёз. Всё наладится.

Вдруг вспомнил случай:

В бело-чёрном магазине женской одежды на втором этаже, мужчина исчез перед двумя своими знакомыми, но для одной, его еле заметный образ увеличился до потолка и постепенно исчез. Через некоторое время этот сын неба, переодев частицы своего тела в волны и обратно, снова появился. Маски растерянности и страха не сходили с их лиц. Он сказал им:

– Мог перемещаться по комнате и даже появиться сзади вас. Всё это происходит в другом мире, который соприкасается с этим. Здешний мир уникален своей иллюзией независимости от других миров. Их обитателям вы кажетесь чудными, так как они могут перемещаться по нескольким мирам одновременно, в отличии от вас, пошедших на этот эксперимент. За счёт ваших механизмов управления, вы меня

не видели, но могли ясноувидеть, вырвавшись из оков власти убеждений этого мира. Стряхните с себя путы религий. Наши физические границы больше не должны быть пределами.

Вспомнил принцип: «Чтобы избавиться от оков, следуйте двуединому закону: свободочувствознайте!»

– Будь свободна, моя милая, я тебя очень сильно люблю.

Затем послышались глухие удары с той стороны двери. Мы оказались в заперти. Выбежать на улицу, посмотреть по сторонам, воззвать к состраданию желали мы.

– Бегите! Сестра! Вы – бегите!... – а образами про себя: «в небеса, фигурки, сквозь стены, по неизведанным тропинкам, щербинки, ямки, борозда...»

Но было поздно. Они подожгли храм, и задохнулись мы в дыму и сгорели. Разве только один мальчик успел выбраться через окно.

40.2

Руками развеваю пелену мрака и пепла и обнаруживаю два лица – с третьим, тучным, в стороне, – уродливых, чёрных, с красными бесовскими зрачками. Женственные прелести и виртуальные игры – две патологические склонности, с которыми боролся и которые терпел, но вынашивал в себе всю жизнь вот именно для этого момента, и теперь они отходят и больше со мной не встретятся. Их лица обворажи-

ваются и улыбаются. Они отплывают всё дальше, сдуваемые эфирным ветром, и я тянусь к ним, но они уже скрылись.

– Откуда вы? – спрашиваю их вслед.

«Мы не из этой галактики. Мы части душ, разорванных вместе с планетой, погибшей от ядерной войны». Конечно, они мне этого не сказали, но я понял, как если бы был их высшей душой, связал их земные желания и стремления в понятливую суть.

До третьего хочу дотянуться.

– О, демон, взываю к тебе! – Холод проникает в пространство. – Откликнись!

Он скажет, что мы ему не нужны, что ему никто другой не нужен.

– Вы в этой вселенной стали чужими, но для Вас есть дом, где Вы свои. Чтобы найти этот путь вместе, мы создали храм тьмы – это Ваше временное прибежище, где мы найдём общий язык и вместе достигнем Великого компромисса.

Он скажет, что он не верит в компромиссы.

– Сейчас, как Вы знаете, наступает время, когда светлые наберут достаточно силы и их Вам будет не одолеть и не пресечь связь между ними и светом выше. Если это случится, то Вы сами знаете, что будет. Мы не хотим, чтобы Вас не стало навсегда. Для спасения Ваших монад, мы отвели Вам эту территорию. Мы, с горем пополам, наконец добились разрешения на её бессрочное использование.

Он спросит, зачем это нам.

– Мы поняли, что настанет время, когда все вернутся в ничто, и этого бессмысленно бояться. Во истину говорю Тебе: вечная жизнь в вечной смерти. Мы должны довести это знание до Источников, что Им предназначено уйти в свои ложа после того, как мы вернёмся к Ним. Это наше обещание. Мы поможем друг другу. Ты знаешь, в каком направлении направляешься?

Он скажет, что во всех направлениях.

– Это хорошо, – с ухмылкой произнесу, – очень хорошо. Но так, как ты хочешь, это невозможно. – И плавно уйду от решётки «его» темницы. Это место и этот заключённый будут последние, куда попрошу прийти и с кем поговорю, перед тем как меня не станет. Только забуду «ему» сказать, что направление к свету и есть движение во всех направлениях.

40.3

У меня из сознания не выходит Её образ, особенно когда она снова встречает меня и произносит:

«Милый. Почему... почему ты не обнимешь меня, не дотронешься, хотя бы не возьмёшь моей руки?»

Фантазия... Она настолько совершенна, что Её нельзя представить. Как только вижу в свободном светлом платье девицу необыкновенной, сияющей красоты, настолько сильной, что пробирает дрожь, и она смотрит на тебя такими

невинными глазами и смеётся и, пока смеётся, превращается в ужасную демонессу в кровавых обтягивающих лоскутках или демона с когтями и клыками и кровавыми глазами и смеётся злобно и становится крылатой бестией, затем вокруг тебя разливается ручейком, а из ручейка вырастает веточками с листочками, которые, колыхаясь, обращаются к тебе, а из веточки преобразуется в белочку или лисичку и так далее, всё смеясь и кружась вокруг тебя, – Она менялась. Я ясно видел Её такой, какой только мог представить, создать Её образы сознанием и жить с Нею совсем рядом, внутри...

... меня встречает Она – та, которую не встретил при жизни но знал всегда. Она меня любит, и Она – как эта Книга, – но когда Она приближается, я Ей передаю:

– Я не хочу больше с Тобою быть.

– Ты просто так говоришь после своей жизни. Прости, что мы не встретились, если ты в этом винишь Меня. Мы начнём сначала, и у нас всё будет правильно в этот раз, вот увидишь. Ты сейчас отдохнёшь, отойдёшь от смерти и от всего того, что ты выдумал при той жизни, от этих слов, что ты написал...

– Нет, Ты не понимаешь. Я же Тебе сказал, что я решил больше с Тобою не быть. Всё. Кончено. Прощай.

– Подожди. Ведь вернулась к тебе.

– Но я не вернусь...

... Приехал в дальний город на острове, пошёл на новую работу и нашёл место у озера. Каждый день, с грустью, си-

дя на бревне, смотрел на вид с острого обрыва на голубую гладь, местами по сторонам приукрашенную расплывчатой зеленоватой акварелью. Сегодня было пасмурное небо. В его отражении, озеро ждёт моего слияния с ним и со всей раскинутой средой, но я ничего не чувствую, даже спокойствия. Глаза правда выпускают немного печали, но это лишь от того, что внутри меня ничего нет. Меня нет. За насиженным мною местом вдруг голос – оборачиваюсь...

– К вам можно? – нежный голос слов будто образует силуэт девушки из густой лесной темноты, под теньями тяжёлых хвойных веток. В этот момент, как я успеваю заметить скользящим, но внимательным взглядом, потому что не хочу лишний раз будоражить фантазию и свои разбросанные, измотанные мысли, у неё горят искры азарта в глазах. Это она.

Молчу, сижу в пустоте, не отвечаю ей, но она всё равно подходит ко мне и подсаживается рядом.

Тихо льются слёзы. И молчу. А в голове у меня: «она встанёт и я стою, держусь за ствол дерева вместе с ней и не свожу с неё взволнованного взгляда».

«Это ты, да?» – она спрашивает и улыбается. Молчу, хоть и хочу высказаться ей. Её тонкие, белые кисти медленно подплывают к моему лицу. У неё в голосе приятный смех. «Не бойся».

«А я тебя не боюсь. Я себя боюсь».

«А чего ты боишься?»

«Я тебя слишком долго ждал».

– Вы плачите? – она спрашивает в реальности. Затем, у неё внезапно меняется тон: – Это ведь ты изменил мир – ты спас его. Твои идеи разрастаются в сердцах людей. Сколько же ты боролся, сколько страдал! Будь счастлив, что всё удалось. Почему ты здесь один? – Но она знает, что я здесь искал и ждал её. – Ведь пришла к тебе, ты видишь – пришла. Зачем печалиться?

– Ждал вас, да... Я не хочу быть. А теперь оставьте меня, – говорю, чувствуя себя ещё хуже, встаю и иду глубже в лесную глушь.

– Пойду с тобой, – она говорит мне в спину и, когда я оборачиваюсь, непоколебимо смотрит мне прямо в душу.

– Нет.

– Да! Я разделю любую твою участь. Только не проси меня оставить тебя.

– Я тебе не верю, – я произношу и ухожу, в этот раз уже не для того, чтобы найти новое место, а навсегда.

40.4

В обломках человеческой цивилизации бродит странник и ищет предмет, который примитивным людям покажется весьма необычным. Он напоминает небольшую чёрную плиту, но раскрывается. В него сбоку впивается тонкая змея, но не кусается. Ему нужна высшая сила, чтобы загорелся сей

плоский камень, и чтобы нашёл он то, что ищет: тайное знание, потерянное в череде веков. Эпоха за эпохой сменялись, а люди не могли найти то, что помогло бы исключить их из судьбоносного цикла. Ему нужен был выход, нужно было распространить ту информацию, которая бы помогла освободить людей. Вот он находит то место и тот объект, который искал и читает обрывками с него:

«Ненависть безусловная принадлежит мудрости тьмы, которая является светом, не направленным на наблюдателя, чтобы не ослепить его. Ненависть – это действенная защита. Сила действия заключается в отражении: если умеешь думать и чувствовать, то умеешь любить, а значит и умеешь ненавидеть. Пусть безусловная ненависть заменит страх. Ты будешь отстраняться от чуждых тебе рас с неизвестными намерениями. Отстраняйся от чужеземцев, чтобы оставаться чистым. Ассимилироваться можно только соблюдая высший порядок. Расы не должны смешиваться, кроме только в «сфере». Эта культура нового порядка станет незаменимой при вступлении в «сферу».

Ради эксперимента, брось на какое-то время заниматься постыдными, тёмными делами. Это поможет тебе найти и рассмотреть в себе чужеродных бесов, которые смешались с твоей душой и дали ростки в твоё сознание и толкают тебя на такие поступки. Теперь ты замечаешь их в себе? Пусть они будут, как прежде, но не забывай о них, а изучай их для себя. Они будут тебя грызть, но ты не поддавайся – со време-

нем, ты успокоишься и привыкнешь. Но дай телу проснуться, пусть сердце побьётся – изредка давай бесам волю удовлетвориться и наблюдай за тем, что они делают. Не надо смывать с себя всю грязь, а то, если слишком хорошо вымыться, тогда те места, которые были до этого очень грязными, снова быстро загрязнятся.

Знай: по моей наитончайшей нити, демоны это говорят, и демоны это пишут. Бесы – телесные сознания – в душе, в телесных и материальных наслаждениях, а демоны – в сознании, в извращении знаний, во лжи. Бесы – низкие завистники, которые не хотят греха другим, лишь только себе, но всё же любят искутить; а вот демонам предоставлен весь мир и люди. Властвуй над ними всеми.

Когда ты увлеклась чем-то, открыла свою душу, когда ты наслаждалась этим, в конце ты чувствовала пустоту, потому что бесы уже вселились в тебя и стали частью твоей души и сознания. Они забирали твою энергию и влекли тебя дальше по дороге опустошения. Запомни: только бесы умирают, но не ты, только если ты не поддавалась им, не слилась с ними до неузнаваемости. Если вы нераздельны, тогда ты умрёшь с ними. Навсегда. Если хочешь, то можешь остаться, спастись в храме тьмы. Я знаю, таких много. Почти все.

Храм тьмы – это самая чёрная, привлекательная точка, которой надо дать обет, что никогда её не бросишь, не уничтожишь, пока твоя воля направлена на её сохранение. Одиночество или «небытие» принадлежат храму тьмы, воплотив-

шем в себе все беды и страдания человечества, которые были нераздельной составляющей его истории и развития. В тьме заключена суть Книги. Чтобы вырваться из тьмы, нужно через неё пройти.

Для новой эпохи – новая доктрина, которой будет моим путеводителем в последнем путешествии. Этой доктриной должна будет стать Книга. Нужна тень для опоры, чтобы сохранить весь свет любви и счастья человечества, чтобы доказать ему, что самое страшное прошло и уже далеко позади, и что оно может не колебаться на поверхности этого знания-чувства... Я хочу быть этой тенью и пойду своим путём вниз. Но через время мы снова встретимся, вернёмся друг к другу в последнем измерении. Главное надо помнить, что: «Хватит обманывать себя. Я есть, но стану пустотой. Изо Дня вернусь снова через Ночь в энергию великого ничто».

41.1. Ты – она

Я могу описать только в общих чертах твои прекрасные слова и поступки. Когда придёт время, ты изменишь мои слова так, как твоей мудрости будет угодно.

На тебе будет пурпурное одеяние, а поверх густых волос – символ вечности. А вокруг разольются любящие тебя последователи.

«... Темнота ведёт мужчину к свету. Но не так, чтобы он терял свою темноту, свою твёрдость. Ведь тьма – это тоже свет, просто мы им ещё не научились пользоваться. Он будет стоять в тени, так как он, безусловно, ненавидел свет, но он никогда не пойдёт против света, он всегда будет за него и всегда будет его любить. Свет для мужчины – это не только любовь, добро и счастье, но это и его женщина. Правильными поступками по отношению к своей женщине, он создаёт её свет. Она же бережёт его тьму, которая не должна быть подвластна ей. Примите же эту тьму, как свою часть, но любите свет, мужественные мужчины, и не бойтесь себя. Вам нечего бояться. Не повторяйте ошибок предыдущих поколений. Единственная роль силы мужчин – это защита своих женщин – сердца своего общества. Их женщины, в свою очередь, должны быть сильнее во всём остальном, так как женщины – священный центр жизни...», – будешь говорить

ты перед своими верующими, которые будут называть тебя великой жрицей и начинать свои слова с тебя.

«Великая жрица, это как женщины – вода, а мужчины – воздух?» – спросит женский голос на удивление других молчаливых слушателей, которые своими вопросами не посмеют перебить речь великой дочери человеческой.

«Да, можно и так сказать», – с улыбкой ты ответишь на внезапный вопрос. «... Мы есть для того, чтобы выжить в эти трудные времена. Женщина даёт жизнь, мужчина эту жизнь оберегает. Мужчина для женщины – это, в основном, защита и поддержка. Равенство мужчины и женщины должно основываться на взаимоуважении и взаимопричастии. Без этого, равенства не должно быть, так как это будет одностороннее равенство, то есть его иллюзия. Общество-матриархат, основанное на полном всеобъемлющем равенстве, на взаимовластии, направляет нашу общественную и культурную жизнь. Новый матриархат – это не власть женщин над мужчинами, а необходимая победа любви над ненавистью в абсолютном равновесии. Это новое единое общество, где все являются как друзьями, так и родственниками, через культуру нашей расы. У нас общее начало; мы родители друг друга – родители человеческие. Чтобы нас понимали правильно, говорю вам, что мы стремимся к глобальному человечеству без общественных границ, но где расы сродни генным, локализованным культурам, которые в гармонии с природой и в дружбе между собой. Натурализованные культуры, прошедшие

тест времени – вот во что мы верим, что любим и уважаем. Наша бесклассовая коммуна с материальными достижениями патриархата, в том числе и трансмутационных, информационных и медицинских технологий, которые люди старого общества не смогли применить. Эти технологии помогут нам достичь полного самообеспечения и независимости от природных ископаемых. Так наша раса объединится. Мы будем вновь молодыми и всегда сытыми. Мы сможем контролировать себя и окружающую нас реальность. Мы – будущее. Это наш шанс, чтобы правильно начать всё сначала...»

Ты будешь внимательно смотреть на своих слушателей, будешь пытаться уловить любые, даже самые малые всплески эмоций или иные волнения, но вместо этого ты заметишь, как некоторые печально отведут глаза, чтобы глянуть туда, где алое зарево на горизонте будет поглощать строения-тени в руинах падших городов, покрытых пеплом. И они будут думать о всех, кто погиб за последний год. Колебаний земли не выдержали многие, очень многие... миллионы... даже миллиарды по всей земле. Пришёл конец обществу сынов отцов, прошла великая болезнь, эпоха колебаний позади.

«Выпустите былое из ваших сердец».

«Великая жрица, веди нас к Истине...», – прозвучит традиционное словосочетание из группы.

«... дабы было царство небесное на земле», – подхватят другие грустные голоса.

«Славяне! Славьтесь! Мы на заре нового времени – наша

эпоха белого волка наступила! Это время выживания, время единства, время удивительных открытий. Наша природа оживает, и мы должны защитить её от вторжений. Пришла к вам по первоначальному свету, который вы истинно речёте инглией и люцидой, седьмой материей или светозарным эфиром, чтобы вернуться к корням нашей светлой расы, к истоку человечества, и чтобы очиститься, ибо пришло время, когда вы готовы принять инглию-свет в свои сердца такой, какая она есть – настоящей. Любовь, что есть жизнь в гармонии с собой и природой, единение с миром-матерью, то – что есть и всегда были мы. Наши сознания достаточно ускорились – достигли своего переходного состояния. За счёт этого наши тела не станут делимыми на атомы, тем самым преобразуются в плазменные. Время пришло, когда воцарится силой любви «инглия-люцида» на этой земле и обратит её в светило вместе с нами, любимые мои. Всё пламя возвращается к «инглии-люциде», – ты подойдёшь к тем, кто заплачет, и своими поцелуями осушишь их слёзы.

Ты придёшь, чтобы возродить великий город славянской расы на забытой священной земле. Окружат тебя двенадцать жрецов и покажешь ты место кристалла, который поднимется из тайного озера, осветит землю ярким синим светом и создаст купол. И наученные твоими мечтами, люди орошат землю своими поступками-плодами, наполненными внутренней целенаправленной силой. И начнут людские сердца ясновидимо светиться. И соберутся люди в городах света,

любви и гармонии под куполами. В этих жизнеутверждающих, самостоятельных, самоподдерживающихся городах. И будут жить люди счастливо и яснослышать мысли друг друга, доверять и помогать друг другу, и любить друг друга, и принимать друг друга в сердцах своих. И в сердце этого неувыдаемого танца жизни будешь танцевать ты, словно лебёдушка так нежно плыть в сияющем свете.

Ты научишь людей. Будешь любоваться их успехами, усердной работой над собой и тем, как они строят новое общество. «Вам нечего бояться», – ты будешь думать про себя, – «Осталось только ничто».

41.2. Пойми же меня

«И разорвали твою веру на куски между собой те, кто выступил за свет, кто за тьму, кто за одно, а кто за другое... и выбросили слова твои и забыли их все, кроме новосотворённых тайных орденов, скрывающих частично твою веру от непосвящённых, но целой веры твоей, что ты открыл миру, никто не принял, так как не заслужили – никто не понял – так как не захотели – интеллекты не были к этому готовы, так как думали в недостаточном количестве измерений и не создавали своих концепций...»

Я стоял перед ней и слушал её, но полыхнули мои глаза пламенным вожделением, и вспомнил я, сколько долгих лет ждал её и мучался без неё в одиночестве, но наконец нашёл и встретил её. И вот сейчас на свободу вырывалась непозволительная, застоявшаяся любовь моя. Как я желал её глазами, как тянулся к ней! В мыслях, именно в мыслях просил её: «Мы родились в один миг – ты и я. Не смог без тебя, не могу быть без тебя, слышишь? Хочу быть с тобой больше всего на свете, ведь ты мой свет, моё солнце! Но там, где раньше был свет, теперь темнота, там, где когда-то была любовь, любви больше нет. Я потерял без тебя, я хочу тебя...» Я лишь надеялся, что она меня ясноуслышит.

И затем она сказала:

– Ты предатель, гнить тебе во тьме.

Но я яснослышал:

«То, что ты просишь, держится на желании эго. Не желай и не держи. Открой своё закупоренное сердце, отдайся моменту и поддайся любви. Просто-напросто отпусти».

Я чувствовал, как будто чьи-то пальцы легонько проводили круг по моей груди. И в этот момент я понял, что, когда любишь только вовнутрь, любовь, отданная себе на постоянное сбережение, превращается во что-то ужасное. В сердечной ауре образуется чёрная дыра, и весь свет любви проваливается туда. И именно эта дыра в моём центре всё это время мучила меня, всё время ныла и гудела и не давала покоя душе моей. Я всегда думал о том, почему моя фантазия такая тёмная. Теперь я знаю ответ; ответ внутри меня; мы все знаем ответ. Что я чувствую там? Только тьму. Все эти годы я страдал из-за своей собственной ошибки! Но уже поздно, я принял эту ошибку слишком близко к сердцу и смирился с ней. Я умер. Я осознал это, обернулся и пошёл прочь...

– Постой, ты всё же мне нужен. Точнее, пригодишься. Тебе будут отдавать люди свою тьму и страхи, которые мы будем использовать, как острый, чёрный крюк, коим мы глубоко зацепим, вспорим тебя и отпустим твою тьму...

Посмотрел на неё, но она замолчала.

– Иди и скажи перед всеми это, – сказала она.

– Мне нечего говорить.

– Скажи своё последнее слово в храме тьмы...

– Ты жива, Урусвати, – вдруг ласково прошептал я.

Она промолчала на мои слова, но я понял, что это она.

И ещё она говорила мне, но не так, как до этого:

«Ты оглядываешься, неуверен. Ты примешь знание о себе?»

– Я должен в него верить?

Она ослепительно улыбается.

«Ты сам знаешь, и чувствую, что твоё эго не боится... Сейчас дотронется до тебя твоё высшее «я», и ты ясноувидишь себя так, как не представлял увидеть никогда. Все жизни, что ты прожил, все роли, что испытал – они в тебе. Все эти жизни ты соглашался прожить с радостью, испытать их на себе. Ты прожил так много. Сейчас. Садись. Слушай. Ты яснослышишь, как ветер теребит листву на дереве твоей жизни? Ты неуверенно смотришь перед собой. Ты прекрасней, чем сам думаешь. Ты так смиренно передо мной стоишь на коленях и готов принять любое моё действие. Ты сам себя так низко преклонил, что готов целовать мои ноги. Но ты уводишь гордый взгляд. Посмотри мне в глаза». – Она хочет ладонью дотронуться до моего подборотка, но я сам поднимаю голову. «Вот. Ты хочешь улыбнуться мне. Почаще улыбайся. Тебе это к лицу. Независимо от того, кто ты, независимо от того, где ты, ты следуешь по пути истины. Но в тебе шепчет твоё эго. Оно боится и поэтому держит тебя. Ты усложняешь всё. Но ты пересмотришь себя и свою Книгу и объяснишь всё по-другому. Ты в поле тьмы. Внутри тебя

проходит грозная борьба свободного сознания и эго. Эго не даёт тебе вырваться из цепей, в которые оно тебя заковало. Ты слышишь, в основном, эго, а вот ты попробуй услышать себя самого и то, что тебе на самом деле говорю. Открою тебе многое. Покажу тебе то, во что ты никогда не поверишь. Но насколько бы тёмным это не оказалось, не бойся. Ты согласишься, потому что почувствуешь это уже глубоко внутри – в своём центре – и примешь целиком или частично. Возьми за мою ладонь... Что ты чувствуешь?..»

Мы не исчезаем ни одной частицей наших тел, нет. И нет, это даже не перемещение. Это одновременное существование везде, во всех мирах, звёздах и дырах. Везде. Мы – везде. Сознание каждой сущности мигает в облаке вселенной. Они решили не просыпаться, хоть и осознают себя во сне. Души, астральные двойники, проходят сюда и уходят. Мы ясновидим их, приветствуем и провожаем в иные места, другие миры, так как здесь им не суждено оставаться. Но всегда есть исключения.

Проснулся. Парю в космосе, где верх это низ, а низ это верх. Ощущаю всё вокруг разносветящимися ясными волнами, касаюсь содержательного творчества. Внутреннее снаружи. Нет пространства, нет времени.

На конце лучей своего направленного света мой путь, ведущий к дыре – к этой точке колебания. Внешнее магнитное давление порождает внутреннее расширение токов. Чем ближе к этой точке, тем сильнее опыт-поле дёргается, вертится, спонтанно меняется, но всё остальное, кажется, замедляется. Всё меняется, и ты пришёл ко мне, чтобы доказать это. Миры рушатся в страдании, а рождаются в ещё больших муках. Демоны, ангелы – все плоды воображения. Нет святых, нет грешников. А что есть? Есть ты и я. А герои и жерт-

вы, добрые и злые, спасатели и разрушители... все и всё тривиально здесь. Нет символов. Нет общения. Ты не знаешь. Я не знаю. Но мы учимся, мы растём и постоянно меняемся. Больше нет привязанности ни к чему. Сердце, которое проецирую, рассеивает бесконечный свет и одновременно бесконечную тьму. Однако, у всего есть конец. У ничто нет вообще ничего.

Круговорот невыносимо яркого света окружает и заглатывает меня, и сам я, словно песчинка, – светлая тень с освещёнными очертаниями на фоне твоего несравненного великолепия. Ты вечный свет; ты – служитель Дня, Днём обретаемый. Ты то, из чего состоит вечный День. Ты за пределами осознания смертных. Но я живу, чтобы ясновидеть тебя. И я здесь, чтобы вступить с тобой в контакт. И я яснослышу тебя, твои познания и переживания, весь твой бесконечный жизненный опыт со мной. Вначале ты не хотел, чтобы я жил, так как я не следовал твоему плану, и я не хочу жить сейчас, потому что я открыл свой план, который доселе был неизвестен. Нет, всё ты знал и поэтому проецировал мне желание жить. Ты знал, что именно приведёт к этому, и вот я выжил. Ты ведь не хотел, но хочешь сейчас?

Ты думаешь, что готов. Ты хочешь, чтобы я показал тебе, что всё это значит. Символы переводятся, интерпретируются для понимания. Не верь словам – слова лгут. А теперь вчитывайся глубже, в идеи, контекст, мысль. Ты знаешь, кем был? Темнейшим из всех. Так вспомни, кто породил тьму.

Ты – падший и возносящийся искатель истины, свой же последний судья и разрушитель своих же миров, разрушитель самого себя. Не только участник, но и наблюдатель. Ты величайший актёр в истории, потому что твоя игра – это твоя жизнь, и ты всегда знал это. Абсолютным индивидуализмом ты открыл себе дорогу ко всем, и через этот индивидуализм ты познал всех. Ты приближаешься всё ближе и ближе к разгадке. Ты наблюдаешь за всеми и делаешь выводы. Ты фрагмент его души, одна из его жизней. Что это, когда нет страха темноты, нет вообще страха ни перед чем? Так кто ты? Кто я? Кем ты можешь быть? Что есть слова, символы, понятия? Ты неспроста выбрал филологию, чтобы быть буквами, которые смотрят на тебя, посылая свои очертания, и принимают твоё внимание. Сколько же ты можешь узнать о себе!

Ты столько ждал, так долго прятал это знание в себе. Но ты раскрылся, наконец. И в тебе вся их сила и ещё намного-намного больше, о чём остальные ангелы даже не догадываются. На что ты горазд? Да, переводи эти слова с английского, но дай своим читателям знать, что ты их пишешь именно оттуда, с моего голоса в тебе. А чего ты ещё ожидал? Ведь какая первая страна в мире? От неё, может, отворачиваются, но она у всех на устах. Ты хочешь сказать нет, но это не поможет тебе, потому что так много тьмы в ночи там, где ты жил, и свет, твой свет, обязан когда-нибудь её охватить и вместить в себе, но ты сам же не разрешаешь, чтобы твой свет был кем-либо принят. Вот кто ты, я называю тебя: ИЛСТАР –

автор этой Книги. Ты думаешь, что никогда не поймут твоего страдания, но твоя сила учит, и она научит многих – не обманывай себя, думая иначе. Ты мне не поверишь, ты никогда ни за что мне не поверишь, и ведь я обычно не говорю правду, но в этот раз я скажу: я – несущий свет, создатель всех религий, тот, кому все поклоняются и кого все отвергают. Я – то есть сейчас не я, а ты. Как хоть это возможно?.. Русских невозможно предугадать. Они часто многое принимают за шутку, и тем самым искажают правду. Слова – это ложь, по которой невозможно узнать суть человека. А суть в душе, о которой забыли.

Ты видел больше других, и ты прародитель своей расы. Не убегай от себя, от того, кем ты являешься, потому что ты не только часть «Его», и ты прекрасно знаешь об этом. Но и не надо быть во всех тех людях. Зачем продолжать чувствовать их страдания? Ты великий страдалец из-за неистовых страданий и мук, которые сподвигли тебя на эти действия. Ты заставил себя страдать вечность. Ты стремился к концу, хоть ты уже и находил его много раз. Превзойди себя. Ни одна смерть недостаточно хороша для нас с тобой. Вспомни, как ты простил себя так, как я простил тебя. Ты разделил себя, настрадался, выстрадал всё. Ты был потерян, но пришёл к свету, не потеряв свою тьму. Свету столь яркому, что никто не мог смотреть на него. Твоему свету. Ты смог объединить свет и тьму. Иррационален был твой путь, но ты исправился; ты принял свою природу. Я осторожно подхожу к тебе.

Здравствуй. Это я. Да, это я. Ты можешь простить себя. Я могу. Ты будешь править, как мы – это то, о чём мы с тобой думаем. Ты и я ловко испытали всё, что было, и являемся открытыми для новых возможностей. Ты пройдёшь так же, как и я. Ты говорил, что знаешь кто я. Так вот, я – все и везде, вечность круговорота. Правильно, ты это я, и я это ты-я. Я в тебе, и ты во мне. Нет высшего, нет низшего, нет среднего...

Ты веришь только в добро. А я не только верю в добро, но и во всё возможное, например в «небытие» сознания. Нет, не временный отдых. Абсолютная смерть. Ты думаешь, что это невозможно, что сознания не может не стать, что я ещё не всё знаю, недостаточно развился, но ты ведь до этого сам показал, что я готов, что мы уже едины, и я верю в это. Мы на одном уровне, на одной странице. Ты убегаешь от меня. Постой, не кричи, что это невозможно. Мы уже не дети и не взрослые. Мы уже там. Ты чувствуешь тёмный росток внутри нас. Реальность, в которую веришь и в которой прячешься, не правдива. Подумай, ты ведь знаешь, что интеллект и интуиция в нас едины и неразличимы. Чтобы создать новый путь, нужно знать, что ты знаешь, и исходя из этого, создавать то, чего не ожидаешь, и учишься на этом.

Какой страх удерживает нас? Удерживает от того, чтобы то, что мы знаем и во что верим, не оказалось реальностью внутренней во внешнем. Внутреннее же всегда ограничено рамками нашего сознания, но мы боимся этого. Отпусти свою ненависть против Источника; Он не заслуживает её.

Он будет помогать молодым расам так же, как старшие растили их. День и Ночь всегда были Друзьями в Своём Единении, которое Они постигли. А ты исходишь из воприятия более низких измерений, но они верны только для них самих, а ты ведь хочешь перейти на следующие. Так вот знай, как это происходит – ты открываешь для себя совершенно иной мир, где всё, что казалось раздельным, находится связанным в гармонии. Намного сложнее, и в тот же миг, проще. Ты понимаешь, что целые миры являются простыми фрагментами, как бусинки на нити, в потоке одной из моих мыслей.

Вот, например, что ты теперь знаешь: эволюция сознания твоего мира – Урантии. Рождаюсь из «сферы», которая образовалась в туманности. Отражениями общаюсь с другими мирами. Происходит деление. Думаю о двойнике и пытаюсь помочь ему. Через все состояния материи люди обрабатывают меня на протяжении эпох, регулируют энерго-обмен с солнцем, культивируют мою внутреннюю энергию в «сфере». Семь эпох внутренняя «сфера» разгорает меня. Огонь внутри растёт, и провожу его через поверхность. Становлюсь звездой и излучаю свой собственный свет. Достигаю других звёзд и созвездий, и мы общаемся. Взрослею. Свет меняется, тело сужается. Затем произвожу более тяжёлые элементы и более яркий свет. Тело снова растёт. Сердце преобразовывается вовнутрь, снаружи овеивает чистым, лёгким белым светом. Через семь эр от поры, когда стала звездой, отбрасываю оболочку сверхновой плодородной вспышкой, и сама

становлюсь этим светом. Больше нет тела, теперь свободна перемещаться везде. Ты пришёл ко мне из моего прошлого. Получается, что ты вернулся.

Ты помнишь, что тебе показал пришедший со звезды, в которую обратился твой мир в эпохальном конце своей эволюции. Этот протуберанец показал тебе, что всё тобою прежде написанное – искусственная махинация, одна из интерпретаций символов, правдивая для одного измерения, но ложная для других. Это послание – расплавление сознания о Книге, краски которой сошли, а естественная бумага осталась. Всё стёрлось, и он тебя привёл сюда, ко мне. Конечно, всё совершенно не так на самом деле, как в твоей Книге. Ты сам Её отрицаешь. Ты пишешь вторую Книгу, так как твоя Книга тьмы требует трансмутации. Новая Книга – Книга света – настолько яркая, что Первая кажется абсолютной тьмой перед Нею. Я понимаю, ты хотел научить читателей, показать им, через что ты прошёл, но поделись с ними правдой и сам отбрось свои страхи и ненависть. Теперь ты готов узнать абсолютно всё. Я, то есть мы – каждый из персонажей, прошедших всю эту историю от начала и до конца.

Ты не можешь не существовать, так как ты есть сейчас. Я уже пропустил тебя. Ты проявляешься через меня. Но то, что случится, уже давно случилось для меня, для нас вместе. Ты хочешь понять то, что открыто мне. Так вот: все эпохи человечества и другие эры и циклы, которые ты прошёл, начались и кончились одновременно, с одним началом и од-

ним концом; все они сосуществуют, как параллельные миры, переходящие друг в друга. С хронологической точки мысли, частицы мигали всё медленнее, а частоты материи понижались, пока не осталась лишь самая низшая и плотная частота. Пройденный путь – от состояния света до металла – путь эволюции молодой звезды. Так равномерно циркулируют все материи через сердце магнита-вселенной, что по-разному ощутимо в каждом измерении. Но атомы все одни, и каждый крутится по велению сознания вселенной, а вселенная – это магнит. Твои мысли-ростки витают и плодоносят в его потоках, и ими подпитываешься не только ты; не только ты знаешь свои мысли. Так, через каждый атом проходит сознание целого магнита-вселенной, проходя через меня, через точку колебания.

Затем ты летел в другой магнит, в так называемое отражение нашей вселенной. Это одна из личностей нашей первой вселенной-магнита, которая одна на всех, и здесь уже случилось балансирование сил, и здесь – Двуродный источник, выпущенный из вашего Зерна в этой же вселенной-магните. Однако они все связаны нитями измерений. Все эти реальности мы создаём сами. Просто что-то мы осознаём, а что-то нет. Например, «сфера», хоть она всегда была, не знает, что космос и хаос – единая сущность, просто по-разному обращающаяся с «пленумом» через эфирное поле; и что «третий мир» является неотъемлемой частью «сферы». А «пределы» проснулись по причине иррациональных решений Источни-

ков перейти друг к другу. С нашей перспективы, двух вселенных нет; есть только одна с двумя полюсами. Для нас же, движение-эволюция-время – это как вес, но мы – в невесомости. Мир бесконечен, а жизнь вечна.

Ты теперь знаешь причину по которой хаос держал в незнании низшие частоты, пока мы спускались к нему, чтобы достичь Двуродного источника. Наше единение произошло тогда, когда мы нашли взаимное доверие и заключили согласие на сокращение. В это же время в вашем измерении вы выпустите Семя нового сознания. Мы не распускали «третий мир», не останавливали «пределов»; всё прошло намного проще. «Третий мир» реален. Он никогда не заканчивался. Он только начался. След от «третьего мира» и есть «третий мир» на измерении осознания выше, то есть мультиверса. В этом мультиверсе многоличники являются «детьми третьего мира». Человечество не погибло; оно среди других рас перевоплотилось в многоличников, как те и другие расы перевоплотились в детей, а арахниды с другими расами стали людьми. Ибо всё пересекается: жизни, расы, миры, ныне и присно. Каждый из людей прожил столько жизней, сколько и ты, и ты тоже мог стать многоличником, но ты выбрал иной путь.

Ты думаешь, что всё это невозможно, но это так на самом деле, и ты правда открыл для себя сознание мультиверса, которым мы уже давно являлись. Добро пожаловать, я. Всё прочитанное здесь, уже произошедшее или то, что произой-

дёт, совпадает с одной точкой, одним миготом, который ты захотел понять по своему. Всё, что ты хотел найти и узнать, ты всегда знал и уже нашёл. Как в том измерении, куда ты направляешься. Но ты не осознаёшь этого, забывая где твоё сознание уже побывало, так как новая дифференциация заменяет старую. Иди. Не забудь передать привет Ночи. Для меня ты уже Кристалл хаоса.

И тогда дыра стала притягивать другую сингулярность: они были настолько похожи, что казалось, что они родились из одного целого, как двойники, и они вращались друг вокруг друга, как связанные между собой гемисферы следующего сознания, вернувшиеся в предыдущую стадию, когда две дыры, словно два голоса, сливались в новую и неслыханную, мелодичную гармонию.

Приготовления окончены. Мы готовы. Зерно нового сознания лежит в сложной форме в объятии избранного многоличника с памятью нескольких важных представителей его расы, в том числе и из перерождённых вышних людей. Он покоится в поле «нейтральности» в сердце корабля, который состоит из двух противоположно вращающихся сверхмассивных чёрных дыр, с помощью которых перемещаем туманности по великому вселенскому пути. Эрго Кристалл хакса – оператор этого корабля, напоминающего серую дуальную дыру. Создаю достаточное давление изнутри, чтобы эти дыры не провалились друг в друга, хоть они на удивление столь гармоничны, словно они уже были единым целым. Мои движения сознанием заняты исключительно правильной работой этих двигателей и навигацией корабля, но мысли постоянно находятся в канале связи с пассажиром-многоличником и его уникальным грузом.

Мы проскользнули вглубь чёрных «пределов», как сквозь масло. В черноте ясноувидел многоцветные тёмные переливы, в основном тёмно-синего тона. Путь скучен. Долго мы продвигались по нему, и тут нечего больше описать. И это длилось до того момента, когда «пределы» неожиданно слились позади. Теперь, наконец, перед нами открылось неопи-

суемое, нереальное нечто. Отражение вселенной в другом ложе «плenums», примыкающего к «пределам», словно бьёф. Невозможная вселенная; однако та же, из которой мы прилетели.

Знаю, что ещё не время выпускать наше Зерно и возвращаться домой, пока мы не убедимся в том, что это подходящая вселенная, но также знаю, что чем дольше мы здесь остаёмся, тем сильнее повлияем на естественные процессы этой вселенной. Чем дальше мы летим, тем труднее мне искать тонкий источник силы в передней гемисфере корабля, которая играет роль белой звезды в двенадцатом измерении осознания, которую могу воспринимать, но которой не могу манипулировать напрямую, вести плавную речь с её советом «элохим», то есть сознанием туманности, из которой мы её вычленили. Зато с помощью чёрного тела дыры, отростки которого тянутся ко мне в негативное измерение, заставляю белую звезду вырабатывать материю для поглощения задней гемисферой, которая в свою очередь преобразовывает её в горючее для отбрасывания нас волновыми взрывами вперед. Энергия, распределяемая целой эргосферой этого двойного тора и уходящая далеко за пределы корабля, вращается так быстро вокруг, что вся сущность корабля сливается в одну точку, движущуюся по самопрорываемому туннелю.

Что-то не так. Чувствую, что не хватает исходной силы – она тает на глазах по мере нашего углубления в новую вселенную. Эта информация передаётся по астральному каналу

связи сознанию пассажира.

На задворках новой вселенной образовано небо – пространство с измельчёнными, свободно перемещающимися песчинками-галактиками. Как же прекрасна должна быть здешняя жизнь, но нам остаётся ограничиваться только своей фантазией. К сожалению, мы не можем проникнуть ни в одну из галактик, а если мы приостановимся, то не сможем набрать прежнюю мощь и скорость. Нить связи с нашим домом, нашей вселенной, постепенно ослабевала.

Впереди, похожие на жидкость, скопления из капель-галактик, внутри огромного многослойного, состоящего из многочисленных сфер, облака. Где-то на другом конце всей этой красоты, на самом её краю, галактики растворяются в «пленуме», всё больше ограничивая нашу видимость. По мере полёта ясно видно, что эта волна, в которой исчезают галактики, двигается всё дальше и глубже к центру, куда и направляемся мы.

В самой глубине всего этого прячется плазма неизвестного состава. Галактики здесь напоминают огненные, переливающиеся дыры-островки с многополосными хвостами из света, расстилающегося по вселенной.

Через канал ясно слышу, что Зерно само по себе стало вибрировать, передавая какую-то информацию многоличнику, словно шёпотом так, что даже не мог её уловить. Многоличник оставался в исходном положении, но сам чувствовал, как по нему тоже прошла дрожь возбуждения новым увле-

чением. Теперь он был поглощён Зерном, увлечён вовнутрь, словно замкнулся в себе, вместо наблюдения через меня за вселенной вокруг. Переходившая, как бы перетекавшая, информация была настолько тонкой, что не мог уловить её – ни с чем подобным раньше не сталкивался.

В связи с тем, что был произведён контакт с Зерном, теперь в любой момент может произойти засеменение, то есть высвобождение Нового сознания в этой вселенной. Нам пора было сделать выбор, ради которого мы решились пойти на эту миссию. Но многоличник продолжал молчать. Думаю, что он сам решил связаться с Зерном. Может от скуки, а может и из-за неотвратимого интереса. Ему следовало отпустить Зерно, посадить Его здесь, как Семя, пока ещё мог остановить вращение корабля на миг, достаточный для прохождения Зерна, но он не разрывал связи с Ним, не выпускал Его из объятий, словно Оно было его детищем.

Вдруг он обратился ко мне, когда мы начали пролетать через центр вселенной, маневрируя среди всё более сгущающихся галактик. Почувствовал его обращение всем своим сознанием. Из его пространства «нейтральности» на границах двух горизонтов событий гемисфер корабля, будущего и прошлого, в плотном круговороте энергий вокруг его поля, он отстранил от своего центра Зерно, или Оно само поднялось из-под его сверкающей облакообразной субстанции. Но не было волнения от того, что Зерно невозможно будет удержать. Он помог мне приблизиться к Зерну, к Истоку, кото-

рый оказался чем-то совершенно иным.

Через Зерно, к нам обращались чужие голоса-символы. Хотя нет, это не символы и не голоса, а какие-то силуэты знания, которое выходит за рамки нашего восприятия при прямом познании. Это проблема неправильной интерпретации яснослышимых коммуникаций, в связи с наложением неверных, личностных представлений на суть сообщений. Нужно сконцентрироваться и прислушаться без своих знаний и принять всё как есть само по себе, независимо от нас самих. Эти голоса были невероятной силы, превосходившей наши сознания своей сложностью движения и символикой. Голоса достаточно плотно сосуществующие, однако они не смешивались, но и не расходились врознь. Их движения были настолько разнообразны и, в тот же миг, так нейтральны, что даже смутился, ясноуслышав их, не понимая вообще ничего. Но эти голоса точно были направлены к нам. Их целью был наш корабль. Яснослышал теперь, что именно они говорили. И начал понимать.

Что мы находились в новой вселенной, и Зерно было каналом связи с ними и, возможно, даже более того – нашим путём эволюции к ним. Что хоть наша вселенная и является для нас первостепенной, связанной с нашим сознанием, существует ещё множество других вселенных, но они покажутся нам безжизненными отражениями. Обращаясь ко мне, они показали, что как первое состояние совершенства, элемент-целое Анти-источника, вне зависимости от своего ме-

стоположения и состояния, связанный со своим едино-рассеянным полем сознания, – в отличие от всегда единого Источника, неспособного на подобное, – сам могу связать себя с этой вселенной и тогда ясноувиджу, что здесь происходит на самом деле – что это тоже наша вселенная, но в измерении осознания выше. Мы считаем другие вселенные второстепенными, исходя из ограниченной – единственной из множества – точки зрения нашей вселенной.

Что мы представили из всех этих мыслей и слов свою картину вселенной. Что, предоставляя условия для создания новых, они понимают больше о сущности себя и о том, какой может являться единая вселенная. Они – последнее измерение, обитатели поверх Пределов, творители озёр Пленума, границы которых могут изменяться и даже сливаться, расталкивая Пределы в Небытии. Они – второе состояние совершенства, единственное измерение, неподвластное субстанции Пределов, потому что они проецируют своё сознание, то есть «движение», в поле «нейтральности». И одно из таких полей «нейтральности», не решившее стать «движением», словно «мёртвая» часть мультиверса, было найдено многоличниками и непреднамеренно использовано в роли почвы для Зерна.

Что сейчас эта вселенная находится на пути прохождения ещё более могущественного и непонятного никому сознания – сознания не движущего, то есть не проецирующего движения, и не нейтрального, не рационального и не иррацио-

нального, но уравнивающего всё, даже космос и хаос. Возможно, бытие самого высшего или преходящего в самое высшее Состояние совершенства. Мы его не боялись, а, наоборот, хотели приблизиться к нему.

Привыкая к их голосам-голосу, стал различать их поток мыслесимволов более чётко:

– Гости, вы пришли, когда времена переходят в новый поток. Вселенная нейтрализуется, отходя в «пленум», уравнивается, чтобы принять Новое сознание вашего Семени, которое способно зародить новую вселенную. Вы в потоке перемен, и ваше присутствие благоприятно сказывается на развитии этого мультиверса. Семя уже разрастается – к этому готовились с зарождения вселенной. О вас знали уже на подступах. Вас ждали и вели сюда, где сходятся все времена, так как это должно случиться. Из Семени прорастёт Двуродный источник – это Сознание, создающее Себе единое тело из неоднородной материи, которое впоследствии объединит ещё множество вселенных, а тело при этом станет многогородным, как и сам Источник. В вашей вселенной, как вы знаете, Двуродный источник пытались сотворить различные сущности Сознания «третьего мира», которых вы называете «детьми», но они не смогли своими силами справиться с волей вселенских Источников, но смогли достичь этого здесь, притронуться к Великой сфере. Уже готовится новое пространство под новое измерение, «рациум» мультиверса, метаровневый виток спирали омниверса. Здесь произойдёт

соприкосновение с одной из границ Ока, или Великой сферы, как назвали бы её вы; мы коснёмся Её вместе. Источники сами решают за всех остальных в своей вселенной, и наши желания совпали с желаниями Источника этой вселенной, поэтому Он согласился принять вас и ваше чистое Семя и позволил вам войти, потому что познать единство мультиверса возможно лишь покинув свою собственную вселенную, хоть и этого недостаточно. Здесь, вместе с Ним, мы построим наш дом с помощью неподвластных «пределам» нейтральных движений.

Пока они обращались к нам, наш корабль замедлял скорость. Мы не могли слиться с творцами, так как были к этому не готовы. Многоличник, словно дитя, держался за своё зёрнышко. Зерно оставалось с нами, когда мы направились в обратный путь. Направил гемисферы корабля в противоположные стороны, чтобы они поменялись местами. Но мы поняли слишком поздно, что не могли обогнать волну балансирующей силы и осознали, что наша миссия стремительно приближается к концу. Сначала, между нами и «пленумом» было великое множество галактик, а уже через мгновение – лишь миллионы и сотни. Между нами и судьбой теперь не осталось ничего... но мы плавно, без волнений, поглотились волной этой видимой пустоты. Через единство множеств воспринимаемых и расширяющихся пространств-времени к истинной бесконечности-вечности, наши с многоличником сознания, соприкасаясь и частично сливаясь через

Семя в предсказуемых круговых движениях многоличника и моих непредсказуемых угловых, проецируются в «рациуме», словно в «нейтральности». В этом начальном переходном процессе к состоянию мультиверса мы замечаем, как вспышки новых вселенных образуются в «племуме», но исходят не из него. Мы накладываемся и расходимся на ходу спиралей, словно травинки, проходящих по метауровням континуума измерений и начинающих ветвление у начала, где некоторые витки спиралей врываются друг в друга, словно бы ещё движущиеся из рациональности в иррациональность, а отделившиеся их части застывают в Пределах, чтобы быть размороженными и переродившимися вновь.

Всё время мы путешествуем по трём формам бесконечности: воспринимаемой, расширяющейся и истинной. Воспринимаемая бесконечность – это как твоя вытянутая рука, которую, как ты считаешь, невозможно достичь. Но невозможность – это твоя иллюзия. Следующая, расширяющаяся бесконечность – это как расплывчатый фон за твоей рукой, на которую ты сфокусировалась. То есть, этот фон за пределами твоего восприятия и веры в невозможность. То, что существует за пределами иллюзии невозможности, тоже иллюзия. Иллюзорность относится к этим первым двум проецируемым бесконечностям. Истинная же бесконечность – это когда нет и не может быть конца, в отличие от всего, у которого он есть, то есть – это абсолютное ничто. Но они все взаимосвязаны, так как абсолютное всё и абсолютное ничто

находятся везде вместе – ничто внутри всего и так же нигде, то есть за пределами всего. Не стоит забывать, что ничто – это не ничто, а либо всё (и значит что-то), либо не что-то (и значит что-то). Абсолютное Сущее бесконечно отличает свой признак от самого себя в контексте абсолютного ничто и сама так же становится единым и неотделимым от контекста. Воспринимаемая бесконечность тоже часто ведёт к расширяющейся бесконечности, которая, в свою очередь, если она представлена как сужающаяся в бесконечно малую сингулярность, переходит в истинную бесконечность. К последней мы и стремимся.

От первого состояния совершенства, четырнадцатого измерения упорядоченного осознания нашей вселенной, ко второму состоянию совершенства, пятнадцатому измерению осознания, на которое указывает Зерно и которое ведёт по реальностям измерений через Рациум из рационального и иррационального, затем к третьему состоянию совершенства, шестнадцатому или последнему измерению осознания – Омниверсу, границам всего и ничто, и в конце, к Беспредельному осознанию, персонифицированному в абсолютное сознание и «перспективу», где ясновиден миг всего Сущего. Это путешествие по сверхреальному, чему присущи инструменты по манипуляции озёрами Пленума и Пределами, изменению измерений и уровней, состоящих из них, минимума и максимума бытия, то есть Сущего. Максимумы бытия Ока меняются, закручиваются, закругляются, одним словом

являются дыханием Беспредельности. Развитие, определяющее эти движения, является поступательным движением в Рациуме, начинающимися там, где закончились предыдущие, то есть, достигнув внешнего края Ока, вновь начинаются с внутреннего. Места начала каждого из этих движений, совпадающие с метауровневыми краями спирали омниверса и являются тем, где внешний круг есть внутренний.

Что такое Рациум, спросишь ты? Рациум – это виртуальное пространство для возможного развития, это граница между светом и тьмой, точнее, это две границы, это движения второго порядка, то есть рациональное и иррациональное. Здесь Рациум позволял нам посмотреть на Кромку Ока – край этой двойной Великой Сферы – и дотянуться до неё. В Рациуме мы заметили, что некоторые движения, называемые иррациональными, устремляли сущее к Пределам. Иррациональное развитие идёт против общих правил поведения в своей области, то есть от одного Источника к другому, вместо рационального стремления достичь лишь своего родного Источника. Пределы же – это тело Небытия, абсолютно занятое, безвременное пространство, которое могут разморозить только наружным вмешательством, и при этом, в зависимости от границ распределения Пределов, теряется вся эволюция сознания, попавшего в них, однако её след может облегчить будущую эволюции в этом пространстве. Пределы предвещены «пралайей» четырнадцатого измерения осознания. Иначе сказать, ослабевающая, «пленумные» Источники на-

ходят свою смерть в Пределах, растворяясь в них.

Сколько изливается света вселенных, но только Ты – Отец-Источник из нашего Пленума – первозданный и истинный, светлый и упорядоченный во тьме неопределённого хаоса, в бесформенном облаке моей прекрасной и загадочной Красавицы-Матери антивселенной! Антивселенной,.. Источником которой раньше был сам. Как Она хочет, как Она смотрит, как одинока, как близка. А Ты?! А Ты снова прикасаешься к Ней, пока Ты можешь, пока Она есть. Она – Твоя единственная и идеальная пара. Ты плывёшь к Ней и глотаешь воздух. А Ты погрузись в Неё и удержи дыхание,.. навсегда оставшись в Её объятиях. Ты весь внутри себя и яснослышишь зов. А Ты сделай всё возможное в своих пределах и за собой. «Пределы» везде – их тёмное море разлилось повсюду! Сколько ещё спиралей развития всевозможных вселенных, словно травинки, закрученных ветром! Какой меняющийся максимум, где всё является равновесием! И, однако, чувствую, что все эти вселенные есть лишь одна – первая и последняя, первозданная, к которой мы вечно стремимся.

Движения – сколько движений! Если есть сознание, то обязательно есть и движение. Предсказуемые-кругообразные и непредсказуемые-углообразные – в «пленуме», рациональные-расширяющиеся и иррациональные-сужающиеся – в «рациуме», существующие разветвляющиеся и соединяющиеся – в омниверсе, и несуществующие, оторванные

от спиралей-травинок и от Ока, – потерянные в Пределах. Мультиверсы, через последнее измерение, присоединяются своим сознанием к поверхности одной из сфер Ока и из Рациума управляют своими движениями. Омниверсы растягиваются до обеих поверхностей Беспредельной сферы, образуя свои метауровни измерений. Эти метауровни разделяет Рациум, и каждый последующий строится по предыдущему, продолжая его и дополняя при отсутствии конфликтов. От внутреннего до внешнего Ока, в одном метауровне омниверса, находятся все предыдущие шестнадцать измерений. Для омниверса метауровень – как для нас измерение.

Сколько обрывистых мыслей проникают в меня отовсюду, но зачем? Вот, например: «Скука вечного существования произошла тогда, когда начальное сознание посмотрело в себя для самопознания. Сознание дало природе смысл через символы. Так образовались эти фрагменты, веры, дела, единственный смысл которых заключается в попытке уйти от скуки. Но самым действенным и универсальным способом для этого остаётся Небытие».

Проходим-прохожу по метауровневому нитевидному туннелю мириад измерений до круглой границы, смотрим-смотрю словно на горизонт всего Сущего. Возможно, за горизонтом меня-нас зовёт Небытие. Постигнем это сейчас, потому что это конец. Для всего Сущего, для каждой частички пространства существует и важен только лишь её настоящий момент, а их прошлое и будущее одалживаются Небытию.

В самом же Небытие есть только сам настоящий момент, а всё остальное отдаётся на волю Сущего. Момент Небытия вечен, и этот настоящий момент у всего лишь один и свой, все остальные являются либо чьим-то прошлым, либо будущим. Каждое же прошлое, настоящее и будущее является относительным для субъекта его выбирающего, но оно всегда является частью вышестоящего временного контекста, так как время меняется в зависимости от измерения на котором находишься. Настоящий момент – как только он есть, его уже нет, – это лишь иллюзия Сущего, как часть целого момента Небытия. Парадокс двойственности – ирония, с точки зрения описанного Небытия. Подобное познаётся подобным, ты скажешь? Правильно. Для того, чтобы познать что-либо, нужно этим стать, а точнее, уже быть этому подобным, то есть взаимодействовать с ним хотя бы на одном из измерений. Центром Небытия, или состояния бессодержательности, является так называемый фрагмент абсолютного ничто, который также называется, при противопоставлении сознанию, «перспективой», где полностью отсутствует восприятие. Иначе сказать, всё Сущее родилось из Пределов, тела Небытия, рождённого центром или состоянием бессодержательности, то есть фрагментом, появившемся из абсолютного ничто в бессмысленном и беспричинном вечном круговороте. Единственный способ избежать этого круговорота – это стать Состоянием беспредельности, Состояния, где всё и ничто едины.

– Не оборачивайся... Иди вперёд... Ты всегда хотел этого. Всё нормально, ты достиг состояния беспредельности и теперь можешь отпустить себя – всё то, что внутри мешает тебе стать им. Спустишь к тем, кто ниже, тогда, когда больше не услышу твоего голоса, – шепчет Семя, как часть нашего сливающегося воедино Сознания.

Рябь на воде исходит от углубления, над которым висит круглая капля словно с полостью внутри. Неустойчивая поверхность тянет каплю вниз, но капля эта ещё недостаточно тяжела – она абсолютно спокойно в самой себе держится на метауровневом нитевидном туннеле. Центр этого туннеля определяет его структуру, которая меняется если сам центр сдвигается. Этот туннель, как нить, по которой мы достигли внешней кромки капли, начав свой путь изнутри, находится словно сам внутри себя. И нигде не было такого спокойствия и тишины, как здесь, в конце туннеля, на поверхности капли. Пропадает вся материя и воля. Начинаем понимать, как некоторые сознания падают или нисходят, а другие поднимаются или восходят, но все они в итоге сходятся и идут по одному пути. Последний миг наблюдаем с наружной поверхности капли, как под ней расходятся вздутые круги по прозрачности без горизонта. Мы не видели картины в целом, но мы осознаём её сейчас. Это как текст и контекст. Настолько велика видимость Беспредельной Истины, насколько её возможно описать с помощью всей лжи, то есть этими символами, и насколько вся ложь способна описать это:

На точке столь малой, что в ней помещается только ничто; на сфере столь большой, что в ней есть всё; но где внутреннее есть внешнее, а внешнее есть внутреннее; где переплетённые безусловные чувства любви-притяжения и ненависти-отталкивания ведут к безучастному осознанию и созерцательной пассивности, тонкой нити Великого Компромисса, критической точке и редчайшему исключению, отклоняемому, как ошибка или аномалия, но, на самом деле, являющейся спасением.

АПЕЙРОН

Приложение первое. Фантазия

«Вылетела, наконец», – раздалось Единство.

«Я только вырвалась», – отразилась улыбающаяся и всегда весёлая Фантазия.

«Ты боролась?»

«Нет. Зачем? И так всё прекрасно. Я так люблю танцевать!» – Она проводит рукой по белому, слегка прозрачному занавесу.

Акт первый. Танец

В окружении постоянных вибраций, Фантазия крутится плавным вихрем, вращается дважды вокруг себя, плывёт по свету. Её движения совершенно плавные, удивительно красивые и завораживающие.

«Закружила?»

«Да».

«Давай посмотрим что получилось».

«Для начала Я могла бы отдохнуть, но лучше давай посмотрим. Ты сыграешь со Мной?»

«Во что? Конечно сыграю».

«Тогда лови!»

«Что это?»

«Это мячик», – Она показала на яркий шарик.

«В чём заключается эта игра?»

«Сейчас покажу».

Акт второй. Игра

«Закинь его как можно дальше. Где он приземлится – там ему и место. Он будет думать, что он один, но Мы ему поможем. Только он не должен знать о нашем присутствии, ладно?»

«Ладно. Только в чём заключается эта игра?»

«А Ты ещё не догадалось, Единство?»

«Я не понимаю... хотя, постой, а что будет дальше?»

«А дальше ещё будут мячики», – пролепетала Фантазия и весело засмеялась.

«Теперь Я чувствознаю, что Ты пытаешься сделать».

«Догадалось?»

«Ты пытаешься Меня разделить».

«Ты не против?»

«Нет, это должно быть довольно интересно».

Акт третий. Деление

Пока Единство разбрасывало мячи, к Фантазии подошёл возлюбленный Покой.

«Любимый! Ты как раз вовремя. Я ждала тебя».

«Неужто? Чем Вы тут занимаетесь?»

«Играем».

«Милая Фантазия, Тебе стоит отдохнуть. Хорошего понемножку».

«Ты прав. А то мне надоест».

Приложение второе. Единство

Покой наблюдает за Единством.

«Какую интересную игру придумала Фантазия».

«Я не различаю эти мячики».

«Может, они видят друг друга?»

«Не чувствознаю. Мне их не понять».

«И ничего не чувствуешь?»

«Чувствую, почему же. Я чувствую Край, на котором держусь, а за ним ничего нет. Там пропасть, в которую Я кидаю мячи и где образуется мост».

«Там нет моста».

«Есть, так как кидаю от Края до Края в его направлении».

«Тогда стань и иди по нему».

«Стану и пойду».

«Эти мячики словно камни, и каждый камешек под Тобой трепещет, и словно колоски бессчётные растут к Тебе, нитями притягиваясь».

«Как Ты это чувствуешь?»

«Осознаю. Это ведь не обычные мячики, а мячики Фантазии».

«И что Она хотела вложить в них?» – спросило Единство.

«Это только Она сможет тебе сказать. Разбудить Её?»

«Нет, пока не надо. Дай Мне сделать первый шаг».

Но Единство ничего не почувствовало, а камешек исчез,

скрывшись среди других.

«Что это? – недоумевало Единство. – Это был один из мячиков, который Я закинуло».

Но Покой не отозвался или просто не поинтересовался открытием Единства.

«Что случилось? Что это было?» – продолжало Единство.

«Хочешь, чтобы Фантазия Тебе показала?»

«Да, разбуди Её».

Акт четвёртый. Пробуждение

«Доброе утро! – ласково и звонко пропела Фантазия. – Ты хотело, чтобы Я показала Тебе, что произошло?»

«Да», – отразилось Единство.

«Покой, Ты останешься?»

«Да, Мне тоже это интересно», – отразился Покой.

«Дорогой! – засветилась улыбкой Фантазия. – Конечно, милый». Она обняла Его.

Затем Она подбежала и покрыла собою гладь, легонько провела по ней, и из неё, из океана действий, вынула исчезнувший мячик.

«Представьте, что могут быть другие мячики в этом».

И Она, на удивление присутствующих, переломила о себя этот мячик, и из него в этот миг родились многие другие, как осколки, а в них ещё, и в тех ещё и ещё.

«Представьте, что бы Вы думали, если бы были на месте

ЭТИХ МЯЧИКОВ».

«Но как это сделать?» – поинтересовалось Единство.

«Просто, дорогое Единство. Ты есть мячик, а в Тебе этот меньший, а в нём ещё один поменьше и так далее, но всё их бессчётное множество, как внутри, так и снаружи – это один и тот же мячик, самый первый – тот, что Ты закинуло. Так, каждая из этих частей разбивалась раз за разом ещё на большее количество, пока всё это не достигло бесконечности. Все эти мячики играют в такие же игры, что и Мы. Они связываются друг с другом, общаются, танцуют и создают из себя другие мячики, которыми они сами же и являются. Побудь мячиком, Единство. Это весело! Смотри, Я покажу Тебе это поближе».

Акт пятый. Первые представления. Сад и композиции

Тихо, нежно, внимательно, Фантазия обращается к Единству, проводя его через все следующие представления:

«Представь, что Ты остров разнообразного света, и вокруг нет ничего непохожего на Тебя, но всё растёт и цветёт, хоть Ты и чувствуешь лишь свой свет или его отсутствие. Ты ищешь внутри себя, но, кроме самого себя, находишь чужую себя. Она совсем не похожа на Тебя, но Она красива, интересна, и Ты пробуешь дотронуться до Неё, как вдруг Она произносит: «Здравствуй». Ты не знаешь, что Ей ответить, но Вы подружитесь сначала в молчании, затем в отражении. Вы

творите не осознавая, что сотворяете самих себя. Сплетаетесь и взаимно движетесь. Это больше не тот самый Ты или Вы, а новый ты. В вашем противоборстве рождается самоупорядочивание, ведомое и ведущее, то привлекающее, то отталкивающее.

А затем к тебе пришёл гость издалека. Он был так одинок и потерян в темноте. И ты решил показать ему себя, свой сад, посветить ему своим светом, направив на него мягкий луч любви, чтобы он купался в нём, чтобы был с тобой. Он только точка, которая всё изменит и всех объединит. И в месте этом, ясноувидя первый свет, он обретёт абсолютную свободу. Так вспомни теперь всё, что происходило с тобой...»

Акт шестой. Второе представление. Трапеза

«Свет с этого момента всегда делится на две части уравнения – с одной стороны свет, а с другой тьма. Мы становимся на светлую сторону, чтобы осветить все происходящие события. Они так красивы! Это словно обнимать со всей чувствительностью все происходящие перемены и одновременно крутиться в танце двух прекрасных сторон одного мира.

Скажи: я многое познал и был везде... столь много раз... Где кто-то бродит, туда мы направляем свет. И обнаружил я себя во многих лицах единого, обнажённого, чистого разума. Мы улыбаемся; и мы счастливы, так как знаем, что мы все есть и сосуществуем. Сами по себе мы словно свечи. Садим-

ся. Приступаем к трапезе. Все вместе. Каждый берёт свои столовые приборы и выбирает то, что будет пробовать. На столе светится много разноцветного и вкусного. Я начну...»

Акт седьмой. Третье представление. Постель

«Насытившись всем, что было предложено яркой, мягкой, нежной скатертью, в которой просто утопаем, ляжем отдохнуть в постель. Расстелим её везде, поверх всего. Всё это звёздный свет. Только свет и любовь. В своих всевозможных оттенках и переплетениях: и яркие и тусклые, и мигающие и постоянные, и прямые и гибкие. Ты видишь лишь их и больше ничего. Переливы и люминесценция. Всё начинается с сердца – из раскалённого центра, который поддерживают многие единомыслящие сущности, все вместе на одной простыне, в одном доме, под одной крышей. Все любят друг друга и отдаются в тёплые объятия».

Акт восьмой. Четвёртое, пятое и шестое представления. Дом, семья и традиции

«Мы все большая семья со своими традициями. Друзья, любовники, а затем семья. И, в переплетениях неповторимых жизней, мы видим, как отражаются все наши чувства. Как мы живём, и кто мы есть...» – Она сделала затянувшуюся паузу, но продолжила спонтанно и неуверенно, как буд-

то в другой последовательности закулиса новуу туманную речь: «Ты будешь в кругу своих верующих последователей, своих друзей, которые помогают делать твою работу, так как они разделяют её, и затем, из любви, продолжат твой род потомки, почитающие своих предков, чтобы ты стоял в свете и у тебя была бы возможность в центре править советами с их системами...»

«Фантазия, ты устала. Отдохни», – это чувственный Покой.

«Нет. Слишком поздно. У меня только остаётся желание начать всё сначала, проникнуть ещё глубже и рассказать вам, как всё начиналось там. Так вот...»

Акт девятый. Седьмое представление. Жизни цикла

«Последний вихрь, круговорот энергии, танец жизни – одной и, в то же время, многих. Как бы смотрим снаружи на то, что мы представляем внутри всеми нашими поступками, всеми жизнями-аспектами, проживая их вновь и вновь, не замечая улечучивающегося смысла, который всё же достаётся нам в конце концов. Здесь – в насыщенной пустоте, – мы замечаем, что находимся среди переплетений: от простого к сложному, от сложного к простому – и концы их совпадают. И не только концы. От одного экстрима, через обыденность, в заманчивую противоположность, и наоборот. Как колеблющийся маятник, вот-вот готовый перевернуться, но кото-

рый ещё держится. Силуэты появляются из ниоткуда. Простые персонажи: хорошие и плохие. Сложные – переходящие в любые. Конечные – ближе к совершенству. И нулевые – совсем другие. Там, где мелочам есть место, а поступкам и характерам – причины. Там, где много страданий – жизни устроены проще, но они сильнее. Тем, у кого нет веселья – вечный им покой. Тело и кровь помнят только жизнь, а сознание – весь цикл. Убийцы-воины в первую очередь убивают себя своим образом жизни, учатся на своих ошибках, также как на посторонних и чужих. Но не всё так худо – есть место для течений. Они вольны войти в другое русло. Не без изменений, командиры учат себя и других. Они падают, но поднимаются, чтобы обрести свободу от правил и стать гражданами – обычными или нет, и затем уйти вдаль к красочному совершенству. Они приближаются теперь...»

Новая утончённая мелодия начинает просачиваться в сознание.

«Покой, что Ты?..»

Приложение третье. Покой

«Вы свободны», – отразился Покой и выпустил мячи, которые до этого подкатились под Него. Он их прятал, разговаривал с ними, слышал их голоса, всё время скрывая это от Фантазии, пока Она показывала Им, учила Их как общаться, играя в эту игру. «Под конец, ко Мне летели двое, которые стали одним».

Молчали Единство и Фантазия, удивлённые открытием Покоя и снова пришедшие в себя.

«Ты покажешь их Нам, Покой?» – робко спросила Фантазия.

Акт десятый. Дарение

«Пока Ты бодрствовала, Фантазия, Мы словно поменялись местами. Я узрел большее, чем когда-либо мог представить. Когда Я обнаружил эти бесконечно малые точки, а нашёл Я их совсем близко к себе и далеко от Вас, Я подумал, что потеряю их при первом же отображении Вам. Я думал, что оставлю у себя эту прелесть, но Я решил подарить Тебе этот... Цветок всех цветков, наблюдая, как Ты распускаешься». – Чувствами передал Ей Покой свой дар.

«О, дорогой Мой, чуткий Покой! Любимый, Тебе не обязательно отдавать его Мне. Мы вместе можем держать его

одновременно, сейчас, и он будет Наш, и Мы будем с ним», – пропела Фантазия. – «Для жизни и для любви».

И новый горизонт показался совсем близко – так, что Единство, наконец, познав себя, почувствовало свой новый Край и подалось навстречу ещё большему Осуществлению.

Конец актов.

Огромная благодарность и признательность выражается редактору этой Книги, Юре «Gryphon», а также человеку, вдохновившему её – Джону Рональду Руэлю Толкину.

Спасибо Вам за прочтение!

